

Андрей САРКОВСКИЙ | ANDRZEJ SARKOWSKI

Последнее лето. Меч Предназначения

Annotation

Анджей Сапковский — один из тех редких авторов, чьи произведения не просто обрели в нашей стране культовый статус, но стали частью российской фантастики. Более того, Сапковский — писатель, обладающий талантом творить абсолютно оригинальные фэнтези, полностью свободные от влияния извне, однако связанные с классической мифологической традицией.

Книги Сапковского не просто блистательны по литературности формы и глубине содержания. Они являют собою картину мира — мира «меча и магии», мира искрометного юмора, не только захватывающего внимание читателя, но трогающего его душу.

- [Анджей Сапковский](#)
    - [Предел возможного](#)
    - [Осколок льда](#)
    - [Вечный Огонь](#)
    - [Немного жертвенности](#)
    - [Меч Предназначения](#)
    - [Нечто большее](#)
-

Анджей Сапковский

Меч Предназначения

Предел возможного

— Повторяю: он оттуда не выйдет, — убежденно сказал прыщавый, качая головой. — Уже час с четвертью, как залез. Ему конец.

Столпившиеся у развалин жители молчали, уставившись на чернеющее в руинах отверстие — заваленный камнями вход в подземелье. Толстяк в желтой суконной куртке переступил с ноги на ногу, кашлянул, снял с головы берет.

— Погодим еще, — сказал он, вытирая пот с реденьких бровей.

— А чего годить-то? — фыркнул прыщавый. — Там в подвалах он и сидит, василиск-то, аль забыли, солтыс? Кто войдет, тому и конец. Мало людей, что ль, погибало? Чего ждать-то?

— Мы ж договаривались, — неуверенно проворчал толстяк. — Как же так?

— С живым договаривались-то, солтыс, — проговорил спутник прыщавого, гигант в кожаном фартуке резника. — А теперича он мертв, это уж как пить дать. Сызначала было ведомо, на смерть идет, как и другие до него. Он и зеркала не прихватил, с одним мечом полез. А без зеркала — знамо дело — василиска не прибьешь.

— Считайте, сэкономили гроши, — добавил прыщавый. — Потому как платить за василиска теперя некому. Идите спокойно домой. А коня и колдуньино хозяйство мы возьмем, не пропадать же добру.

— Оно, конечно, так, — сказал резник. — Упитанная кобыла, да и вьюки плотно набиты. Глянем, что внутри.

— Как же так? Разве ж можно?

— Молчите, солтыс, и не встревайте, а то шишку заработаете, — предостерег прыщавый.

— Упитанная кобылка-то, — повторил резник.

— Оставь коня в покое, дорогуша.

Резник медленно обернулся к чужаку, который вышел из-за излома стены, из-за спин людей, скопившихся вокруг входа в подземелье.

У чужака были густые вьющиеся каштановые волосы, коричневая накидка поверх посаженного на вату кафтана, высокие сапоги верхового. И никакого оружия.

— Отойди от коня, — повторил он, ядовито усмехаясь. — Это как же? Чужой конь, чужая собственность, а ты уставился на нее своими слезящимися глазенками, тянешься к ней паршивой лапой? Это порядок?

Прыщавый, медленно засовывая руку за пазуху куртки, глянул на резника. Резник кивнул, указал головой на группку, из которой вышли еще двое. Плотные, стриженные. У обоих в руках дубинки, которыми на бойнях оглушают животных.

— Это кто ж ты такой, — спросил прыщавый, не вынимая руки из-за пазухи, — чтобы указывать нам, что порядок, а что нет?

— А тебе какое дело, дорогуша?

— Оружия не носишь?

— Верно. — Чужак усмехнулся еще ядовитее. — Не ношу.

— А зря. — Прыщавый вытащил руку из-за пазухи. В руке был

длинный нож. — Вовсе даже зря не носишь-то.

Резник тоже вытащил нож, похожий на охотничий. Те двое шагнули вперед, поднимая дубинки.

— А мне как-то ни к чему, — сказал чужак, не двигаясь с места. — Мое оружие ходит следом.

Из-за развалин, мягко, уверенно ступая, вышли две девушки. Толпа незамедлительно расступилась, попятилась, поредела.

Девушки улыбались, сверкая зубами, щуря глаза, от уголков которых к ушам бежали широкие синие полосы татуировки. Мускулы играли на крепких бедрах, вырисовывающихся под рысьими шкурами, и на нагих круглых предплечьях повыше перчаток из кольчужной сетки. За спинами, тоже прикрытыми кольчужкой, торчали рукояти сабель.

Прыщавый постепенно, медленно согнул ноги в коленях, упустил нож на землю.

Из дыры в развалинах донесся грохот камней, скрежет, затем из тьмы вынырнули две руки, вцепившиеся в выщербленный край стены. Вслед за руками появилась голова с белыми, припорошенными кирпичной пылью волосами, затем бледное лицо и наконец рукоять меча, выступающая над плечом. Толпа шумела.

Белоголовый, горбятясь, вытащил из дыры удивительное существо — странное тело, покрытое пылью, напитавшейся кровью. Держа существо за длинный ящерный хвост, он молча бросил его к ногам тучного солтыса. Солтыс отскочил, споткнувшись о валяющийся кусок стены и не сводя глаз с искривленного птичьего клюва, перепончатых крыльев и серповидных когтей на чешуйчатых лапах.

— Василиск, — произнес белоголовый, отряхивая брюки от пыли. — Как договаривались. Извольте мои двести линтаров. Настоящих линтаров, не шибко фальшивых! Предупреждаю — проверю.

Солтыс дрожащими руками извлек мешочек. Белоголовый осмотрелся, на мгновение задержал взгляд на прыщавом, на валяющемся у его ног ноже, потом перевел взгляд на мужчину в коричневой накидке, на девушек в рысьих шкурах.

— Как всегда, — сказал он, принимая кошель из дрожащих рук солтыса. — Я для вас жизнью рискую ради паршивых денег, а вы тем временем подбираетесь к моим вещичкам. Никогда, пропади вы пропадом, не изменитесь.

— Мы не трогали, — забормотал резник, пятясь. Двое с дубинками уже давно растворились в толпе. — Не трогали мы ваши вещи, милсдарь.

— Весьма рад, — усмехнулся белоголовый. При виде его улыбки,

расцветающей на бледном лице, как распускающаяся роза, толпа стала быстро рассеиваться. — И потому, братец, я тебя тоже не трону. Иди с миром. Только быстро.

Прыщавый, пятясь, собрался бежать. Прыщи неприятно выделялись на его побледневшей физиономии.

— Эй, погоди-ка, — бросил ему человек в коричневой накидке. — Ты кое о чем забыл.

— О чем, милсдарь?

— Ты поднял на меня нож.

Одна из девушек, та, что повыше, вдруг качнулась на широко расставленных ногах и развернулась. Сабля, выхваченная неведомо когда, резко просвистела в воздухе. Голова прыщавого взмыла и по крутой дуге упала в зияющий провал, ведущий в подземелья. Тело быстро и тяжело, как срубленный ствол, рухнуло в кирпичный бой. Толпа ахнула. Вторая девушка, держа руку на рукояти сабли, ловко обернулась, защищая тыл. Это было ни к чему. Люди, спотыкаясь и кувыркаясь на развалинах, мчались что было сил к городку. Впереди внушающими уважение прыжками неся солтыс, всего на несколько сажен опережая огромного резника.

— Прекрасный удар, — холодно прокомментировал белоголовый, рукой в черной перчатке прикрывая глаза от солнца. — Прекрасный удар зерриканской саблей. Склоняю голову пред ловкостью и красотой свободных воительниц. Я — Геральт из Ривии.

— А я, — незнакомец в коричневой накидке указал на грудь, где красовался выцветший герб в виде трех черных птиц, сидящих рядком на однотонном золотом поле, — Борх по прозвищу Три Галки. А это мои девочки, Тэя и Вэя. Так их называю я, об их настоящие имена можно язык сломать. Обе, как вы догадались, зерриканки.

— Если б не они, я, похоже, остался бы и без коня, и без имущества. Благодарю вас, воительницы. Благодарю и вас, благородный господин Борх.

— Три Галки. И никаких господ. Тебя что-нибудь держит в здешних краях, Геральт из Ривии?

— Отнюдь.

— Прекрасно. Предлагаю: тут неподалеку, на перекрестье дороги к речному порту, есть трактир, «Под Задумчивым Драконом» называется. Тамошней кухне нет равных на сто верст окрест. Я как раз направляюсь туда перекусить и заночевать. Буду рад, если составишь компанию.

— Борх, — белоголовый отвернулся от коня, глянул в светлые глаза

незнакомца, — не хочу, чтобы между нами вкралась какая-либо неясность. Я — ведьмак.

— Догадываюсь. А произнес ты это так, будто сообщил: я — прокаженный.

— Встречаются и такие, — медленно проговорил Геральт, — что предпочитают компанию прокаженных обществу ведьмака.

— Есть и такие, — засмеялся Три Галки, — которые предпочитают овец девушкам. Что ж, им можно только посочувствовать. И тем и другим. Повторяю предложение.

Геральт снял перчатку, пожал протянутую ему руку.

— Принимаю. Рад знакомству.

— Ну так в путь. Я голоден как волк.

2

Трактирщик протер тряпкой шершавые доски стола, поклонился и улыбнулся. У него недоставало двух передних зубов.

— Та-а-ак. — Три Галки какое-то время разглядывал закопченный потолок и копошащихся под ним пауков. — Та-а-ак... Для начала... Для начала пиво. Ну чтобы дважды не ходить, полный бочонок. А к пиву... Что можешь предложить к пиву, дорогуша?

— Сыр? — рискнул трактирщик.

— Не-а, — поморщился Борх. — Сыр будет на десерт. К пиву надо бы что-нибудь кисленького и остренького.

— Тогда так. — Трактирщик улыбнулся еще шире. Два передних зуба были не единственными, которых у него недоставало. — Угорьки с чесноком в масле и уксусе либо маринованные стручки зеленого перца.

— Порядок. И то и другое. А потом суп, такой, как я когда-то тут едал, в нем еще плавали разные там улиточки, рыбки и другая шикарная дрянь.

— Уха плотогонов?

— Во-во. А потом печенку с яичницей и луком. А потом кучу раков. Укропу засыпь в котел сколько влезет. А потом сыр и салат. А потом... ну там видно будет.

— К вашим услугам. Для всех? Четыре раза, стало быть?

Зерриканка, что повыше, отрицательно покачала головой, многозначительно похлопала себя по талии, обернутой плотно прилегающей льняной рубашкой.

— Забыл! — Три Галки подмигнул Геральту. — Девочки блюдут

линию. Хозяин, печенку только для нас. Пиво давай сразу, вместе с угорьками. С остальным маленько повремени, чтоб не стыло. Мы пришли не обжираться, а просто провести время в приятной беседе.

— Понято. — Трактирщик снова поклонился.

— Расторопность — важная штука в твоём деле. Давай руку, дорогуша.

Звякнули золотые монеты. Трактирщик разинул рот до предела возможного.

— Это не аванс, — сообщил Три Галки. — Это за понятливость. А теперь жми на кухню, парень.

В эркере было тепло. Геральт расстегнул пояс, сбросил кафтан и закатал рукава рубахи.

— Похоже, — сказал он, — ты не страдаешь отсутствием наличных. Живёшь привилегиями рыцарства?

— Частично, — усмехнулся Три Галки, не входя в детали. — Частично.

Быстро управились с угорьками и четвертью бочонка. Зерриканки тоже не скромничали, явно повеселели и начали перешептываться. Взя, та, что повыше, вдруг рассмеялась.

— Девочки говорят на всеобщем? — тихо спросил Геральт, косясь на них краешком глаза.

— Слабо. И не болтливы. Что похвально. Ну как тебе суп, Геральт?

— Угу...

— Выпьём?

— Угу...

— Геральт, — Три Галки отложил ложку и воспитанно рыгнул, — вернемся ненадолго к нашему дорожному разговору. Я понял, что ты, ведьмак, путешествуешь с одного конца света на другой, а по пути, если попадетсЯ какое-нибудь чудовище, убиваешь. И на это живёшь. В том и состоит ведьмачья профессия?

— Более-менее.

— А случается, что тебя специально куда-нибудь вызывают? Ну, скажем, по особому заказу. И ты едешь и выполняешь?

— Зависит от того, кто вызывает и зачем.

— И за сколько?

— Тоже верно, — ведьмак пожал плечами. — Все дорожает, а жить надо, как говаривала одна моя знакомая колдунья.

— Довольно четкий подход, я бы сказал, очень практичный. А ведь в основе лежит какая-то идея, а, Геральт? Конфликт сил Порядка с силами

Хаоса, как говаривал один мой знакомый колдун. Полагаю, ты выполняешь некую миссию, защищаешь людей от Зла всегда и везде. Без разбора. Стоишь по четко определенную сторону... частокола.

— Силы Порядка, силы Хаоса. Какие громкие слова, Борх. Тебе обязательно надо поставить меня по какую-то сторону частокола в конфликте, который, как считается, извечен, начался задолго до нас и продлится, когда нас уже не будет. На чьей стороне стоит кузнец, когда подковывает коней? Или наш трактирщик, который уже мчится сюда с чугуном баранины? Что, по-твоему, определяет границу между Хаосом и Порядком?

— Все очень просто. — Три Галки посмотрел ему в глаза. — Хаос есть угроза, сторона агрессивная, Порядок же — сторона, которой угрожают, требуя защиты. Давай выпьем. И возьмемся за агнца.

— Верно!

Блудущие линию зерриканы устроили перерыв, который в ускоренном темпе заполнили пивом. Взя, наклонившись к плечу подруги, снова что-то шепнула, касаясь косичкой столешницы. Тэя, та, что пониже, громко рассмеялась, весело прищурив татуированные веки.

— Да, — сказал Борх, обгладывая кость. — Продолжим беседу, если не возражаешь. Я понял, ты не стремишься встать на сторону какой-либо из Сил. Просто делаешь свое дело.

— Делаю.

— Но от конфликта между Хаосом и Порядком не убежишь. Ты — не кузнец, хоть и использовал такое сравнение. Я видел, как ты работаешь. Входишь в подземелье в руинах и выносишь оттуда усекновенного василиска. Есть, дорогуша, разница между подковыванием лошадей и уничтожением василисков. Ты сказал, что за соответствующую плату помчишься на край света и прикончишь чудовище, на которое тебе укажут. Предположим, свирепого дракона, опустошающего...

— Неудачный пример, — прервал Геральт. — Видишь ли, ты с самого начала напутал с Хаосом и Порядком. Драконов, которые, несомненно, представляют Хаос, я не убиваю.

— Как же так? — Три Галки облизнул пальцы. — Чего это вдруг? Ведь среди всех чудовищ дракон, пожалуй, самый вредный, самый жестокий и самый яростный. Самый что ни на есть отвратный гад. Нападает на людей, пышет огнем и похищает этих, как их, ну девиц, ежели такие найдутся. Мало, что ли, рассказов слышал? Не может быть, чтобы ты, ведьмак, не записал на свой счет парочку драконов.

— Я не охочусь на драконов, — сухо сказал Геральт. — Вилохвостов,

ослизгов, летюг. И на истинных драконов тоже — зеленых, черных, красных. Прими это к сведению, и все тут.

— Ты меня удивил, — сказал Три Галки. — Ну ладно, принял к сведению. Впрочем, повременим с драконами, я вижу на горизонте нечто красное, это, несомненно, наши раки. Выпьем!

Они с хрустом рвали зубами красные панцири, высасывали белое мясо. Сильно щекочущая губы соленая вода бежала даже по кистям рук. Борх наливал пиво, уже задевая черпаком дно бочонка. Зерриканки еще больше развеселились, зыркали глазами по трактиру, зловеще ухмыляясь, ведьмак был уверен, что они ищут повода учинить скандал. Три Галки тоже, видимо, это заметил, потому что вдруг пригрозил им раком, взятым за хвост. Девушки захихикали, а Тэя, выпятив губки будто для поцелуя, сделала глазки — при ее татуированной физиономии картинка была довольно жутенькая.

— Дикие, ну прям лесные коты, — буркнул Три Галки. — За ними нужен глаз да глаз. У них, дорогуша, раз-два — и на полу куча кишок. Но стоят любых денег. Если бы ты знал, на что они способны...

— Знаю, — кивнул Геральт. — Лучшего эскорта не сыскать. Зерриканки — прирожденные воины, их с детства натаскивают на драку.

— Я не о том. — Борх сплюнул на стол рачью лапку. — Я имел в виду, какие они в постели.

Геральт беспокойно глянул на девушек. Обе улыбались. Взя молниеносным, почти незаметным движением потянулась к тарелке. Глядя на ведьмака прищуренными глазами, с хрустом разгрызла панцирь. Ее губы блестели от соленой воды. Три Галки опять громко рыгнул и сказал:

— Итак, Геральт, на драконов ты не охотишься, ни на зеленых, ни на черных, ни на красных. Принял к сведению. А почему, позволь поинтересоваться, только на эти три цвета?

— Четыре, если быть точным.

— Ты упоминал три.

— Тебя интересуют драконы, Борх? Есть какая-то особая причина?

— Нет, просто любопытство.

— Угу. А что до цветов, то так принято классифицировать истинных драконов. Хотя это и не совсем точно. Зеленые драконы, самые распространенные, скорее серые, как обычные ослизги. У красных фактически красноватый или кирпичный цвет. Больших драконов темно-коричневого цвета принято называть черными. Самые редкие — белые драконы, мне такой никогда не встречался. Они держатся далеко на севере. Якобы.

— Интересно. А знаешь, о каких драконах я еще слышал?

— Знаю. — Геральт отхлебнул пива. — О тех же, о которых слышал и я. О золотых. Таких нет.

— Почему ты так утверждаешь? Только потому, что никогда не видел? Белого ты тоже не видел.

— Не в том дело. За морями, в Офире и Зангвебаре, есть белые лошади в черную полосу. Их я тоже никогда не видел, но знаю, что они существуют. А вот золотой дракон — существо мифическое. Легендарное. Как, скажем, феникс. Фениксов и золотых драконов не бывает.

Взя, поставив локти на стол, с интересом глядела на него.

— Надо думать, ты знаешь, о чем говоришь. Ты же ведьмак. — Борх набрал пива из бочки. — Однако, я думаю, у каждого мифа, у каждой легенды должны быть какие-то корни. И у этих корней что-то лежит.

— Лежит, — согласился Геральт. — Чаще всего мечта, желание, тоска. Уверенность, что нет предела возможному. А иногда — случай.

— Именно что случай. Может, когда-то и был золотой дракон, единичная, неповторимая мутация?

— Если и так, то его постигла судьба всех мутантов, — отвернулся ведьмак. — Он чересчур отличался от других, чтобы выжить.

— Ха! — произнес Три Галки. — Теперь ты противоречишь законам природы, Геральт. Мой знакомый колдун говаривал, что в природе у каждого существа есть продолжение и оно, существо, стало быть, выдюжит тем или иным образом. Конец одного — это начало другого, нет предела возможному, во всяком случае, природе таковые незнакомы.

— Крупным оптимистом был твой знакомый колдун. Только одного он не принял во внимание: ошибки, которую совершила природа. Или те, кто с ней играл. Золотой дракон и другие подобные мутанты если и существовали, то сохраниться не могли. Ибо мешала тому сама природа, предел возможного.

— Что еще за предел?

— Мутанты, — на скулах Геральта заиграли желваки, — мутанты стерильны, Борх. Только в легендах может выжить то, что в природе выжить не может. Только легенде и мифу не ведомы пределы возможного.

Три Галки молчал. Геральт взглянул на девушек, на их вдруг посерьезневшие лица. Взя неожиданно наклонилась к нему, охватила его шею жесткой мускулистой рукой, прикоснулась к щеке губами, влажными от пива.

— Любят они тебя, — медленно проговорил Три Галки. — Пусть меня скособоцит, они тебя любят!

— Что тут странного? — грустно улыбнулся ведьмак.
— Ничего. Но это надо обмыть. Хозяин! Еще бочонок!
— Куда ты! Ну разве что кувшин.

— Два кувшина! — рявкнул Три Галки. — Тэя, я на минуточку выйду.

Зерриканка встала, подняла с лавки саблю, окинула зал тоскливым взглядом. Хоть до того, как заметил ведьмак, несколько пар глаз хищновато разгорелись при виде пухлого кошель, никто не решился выйти вслед за Борхом, нетвердой походкой направлявшимся к выходу во двор. Тэя пожала плечами и последовала за работодателем.

— Как тебя по-настоящему зовут? — спросил Геральт оставшуюся за столом Вэю. Девушка сверкнула белыми зубами. Рубаха у нее была расшнурована почти до пределов возможного. Ведьмак не сомневался, что это очередной вызов залу.

— Альвэаэнэрле.

— Красиво. — Ведьмак был уверен, что зерриканка сложит губки бантиком и подмигнет. И не ошибся. — Вэя?

— А?

— Почему вы ездите с Борхом? Вы, свободные воительницы? Ты можешь ответить?

— Хм...

— Что «хм»?

— Он... — Зерриканка собрала лоб в складки, пытаясь отыскать слово. — Он... самый... красивый.

Ведьмак кивнул. Критерии, на основании которых женщины оценивали привлекательность мужчин, не впервой ставили его в тупик.

Три Галки ввалился в эркер, на ходу застегивая штаны и громко отдавая распоряжения трактирщику. Державшаяся в двух шагах позади Тэя, прикидываясь утомленной, осматривала залу, купцы и плотогонны старательно избегали ее взглядов. Вэя высасывала очередного рака, то и дело бросая на ведьмака многозначительные взгляды.

— Я заказал еще по угрю, теперь жареному. — Три Галки тяжело опустился на стул, позвякивая незастегнутым поясом. — Намучился я с этими раками и вроде бы проголодался. И договорился тут для тебя о ночлеге. Какой смысл тащиться ночью. Еще повеселимся. Ваше здоровье, девочки.

— Vessekheal, — сказала Вэя, подняв кубок. Тэя подмигнула и потянулась, при этом ее захватывающий дух бюст, против ожиданий Геральта, не разорвал рубаху.

— Повеселимся. — Три Галки перегнулся через стол и шлепнул Тэю

по задю. — Повеселимся, ведьмак. Эй, хозяин, а ну жми сюда!

Трактирщик быстро прибежал, вытирая руки фартуком.

— Бадья у тебя найдется? Такая, для стирки, крепкая и большая?

— Сколь большая, господин?

— На четверых...

— На... четверых... — Трактирщик разинул рот.

— На четверых, — сказал Три Галки, вынимая из кармана пузатый мешочек.

— Найдется, — облизнулся трактирщик.

— Ну и чудно, — рассмеялся Борх. — Вели отнести ее наверх в мою комнату и наполнить горячей водой. Быстро, дорогуша. И пива вели тоже туда отнести, три кувшина.

Зерриканы захохотали и одновременно подмигнули.

— Которую хочешь? — спросил Три Галки. — Ну? Которую?

Ведмак поскреб затылок.

— Знаю, трудно выбрать, — с пониманием сказал Три Галки. — Я и сам порой колеблюсь. Ладно, разберемся в бадье. Эй, девочки! Помогите подняться по лестнице!

3

На мосту был заслон. Дорогу перегораживало длинное крепкое бревно, лежащее на деревянных козлах. Перед ним и за ним стояли алебардисты в кожаных, украшенных шишками куртках и островерхих шлемах с прикрывающими шею кольчугами. Над дорогой лениво шевелилось пурпурное полотнище со знаком серебряного грифа.

— Что за черт? — удивился Три Галки, шагом подъезжая к бревну. — Проезда нет?

— Грамота есть? — спросил стоявший ближе других алебардист, не вынимая изо рта прутик, который жевал то ли с голоду, то ли ради того, чтобы убить время.

— Какая Грамота? Что такое, мор, что ли? Иль война? Кто приказал перекрыть дорогу?

— Король Недамир, властитель Каингорна. — Стражник перебросил прутик в другой угол рта и указал на хоругвь. — Без Грамоты в горы не можно.

— Идиотизм какой-то, — сказал Геральт утомленным голосом. — Здесь же не Каингорн, а Голопольские владения. Голополье, а не Каингорн

взимает пошлину с мостов через Браа. При чем тут Недамир?

— Не ко мне вопрос, — стражник выплюнул прутик. — Не мое дело. Мне только Грамоту проверить. Хотите — говорите с десятником.

— А где он?

— Вона там, за хозяйством сборщика пошлины на солнышке греется, — сказал алебардист, глядя не на Геральта, а на голые бедра зерриканонок, лениво потягивающихся в седлах.

За домом сборщика пошлины на сохнувших бревнах сидел стражник, концом древка алебарды выводящий на песке женщину, вернее, ее фрагмент в весьма своеобразном ракурсе. Рядом, нежно касаясь струн лютни, полулежал худощавый мужчина в надвинутой на глаза фантазийной шапочке сливового цвета, украшенной серебряной пряжкой и длинным, нервно покачивающимся пером цапли.

Геральту были знакомы и эта шапочка, и это перо, известные от Буйны до Яруги в замках, молельнях, на постоянных дворах, в корчмах и борделях. Особенно в борделях.

— Лютик!

— Ведьмак Геральт! — Из-под сдвинутой шапочки выглянули веселые синие глаза. — Надо же! И ты здесь? У тебя, случайно, Грамоты нет?

— Да что вы все носитесь с этой Грамотой? — соскочил с седла ведьмак. — Что тут происходит, Лютик? Мы хотели перебраться на другой берег Браа, я, рыцарь Борх Три Галки и наше сопровождение. И, оказывается, не можем.

— Я тоже не могу. — Лютик встал, снял шапочку, с преувеличенной учтивостью поклонился зерриканкам. — Меня тоже не желают пропустить на другой берег. Меня, Лютика, известнейшего в радиусе тысячи верст менестреля и поэта, не пропускает этот вот десятник, тоже, как видите, жрец искусства.

— Никого без Грамоты не пущу, — понуро проговорил десятник, после чего дополнил рисунок последней, завершающей деталью, ткнув концом древка в песок.

— Ну и лады, — сказал ведьмак. — Проедем левым берегом. Правда, так до Хенгфорса дорога будет подальше, но что делать, на нет и суда нет.

— До Хенгфорса? — удивился бард. — Так ты, Геральт, не с Недамиром едешь? Не за драконом?

— За каким таким драконом? — заинтересовался Три Галки.

— Не знаете? Нет, серьезно? Ну, так надо вам обо всем рассказать, господа хорошие. Я все равно тут жду, может, проедет с Грамотой кто-нибудь из тех, кто меня знает, и позволит присоединиться.

Присаживайтесь.

— Сейчас, — сказал Три Галки. — Солнце на три четверти от зенита, а у меня жажда, мочи нет. Не болтать же на сухую. Тэя, Вэя, вернитесь-ка рысью в городок и купите бочонок.

— Вы нравитесь мне, господин...

— Борх по прозвищу Три Галки.

— Лютик, именуемый Несравненным. Некоторыми девушками.

— Рассказывай, Лютик, — нетерпеливо бросил ведьмак. — Не торчать же тут до вечера.

Бард ухватил пальцами гриф лютни, резко ударил по струнам.

— Как предпочитаете, стихотворной речью или нормальной?

— Нормальной.

— Извольте. — Лютик тем не менее не отложил лютни. — Послушайте же, благородные господа, что случилось неделю тому непоодаль города вольного, Голопольем нареченного. Так вот, ранним утром, едва поднимающееся солнышко зарумянило висящие над полями и лугами покровы туманов...

— Ведь решили — нормальной! — напомнил Геральт.

— А разве нет? Ну ладно, ладно. Понимаю. Кратко, без метафор. На пастбища под Голопольем повадился прилетать дракон.

— Э-э-э, — протянул ведьмак. — Что-то не верится. Уж сколько лет никто в тех местах не видывал драконов. А не был ли это обычный ослизг? Попадаются ослизги почти такие же большие...

— Не обижай, ведьмак. Я знаю, что говорю. Видел. Понимаешь, мне повезло, я как раз был в Голополье на ярмарке и видел все своими глазами. Баллада уже готова, но вы не хотели...

— Рассказывай. Большой был?

— В три конских тулова. В холке не выше лошади, но гораздо толще. Серый, как песок.

— Зеленый, стало быть.

— Ну да. Прилетел неожиданно, свалился прямо на отару овец, разогнал пастухов, задавил с дюжину животных, четырех зарезал и улетел.

— Улетел... — Геральт покачал головой. — И все? Конец?

— Не конец. На следующее утро прилетел снова, теперь уже поближе к городку. Спикировал на группу баб, стиравших белье на берегу Браа. Ух и драпали же они! В жизни своей так не смеялся. А дракон проделал три круга над Голопольем и полетел на пастбища, там снова взялся за овец. Тут-то и началась паника и неразбериха, потому как до того мало кто верил пастухам. Ипат скликал местную милицию и цеховиков, но не успели они

собраться, как народ взял дело в свои руки и прикончил дракона.

— Как?

— Весьма народным способом. Местный сапожник, Козоед, придумал, как доконать гадину. Забили овцу, напихали в нее чемерицы, волчьей ягоды, собачьей петрушки, серы и сапожного дегтя. Для верности местный аптекарь влил две кварты своей микстуры от чирьяков, а богослужитель из святилища Кревы прочитал над всей этой пакостью молитву. Потом поставили приготовленную таким образом овечку посреди стада и подперли колышками. По правде говоря, никто не верил, что дракон клюнет на это за версту смердящее дерьмо, но реальность превзошла все ожидания. Не удостоив вниманием живых и блеющих овечек, гад заглотал приманку вместе с колом.

— И что? Ну же, Лютик, говори.

— А я что? Ну вот. Прошло ровно столько времени, сколько требуется сноровистому мужику, чтобы расшнуровать дамский корсет, и дракон как примется рычать да пускать дымы передом и задом, подпрыгивать да пытаться взлететь. Потом вдруг словно бы осовел и замер. Двое добровольцев отправились проверить, дышит ли еще отравленный гад, — местный могильщик и здешний дурачок, зачатый чокнутой дочкой дровосека и ротой кнехтов, проходивших через Голополье еще во времена правления воеводы Щукобоба.

— Ох, и заливаешь ты, Лютик!

— Не заливаю, а украшаю, а это разные вещи.

— Почти. Рассказывай, время уходит.

— Итак, как я сказал, могильщик и храбрый идиот отправились на разведку. Потом мы насыпали над ними небольшой, но радующий глаз курганчик.

— Так, — сказал Борх. — Стало быть, дракон еще жил?

— Эге, — весело сказал Лютик. — Жил. Но так ослаб, что не сожрал ни могильщика, ни полуидиота, а только слизал с них кровь. А потом, ко всеобщему удивлению, улетел, поднявшись с немалым трудом. Взлетит локтей на полтора — и хрясть об землю, да с грохотом, потом взлетит снова. Иногда брел, волоча лапы. Те, что посмелее, пошли за ним следом, не теряя его из виду. И знаете что?

— Ну, Лютик?

— Дракон скрылся в ущельях Пустульских гор, в районе истоков Браа и как в воду канул в тамошних пещерах.

— Все ясно, — сказал Геральт. — Дракон, вероятно, спал в тех пещерах несколько столетий летаргическим сном. Слышал я о таких

случаях. Там же, скорее всего, хранятся его сокровища. Теперь понятно, почему алебардисты блокируют мост. Кому-то не терпится наложить лапу на его богатства. А этот «кто-то» — Недамир из Каингорна.

— Точно, — подтвердил трубадур. — Голополье аж бурлит, потому как там считают, что дракон и сокровища принадлежат им. Но боятся поспорить с Недамиром. Недамир — сопляк, еще даже бриться не начал, а уже успел показать, что с ним ссориться не с руки. А дракон, видать, ему потребен до зарезу, потому-то он так быстро и среагировал.

— Ты хотел сказать, не дракон, а сокровища.

— В том-то и дело, что больше дракон, чем сокровища. Потому что, понимаете, Недамир положил глаз на соседнее княжество, Маллеору. Там после неожиданной и странной смерти князя осталась княжна в возрасте, я бы сказал так: предпостельном. Вельможи из Маллеоры с неприязнью смотрят на Недамира и других претендентов, потому как знают, что новый властитель быстренько их обуздает, не то что малолетняя княжна. Вот они и раскопали где-то старое и пылью покрытое предсказание, будто митра и рука девушки положены тому, кто победит дракона. Поскольку дракона здесь никто давным-давно не видел, постольку все думали, что могут спать спокойно. Ясное дело, Недамир начихал бы на легенду и взял Маллеору силой, но когда разошлась весть о Голопольском драконе, он сообразил, что может побить маллеорских дворян их собственным оружием. Явись он с драконьей башкой в руках, народ встретил бы его как ниспосланного богами монарха, а вельможи не посмели бы и пикнуть. И после сказанного вы еще удивляетесь, что Недамир помчался за драконом, как кот с полным пузырем? К тому же за таким драконом, который уже и так еле ноги волочит? Для него это чистый подарок, улыбка судьбы, черт бы его побрал.

— А дороги перекрыл от конкурентов.

— Пожалуй. И от голопольцев. Но при этом по всей округе разослал конных с грамотами, адресованными тем, кто должен дракона прихлопнуть, потому как Недамир не горит желанием лично лезть в пещеру с мечом. Мигом собрали самых известных драконьеров. Многие тебе, вероятно, знакомы, Геральт.

— Возможно. Кто приехал?

— Эйк из Денесле — это раз.

— Скажите... — ведьмак тихо свистнул. — Богобоязненный и добродетельный Эйк, рыцарь без страха и упрека, собственной персоной.

— Ты его знаешь, Геральт? — спросил Борх. — Он что, действительно такой спец по драконам?

— Не только по драконам. Эйк управится с любым чудовищем. Он

убивал даже мантихоров и грифов. Говорят, прикончил нескольких драконов. Силен рыцарь. Но здорово портит мне дело, курицын сын, потому как даже денег не берет. Кто еще, Лютик?

— Рубайлы из Кринфрида.

— Ну, значит, дракону конец. Даже если он выкарабкался. Эта троица — та еще банда, дерутся не часто, но эффективно. Вымордовали всех ослизгов и вилохвостов в Редании, а попутно покончили с тремя красными и одним черным драконом, а это уже говорит о многом. Ну все?

— Нет. Присоединилась шестерка краснолюдов под командой Ярпена Зигрина.

— Его не знаю.

— Но о драконе Оквисте с Кварцевой горы слыхал?

— Слыхал. И видел камни из его сокровищницы. Были там сапфиры редчайшего оттенка и алмазы размером с черешню.

— Ну так знай, именно Ярпен Зигрин и его краснолюды уделали Оквиста. Об этом была сложена баллада, но слабенькая, не моя. Ежели не слышал, ничего не потерял.

— Все?

— Да. Не считая тебя. Ты утверждал, будто не знаешь о драконе, может, и верно. Ну теперь знаешь. И что?

— А ничего. Дракон меня не интересует.

— Ха! Хитер, Геральт. Все равно Грамоты-то у тебя нету.

— Повторяю, дракон меня не интересует. А ты, Лютик? Тебя-то что так тянет в те края?

— А как же иначе? — пожал плечами трубадур. — Надобно быть при событиях и зрелищах. О битве с драконом будут говорить. Но одно дело — сложить балладу на основе рассказов и совсем другое — если видел бой своими глазами.

— Бой? — засмеялся Три Галки. — И-эх! Что-то вроде забоя свиньи или разделки падали. Слушаю я вас и не могу в толк взять — знаменитые вояки мчатся сломя голову только для того, чтобы добить полудохлого дракона, отравленного каким-то хамом. Смех и слезы.

— Ошибаешься, — сказал Геральт. — Если дракон не пал от отравы на месте, значит, его организм уже нейтрализовал яд и дракон полностью восстановил силы. Впрочем, это не столь важно. Рубайлы из Кринфрида в любом случае его прикончат, но без боя, если хочешь знать, не обойдется.

— Значит, ставишь на рубайл, Геральт?

— Конечно.

— Как же, — усомнился молчавший до того стражник. —

Драконнице — существо магическое, и его иначе как колдовством не возьмешь. Уж если кто с ним и управится, так та волшебница, что проезжала тута вчера.

— Кто? — наклонил голову Геральт.

— Волшебница, — повторил стражник. — Я же сказал.

— Имя назвала?

— Угу. Только я позабыл. Грамота у нее была. Молодая, красивая, на свой манер, но глазищи... Сами знаете. Человека аж в дрожь кидает, когда такая на него зыркнет.

— Ты что-нибудь знаешь, Лютик? Кто это может быть?

— Нет, — поморщился бард. — Молодая, красивая, да еще и глаза. Тоже мне — приметы. Все они такие. Ни одна из тех, кого я знаю, а знаю я, поверь, многих, не выглядит старше двадцати пяти — тридцати, а ведь некоторые из них, слышал я, еще помнят те времена, когда бор шумел там, где теперь стоит Новиград. В конце концов, зачем существуют эликсиры из мандрагоры? Да и в глаза они себе тоже этот поскрип накапывают, чтобы блестели. Баба, она и есть баба.

— Не рыжая? — спросил ведьмак.

— Нет, господин, — ответил десятник. — Черная.

— А конь какой масти? Гнедой с белой звездочкой?

— Нет. Вороной. Как она. И вообще, говорю вам, она дракона прикончит. Дракон — работа для колдуна. Человеческая сила супротив него слаба.

— Интересно, что б на это сказал Козоед, — рассмеялся Лютик. — Сыщись у него под рукой что-нибудь покрепче чемерицы и волчьей ягоды, сегодня драконья шкура уже сушилась бы на голопольском частоколе, баллада была бы сложена, а я не парился бы здесь на солнце...

— Как получилось, что Недамир не взял тебя с собой? — спросил Геральт, искоса поглядывая на поэта. — Ты же был в Голополье, когда они отправлялись. Или король не любит артистов? Как вышло, что ты тут жаришься, вместо того чтобы тренькать при королевском стремени?

— Виной тому некая юная вдова, — грустно сказал Лютик. — Черт бы ее побрал. Загулял я, а на другой день Недамир и прочие были уже за рекой. Прихватили даже Козоеда и лазутчиков из голопольской милиции, только обо мне забыли. Я толкую десятнику, а он свое...

— Есть Грамота — пускаю, — равнодушно проговорил алебардист, отливая на стену дома сборщика пошрины. — Нет Грамоты — не пускаю. Приказ такой...

— О, — прервал его Три Галки. — Девочки возвращаются с пивом.

— И не одни, — добавил, вставая, Лютик. — Гляньте, какой конь. Сущий дракон!

Со стороны березовой рощицы галопом мчались зерриканки, а между ними всадник на крупном боевом беспокойном жеребце.

Ведьмак тоже поднялся.

На наезднике был фиолетовый бархатный кафтан с серебряными галунами и короткий плащ, отороченный собольим мехом. Выпрямившись в седле, он гордо глядел на них. Геральту были знакомы такие взгляды. И не сказать, чтобы нравились.

— Приветствую вас. Я — Доррегарай, — представился наездник, медленно и с достоинством слезая с коня. — Мэтр Доррегарай. Чернокнижник.

— Мэтр Геральт. Ведьмак.

— Мэтр Лютик. Поэт.

— Борх по прозвищу Три Галки. А с моими девочками — они вон там вынимают пробку из бочонка — ты уже познакомился, мэтр Доррегарай.

— Действительно, — не улыбнувшись, проговорил чародей. — Мы обменялись поклонами, я и прелестные воительницы из Зеррикании.

— Ну и славно. — Лютик роздал кожаные кубки, которые принесла Вэя. — Выпейте с нами, мэтр чародей. Господин Борх, десятнику тоже налить?

— Конечно. Иди к нам, вояка.

— Я думаю, — проговорил чернокнижник, благовоспитанно отхлебнув небольшой глоток, — что к заставе на мосту вас привела та же цель, что и меня?

— Если вы имеете в виду дракона, мэтр, — сказал Лютик, — то так и есть. Я собираюсь сложить балладу на месте. Увы, вот этот десятник, человек, видно, неотесанный, не желает пропускать. Требуется Грамоты. И все тут.

— Прощения просим. — Алебардист выпил свое пиво, причмокнул. — У меня приказ никого без Грамоты не пропускать. А похоже, уже все Голополье скучилось тут с телегами и готово отправиться в горы за драконом. У меня приказ...

— Твой приказ, солдат, — насупился Доррегарай, — касается только орущей голытьбы, распутных девок, которые распространяют болезни, воров, подонков общества и гуляк. Но не меня.

— Без Грамоты никого не пропущу, — нахмурился десятник. — Клянусь...

— Не клянись, — прервал Три Галки. — Лучше выпей-ка еще. Тэя,

налей этому мужественному воину. И давайте присядем, милостивые государи. Пить стоя, торопливо и без соответствующей торжественности не пристало благородным людям.

Расселись на тюках вокруг бочонка. Алебардист, свежезоведенный в благородные, покраснел от удовольствия.

— Пей, боевой сотник, — поторапливал Три Галки.

— Я вроде бы десятник, не сотник. — Алебардист еще больше покраснел.

— Но будешь сотник, пренебреженно, — осклабился Борх. — Парень ты хват, башковитый, мигом дорастешь.

Доррегарай, отказавшись от добавки, повернулся к Геральту.

— В городишке все еще толкуют о василиске, уважаемый ведьмак, а ты, вижу, уже на дракона замахнулся, — тихо сказал он. — Интересно, тебе позарез нужны наличные или ты из чистого удовольствия забиваешь существа, которым угрожает вымирание?

— Странное любопытство, — ответил Геральт, — в устах того, кто сломя голову мчится, чтобы успеть выбить у зарезанного дракона зубы, столь ценные при изготовлении колдовских снадобий и эликсиров. А правда ли, уважаемый мэтр, что лучшие зубы те, которые выбивают у живого дракона?

— Ты уверен, что я еду ради этого?

— Уверен. Но тебя уже опередили, Доррегарай. Тут успела проследовать твоя коллега с Грамотой, каковой ты, к примеру, не имеешь. Черноволосая, ежели тебя это интересует.

— На вороном коне?

— Кажется.

— Йеннифэр, — недовольно буркнул Доррегарай. Ведьмак незаметно для всех вздрогнул.

Наступившую тишину прервала отрыжка будущего сотника.

— Никого... этта... без Грамоты...

— Двести линтаров хватит? — Геральт спокойно вытащил мешочек, полученный за василиска от тучного солтыса.

— Геральт, — загадочно улыбнулся Три Галки. — Так все-таки...

— Прости, Борх. Сожалею, но я не поеду с вами в Хенгфорс. Может, другим разом. Может, еще встретимся.

— Ничего не влечет меня в Хенгфорс, — медленно произнес Три Галки. — Ну вовсе ничего, Геральт.

— Спрячьте свой мешок, милсдарь, — грозно произнес будущий сотник. — Это взятка и ничего боле. И за триста не пропушу.

— А за пятьсот? — Борх вынул свой мешочек. — Спрячь мешок, Геральт. Я заплачу пошлину. Меня это начало забавлять. Пятьсот, господин солдат. По сто со штуки, считая моих девочек за одну прелестную штуку. А?

— Ой-ёй-ёй, — запричитал будущий сотник, пряча под курточку мешочек Борха. — Что я королю скажу?

— Скажешь, — молвил Доррегарай, выпрямляясь и вынимая из-за пояса изящную костяную палочку, — что удар тебя хватил, как только ты увидел.

— Что, господин?

Чародей взмахнул палочкой, выкрикнул заклинание. Сосну, росшую на прибрежном откосе, моментально охватило бушующее пламя.

— По коням! — Лютик запрыгнул в седло, закинул лютню за спину. — По коням, господа! И... дамы!

— Убирай шламбаум! — рявкнул на алебардистов разом разбогатевший десятник, имеющий солидные шансы стать сотником.

На мосту, за заслоном, Вэя натянула поводья, конь загарцевал, застучал копытами по бревнам. Девушка, размахивая косичками, что-то пронзительно крикнула.

— Верно, Вэя! — отозвался Три Галки. — Вперед, милсдари, по коням! Поедем по-зеррикански, с грохотом и свистом!

— Ну, гляньте-ка, — сказал старший из рубайл, Богольт, кряжистый и грузный, словно ствол старого дуба. — Недамир не прогнал вас на все четыре стороны, а ведь я был уверен, что поступит именно так. Ну что ж, не нам, худородным, оспаривать королевские решения. Просим к костру. Устраивайте лежанки, парни. А так, между нами, ведьмак, о чем ты с королем болтал?

— Ни о чем, — сказал Геральт, удобнее пристраиваясь спиной к подтянутому ближе к костру седлу. — Он даже из палатки не вышел. Послал только своего фактотума, как там его...

— Гилленстерна, — подсказал Ярпен Зигрин, крепкий, бородатый краснолюд, подкладывая в костер огромный смолистый пенёк, который приволок из зарослей. — Фанфарон надутый. Жирный хряк. Когда мы присоединились, он явился, нос до неба, фу-фу, говорит, не забывайте, говорит, краснолюды, кому тут подчиняться следует, говорит, здесь

король Недамир распоряжается, а его слово — закон, ну и так далее. Я стоял, слушал и думал: велю своим парням повалить его на землю и сдери с него плащ. А потом раздумал: ну его, снова шум пойдет, мол, краснолюды зловерные, агрессивные, мол, сукины дети, и с ними невозможно это, ну как его, сосу... стосуществовать... или как там. И обратно где-нить учинят погром, в городишке каком-нибудь. Ну и стал я вежливенько слушать, головой кивать.

— Похоже, господин Гилленстерн ничего другого и не умеет, — вставил Геральт, — потому что и нам сказал то же самое и нам тоже оставалось только кивать.

— А по-моему, — проговорил второй из рубайл, расстилая попону на куче хвороста, — лучше б вас Недамир прогнал. Народищу претя на того дракона, страх сколько. Это уже не экспедиция, а поход на жальник. Я, к примеру, в толкучке биться не обожаю.

— Успокойся, Нищука, — сказал Богольт. — С народом топать лучше. Ты, что ль, никогда на драконов не ходил? На них завсегда тьма народу тянется, целая ярманка, прям-таки бурдель на колесах. А как только гад нос высунет, сам знаешь, кто на поле остается. Мы и никто боле.

Богольт на минуту замолчал, как следует хлебнул из большой оплетенной бутылки, шумно высморкался, откашлялся.

— Другое дело, известно, что порой только апосля того, как дракона прикончат, начинается потеха и резня, и головы летят, как груши. Как начнут сокровища делить, тут уж охотники прут друг на друга. Ну что, Геральт? Эй! Я прав? Ведьмак, с тобой говорю-то.

— Известны мне такие случаи, — сухо подтвердил Геральт.

— Известны, говоришь? Не иначе как с чужих слов, потому как не слышал я, чтоб ты когда на драконов охотился. Сколь ни живу, не слыхал, чтобы ведьмак на дракона ходил. Тем более странно, что ты сюда явился.

— Верно, — процедил сквозь зубы Кеннет по прозвищу Живодер, самый младший из рубайл. — Чудно чтой-то. А мы...

— Погодь, Живодер. Сейчас я говорю, — прервал его Богольт. — Впрочем, шибко-то разводить не собираюсь. Ведьмак и так понял, что к чему. Я его знаю, и он меня знает, пока-то мы друг дружке дорогу не перебежали и, мыслю, не будем. Потому как, заметьте, парни, ежели б, к примеру, я захотел ведьмаку в деле помешать либо добычу из-под носа увести, то ведьмак-то с ходу б меня своей ведьмачьей бритвой секанул и имел бы право. Я верно говорю?

Никто не подтвердил, но и не отрицал. Похоже, Богольту не очень-то это и нужно было.

— Ну само собой, кучей-то топать весельше, как я сказал. И ведьмак может в компании сгодиться. Округа дикая, безлюдная, а вдруг да выскочит на нас какая-никакая химера аль жряк какой, а то и упырь, и могут дел наделать. А ежели тута Геральт будет, то никаких хлопот не жди, потому как это его специальность. А вот дракон — не его специальность. Я верно говорю?

Снова никто не подтвердил и не отрицал.

— Господин Три Галки, — продолжал Богольт, передавая бутылъ краснолюду, — едет с Геральтом, и мне этого достаточно. Рекомендация вполне... Так кто вам мешает, Нищука, Живодер? Не Лютик же?

— Лютик, — сказал Ярпен Зигрин, подавая барду бутылъ, — завсегда пришепает где чего интересного творится, и все знают, что он не помешает, не поможет и не задержит. Он что-то вроде репья на собачьем хвосте. Нет, ребята?

«Ребята», бородатые и квадратные краснолюды, захохотали, тряся бородами. Лютик сдвинул шапочку на затылок и хлебнул из бутылки.

— О-о-ох, зараза, — хватил он ртом воздух. — Дух перехватывает. Из чего вы ее гоните, из скорпионов?

— Одно мне не нравится, Геральт, — сказал Живодер, принимая бутылъ от менестреля. — То, что ты колдуна сюды притащил. Тут уж от колдунов скоро продыху не будет.

— Верно, — подхватил краснолюд. — Живодер верно толкует. Этот Доррегарай нужен нам как свинье седло. У нас уже есть своя ведьма, собственная, благородная Йеннифэр, тьфу, тьфу.

— Угу, — проворчал Богольт, почесывая бычью шею, с которой только что снял ошейник, утыканный железными шипами. — Колдунов-то тут уже по горлышко. Аккурат на две штуки больше, чем надоть. И что-то уж больно липнут они к нашему Недамиру. Гляньте только, мы тут под звездочками, у костра, а они, изволите видеть, в тепле, в королевской палатке уже шушукаются, умники. Недамир, ведьма, колдун и этот Гилленстерн. А похуже всех — Йеннифэр. И чего они шушукаются? А того, как нас объегорить, вот чего.

— И мясо косулье жрут, — угрюмо вставил Живодер. — А мы чего ели-то? Сурка. А сурок, он чего? Он крыса и ничего боле. Так чего мы жрали? Крысу!

— Не беда, — сказал Нищука. — Скоро драконьего хвоста отведаем. Ничего нету лучше, как драконий хвост, запеченный на углях.

— Йеннифэр, — продолжал Богольт, — паршивая, зловредная и зубастая баба. Не то что твои девочки, милсдарь Борх. Энти тихие и милые,

вона, гляньте, сидят себе рядышком с лошадьми, сабли вострят, а я проходил, шутку кинул — улыгнулись, зубки показали. Да, им-то я рад, не то что Йеннифэрихе, та все чегой-то затевает, надумывает... Говорю вам, парни, надоть присматриваться, а то весь наш уговор коту под хвост пойдет.

— Какой уговор, Богольт?

— Ну что, Ярпен, сказать ведьмаку-то?

— Не вижу супротив показатиев, — учено выразился краснолюд.

— Водяра кончилась, — вставил Живодер, переворачивая бутылку вверх дном.

— Так тащи еще. Ты самый молодой. А уговор-то, Геральт, мы придумали, потому как мы не наемники и никакие там не платные холопы, и не пошлет нас Недамир на дракона, кинув под ноги пару штук золота. Правда такова, что мы одолеем дракона без Недамира, а вот Недамир без нас не одолеет. А отседова следоват, кто стоит больше и чья доля должна быть больше. И мы, сталбыть, решили честно — те, кто врукопашную пойдут и дракона уложат, берут половину. Недамир, учитывая благородное происхождение и титул, берет четверть. В любом случае. А остальные, ежели будут помогать, поровну поделят оставшуюся четверть промежду собой. Что ты об этом думаешь?

— А что об этом думает Недамир?

— Не сказал ни да ни нет. Но лучше пусть уж не лезет, хлюст. Я ему, дескать, сам он на дракона не пойдет, должен положиться на профессионалов, то бишь, на нас, рубайл, да на Ярпена с парнями. Мы, а не кто иной, сойдемся с драконом на длину меча. Остальные, в том числе и колдуны, если помогут, поделят меж собой четверть сокровищев.

— Кроме колдунов вы кого еще включаете в число остальных? — заинтересовался Лютик.

— Уж конечно, не музыкантов и рифмоплетов, — хохотнул Ярпен Зигрин. — Тех, кто работает топором, а не лютней.

— Та-а-ак, — протянул Три Галки, глядя в звездное небо. — А чем поработает сапожник Козоед и его сброд?

Ярпен Зигрин сплюнул в костер и проворчал что-то по-краснолюдски.

— Милиция из Голополя знает тутошние горы и сойдет за провожатых, — тихо сказал Богольт, — потому справедливо будет допустить их к дележке. А вот с сапожником-то дело другое. Понимаете, будет паршиво, ежели хамы решат, что как только в округе появится дракон, то заместо того, чтобы слать за спецами, можно просто сунуть ему отраву и продолжать с девками в кустах озоровать. Ежели такой порядок

распространится, то нам не иначе как на побирушки придется идти. Э?

— Правда, — добавил Ярпен. — Потому, говорю вам, с энтим сапожником должно случиться что-нибудь, пока он, трахнутый, в легенду не попал.

— Должно случиться, стало быть, случится, — убежденно сказал Нищука. — Это на мне.

— А Лютик, — подхватил краснолюд, — задницу ему в балладе обработает, на смех подымет. Чтоб осрамить во веки веков.

— Об одном вы забыли, — сказал Геральт. — Есть тут один, кто может вам все попутать. Который ни на какие дележки и договора не пойдет. Я об Эйке из Денесле. С ним вы говорили?

— О чем? — проскрипел Богольт, поправляя палкой поленья в костре. — С Эйком, Геральт, не поговоришь. Его дела не интересуют.

— Подъезжая к вашему лагерю, — сказал Три Галки, — мы встретили его. Он в полном вооружении стоял коленями на камнях и не отрывал глаз от неба.

— Он завсегда так, — сказал Живодер. — Размышляет или молится. Говорит, так надо, потому как боги наказали ему людей от худа оберегать.

— У нас в Кринфриде, — буркнул Богольт, — таких в телятнике держат на цепи и дают куски угля, тогда они на стенах разные разности малюют. Но довольно о ближних сплетничать, поговорим об интересе.

В круг света беззвучно ступила закутанная в шелковый плащ невысокая молодая женщина с черными волосами, покрытыми золотой сеточкой.

— Чем это тут так несет? — спросил Ярпен Зигрин, прикидываясь, будто ее не видит. — Не серой ли?

— Нет. — Богольт демонстративно потянул носом, глядя в сторону. — Мускус или что-то вроде.

— Нет, пожалуй, это... — поморщился краснолюд. — Ах! Так это ж благородная госпожа Йеннифэр! Здрасьте, здрастьте!

Чародейка медленно обвела взглядом собравшихся, на мгновение задержала блестящие глаза на ведьмаке. Геральт еле заметно улыбнулся.

— Позвольте присесть?

— Что за вопрос, благодетельница вы наша, — сказал Богольт и икнул. — Присядьте вот тут, на седле. Сдвинь зад, Кеннет, и подай благородной колдунье седло.

— Вы тут о делах, я слышу. — Йеннифэр уселась, вытянув стройные ноги в черных чулках. — Без меня?

— Не смели, — сказал Ярпен Зигрин, — беспокоить столь важную

особу.

— Ты, Ярпен, — прищурилась Йеннифэр, повернувшись к краснолюду, — лучше б помолчал. С первого дня ты делаешь вид, будто меня вообще не существует, так уж и продолжай в том же духе, не утруждай себя.

— Да что вы, госпожа! — Ярпен показал в улыбке неровные зубы. — Как можно! Да пусть меня клещи лесные покусают, ежели я не трактирую, нет, не тракую вас лучше, чем нежели воздух. Воздух, к примеру, мне случается испортить, а касательно вас я б себе этого ни в коем разе не позволил.

Бородатые «ребяты» зашлись хохотом, но тут же замолкли, увидев синее мерцание, вдруг охватившее чародейку.

— Еще одно слово — и от тебя останется лишь испорченный воздух, — сказала Йеннифэр, и в ее голосе прозвучал металл. — И грязное пятно на траве.

— И верно, — кашлянул Богольт, разряжая обстановку. — Помолчи, Зигрин. Послушаем лучше, что нам скажет госпожа Йеннифэр. Она только что заметила, будто мы тут болтаем о делах без нее. Отседова вывод, что у нее есть какое-то предложение. Послушаем. Только б не предложила собственными чарами уделать дракона.

— А что? — подняла голову Йеннифэр. — Думаешь, невозможно, Богольт?

— Может, и возможно. Но нам не окупится, потому как вы тогда потребуете половину драконьего богатства.

— Как минимум, — холодно сказала чародейка.

— Ну вот, сами видите, нас это ну никак не устраивает. Мы, милсдарыня чародейка, бедные солдаты — если добыча пройдет мимо нашего носа, то голодать нам как пить дать. Мы щавелем и лебедой пробиваемся...

— Разве что в праздник сурок какой аль суслик попадется, — грустно вставил Ярпен Зигрин.

— ...водой колодезной запиваем. — Богольт отхлебнул из бутылки и слегка встряхнул ее. — У нас, госпожа Йеннифэр, нету другого выхода, как только получить свою долю или зимой под забором коченеть. А постоянный двор денег стоит.

— И пиво, — добавил Нищука.

— И девки распутные, — размечтался Живодер.

— Потому, — Богольт взглянул на небо, — мы сами, без чар и вашей помощи дракона уделаем.

— Ты уверен? Запомни, существует предел возможного, Богольт.

— Может, он и существует, только я ни разу не встречал. Нет, госпожа, повторяю, мы сами дракона прикончим, без всяких там чар.

— Тем более, — добавил Ярпен Зигрин, — что у чар тожить наверняка есть свои пределы возможного, которые, в противу наших, нам неведомы.

— Ты сам придумал, — медленно спросила Йеннифэр, — или тебе подсказали? Уж не присутствие ли ведьмака в вашем глубокоуважаемом обществе позволяет вам так задиаться?

— Не-а, — сказал Богольт, глядя на Геральта, который, казалось, дремал, лениво растянувшись на попоне и положив голову на седло. — Ведьмак тут ни при чем. Послушайте, благородная Йеннифэр. Мы сделали королю предложение, он отмолчался. Ну ничего, мы народ терпеливый, до утра погодим. Ежели король предложение примет, едем дальше разом, нет — мы возвращаемся.

— Мы тоже, — буркнул краснолюд.

— Никакой торговли не будет, — продолжал Богольт, — так сказать, на нет и суда нет. Передайте наши слова Недамиру, милсдарыня Йеннифэр. А вам скажу, предложение выгодно и вам, и Доррегараю, ежели вы с ним столкуетесь. Нам, учтите, драконий труп до фени, токмо хвост возьмем. Остальное ваше будет, бери, выбирай! Не пожалеем для вас ни зубов, ни мозга, ничего, что вам потребно для колдовства.

— Конечно, — добавил, хихикая, Зигрин, — падаль будет ваша, чародейская. Никто не отберет. Разве что другие трупоеды.

Йеннифэр встала, закинула плащ на плечо.

— Недамир не намерен ждать утра, — сказала она резко. — Он уже сейчас согласен на ваши условия. Наперекор, чтоб вы знали, моим и Доррегараевым советам.

— Недамир, — медленно процедил Богольт, — проявляет мудрость, удивительную для столь незрелого короля. Потому как по мне, госпожа Йеннифэр, мудрость — это, в частности, умение пропускать мимо ушей глупые или неискренние советы.

Ярпен Зигрин хмыкнул в бороду.

— Запоете иначе, — чародейка уперлась руками в бока, — когда завтра дракон вас исхлещет, изрешетит и раздолбает ваши кости. Станете мне туфли лизать и скулить, моля о помощи. Как всегда. Я достаточно хорошо знаю вас и вообще таких, как вы. До тошноты.

Она повернулась и ушла во мрак, не попрощавшись.

— В мое время, — сказал Ярпен Зигрин, — чародейки сидели в башнях, читали умные книги и помешивали лопатками в тиглях. Не

путались у воинов под ногами, не лезли в наши дела. И не крутили задом у мужчин перед глазами.

— А задок-то, честно говоря, ничего себе, — сказал Лютик, настраивая лютню. — А, Геральт? Геральт! Эй, куда ведьмак запропастился?

— А нам-то что? — буркнул Богольт, подбрасывая поленья в костер. — Ушел. Может, по нужде. Его дело.

— Конечно, — согласился бард и ударил по струнам. — Спеть вам чего-нибудь?

— А что, спой, — сказал Ярпен Зигрин и сплюнул. — Только не думай, будто за твое бляение я дам тебе хоть шелонг. Тут, парень, не королевский двор.

— Оно и видно, — кивнул трубадур.

5

— Йеннифэр.

Она обернулась, точно удивленная, хотя ведьмак не сомневался, что она уже давно слышала его шаги. Поставила на землю деревянный ушат, выпрямилась, откинула со лба волосы, высвобожденные из-под золотой сеточки и теперь крутыми локонами спадающие на плечи.

— Геральт.

Как обычно, она носила только два своих цвета — черное и белое. Черные волосы, черные длинные ресницы, позволяющие только гадать о цвете скрытых ими глаз. Черная юбка, черный короткий кафтанчик с белым меховым воротником. Белая рубашка из тончайшего льна. На шее — черная бархотка, украшенная усеянной бриллиантами обсидиановой звездой.

— Ты ничуть не изменилась.

— Ты тоже, — поморщилась она. — И в обоих случаях это одинаково нормально. Однако напоминать об этом, хоть, может, это и не самый скверный способ начать разговор, бессмысленно. Правда?

— Правда, — кивнул он, глядя туда, где стояла палатка Недамира и горели костры королевских лучников, частично загороженные темными квадратами фургонов. Со стороны дальнего костра долетал звучный голос Лютика, напевающего «Звездным трактом», одну из своих самых удачных любовных баллад.

— Ну что ж, со вступлением покончено, — сказала волшебница. — Что дальше? Слушаю.

— Видишь ли, Йеннифэр...

— Вижу, — резко прервала она. — Но не понимаю. Зачем ты приехал? Ведь не ради же дракона? В этом-то, думаю, ничего не изменилось?

— Нет. Ничего.

— Так зачем же, спрашиваю, ты присоединился к нам?

— Если я скажу, что из-за тебя, согласишься?

Она молча глядела на него, и в ее блестящих глазах было что-то, что никак не могло понравиться.

— Поверю, почему бы нет, — сказала она наконец. — Мужчины любят встречаться с бывшими любовницами, любят освежать воспоминания. Любят думать, будто давние любовные игры дают им что-то вроде пожизненного права собственности на партнершу. Это хорошо влияет на их самочувствие. Ты не исключение. Несмотря ни на что.

— Несмотря ни на что, — усмехнулся он, — ты права, Йеннифэр. Твоя внешность прекрасно влияет на мое самочувствие. Иначе говоря, я рад, что вижу тебя.

— И это все? Ну допустим, я тоже рада. Нарадовавшись, желаю спокойной ночи. Видишь, я отправляюсь на отдых. А предварительно намерена смыть с себя пыль и грязь. Но при этом привыкла раздеваться. Посему удались и с присущим тебе тактом обеспечить мне минимум удобств.

— Йен, — протянул он к ней руки.

— Не называй меня так! — яростно прошипела она, отскакивая, а из пальцев, протянутых в его сторону, посыпались голубые и красные искры. — Если коснешься, выжгу глаза, прохвост.

Ведьмак попятился. Чародейка, немного остыв, снова откинула волосы со лба, встала перед ним, упершись руками в бока.

— Ты что думаешь? Что мы весело поболтаем, вспомним давние времена? А может, в завершение всего пойдем вместе на воз и под займемся любовью на овчинах, так просто, чтобы освежить воспоминания? Да?

Геральт, не зная, читает ли чародейка его мысли или удачно угадывает, молчал, криво улыбаясь.

— Эти четыре года сделали свое, Геральт. У меня все прошло, и только исключительно поэтому я не наплевала тебе в глаза при сегодняшней встрече. Но пусть тебя не обманывает моя сдержанность.

— Йеннифэр...

— Молчи! Я дала тебе больше, чем кому-либо из мужчин, паршивец. Сама не знаю, почему именно тебе. А ты... О нет, дорогой мой. Я не девка и не случайно прихваченная в лесу эльфка, которую можно в одно прекрасное утро бросить, оставить на столе букетик фиалок и уйти, не

разбудив. Которую можно выставить на посмешище. Осторожней! Если сейчас ты скажешь хоть слово, пожалеешь!

Геральт не произнес ни слова, безошибочно чувствуя бурлящую в Йеннифэр злобу. Чародейка снова смахнула со лба непослушные локоны, взглянула ему в глаза.

— Что ж, мы встретились, — тихо сказала она. — Не надо выставять себя на посмешище. Сохраним лицо. Прикинемся хорошими знакомыми. Но не ошибись, Геральт. Между нами уже нет ничего. Ничего, понимаешь? И радуйся, ибо это означает, что я уже отказалась от некоторых проектов, еще совсем недавно касавшихся тебя. Однако отсюда вовсе не следует, что простила. Я тебя никогда не прощу, ведьмак. Никогда.

Она резко повернулась, схватила ушат, расплескивая воду, и ушла за воз.

Геральт отогнал брнчавшего над ухом комара и медленно пошел к костру, у которого в этот момент редкими хлопками награждали выступление Лютика. Он посмотрел на темно-синее небо по-над черной пилой вершин. Хотелось смеяться. Неведомо чему.

6

— Эй, там, осторожней! Следите! — крикнул Богольт, оборачиваясь на козлах назад, к колонне. — Ближе к скале! Следите!

Возы катились, подскакивая на камнях. Возницы ругались, хлестали лошадей кнутами, наклонившись, беспокойно следили, достаточно ли далеко колеса проходят от края каньона, вдоль которого бежала узкая, неровная дорога. Внизу, на дне пропасти, белой пеной среди валунов бурлила река Браа.

Геральт придержал коня, прижимаясь к каменной стене, покрытой редким коричневым мхом и белым налетом, напоминающим лишайник. Он дал фургону рубайл опередить себя. От головы припелся Живодер, ведущий колонну совместно с разведчиками из Голополья.

— Добро! — крикнул он. — Двигайтесь скорее. Дальше просторней!

Король Недамир и Гилленстерн, оба верхом, в сопровождении нескольких конных лучников, поравнялись с Геральтом. Следом за ними громыхали по камням телеги королевского обоза. Еще дальше катился воз краснолюдов, которым, без передыху ругаясь, правил Ярпен Зигрин.

Недамир, худощавый и веснушчатый подросток в белом кожаном плаще, миновал ведьмака, окинув его величественным, хоть и явно утомленным

взглядом. Гилленстерн распрямился, придержал коня.

— Позвольте вас, господин ведьмак, — произнес он властно.

— Слушаю. — Геральт прижал лошадь каблуками, медленно двинулся рядом с канцлером за обозом. Его удивляло, что при своем солидном животе Гилленстерн предпочитал седло более удобной телеге.

— Вчера, — Гилленстерн, слегка натянув поводья, украшенные золотыми шишечками, откинул с плеча бирюзовый плащ, — вчера вы сказали, будто вас дракон не интересует. А что же в таком случае интересует, господин ведьмак? Зачем вы едете с нами?

— Мы в свободной стране, милсдарь канцлер.

— Пока что. Но в нашем кортеже каждый, господин Геральт, должен знать свое место. И роль, кою будет исполнять, выполняя волю короля Недамира. Вам понятно?

— В чем дело, милсдарь Гилленстерн?

— Скажу. Говорят, последнее время с вами, ведьмаками, трудно договориться. Вроде бы, если ведьмаку укажут чудовище, подлежащее убиению, он, вместо того чтобы хватать меч и рубить, начинает рассуждать, следует ли это делать, не выходит ли это за пределы возможного, не противоречит ли кодексу и действительно ли данное чудовище — чудовище, словно этого не видно с первого же взгляда. Похоже, вам просто стало здорово везти. В мое время ведьмаки не брезговали деньгами. Не рассуждали, рубили, что им скажут, им было все едино, что оборотень, что дракон, что сборщик податей. Важно было как следует рубануть. Ну как, Геральт?

— У вас есть для меня какое-то задание, Гилленстерн? — сухо спросил ведьмак. — Так говорите. Подумаем. А ежели нет, то чего ради впустую языком молоть, не правда ль?

— Задание? — вздохнул канцлер. — Нет. Речь идет о драконе, а это явно превышает пределы твоих возможностей, ведьмак. Уж предпочитаю рубайл. Тебя же я хотел лишь предупредить. Предостеречь. Ведьмачьи причуды, в основе которых лежит деление чудовищ на добрых и злых, я и король Недамир можем терпеть, но не желаем о них слышать, а тем более видеть, как их претворяют в жизнь. Не лезьте в королевские дела, ведьмак. И не якшайтесь с Доррегараем.

— Я не привык, как вы выразились, якшаться с чародеями. Откуда такие мысли?

— Доррегарай, — сказал Гилленстерн, — переплюнет своими причудами даже ведьмаков. Не ограничивается делением чудовищ на хороших и плохих. Считает, что все они хорошие.

— Немного преувеличивает.

— Несомненно. Но отстаивает свои взгляды с яростным упорством. Я, честно говоря, не удивлюсь, если с ним что-нибудь приключится. А то, что он присоединился к нам в странном обществе...

— Я не спутник Доррегарая. И он не мой спутник.

— Не прерывай. Общество довольно странное. Ведьмак, напичканный принципами, словно лисья шуба блохами. Чародей, повторяющий друидские бредни о равновесии в природе. Молчаливый рыцарь Борх Три Галки и его эскорт из Зеррикании, в которой, как известно, складывают жертвы к лапам статуи дракона. И все они ни с того ни с сего присоединяются к охоте. Странно, верно?

— Пусть будет странно.

— Так знай, — сказал канцлер, — что у самых загадочных проблем бывают, как говорит практика, самые простейшие решения. Не заставляй меня, ведьмак, прибегать к ним.

— Не понял?

— Понял, понял. Благодарю за беседу, Геральт.

Геральт остановился. Гилленстерн послал коня вперед, догнал обоз и присоединился к королю. Мимо проехал Эйк из Денесле в стеганом кафтане из светлой кожи и с вмятинами от снятых лат, ведя за собой вьючного коня, нагруженного оружием, цельным серебряным щитом и огромной пикой. Геральт приветливо поднял руку, но странствующий рыцарь отвернулся, сжав тонкие губы, и прищипорил коня.

— Не очень-то он тебя любит, — сказал Доррегарай, подъезжая. — А, Геральт?

— Оно и видно.

— Конкурент? Оба вы работаете в одной области, так сказать, только Эйк — идеалист, а ты — профессионал. Почти никакой разницы, особенно для тех, кого убиваете.

— Не надо сравнивать меня с Эйком, Доррегарай. Неизвестно, кого ты обижаешь таким сравнением, его или меня, но сравнивать не надо.

— Как хочешь. По мне, честно говоря, оба вы одинаково отвратны.

— Благодарю.

— Не за что. — Чародей похлопал по шее коня, напуганного воплями Ярпена и его краснолюдов. — Я считаю, что называть убийство призванием отвратительно, низко и глупо. Наш мир пребывает в равновесии. Уничтожение, избиение каких-либо существ, заселяющих этот мир, нарушает равновесие. А это, в свою очередь, приближает гибель, гибель и конец того света, который мы знаем.

— Друидская теория, — отметил Геральт. — Знаком. Однажды мне ее изложил один старый иерофант, еще в Ривии. Спустя два дня после беседы его разорвали на куски крысолоки. Нарушения равновесия не наблюдалось.

— Мир, повторяю, — Доррегарай равнодушно посмотрел на него, — пребывает в равновесии. Природном. У каждого вида есть свои естественные враги, и каждый является естественным врагом для других видов. К людям это тоже относится. Уничтожение естественных врагов человека, чему ты посвятил свою жизнь и что уже становится заметно, грозит вырождением расы.

— Знаешь что, колдун, — занервничал Геральт, — подойди как-нибудь к матери, у которой василиск сожрал ребенка, и скажи ей, что она должна радоваться, потому как благодаря этому человеческая раса избежала вырождения. Посмотришь, что она тебе ответит.

— Прекрасный аргумент, ведьмак, — сказала Йеннифэр, подъехав к ним сзади на своем вороном. — А ты, Доррегарай, следи за словами.

— Я не привык скрывать свои взгляды.

Йеннифэр въехала между ними. Ведьмак заметил, что золотую сеточку на волосах она сменила на ленту из скрученного белого платочка.

— Так поскорее начни скрывать, Доррегарай, — сказала она. — Особенно перед Недамиром и рубайлами, которые подозревают, что ты намерен помешать им прикончить дракона. Пока ты лишь болтаешь, они смотрят на тебя как на неопасного маньяка. Но как только попытаешься что-либо предпринять, они свернут тебе шею, ты и охнуть не успеешь.

Чародей пренебрежительно усмехнулся.

— Кроме того, — продолжала Йеннифэр, — проповедуя такие взгляды, ты подрываешь основы нашей профессии и призвания.

— Это чем же?

— Свои теории ты можешь прилагать к любым существам и червям, Доррегарай, но только не к драконам. Ибо драконы — естественные наисквернейшие враги человека. И речь идет не о деградации человеческой расы, а о самом ее существовании. Чтобы выжить, надо расправиться с врагами, с теми, кто может свести на нет самое возмещение выживания.

— Драконы — не враги человека, — вставил Геральт. Чародейка взглянула на него и улыбнулась. Одними губами.

— Об этом, — сказала она, — предоставь судить нам, людям. Ты, ведьмак, создан не для оценок. Ты создан для работы.

— Как заводная, безвольная игрушка?

— Это твои слова, не мои, — холодно ответила Йеннифэр. — Но сравнение точное.

— Йеннифэр, — сказал Доррегарай, — для женщины с твоим образованием и твоего возраста ты высказываешь поразительные глупости. Почему именно драконов ты считаешь основными врагами людей? Почему не других, во сто крат более страшных существ, на совести которых гораздо больше жертв, чем у драконов? Почему не хирикки, вилохвосты, мантихоры, амфисбены или грифы? Почему не волки?

— Скажу почему. Преимущество человека перед другими расами и видами в том, что его борьба за соответствующее место в природе, за жизненное пространство может быть выиграна лишь тогда, когда он окончательно исключит кочевой образ жизни — переходы с места на место в поисках пищи, следуя календарю природы. Иначе он не достигнет нужного темпа прироста, человеческое дитя слишком долго не обретает самостоятельности. Только находящаяся в безопасности за стенами города или крепости женщина может рожать в нужном темпе, то есть ежегодно. Плодовитость, Доррегарай, — это прогресс, условие выживания и доминирования. И тут мы подходим к драконам. Ни одно чудовище, кроме дракона, не может угрожать городу или крепости. Если драконов не уничтожить, люди ради безопасности станут распыляться, вместо того чтобы объединяться, потому как драконье пламя в густозастроенном поселке — это кошмар, это сотни жертв, это ужасающая гибель. Поэтому драконы должны быть выбиты до последнего, Доррегарай.

Доррегарай взглянул на нее, странно улыбнулся.

— Знаешь, Йеннифэр, не хотел бы я дожить до того часа, когда осуществится твоя идея о царстве человека, когда тебе подобные займут надлежащее им место в природе. К счастью, до этого дело никогда не дойдет. Уж скорее вы все друг другу глотки перегрызете, перетравите, передохнете от дурмана и тифа, ибо грязь и вши, а не драконы угрожают вашим изумительным городам, в которых женщины рожают ежегодно, но только один новорожденный из десяти доживает до одиннадцатого дня! Да, Йеннифэр, плодовитость, плодовитость и еще раз плодовитость. Займись, дорогая моя, деторождением, это более естественное для тебя занятие. Оно займет у тебя время, которое сейчас ты бесплодно тратишь на придумывание глупостей. Прощай.

Пришпорив коня, чародей направился к голове колонны. Геральт, кинув взгляд на бледное и искаженное яростью лицо Йеннифэр, заранее посочувствовал колдуну. Он знал, в чем дело. Йеннифэр, как и большинство чародеек, была стерильна. Но, как многие чародейки, страдала от этого факта и на упоминание о нем реагировала совершенно дико. Доррегарай, вероятно, знал об этом. Однако, скорее всего, не

предполагал, насколько она мстительна.

— Накличет он себе хлопот на голову, — прошипела Йеннифэр. — Ох, накличет. Будь осторожнее, Геральт. Не думай, что, ежели в случае чего ты не проявишь рассудительности, я стану тебя защищать.

— Не волнуйся, — усмехнулся он. — Мы, то есть ведьмаки и безвольные игрушки, всегда действуем рассудительно. Поскольку однозначно и четко помечены границы возможного, в пределах которых мы можем действовать.

— Ну-ну, смотри. — Йеннифэр, все еще бледная, взглянула на него. — Ты обиделся, как девочка, которую обвинили в утрате невинности. Ты — ведьмак, и этого ничем не изменить. Твое призвание...

— Прекрати, Йен, меня начинает мутить.

— Не говори со мной так, ведьмак. А твои тошноты меня мало интересуют. Как и прочие реакции из ограниченного ведьмачьего ассортимента.

— Тем не менее, некоторые из них тебе придется увидеть, если ты не перестанешь потчевать меня байками о возвышенных предназначениях и борьбе во благо людей. И о драконах, ужасных врагах племени человеческого, я знаю больше.

— Да? — прищурилась чародейка. — И что же ты такое знаешь, ведьмак?

— А хотя бы то, — Геральт не обратил внимания на резкое, предостерегающее дрожание медальона на шее, — что если б у драконов не было сокровищ, то никакая собака, не говоря уж о чародеях, не заинтересовалась бы ими. Даже странно, что при каждой охоте на дракона неподалеку обязательно крутится какой-нибудь чародей, крепко связанный с гильдией ювелиров. Например, ты. И позже, хотя на рынок должны, казалось бы, посыпаться камни и камушки, они почему-то туда не попадают и их цена не падает. Не рассказывай мне сказочки о призвании и борьбе за выживание расы. Я слишком хорошо и слишком долго тебя знаю.

— Слишком долго, — повторила она, зловеще скривив губы, — это уж точно. Но не думай, что слишком хорошо. Ты, сукин сын. Черт, до чего ж я была глупа. А, иди к дьяволу! Видеть тебя не могу!

Она хлестнула вороного, помчалась вдоль колонны. Ведьмак сдержал коня, пропустил телегу краснолюдов, рычащих, ругающихся, высвистывающих что-то на костяных свирелях. Между ними, развалившись на мешках с овсом и побрякивая на лютне, возлежал Лютик.

— Эгей! — орал Ярпен Зигрин, сидевший на козлах, указывая на Йеннифэр. — Чтой-то там чернеет на дороге? Интересно, что? Похоже на

кобылу.

— Несомненно! — отвечивал Лютик, сдвигая на затылок сливового цвета шапочку. — Кобыла! Верхом на мерине! Невероятно!

Ярпеновы парни затрясли бородами в хохоте. Йеннифэр сделала вид, будто не слышит.

Геральт остановил коня, пропустил лучников Недамира. За ними, на некотором удалении, ехал Борх, а следом — зерриканы, образуя арьергард колонны. Геральт дождался, пока они подъедут, повел свою кобылу бок о бок с лошадью Борха. Ехали молча.

— Ведьмак, — вдруг проговорил Три Галки. — Хочу тебя спросить.

— Спрашивай.

— Почему ты не завернешь?

Ведьмак какое-то время глядел на него.

— Ты действительно хочешь знать?

— Хочу, — сказал Три Галки, поворачиваясь к нему лицом.

— Я еду с ними, потому что я безвольная игрушка. Потому что я — пучок пакли, гонимый ветром вдоль дорог. Куда, скажи мне, я должен ехать? И зачем? Здесь, по крайней мере, собрались те, с кем есть о чем поговорить. Те, кто не замолкают, когда я подхожу. Те, кто, даже не любя меня, говорят мне это прямо в глаза, не кидают камни из-за заборов. Я еду с ними по той же причине, по какой поехал с тобой в трактир плотогонов. Потому что мне все равно. У меня нет места, куда я мог бы стремиться. У меня нет цели, которая должна быть в конце пути.

Три Галки откашлялся.

— Цель есть в конце любого пути. Она есть у каждого. Даже у тебя, хоть тебе и кажется, будто ты не такой, как все.

— Теперь я тебя спрошу.

— Спрашивай.

— А в конце твоего пути есть цель?

— Есть.

— Счастливцев.

— Дело не в счастье, Геральт. Дело в том, во что ты веришь и чему отдаешь себя. В чем твое призвание. Никто не может знать об этом лучше, чем... Чем ведьмак.

— Я сегодня то и дело слышу о призвании, — вздохнул Геральт. — Призвание Недамира — захватить Маллеору. Призвание Эйка из Денесле — защищать людей от драконов. Доррегарай чувствует призвание к совершенно обратному. Йеннифэр, учитывая определенные изменения в организме, не может исполнить своего призвания и мечется из стороны в

сторону. Черт побери, только рубайлы да краснолюды не чувствуют никакого призвания, а просто хотят нахапать как можно больше. Может, поэтому меня к ним так тянет?

— Не к ним тебя тянет, Геральт из Ривии. Я не слеп и не глух. Не при звуке их имен ты схватился тогда за мешочек. Но кажется мне...

— Напрасно кажется, — беззлобно сказал ведьмак.

— Прости.

— Напрасно извиняешься.

Они сдержали лошадей в самое время, чтобы не налететь на резко остановившуюся колонну лучников из Каингорна.

— Что случилось? — поднялся на стремянах Геральт. — Почему остановились?

— Не знаю, — повернул голову Борх. Взя с удивительно сосредоточенным лицом быстро произнесла несколько слов.

— Поскачу в голову, — сказал ведьмак. — Узнаю.

— Останься.

— Почему?

Три Галки минуту помолчал, глядя в землю.

— Почему? — повторил Геральт.

— Поезжай, — бросил Борх. — Может, так-то оно и лучше.

— Что — лучше?

— Поезжай.

Мост, связывающий два берега каньона, выглядел солидно, был построен из толстых сосновых бревен, опирался на четырехугольный столб, о который поток, шумя, разбивался на длинные полосы пены.

— Эй! Живодер! — рявкнул Богольт, подводя телегу. — Ты чего остановился?

— Черт его знает, что это за мост!

— А чего ради нам на него лезть? — спросил Гилленстерн, подъезжая ближе. — Что-то не светит мне лезть с телегами на эту кладку. Эй, сапожник! Ты почему ведешь туда, а не по тракту? Ведь тракт идет дальше к западу?

Героический отравитель из Голополя приблизился, скинул барашковую шапку. Выглядел он презабавно, облаченный в натянутый на сермягу старомодный полупанцирь, который выковали еще, почитай, при короле Самбуке.

— Тут дорога короче, государь, — пояснил он не канцлеру, а непосредственно Недамиру, лицо которого по-прежнему выражало прямо-таки болезненную усталость.

— Чем какая? — спросил, поморщившись, Гилленстерн. Недамир не удостоил сапожника даже взглядом.

— Это, — сказал Козоед, указывая на три вздымающиеся над округой щербатые вершины, — Хиява, Пустула и Скочий Зуб. Дорога ведет к руинам старой крепости, обходит Хияву с севера, за истоками реки. А по мосту мы можем дорогу срезать. По ущелью выйдем на равнину меж горами. А если тама драконьих следов не найдем, пойдем дале на восток, осмотрим яры. А еще дале на восток лежат ровнютенькие луговины, оттедова прямая дорога в Каингорн, к вашим, государь, владениям.

— И где это ты, Козоед, такого ума об энтих горах поднабрался? — спросил Богольт. — У колодок сапожных аль как?

— Нет, милсдарь. В ребячестве овец тута пас.

— А мост выдюжит? — Богольт приподнялся на козлах, глянул вниз, на пенящуюся реку. — Пропасть сажен сорок.

— Выдюжит.

— А откуда вообще взялся такой мост в этой глуши?

— Его, — сказал Козоед, — в давние времена тролли срубили, а кто тута ездил, крепко им платить должен был. А так как редко кто тута ездил, то тролли по миру пошли. А мост остался.

— Повторяю, — гневно сказал Гилленстерн, — у нас телеги с грузом и фуражом, на бездорожье мы можем застрять. Не лучше ли трактом ехать?

— Можно и трактом, — пожал плечами сапожник, — но дорога дальняя. А король говорил, что ему надоть к дракону срочно, потому как он высматривает его, словно коршун падь.

— Падаль, — поправил канцлер.

— Пусть падаль, не все едино? — согласился Козоед. — А мостом все равно ближее.

— Ну, так вперед, Козоед, — решил Богольт. — Жми передом, ты и твое войско. У нас такой обычай — вперед пускать самого боевитого.

— Не больше одной телеги сразу, — предостерег Гилленстерн.

— Лады. — Богольт стегнул лошадей, телега задуднила по бревнам моста. — За нами, Живодер! Глянь-ка, колеса ровно идут?

Геральт придержал коня, дорогу ему загородили лучники Недамира в пурпурно-желтых кафтанах, столпившиеся на каменистой площадке.

Кобыла ведьмака фыркнула.

Дрогнула земля. Горы загудели, зубчатый край каменной стены вдруг затуманился на фоне неба, а сама стена неожиданно заговорила глухим ощутимым гулом.

— Внимание! — зарычал Богольт уже с другой стороны моста. — Эй,

там, внимание!

Первые камни, пока еще мелкие, зашуршали и застучали по лихорадочно дрожащему обрыву. На глазах у Геральта часть дороги, раскрываясь в черную, чудовищно быстро увеличивающуюся щель, оборвалась и с оглушительным грохотом рухнула в пропасть.

— По коням! — рявкнул Гилленстерн. — Ваше величество! На другую сторону!

Недамир, вжавшись головой в гриву коня, рванулся на мост, за ним прыгнул Гилленстерн и несколько лучников. Следом, грохоча, ввалился на трясущиеся бревна королевский фургон с полощущимся на ветру прапором с грифом.

— Лавина! С дороги! — взвыл сзади Ярпен Зигрин, хлеща бичом по конским крупам, опережая второй воз Недамира и раскидывая по сторонам лучников. — С дороги, ведьмак! С дороги!

Рядом с телегой краснолюдов прогарцевал Эйк из Денесле, выпрямившийся и чопорный. Если б не смертельно бледное лицо и сжатые в гримасе дрожащие губы, можно было подумать, что странствующий рыцарь не замечает сыплющихся на дорогу камней и обломков. Сзади, в группе лучников, кто-то дико кричал, ржали кони. Геральт рванул поводья, пришпорил коня, в тот же момент земля перед ним запылила от летящих сверху камней. Телега краснолюдов с грохотом протарахтела по камням, перед самым мостом подскочила и с треском осела набок, на сломанную ось. Колесо отбилось от огорожки, полетело вниз, в кипень.

Лошадь ведьмака, по которой били острые обломки камней, встала на дыбы. Геральт хотел соскочить, но зацепился застежкой башмака за стремя и упал на бок, на дорогу. Лошадь заржала и понесла прямо на пляшущий над пропастью мост. По мосту бежали краснолюды, вереща и проклиная кого-то.

— Быстрее, Геральт! — крикнул бегущий за ним Лютик, оглянувшись.

— Вставай, ведьмак! — крикнул Доррегарай, мечась в седле и с трудом удерживая взбесившегося коня.

Позади них дорога тонула в клубах пыли, вздымаемой летящими обломками, разбивающимися в щепы телеги Недамира. Ведьмак уцепился за ремни вьюков, притороченных за седлом чародея. Услышал крик.

Йеннифэр свалилась вместе с лошастью, отползла в сторону, подальше от бьющих вслепую копыт, припала к земле, заслоняя руками голову. Ведьмак отпустил седло, побежал к ней, ныряя в поток камней, перескакивая через разверзающиеся под ногами провалы. Рванул Йеннифэр за плечо, она поднялась на колени. Ее глаза были широко раскрыты, из

рассеченной брови текла кровь. Струйка уже доходила до мочки.

— Вставай! Йен!

— Геральт! Осторожно!

Огромная плоская каменная глыба, с грохотом скользя по стене обрыва, двигалась прямо на них. Геральт упал, прикрыв собой чародейку. В этот момент блок взорвался, развалился на миллиарды осколков, посыпавшихся на них и жалящих, словно осы.

— Быстрее! — крикнул Доррегарай. Сидя на пляшущем коне и размахивая палочкой, он дробил в пыль летевшие с обрыва камни. — На мост, ведьмак!

Йеннифэр, изогнув пальцы, махнула рукой, крикнула что-то непонятное. Камни, сталкиваясь с голубоватой полусферой, неожиданно выросшей над их головами, испарялись, как капли воды, падающие на раскаленное железо.

— На мост, Геральт! — крикнула чародейка. — За мной!

Они побежали, догоняя Доррегарая и нескольких спешившихся лучников. Мост качался и трещал, бревна изгибались, кидая их от перил к перилам.

— Скорее!

Мост вдруг осел с пронзительным треском, та половина, которую они уже оставили позади, с грохотом рухнула в пропасть, вместе с ней телега краснолюдов, разваливаясь на части при ударах о каменные острия, под сумасшедшее ржание коней. Часть моста, на которой они находились, выдержала, но Геральт вдруг сообразил, что они уже бегут вверх, по быстро увеличивающейся крутизне. Йеннифэр, тяжело дыша, выругалась.

— Йен, держись!

Остатки моста заскрежетали и опустились. Они упали, уцепившись за щели между бревнами. Йеннифэр не удержалась, пискнула, словно девчонка, и поехала вниз. Геральт, уцепившись одной рукой, другой выхватил кинжал, всадил острие между бревнами и теперь уже обеими руками ухватился за рукоять. Суставы в локтях затрещали, когда Йеннифэр рванула его, повиснув на ремне и ножнах меча. Помост снова хрустнул и наклонился еще больше, став почти вертикальным.

— Йен, — простонал ведьмак. — Сделай что-нибудь... Дьявольщина, кинь заклинание!

— Как? — услышал он злое приглушенное ворчание. — Ведь я же вишу!

— Освободи одну руку!

— Не могу!

— Эй! — крикнул сверху Лютик. — Держитесь? Эй!

Геральт не счел нужным подтверждать очевидное.

— Давайте веревку! — орал Лютик. — Быстрее, мать вашу...

Около трубадура возникли рубайлы, краснолюды и Гилленстерн. Геральт услышал тихие слова Богольта:

— Погоди, певун. Она сейчас отвалится. Тогда вытянем ведьмака.

Йеннифэр зашипела, словно змея, повиснув на спине Геральта. Ремень болезненно впился ему в грудь.

— Йен! Ты можешь нащупать опору? Ногами? Можешь что-нибудь сделать ногами?

— Да, — простонала она. — Подрыгать...

Геральт глянул вниз на реку, кипящую меж острых камней, о которые бились крутящиеся, немногочисленные бревна моста, на лошадь и труп в ярких одеждах Каингорна. За камнями в изумрудной прозрачной пучине лениво двигались против течения веретенообразные тела огромных форелей.

— Держишься, Йен?

— Еще... да...

— Подтянись. Надо найти опору.

— Не могу...

— Веревку! Дайте веревку! — кричал Лютик. — Вы что, сдурели? Ведь свалятся оба!

— Может, оно и к лучшему? — задумчиво проговорил невидимый Гилленстерн.

Мост затрещал, просел еще больше. Пальцы Геральта, стиснутые на рукояти, начали неметь.

— Йен...

— Заткнись... и перестань верещать...

— Йен...

— Не называй меня так...

— Выдержишь?

— Нет, — холодно сказала чародейка. Она уже не боролась, просто висела у него на спине мертвым, инертным грузом.

— Йен?

— Заткнись.

— Йен. Прости меня.

— Никогда.

Что-то ползло по бревнам вниз. Быстро. Словно змея.

Излучающая синий свет веревка, извиваясь и свиваясь, будто живая,

нащупала подвижным концом шею Геральта, передвинулась под мышки, замоталась в свободный узел. Чародейка застонала. Он был уверен, что она заплачет. Но ошибся.

— Внимание! — крикнул сверху Лютик. — Мы вытаскиваем вас! Нищука! Кеннет! Наверх их! Тяните!

Болезненный рывок, удушающая хватка натянутой веревки. Йеннифэр тяжело вздохнула. Они поехали вверх, быстро, скребя животом по шероховатым доскам настила.

Наверху Йеннифэр встала на ноги первой.

7

— Из всего обоза, король, — сказал Гилленстерн, — мы спасли лишь фургон, не считая рубайловых телег. От отряда осталось семеро лучников. По той стороне пропасти дороги уже нет, только щебень да гладкая стена, насколько позволяет видеть излом. Неизвестно, уцелел ли кто-нибудь из оставшихся, когда мост рухнул.

Недамир не ответил. Эйк из Денесле, выпрямившись, стоял перед королем, вперив в него взор блестящих, лихорадочно горящих глаз.

— Нас преследует гнев богов, — сказал он, вздымая руки. — Видать, согрешили мы, король. Это был священный поход, поход против зла. Ибо дракон есть зло, да, любой дракон есть воплощение зла. Я не прохожу безразлично мимо зла, я давлю его ногами... Уничтожаю. Как велят боги и Святая Книга.

— Что он мелет? — поморщился Богольт.

— Не знаю, — сказал Геральт, поправляя упряжь. — Не понял ни слова.

— Тихо, — сказал Лютик. — Я пытаюсь запомнить, может, удастся использовать, когда подберу рифмы.

— Святая Книга гласит, — окончательно разошелся Эйк, — что изойдет из бездны змий, дракон отвратный, семь глав и десять рог имеющий! А на спине у него усядется дева в пурпуре и багрянце, и кубок золотой будет у нее в руке, а на челе выписан будет знак всякого и полного распутства!

— Я ее знаю! — обрадовался Лютик. — Это Чилия, жена солтыса Зоммерхальдера!

— Успокойтесь, господин поэт, — произнес Гилленстерн. — А вы, рыцарь из Денесле, говорите ясней, если можете.

— Противу зла, король, — завопил Эйк, — надобно поспешать с чистым сердцем и совестью, с поднятой главою! А кого мы видим здесь? Краснолюдов, кои есть поганцы, рождаются в темнотах и темным силам поклоняются! Чародеев-богохульников, присваивающих себе божеские права, силы и привилегии! Ведьмака, коий есть отвратный проклятый извращенец, противуестественное творение. И вы еще удивляетесь, что на наши головы пала кара? Мы дошли до предела возможного! Не надо испытывать божескую милость. Призываю вас, король, очистить от нечисти наши ряды, прежде чем...

— Обо мне ни слова, — жалостно вставил Лютик. — Ни слова о поэтах. А вообще-то я стараюсь...

Геральт ухмыльнулся Ярпену Зигрину, ласково поглаживающему острие засунутого за пояс топора. Краснолюд, развеселившись, ослабилась. Йеннифэр демонстративно отвернулась, притворившись, будто разорванная до самого бедра юбка занимает ее больше, нежели слова Эйка.

— Вы немного переборщили, милсдарь Эйк, — резко проговорил Доррегарай. — Впрочем, уверен, из благородных побуждений. Я считаю совершенно никчемным ваше мнение о чародеях, краснолюдах и ведьмаках. Хотя, мне кажется, все мы уже привыкли к таким речам, все же говорить так невежливо и не по-рыцарски, милсдарь Эйк. И уж вовсе не понятно после того, как вы, а не кто другой, бежите и подаете волшебную эльфову веревку ведьмаку и чародейке, которым угрожает смерть. Из сказанного вами следует, что вам скорее следовало бы молиться, чтобы они упали.

— Черт возьми, — шепнул Геральт Лютику. — Так это он подал веревку? Эйк? А не Доррегарай?

— Нет, — буркнул бард. — Эйк. Именно он.

Геральт недоверчиво покачал головой. Йеннифэр чертыхнулась себе под нос и выпрямилась.

— Рыцарь Эйк, — сказала она с улыбкой, которую любой, кроме Геральта, мог счесть любезной. — Как же так? Я — нечисть, а вы спасаете мне жизнь?

— Вы дама, госпожа Йеннифэр, — рыцарь чопорно поклонился. — А ваше красивое и искреннее лицо позволяет думать, что вы когда-нибудь отречетесь от чернокнижничества.

— Чернокнижия, хотели вы сказать.

Богольт фыркнул.

— Благодарю вас, рыцарь, — сухо сказала Йеннифэр. — И ведьмак Геральт также вас благодарит. Поблагодари его, Геральт.

— Да меня скорее удар хватит, — ведьмак обезоруживающе искренне вздохнул. — За что же? Я мерзкий извращенец. А моя безобразная и лживая физиономия не сулит никаких надежд на исправление. Рыцарь Эйк вытащил меня из пропасти случайно, только потому, что я лихорадочно цеплялся за красивую даму. Виси я там один, Эйк и пальцем бы не шевельнул. Я не ошибаюсь, рыцарь?

— Ошибаетесь, господин Геральт, — спокойно отозвался странствующий рыцарь. — Никому из нуждающихся в помощи я не отказываю. Даже ведьмаку.

— Поблагодари, Геральт. И извинись, — резко сказала чародейка. — В противном случае ты подтвердишь, что по крайней мере в отношении тебя Эйк был совершенно прав. Ты не можешь сосуществовать с людьми. Потому что ты — иной. Твое участие в экспедиции — ошибка. Тебя сюда пригнала бессмысленная цель. Поэтому будет целесообразно отделиться. Я считаю, что ты и сам это понял. А если нет, то пойми наконец.

— О какой цели вы говорите, госпожа? — вклинился Гилленстерн.

Чародейка взглянула на него, но не ответила. Лютик и Ярпен Зигрин усмехнулись многозначительно, но так, чтобы чародейка этого не заметила.

Ведьмак взглянул в глаза Йеннифэр. Они были холодны как лед.

— Прошу прощения и благодарю, рыцарь из Денесле, — наклонил он голову. — Благодарю всех присутствующих за мое непреднамеренное и поспешное спасение. Я слышал, когда висел, как вы наперегонки рвались мне на помощь. Прошу всех присутствующих простить меня. За исключением благородной Йеннифэр, которую я благодарю, ни о чем не прося. Прощайте. Мерзость по собственной воле покидает благородную компанию. Ибо вы у мерзости уже вот где сидите! Бывай, Лютик.

— Эй, Геральт! — крикнул Богольт. — Не разыгрывай из себя целочку. Не делай из мухи слона. К черту...

— Лю-ю-юди!

Со стороны устья ущелья бежал Козоед и несколько голопольских милиционеров, высланных на разведку.

— Что такое? Чего он орет? — поднял голову Нищука.

— Люди... Ваши милости... — задыхался сапожник.

— Отдышись, человек, — сказал Гилленстерн, засовывая большие пальцы за золотой пояс.

— Дракон! Там дракон!

— Где?

— За ущельем... На равнине... Господин, он...

— По коням! — скомандовал Гилленстерн.

— Нищука! — рявкнул Богольт. — На телегу! Живодер, на коня и за мной!

— В галоп, парни! — завопил Ярпен Зигрин. — Галопом, мать вашу так!

— Эй, погодите! — Лютик забросил лютню за спину. — Геральт, возьми меня на коня!

— Прыгай!

Ущелье окончилось россыпью светлых камней, все более редких, образующих неправильную окружность. За ними местность мягко понижалась, переходя в поросшую травой, слегка холмистую луговину, со всех сторон замкнутую известняковыми стенами, в которых зияли тысячи отверстий. Три узких каньона, устья высохших потоков, выходили на луговину.

Богольт первым доскакал до каменного барьера, резко осадил коня, поднялся на стремянах.

— О зараза, — сказал он. — О чертова зараза. Этого... этого не может быть!

— Чего? — спросил Доррегарай, подъезжая. Рядом с ним Йеннифэр, спрыгнув с телеги, налегла грудью на каменную глыбу, выглянула, попятилась, протерла глаза.

— Что? Что такое? — крикнул Лютик, выглядывая из-за спины Геральта. — Что такое, Богольт?

— Дракон-то... дракон... золотой.

Не больше чем в ста шагах от каменной горловины ущелья, из которого они только что вышли, у дороги, ведущей к северной части каньона, на куполообразном невысоком холме сидело существо. Оно сидело, изогнув правильной дугой длинную изящную шею, склонив узкую голову на выпуклую грудь, оплетя хвостом передние выпрямленные лапы.

Было в этом существе, в его позе что-то невообразимо грациозное, что-то кошачье, что-то противоречащее его явно змеиной родословной. Несомненно, змеиной. Ибо существо было покрыто слепящей глаза золотой чешуей с четким рисунком. Да, существо, сидящее на холме, было золотым — золотым от острых, зарывшихся в землю когтей до конца длинного хвоста, слегка шевелящегося меж покрывающих холмик растений. Глядя на них огромными золотыми глазами, существо расправило широкие золотистые нетопыринные крылья и так сидело, неподвижное, как бы требуя, чтобы им любовались.

— Золотой дракон, — шепнул Доррегарай. — Невероятно... Живая легенда!

— Не существует в мире, чертова мать, золотых драконов, — заявил Нищука и сплюнул. — Я-то знаю, что говорю.

— А что же в таком случае сидит на холме? — трезво спросил Лютик.

— Обман какой-то...

— Иллюзия...

— Это не иллюзия, — сказала Йеннифэр.

— Это золотой дракон, — проговорил Гилленстерн. — Самый настоящий золотой дракон.

— Золотые драконы бывают только в легендах!

— Перестаньте, — вклинился Богольт. — Нечего дергаться! Любому болвану ясно, что это золотой дракон. Да и какая разница, милсдари, золотой, синий, пегий в крапинку или клетчатый? Он невелик, уделаем его в момент. Живодер, Нищука, разгружайте телегу, вытаскивайте снаряжение. Тоже мне разница — золотой не золотой.

— Есть разница, Богольт, — сказал Живодер, — и большая. Это не тот дракон, на которого мы охотимся. Не тот, подтравленный под Голопольем, который сидит в яме на драгоценностях и золоте. А этот сидит только на собственной заднице. Так на кой он нам ляд?

— Это золотой дракон, Кеннет, — буркнул Ярпен Зигрин. — Ты когда-нибудь такого видел? Не понимаешь? За его шкуру мы возьмем больше, чем вытащили бы из обычного сундучища с сокровищами.

— И к тому же это не ухудшает ситуации на рынке драгоценных камней, — добавила Йеннифэр, нехорошо усмехаясь. — Ярпен прав. Договор действует. Есть что делить, разве нет?

— Эй, Богольт? — крикнул Нищука с воза, с грохотом копаясь в снаряжении... — Что надеваем на себя и лошадей? Чем эта золотая гадина может ударить? Огнем? Кислотой? Паром?

— А хрен ее знает, — задумался Богольт. — Эй, чародеи! Легенды о золотых драконах говорят, как такое чудо уделать?

— Как? А проще простого! — крикнул Козоед. — Чего тут мурыжить, а ну давайте-ка сюда животягу какую-никакую. Напихаем в нее чего-нибудь ядовитого и подкинем гаду, пусть сожрет и того...

Доррегарай искоса глянул на сапожника. Богольт сплюнул. Лютик отвернулся. На его лице читалось отвращение. Ярпен Зигрин усмехнулся, уперев руки в бока.

— Чего глазеее? — спросил Козоед. — За работу, надо решить, чем труп нафаршировать, чтобы гад поживее его заглотнул. Чем-нибудь жутко ядовитым, отравой какой смердящей или гнилью.

— Ага, — проговорил краснолюд, не переставая усмехаться. —

Ядовитое, паскудное и смердящее. Ясно. Знаешь что, Козоед? Получается — ты.

— Что?

— Дерьмо ты, вот что. Мотай отседова, халтурщик, чтоб глаза мои тебя не видели.

— Господин Доррегарай, — проговорил Богольт, подходя к чародею, — оправдайте хоть чем-нибудь свое присутствие. Припомните легенды и сказания. Что вам известно о золотых драконах?

Чародей улыбнулся, гордо выпрямился.

— Что мне известно о золотых драконах, говоришь? Мало, но все-таки...

— Так слушаю.

— И слушайте, слушайте внимательно. Вон там, перед нами, сидит золотой дракон. Живая легенда, последнее, быть может, и единственное в своем роде существо, уцелевшее от вашего неудержимого стремления убивать. Легенду не убивают. Я, Доррегарай, не позволю вам тронуть этого дракона. Понятно? Можете собирать шмотки, приторачивать вьюки и возвращаться по домам.

Геральт был уверен, что начнется суматоха. Он ошибался.

— Уважаемый чародей, — прервал тишину Гилленстерн, — следите за тем, что и кому вы говорите. Король Недамир может приказать вам, Доррегарай, приторочить вьюки и убираться к черту. Но не наоборот. Вам это ясно?

— Нет, — гордо ответил чародей. — Неясно. Ибо я — Доррегарай, и мне не может приказывать король, владения которого можно охватить взглядом с высоты частокола, огораживающего паршивую, грязную, прости Господи, засранную крепость. Известно вам, милсдарь Гилленстерн, что стоит мне произнести заклинание и шевельнуть рукой, как вы превратитесь в коровью лепешку, а ваш незрелый король — в нечто непроизносимо худшее? Вам ясно?

Гилленстерн не успел ответить, потому что Богольт, подскочив к Доррегараю, схватил его за плечи и повернул к себе лицом. Нищука и Живодер, молчаливые и угрюмые, высунулись из-за спины Богольта.

— Послушай-ка, господин магик, — тихо сказал огромный рубайла, — прежде чем шевелить руками-то. Я мог бы долго толковать тебе, уважаемый, что обычно делаю с такими засратыми легендами и дурацкими трепачами, как ты. Но мне чтой-то не хотца. Вот тебе вместо ответа. Тебе это ясно?

Богольт кашлянул, приложил палец к носу и с близкого расстояния

сморкнул чародею на мыски ботинок.

Доррегарай побледнел, но не пошевелился. Он видел — как и все — цепной шестопёр на рукояти длиной в локоть, который держал Нищука в низко опущенной руке. Он знал — как и все, — что время, нужное для заклинания, несравненно большее, чем то, какое требуется Нищуке, чтобы раскроить ему череп.

— Ну, — сказал Богольт. — А теперь аккуратненько отойди в сторонку. А ежели тебе придет охота снова раскрыть пасть, то быстренько засунь в нее пук травы. Потому как если я еще раз услышу твой вой, ты меня запомнишь.

Богольт отвернулся, потер руки.

— А ну, Нищука, Живодер, за работу, а то эта гадина еще, чего доброго, сбежит.

— Не похоже, чтобы он собирался бежать, — сказал Лютик, рассматривая поле предполагаемой битвы. — Посмотрите.

Сидевший на холмике золотой дракон зевнул, задрал голову, махнул крыльями и хлестнул по земле хвостом.

— Король Недамир и вы, рыцари! — зарычал он так, словно это была латунная труба. — Я дракон Виллентретенмерт! Похоже, не всех остановила лавина, которую, не считите это похвальбой, я спустил вам на головы. Вы смогли добраться аж сюда. Вам известно, что отсюда есть три выхода. Дорогами на восток, к Голополью, и на запад, к Каингорну, можете воспользоваться. Но по северному каньону не пойдете, ибо я, Виллентретенмерт, запрещаю. Если же кто-либо не желает послушаться моего приказа, того я вызываю на бой, на честный рыцарский поединок. На конвенционном оружии, без колдовства, без полыхания огнем. Бой до полной капитуляции одной из сторон. Жду ответа через вашего гарольда, как того требует обычай!

Все стояли, широко раскрыв рты.

— Он умеет говорить! — просипел Богольт. — Невероятно!

— К тому же жуть как мудро, — сказал Ярпен Зигрин. — Кто-нибудь из вас знает, что такое конфессионное оружие?

— Конвенционное, а не конфессионное. Обычное, а не магическое, — сказала Йеннифэр насупившись. — Однако меня удивляет другое. Невозможно членораздельно говорить, если у тебя раздвоенный язык. Этот стервец пользуется телепатией. Будьте внимательны, это действует двусторонне. Он может читать ваши мысли.

— Он что, вконец спятил или как? — заволновался Кеннет-Живодер. — Честный поединок? С дурным-то гадом? Еще чего! А ну

пошли на него кучей! В куче — сила.

— Нет!

Они оглянулись.

Эйк из Денесле, уже на коне, в полном вооружении, с пикой при стремени, выглядел гораздо солиднее, чем пеший. Из-под поднятого забрала лихорадочно блестели глаза, светилось бледное лицо.

— Нет, господин Кеннет, — повторил рыцарь. — Только через мой труп. Я не допущу, чтобы в моем присутствии оскорбляли рыцарскую честь. Тот, кто рискнет нарушить принципы рыцарского поединка...

Эйк говорил все громче, его возбужденный голос то и дело ломался и дрожал от волнения.

— ...кто оскорбляет честь, тот оскорбляет и меня, и кровь его либо моя прольется на сию измученную землю. Скотина требует поединка? Хорошо! Пусть гарольд протрубит мое имя! Да исполнится воля богов! У дракона сила клыков, когтей и дьявольская злоба, а у меня...

— Ну кретин, — буркнул Ярпен Зигрин.

— А у меня благородство, у меня вера, у меня слезы девушек, которых этот гад...

— Кончай, Эйк, тошнит! — рыкнул Богольт. — Дальше, в поле! Принимайся за дракона, чем болтать-то!

— Эй, Богольт, погоди, — вдруг сказал краснотел, почесав бороду. — Забыл об уговоре? Если Эйк положит гадину, он возьмет себе половину...

— Эйк ничего не возьмет, — ощерился Богольт, — я его знаю. Ему достаточно, если Лютик сложит о нем песенку.

— Тихо! — крикнул Гилленстерн. — Да будет так. Против дракона выступит благородный странствующий рыцарь Эйк из Денесле, бьющийся в цветах Каингорна и тем самым олицетворяющий копье и меч короля Недамира. Таково королевское решение.

— Извольте! — заскрежетал зубами Ярпен Зигрин. — Копье и меч Недамира. Уделал нас каингорнский кролик. И что теперь?

— А ничего, — сплюнул Богольт. — Надеюсь, ты не думаешь связываться с Эйком, Ярпен? Он болтает ерунду, но уж коли забрался на кобылу и его понесло, то лучше отойти с дороги. Пусть идет, зараза, и пусть укокошит дракона. А там посмотрим.

— Кто будет гарольдом? — спросил Лютик. — Дракон требовал гарольда. Может, я?

— Нет. Это тебе не песенки распевать, Лютик, — поморщился Богольт. — Пусть гарольдом будет Ярпен Зигрин. У него голос как у бугая.

— Лады. А чего? — сказал Ярпен. — Давайте сюда знаменщика со

знаком, чтобы все было как положено.

— Только говорите вежливо, господин краснолюд. И изысканно, — напомнил Гилленстерн.

— Не учите меня жить, — гордо выпятил живот краснолюд. — Я ходил послом, когда вы еще хлеб называли «ням-ням», а мух — «муф-муф».

Дракон по-прежнему спокойно сидел на холме, весело помахивая хвостом. Краснолюд вскарабкался на самый большой валун, откашлялся и сплюнул.

— Эй, ты там! — заорал он, взявшись за бока. — Дракон поиметый! Слушай, чего тебе гарольд скажет. Я, сталбыть! Первым за тебя благородно примется странствующий, мать его так, рыцарь Эйк из Денесле! И всадит тебе пику в брюхо, как того требует священный обычай, на погибель тебе и на радость бедненьким девицам и королю Недамиру! Драка должна быть честной и по правилам, пыхать огнем не можно, а только профессионально дубасить друг дружку, пока энтот другой лапти не откинет, не помрет, сталбыть! Чего тебе от души и сердца желаем. Усек, дракон?

Дракон зевнул, взмахнул крыльями, потом, припав к земле, быстро спустился с холма на ровное место.

— Понял, уважаемый гарольд! — прорычал он. — Так пусть же выйдет на поле боя благородный Эйк из Денесле. Я готов!

— Ну прям цирк, да и только. — Богольт сплюнул, угрюмым взглядом проводил Эйку, шагом выезжавшего из-за барьера камней. — Уссаться можно...

— Заткнись, Богольт! — крикнул Лютик, потирая руки. — Смотри, Эйк намерен атаковать! Черт побери, вот будет баллада, всем балладам баллада!

— Уррра! Хвала Эйку! — крикнул кто-то из группы лучников Недамира.

— А я, — угрюмо бросил Козоед, — я б его все ж для верности начинил серой.

Эйк, уже в поле, отсалютовал дракону поднятой пикой, опустил забрало и пришпорил коня.

— Ну-ну, — сказал краснолюд. — Глуп-то он, может, и глуп, но в атаках сечет. Гляньте только!

Эйк, наклонившись и укрепившись в седле, на полном скаку опустил пику. Дракон, против ожидания Геральта, не отскочил, не пошел полукругом, а, прижавшись к земле, кинулся прямо на атакующего рыцаря.

— Бей его! Бей, Эйк! — рявкнул Ярпен.

Эйк, хоть и мчался галопом, не ударил вслепую, куда попало. В последний момент он ловко изменил направление, перекинул пику над головой лошади. Пронесаясь мимо дракона, ударил изо всей силы, привстав на стремях. Все крикнули в один голос. Геральт к хору не присоединился.

Дракон ушел от удара мягким, ловким, полным грации поворотом и, свернувшись, словно живая золотая лента, молниеносно, но тоже мягко, истинно по-кошачьи, достал лапой живот коня. Конь споткнулся, высоко подкинул круп, рыцарь качнулся в седле, но пики не выпустил. В тот момент, когда лошадь почти зарылась ноздрями в землю, дракон резким движением лапы смел Эйку с седла. Все увидели взлетевшие в воздух, кружащие пластины лат, услышали грохот и звон, с которым рыцарь свалился на землю.

Дракон, присев, придавил коня лапой, опустил зубастую пасть. Конь душераздирающе взвизгнул, рванулся и утих.

В наступившей тишине прозвучал глубокий голос Виллентретенмерта:

— Мужественного Эйка из Денесле можно убрать с поля, он не способен к дальнейшему бою. Следующий.

— Ну курва, — бросил Ярпен Зигрин в наступившей тишине.

8

— Обе ноги, — сказала Йеннифэр, вытирая руки льняной тряпкой. — И кажется, что-то с позвоночником. Латы на спине вмяты, словно он получил железной палицей. А ноги — ну это из-за собственной пики. Не скоро он снова сядет в седло, если сядет вообще.

— Профессиональный риск, — буркнул Геральт.

— Это все, что ты можешь сказать? — поморщилась чародейка.

— А что бы ты хотела услышать?

— Дракон невероятно скор, Геральт. Слишком скор, чтобы с ним мог тягаться человек.

— Понял. Нет, Йен. Я — пас.

— Принципы? — ядовито усмехнулась чародейка. — Или самый обыкновенный страх? Это единственная человеческая эмоция, которую в тебе не уничтожили?

— И то и другое, — равнодушно согласился ведьмак. — Какая разница?

— Вот именно. — Йеннифэр подошла поближе. — Никакой. Принципы можно нарушить, страх — преодолеть. Убей дракона. Ради

меня.

— Ради тебя?

— Ради меня. Мне нужен этот дракон, Геральт. Весь. Я хочу получить его только для себя одной.

— Используй чары и убей.

— Нет. Убей его ты. А я чарами сдержу рубайл и остальных, чтобы не мешали.

— Будут трупы, Йеннифэр.

— С каких пор тебе это мешает? Займись драконом, я беру на себя людей.

— Йеннифэр, — холодно сказал Геральт, — не понимаю. Зачем тебе дракон? Неужто тебя до такой степени ослепил золотой блеск его чешуи? Ты же не бедствуешь, у тебя неисчерпаемый источник прокорма, ты знаменита. В чем же дело? Только не говори мне о призвании, прошу тебя.

Йеннифэр молчала, наконец, скривив губы, с размаху пнула лежащий в траве камень.

— Существует человек, который может мне помочь. Кажется, это... ты знаешь, о чем я... Кажется... это не необратимо. Есть шанс. Я еще могу иметь... Понимаешь?

— Понимаю.

— Это очень сложная операция, очень дорогая. Но взамен за золотого дракона... Геральт?

Ведьмак молчал.

— Когда мы висели на мосту, — проговорила чародейка, — ты просил меня кое о чем. Я исполню твою просьбу. Несмотря ни на что.

Ведьмак грустно улыбнулся, указательным пальцем коснулся обсидиановой звезды на шее Йеннифэр.

— Слишком поздно, Йен. Мы уже не висим. Я раздумал. Несмотря ни на что.

Он ожидал самого худшего, клубов огня, молнии, удара в лицо, оскорблений, проклятий. И удивился, видя только сдерживаемую дрожь губ. Йеннифэр медленно отвернулась. Геральт пожалел о сказанном. Ему было стыдно за прорвавшиеся эмоции. Предел возможного, который он переступил, лопнул, словно струна лютни. Он взглянул на Лютика, успел заметить, как трубадур быстро отвернулся, избегая его взгляда.

— Ну так, с проблемами рыцарской чести покончено! — воскликнул уже нацепивший латы Богольт, встав перед Недамиром, все еще сидевшим на камне. — Рыцарская честь все еще валяется там и стонет. — Выражение скуки не покидало лица короля. — Глупо было, милсдарь Гилленстерн,

выпускать Эйку в качестве вашего рыцаря и вассала. Я не собираюсь указывать пальцем, но знаю, кому Эйк обязан сломанными ногами. Выходит, мы быстренько, одним махом, отделались от двух проблем. От одного психа, собиравшегося по-идиотски оживлять легенды о смелом рыцаре, в поединке побеждающем дракона, и одного пройдохи, который думал на этом подзаработать. Вы знаете, о ком я говорю, Гилленстерн? Ну и лады. А теперь наш черед. Теперь дракон наш. Теперь мы, рубайлы, прикончим его. Но уже для себя.

— А уговор, Богольт? — процедил канцлер. — Как с уговором?

— В заднице у меня ваш уговор, многоуважаемый Гилленстерн.

— Это кощунство! Это измывательство над королем! — топнул ногой канцлер. — Королем Недамиром...

— Ну что король? Что король-то? — крикнул Богольт, опираясь на огромный двуручный меч. — Может, король желает самолично пойти на дракона? А может, вы, его верный слуга, упихаете в латы свое брюхо и выйдете в поле? Почему бы нет, извольте, мы подождем, ваша милость. У вас был шанс, Гилленстерн. Если бы Эйк прикончил дракона, вы получили бы его целиком, нам не досталось бы ничего, ни единой золотой чешуйки с его хребта. А теперь поздно. Протрите глаза. Некому биться в цветах Каингорна. Второй такой дурень, как Эйк, не сыщется!

— Неправда! — Сапожник Козоед припал к королю, все еще занятому рассматриванием только ему одному ведомой точки на горизонте. — Ваше величество, милсдарь король! Погодите малость, скоро подойдут наши из Голополья! Наплюйте вы на выпендривающихся дворян, гоните их взашей! Увидите, как действуют те, кто силен рукой, а не словами!

— Закрой хайло, — спокойно бросил Богольт, стирая пятнышко ржавчины с нагрудника. — Заткни хайло, хам, не то я заткну тебе его так, что зубы в горле застрянут.

Козоед, видя приближающихся Кеннета и Нищуку, попятился за спины голопольских милиционеров.

— Король! — крикнул Гилленстерн. — Что прикажешь, король?

Гримаса безразличия вдруг сползла с лица Недамира. Несовершеннолетний монарх сморщил веснушчатый нос и встал.

— Что прикажу? — тоненько произнес он. — Наконец-то ты спросил об этом, Гилленстерн, вместо того чтобы решать за меня и говорить за меня и от моего имени. Очень рад. Отныне пусть так и будет. С этой минуты ты будешь молчать, Гилленстерн, и слушать приказы. И вот первый: собирай людей, вели положить на телегу Эйку из Денесле. Мы возвращаемся в Каингорн.

— Ваше...

— Ни слова, Гилленстерн. Госпожа Йеннифэр, благородные господа, я прощаюсь с вами. Я потерял на этой экспедиции немного времени, но и получил многое. Многому научился. Благодарю вас за слова, госпожа Йеннифэр, господин Доррегарай, господин Богольт. И благодарю за молчание, господин Геральт.

— Король, — сказал Гилленстерн. — Как же это? Что же это? Дракон уже вот-вот. Руку протянуть. Король, твоя мечта...

— Моя мечта, — задумчиво повторил Недамир. — У меня ее еще нет. А если я здесь останусь... Может, тогда ее у меня уже не будет никогда.

— А Маллеора? А рука княжны? — не сдавался канцлер, размахивая руками. — А трон? Король, тамошний народ признает тебя...

— В задницу тамошний народ, как любит говорить господин Богольт, — засмеялся Недамир. — Трон Маллеоры и без того мой, потому что у меня в Каингорне триста латников и полторы тысячи пеших против их тысячи зазнавшихся щитников. А признать меня они и без того признают. Я до тех пор буду вешать, сносить головы и волочить по улицам лошадьми, пока меня не признают. А их княжна — это жирная телка, и плевать мне на ее руку, мне нужна только ее... короче, пусть родит наследника, а потом я ее все равно отравлю. Методом мэтра Козоеда. Довольно болтать, Гилленстерн. Приступай к выполнению полученного приказа.

— Воистину, — шепнул Лютик Геральту, — он многому научился.

— Многому, — подтвердил Геральт, глядя на холмик, на котором золотой дракон, опустив узкую треугольную голову, лизал ярко-красным, раздвоенным языком что-то такое, что сидело в траве около него. — Но не хотел бы я быть его подданным, Лютик.

— И что теперь с нами будет, как думаешь?

Ведьмак спокойно смотрел на маленькое серо-зеленое существо, трепыхавшее крылышками летучей мыши рядом с золотыми когтями наклонившегося дракона.

— А как тебе все это, Лютик? Что ты об этом думаешь?

— Какое значение имеет, что я думаю? Я поэт, Геральт. Разве мое мнение кому-то интересно?

— Интересно.

— Ну так я тебе скажу. Я, Геральт, когда вижу гада, змею, допустим, или другую ящерку, то меня аж тошнить начинается, так я этим паскудством брезгую и боюсь. А вот этот дракон...

— Ну?

— Он... Он красивый, Геральт.

— Спасибо, Лютик.

— За что?

Геральт повернул голову, медленно потянулся к пряжке ремня, наискось пересекавшего грудь, затянул его на две дырочки. Поднял правую руку, проверяя, в нужном ли положении находится рукоять меча. Лютик смотрел на него, широко раскрыв глаза.

— Геральт! Ты собираешься...

— Да, — спокойно сказал ведьмак. — Есть предел возможному. С меня достаточно. Ты идешь с Недамиром или остаешься, Лютик?

Трубадур наклонился, осторожно и заботливо положил лютню рядом с камнем, выпрямился.

— Остаюсь. Как ты сказал? Предел возможному? Оставляю себе право так назвать балладу.

— Это может быть твоя последняя баллада, Лютик.

— Геральт?

— Что?

— Не убивай его... Можешь?

— Меч — это меч, Лютик. Уж коли его возьмешь в руки...

— Постарайся.

— Постараюсь.

Доррегарай захихикал, повернулся к Йеннифэр и рубайлам, указал на удаляющийся королевский обоз.

— Вон там, смотрите, — сказал он, — уходит король Недамир. Больше он уже не отдает королевских приказов устами Гилленстерна. Он уходит, послушавшись гласа рассудка. Хорошо, что ты здесь, Лютик. Думаю, тебе есть смысл начать сочинять балладу.

— О чем?

— А вот о том, — чародей вынул из-за пазухи палочку, — как мэтр Доррегарай, чернокнижник, погнал по домам паршивцев, пожелавших по-паршивски убить последнего золотого дракона, оставшегося на свете. Не двигайся, Богольт! Ярпен, руки прочь от топора! И не вздумай пошевелиться, Йеннифэр! Вперед, паршивцы, за королем, как за родной матерью, марш! Марш по коням, по телегам. Предупреждаю: кто сделает хотя бы одно неверное движение, от того останется вонь и стеклышко на песке. Я не шучу.

— Доррегарай! — прошипела Йеннифэр.

— Уважаемый чародей, — дружелюбно проговорил Богольт, — ну нельзя же так...

— Молчи, Богольт. Я сказал: дракона не трогать. Легенду не убивают. Кру-у-угом — и прочь отсюда.

Йеннифэр неожиданно выбросила руку вперед, и земля вокруг Доррегарая вздыбилась голубым огнем, запылила пылью разорванного дерна и щебня. Чародей покачнулся, охваченный пламенем. Нищука, подскочив, ударил его в лицо костяшками пальцев. Доррегарай упал, из его палочки вырвалась красная молния и погасла в камнях. Живодер, подскочив с другой стороны, пнул лежащего чародея, размахнулся, чтобы повторить. Геральт прыгнул между ними, оттолкнул Живодера, выхватил меч, ударил, метаясь между наплечником и нагрудником лат. Ему помешал Богольт, парировав удар широким клинком двуручного меча. Лютик подставил ногу Нищуке, но впустую — Нищука вцепился в яркий кафтан барда и вlepил ему кулаком меж глаз. Ярпен Зигрин, подскочив сзади, подрубил Лютику ноги, ударив топориком под коленями.

Геральт собрался в пируэте, ускользнул от меча Богольта, коротко ударил подлетевшего к нему Живодера и сорвал с него железный наручник. Живодер отскочил, споткнулся, упал. Богольт гакнул, шибанул мечом, как косой. Геральт проскочил над свистящим лезвием, головкой меча саданул Богольта в нагрудник, откинул, ударил, метая в щеку. Богольт, видя, что не сумеет парировать тяжелым мечом, бросился назад, упал навзничь. Ведьмак подскочил к нему и в этот момент почувствовал, что земля уходит у него из-под немеющих ног. Увидел, как горизонт становится дыбом. Напрасно пытаясь сложить пальцы в защитный Знак, он тяжело ударился боком о землю, выпустив меч из помертвевшей руки. В ушах гудело и шумело.

— Свяжите их, пока действует заклинание, — сказала Йеннифэр откуда-то сверху и очень издалека. — Всех троих.

Доррегарай и Геральт, оглушенные и бессильные, не сопротивляясь, позволили себя спутать и привязать к телеге. Лютик рвался и ругался, поэтому еще до того, как его связали, получил по физиономии.

— Зачем их связывать, предателей, сукиных сынов, — сказал Козоед, подходя. — Укокошить сразу, и кранты.

— Сам ты сын, к тому же сучий, — сказал Ярпен Зигрин. — Не оскорбляй собак. Пшел вон, подметка гнилая.

— Ишь, какие смелые, — проворчал Козоед. — Поглядим, достанет ли вам храбрости, когда мои из Голополя подойдут, а они уже вот-вот. Посмо...

Ярпен, вывернувшись с неожиданной при его тучности ловкостью, треснул сапожника топориком в лоб. Стоявший рядом Нищука добавил

пинком. Козоед пролетел несколько сажен и зарылся носом в траву.

— Вы это попомните! — крикнул он, стоя на четвереньках. — Всех вас...

— Парни! — рывкнул Ярпен Зигрин. — Надавайте сапожнику по заду, дратва его мать! Хватай его, Нищука!

Козоед ждать не стал. Вскочил и рысью кинулся в сторону восточного каньона. За ним последовали голопольские охотники. Краснолюды с хохотом кидали им в спины камни.

— Сразу как-то воздух чище стал, — засмеялся Ярпен. — Ну, Богольт, беремся за дракона.

— Не спешите, — подняла руку Йеннифэр. — Братся-то вы можете, да только за ноги. За свои. Все, сколько вас тут есть.

— Не понял? — Богольт ссутулился, глаза его зловеще разгорелись. — Что вы сказали, госпожа ведьма?

— Выматывайтесь отсюда вслед за сапожником, — повторила Йеннифэр, — все. Я сама управлюсь с драконом. Неконвенционным оружием. А на прощание можете меня поблагодарить. Не вмешайся я, вы испробовали бы на себе ведьмачьего меча. Ну быстренько, Богольт, не заставляй меня нервничать. Предупреждаю, я знаю заклинание, с помощью которого могу превратить вас в меринов. Достаточно рукой пошевелить.

— Ну уж нет, — процедил Богольт. — Мое терпение дошло до предела возможного. Не позволю делать из себя идиота. Живодер, отцепи-ка дышло. Чую, и мне понадобится неконвенционное оружие. Сейчас, с вашего позволения, кто-то отхватит по крестцу. Я не стану тыкать пальцем, но сей момент получит по крестцу одна паршивая ведьма.

— Только попробуй, Богольт. Доставь мне удовольствие.

— Йеннифэр, — укоризненно сказал краснолюд. — Почему?

— А может, я просто не люблю делиться, Ярпен?

— Ну что ж, — усмехнулся Ярпен Зигрин. — Глубоко человеческое чувство. Настолько человеческое, что не хуже краснолюдского. Приятно видеть свойские... свойства у чародейки. Потому как и я тоже не люблю делиться, Йеннифэр.

Он согнулся и коротко замахнулся. Железный шар, появившийся неведомо откуда и когда, свистнул в воздухе и ударил Йеннифэр в лоб. Прежде чем чародейка успела прийти в себя, она уже висела в воздухе, удерживаемая за руки Живодером и Нищукой, а Ярпен опутывал ей щиколотки веревкой. Йеннифэр яростно крикнула, но один из стоявших позади парней Ярпена закинул ей ременные поводья на голову, сильно стянул, ремень, врезавшийся в раскрытый рот, заглушил крик.

— Ну и как, Йеннифэр? — спросил Богольт, подходя. — Как же ты сделаешь из меня мерина? Коль и рукой не можешь пошевелить?

Он разорвал ей воротник кафтанчика, рубашку. Йеннифэр визжала, давясь поводьями.

— Нет у меня сейчас времени, — проговорил Богольт, бесстыже ощупывая ее под ржание краснолюдов, — но погоди малость, ведьма. Прикончим дракона — поиграем. Привяжите ее как следует к колесу, парни. Обе лапки к ободу, так, чтобы она и пальцем не пошевелила. И пусть ее теперь никто не трогает, мать вашу так, прошу прощения. Очередность установим в зависимости от того, кто как покажет себя с драконом. Эй, кто-нибудь, уберите ремень.

— Богольт, — проговорил связанный Геральт тихо, спокойно и зловеще. — Осторожней. Я отыщу тебя на краю света.

— Удивительно, — ответил рубайла так же спокойно. — Удивительно. Я б на твоём месте сидел тихо. Я знаю тебя и вынужден серьезно отнестись к угрозе. У меня не будет выхода. Ты можешь не выжить, ведьмак. Мы еще вернемся к этому вопросу. Нищука, Живодер, на коней.

— Ну судьба, — застонал Лютик. — На кой ляд я ввязался?

Доррегарай, наклонив голову, рассматривал сгустки крови, медленно капавшие из носа на живот.

— Может, перестанешь глазеть! — с трудом выговорила чародейка, словно змея, извиваясь в веревочной петле и напрасно пытаясь скрыть обнаженные прелести. Ведьмак послушно отвернулся. Лютик — нет.

— На то, что я вижу, — засмеялся бард, — ты, небось, использовала никак не меньше бочонка эликсира из поскрипа, Йеннифэр. Кожа как у шестнадцатилетки, искусай меня гусыня.

— Заткнись, курвин сын! — взвыла чародейка.

— Сколько тебе, собственно, лет, Йеннифэр? — продолжал Лютик. — Сотни две? Ну, скажем, сто пятьдесят. А сохранилась как...

Йеннифэр вывернула шею и плюнула в него, но промахнулась.

— Йен, — укоризненно сказал ведьмак, вытирая оплеванное ухо о плечо.

— Пусть он перестанет глазеть!

— И не подумая, — сказал Лютик, не спуская глаз с роскошной картины, каковую представляла собой растрепанная чародейка. — Ведь мы из-за нее тут сидим. И нам могут перерезать горло. А ее, самое большее, изнасилуют, что в ее-то возрасте...

— Заткнись, Лютик, — сказал ведьмак.

— И не подумая, — повторил бард. — Я как раз собираюсь сложить

балладу о двух сиськах. И попрошу не мешать...

— Лютик, — Доррегарай потянул кровоточащим носом, — будь серьезным.

— Я и так чертовски серьезен.

Богольт, поддерживаемый двумя краснолюдами, с трудом вскарабкался в седло, тяжелый и неуклюжий от лат и наложенных на них кожаных защитных пластин. Нищука и Живодер уже сидели на конях, держа поперек седел огромные двуручные мечи.

— Лады, — кашлянул Богольт. — Пошли на него.

— Э, нет, — произнес глубокий голос, звучавший как латунная труба. — Это я пришел к вам!

Из-за кольца валунов вынырнула, посверкивая золотом, длинная морда, стройная шея, вооруженная рядом треугольных зубчатых выростов, когтистые лапы. Злые змеиные глаза с вертикальными зрачками глядели из-под роговых век.

— Я не мог усидеть на поле, — сказал дракон Виллентретенмерт, осматриваясь, — потому пришел сам. Охотников биться вроде бы все меньше?

Богольт взял поводья в зубы, а длинный меч — в обе руки.

— Еффо фатит, — сказал он невнятно, грызя ремень. — Ну ты готоф? Тафай!

— Готов, — сказал дракон, выгибая спину дугой и нагло задирая хвост.

Богольт оглянулся. Нищука с Живодером медленно, нарочито спокойно обходили дракона с двух сторон. Сзади ждали Ярпен Зигрин и его парни с топорами в руках.

— А-а-ах! — рывкнул Богольт, ударив коня пятками и поднимая меч.

Дракон сжался, припал к земле и сверху, из-за собственного хребта, словно скорпион, ударил хвостом, целясь не в Богольта, а в Нищуку, нападавшего сзади. Нищука под аккомпанемент звона, хруста и ржания свалился вместе с конем. Богольт, припав в галопе, рубанул, дракон ловко отскочил от широкого лезвия. Инерция галопа пронесла Богольта мимо. Дракон вывернулся, встал на задние лапы и рванул когтями Живодера, одним ударом разорвав живот лошади и бедро наезднику. Богольт, сильно откинувшись в седле, сумел завернуть коня и, не отпуская вожжей из зубов, атаковал снова.

Дракон хлестнул хвостом по бегущим к нему краснолюдам, повалил всех на землю и бросился на Богольта, как бы мимоходом прихлопнув Живодера, пытавшегося встать. Богольт, мотая головой, пробовал управлять разъяренным конем, но дракон был гораздо проворнее. Хитро

зайдя Богольту слева, чтобы затруднить тому удары, он хватил его когтистой лапой. Конь встал на дыбы и кинулся вбок. Богольт вылетел из седла, выпустил меч и потерял шлем, рухнул спиной на землю, ударившись головой о камень.

— Ходу, парни! В горы! — взвыл Ярпен Зигрин, перебивая рев Нищуки, придавленного конем. Развевая бородами, краснолюды рванулись к скалам со скоростью, поразительной при их коротких ногах. Дракон не преследовал. Он спокойно сидел и осматривался. Нищука метался и орал под конем. Богольт лежал неподвижно. Живодер отполз к скалам боком, словно огромный металлический краб.

— Невероятно, — шептал Доррегарай. — Невероятно...

— Эй! — Лютик рванулся в веревках так, что телега затряслась. — Что это? Вон там? Смотрите!

Со стороны восточного каньона ползла огромная туча пыли, вскоре до них донеслись крики, топот. Дракон вытянул шею, рассматривая.

На равнину выкатились три большущие телеги, забитые вооруженными людьми. Разделившись, они начали окружать дракона.

— Это... Черт побери, это же милиция и цеховые из Голополья! — крикнул Лютик. — Они обошли истоки Браа! Да, это они! Гляньте-ка, Козоед, там, впереди!

Дракон опустил голову, нежно подтолкнул к возу маленькое, серенькое, попискивающее существо. Потом ударил хвостом о землю, зарычал и стрелой помчался навстречу голопольцам.

— Что это? — спросила Йеннифэр. — Это маленькое? То, что копошится в траве? Геральт?

— Это то, что дракон защищал от нас, — сказал ведьмак. — То, что недавно проклюнулось в пещере, там, в северном каньоне. Дракончик, вылупившийся из яйца драконицы, отравленной Козоедом.

Дракончик, спотыкаясь и елозя по земле выпуклым животиком, неуверенно подбежал к телеге, пискнул, встал столбиком, растопырив крылышки, потом, не задумываясь, прижался к бедру чародейки. Йеннифэр с растерянным выражением лица громко вздохнула.

— Он тебя любит, — проворчал Геральт.

— Маленький, а не дурак. — Лютик, вывернувшись в узах, ощерился. — Гляньте, куда мордашку-то сунул, хотел бы я быть на его месте, черт побери! Эй, малый, беги! Это Йеннифэр! Гроза драконов. И ведьмаков. Во всяком случае — одного ведьмака. Это уж точно.

— Помолчи, Лютик! — крикнул Доррегарай. — Смотрите туда, на поле! Они уже на него напали, гром их разрази!

Телеги голопольцев, гремя, как боевые колесницы, мчались на мчащегося к ним дракона.

— Бей его! — орал Козоед, вцепившись в плечи возницы. — Бей, братва, куда попало и чем попало! Не жалей!

Дракон ловко отскочил от наезжающего на него первого воза, искрящегося остриями кос, вил и рогатин, но попал между двумя другими, из которых на него упала запущенная ремнями огромная двойная рыбацкая сеть. Дракон, запутавшись, повалился, рванулся, сжался в клубок, растопырил лапы. Сеть, разрываема на куски, громко затрещала. С первой телеги, которая уже успела развернуться, на него кинули новые сети, полностью опутавшие его. Две оставшиеся телеги развернулись и помчались к дракону, тарахтя и подсакивая на выбоинах.

— Попался в сети, карась! — орал Козоед. — Сейчас мы с тебя чешуи-то сдерем!

Дракон зарычал, пальнул вздымающимся к небу клубом пара. Голопольские милиционеры кинулись к нему, соскакивая с телег. Дракон снова зарычал, отчаянно, вибрирующим рыком.

Из северного каньона отозвался высокий боевой клич.

Вытянувшись в сумасшедшем галопе, развеяв светлыми косами, пронзительно визжа, окруженные мигающими розблесками сабель, из каньона вылетели...

— Зерриканки! — крикнул ведьмак, бессильно дергая веревки.

— О дьявольщина! — подхватил Лютик. — Геральт! Понимаешь?

Зерриканки промчались через толпу голопольцев, точно раскаленный нож сквозь кусок масла, помечая свой путь порубанными трупами, на ходу соскочили с коней, остановились около рвущегося в сетях дракона. Первый из подбежавших милиционеров тут же лишился головы. Второй замахнулся на Вэю вилами, но зерриканка, держа саблю обеими руками, распорола его от промежности до груди. Остальные поспешно ретировались.

— По телегам! — крикнул Козоед. — По телегам, ребята! Задавим их телегами!

— Геральт! — вдруг крикнула Йеннифэр, подгибая связанные ноги и резким движением всовывая их под вывернутые назад связанные руки ведьмака. — Знак Игни. Пережигай! Нащупал веревку? Пережигай, мать...

— Вслепую? — ахнул Геральт. — Я же тебя обожгу, Йен!

Он послушался, почувствовал, как печет пальцы, сложенные в Знак Игни над связанными щиколотками. Йеннифэр отвернулась, стиснула зубами воротник кафтанчика, сдерживая стон. Дракончик, пища, тыркался крылышками ей в бок.

— Йен!

— Пережигай! — взывала она.

Узы сдали в тот момент, когда отвратительная удушливая вонь горячей кожи стала невыносимой. Доррегарай издал странный звук и, потеряв сознание, повис на веревках у колеса телеги.

Чародейка, скривившись от боли, напряглась, поднимая уже свободную ногу. Крикнула яростным, полным боли и злобы голосом. Медальон на шее Геральта рвался словно живой. Йеннифэр напружинила бедро и, махнув ногой в сторону атакующих голопольских телег, прокричала заклинание. Воздух заискрился, пахнуло озоном.

— О боги, — изумленно простонал Лютик. — Какая будет баллада!

Заклятие, брошенное стройной ножкой, не совсем удалось чародейке. Первая телега вместе со всем, что в ней находилось, просто окрасилась в золотой, словно бабочка-калужница, цвет, чего голопольские вояки в пылу боя просто не заметили. Со второй телегой дело пошло лучше — весь ее экипаж мгновенно превратился в огромных пупырчатых лягушек, которые, потешно квакая, прыгнули во все стороны. Телега, лишившись управления, перевернулась и разлетелась в щепы. Кони, истерически ржа, умчались, волоча за собой сломанное дышло.

Йеннифэр закусила губу и снова махнула в воздухе ногой. Калужно-золотой воз, сопровождаемый бравурными звуками, долетавшими откуда-то сверху, неожиданно превратился в золотистый дым, а бойцы оказались в траве, образовав красочную кучу-малу. Колеса третьей телеги из круглых превратились в квадратные. Результат сказался незамедлительно. Кони встали на дыбы, телега перевернулась, а голопольское войско вывалилось на землю. Йеннифэр, уже из чистой мстительности, яростно махала ногой и выкрикивала заклятия, превращая голопольцев в черепах, гусей, тысяченожек, фламинго и поросят. Зерриканки ловко и методично дорезали остальных.

Дракон, разорвав наконец сеть в клочья, вскочил, захлопал крыльями, зарычал и помчался, вытянувшись струной, за уцелевшим от бойни сапожником Козоедом. Козоед несся быстрее лани, но дракон был еще быстрее. Геральт, видя раскрывающуюся пасть и блестящие, острые как кинжалы зубы, отвернулся. Услышал чудовищный вопль и жуткий хруст. Лютик глупо хихикнул. Йеннифэр, бледная как полотно, согнулась пополам, вывернулась набок, и ее вырвало под телегу.

Наступила тишина, прерываемая лишь соответствующим гоготом, кваканьем и попискиванием недобитых голопольских милиционеров.

Взя, нехорошо усмехаясь, встала над Йеннифэр, широко расставив

ноги. Подняла саблю. Йеннифэр, бледнея, подняла ногу.

— Нет, — сказал Борх по прозвищу Три Галки, сидевший на камне. На коленях он держал дракончика, спокойного и довольного.

— Не надо убивать госпожу Йеннифэр, — повторил дракон Виллентретенмерт. — Теперь уже нет смысла. Больше того, теперь мы благодарны госпоже Йеннифэр за неоценимую помощь. Освободи ее, Взя.

— Ты понимаешь, Геральт, — шепнул Лютик, растирая затекшие руки. — Понимаешь? Есть такая древняя легенда о золотом драконе. Золотой дракон может...

— Может принять любой облик, — проворчал Геральт. — Человеческий тоже. Я где-то слышал об этом, но не верил.

— Господин Ярпен Зигрин! — крикнул Виллентретенмерт краснолюду, вцепившемуся в отвесную скалу в двадцати локтях от земли. — Чего вы там ищете? Сурков или сусликов? Это вроде бы не ваше любимое блюдо, насколько я помню. Спускайтесь и займитесь рубайлами. Им нужна помощь. Я больше не буду убивать. Никого.

Лютик беспокойно поглядывал на зерриканок, зорко осматривавших поле боя, пытался привести в чувство все еще лежавшего без сознания Доррегарая. Геральт смазывал мазью и перевязывал обожженные щиколотки Йеннифэр. Чародейка шипела от боли и бурчала заклинания.

Покончив с делом, ведьмак встал.

— Оставайтесь здесь, — сказал он, — мне надо с ним поговорить.

Йеннифэр, морщась, встала.

— Я с тобой, Геральт, — взяла она его под руку. — Можно? Я тебя провожу, Геральт.

— Со мной? Я думал...

— Не думай, — прижалась она к его плечу.

— Йен?

— Все хорошо, Геральт.

Он взглянул ей в глаза. Теплые. Как прежде. Он наклонил голову и поцеловал ее в губы, горячие, мягкие и жадные. Как прежде.

Подожли. Йеннифэр, поддерживаемая Геральтом, глубоко, как перед королем, присела, взяв платье кончиками пальцев.

— Три Гал... Виллентретенмерт, — произнес ведьмак.

— Мое имя в вольном переводе на ваш язык означает Три Черные Птицы, — сказал дракон. Дракончик, вцепившись коготками в его предплечье, подставил шейку под ласкающую руку.

— Хаос и Порядок, — улыбнулся Виллентретенмерт, — помнишь, Геральт? Хаос — это агрессия. Порядок — защита от нее. Следовало

мчаться на край света, чтобы противодействовать агрессии и злу, правда, ведьмак? Особенно когда плата, по твоим словам, соответствующая. А на этот раз она явно соответствовала. Это были сокровища драконицы Миргтабракке, той, которую отравили под Голопольем. Она призвала меня, чтобы я помог ей, отразил грозящее ей зло. Миргтабракке уже улетела. Вскоре после того как с поля унесли Эйку из Денесле. Времени у нее было предостаточно, пока вы болтали и скандалили. Но она оставила мне свое сокровище, мою плату.

Дракончик пискнул и затрепыхал крылышками.

— Так ты тоже...

— Да, — прервал дракон. — Что делать, такие времена. Существа, которых вы привыкли называть чудовищами, с некоторых пор чувствуют все большую угрозу со стороны людей. Они уже не могут управиться сами. Им нужен Защитник. Этакий... ведьмак.

— А цель... цель, которая — в конце пути?

— Вот она. — Виллентретенмерт поднял предплечье. Дракончик испуганно запищал. — Я ее достиг. Благодаря ему я выдержу, Геральт из Ривии, докажу, что пределов возможному нет. Ты тоже когда-нибудь найдешь такую цель, ведьмак. Даже те, которые отличаются, могут выжить. Прощай, Геральт. Прощай, Йеннифэр.

Чародейка, сильнее схватив руку ведьмака, снова присела. Виллентретенмерт встал, взглянул на нее, и лицо у него посерьезнело.

— Прости за откровенность и прямолинейность, Йеннифэр. Это написано на ваших лицах, мне даже нет нужды читать ваши мысли. Вы созданы друг для друга, ты и ведьмак. Но ничего из этого не получится. Ничего. Мне жаль.

— Знаю. — Йеннифэр слегка побледнела. — Знаю, Виллентретенмерт. Но и я хотела бы верить, что нет пределов возможному. Или хотя бы в то, что они еще очень далеки.

Вэя, подойдя, коснулась плеча Геральта, быстро произнесла несколько слов. Дракон рассмеялся.

— Геральт, Вэя говорит, что долго будет помнить бадью «Под Задумчивым Драконом». Она рассчитывает на то, что мы еще когда-нибудь встретимся.

— Что-что? — спросила Йеннифэр, прищурившись.

— Ничего, — быстро ответил ведьмак. — Виллентретенмерт?

— Слушаю тебя, Геральт из Ривии.

— Ты можешь принять любую форму? Любую, какую пожелаешь?

— Да.

— Почему же человека? Почему Борха с тремя галками в гербе?

Дракон дружески улыбнулся.

— Не знаю, Геральт, при каких обстоятельствах впервые встретились давние предки наших рас. Но факт в том, что для драконов нет ничего более отвратительного, чем человек. Человек пробуждает в драконах инстинктивное, нерациональное отвращение. Со мной дело обстоит иначе. Мне... вы симпатичны. Прощайте.

Это не было постепенное, расплывающееся преобразование, не туманное, пульсирующее дрожание, как при иллюзии. Это было словно мгновение ока. В том месте, где только что стоял курчавый рыцарь в накидке, украшенной гербом с тремя черными птицами, сидел золотой дракон, красиво изогнувший длинную шею. Склонив голову набок, дракон распростер крылья, ослепительно золотые в лучах солнца. Йеннифэр громко вздохнула.

Взя, уже в седле, рядом с Тэей, махнула рукой.

— Взя, — сказал ведьмак. — Ты была права.

— Хм?

— Он самый красивый.

Осколок льда

1

Дохлая овца, распухшая и вздувшаяся, нацелившаяся в небо окостеневшими ногами, пошевелилась. Геральт, сидевший на корточках у стены, медленно вытащил меч, следя за тем, чтобы клинок не звякнул об оковку ножен. В десяти шагах от него куча отбросов неожиданно взгорбилась и заколебалась. Ведьмак вскочил прежде, чем до него дошла волна вони, исторгнутой из порушенного скопища мусора и отбросов.

Оканчивающееся веретенообразным утолщением шипастое щупальце, неожиданно вырвавшееся из-под мусора, устремилось к нему с невероятной скоростью. Ведьмак мгновенно запрыгнул на останки разбитого шкафа, балансирующие на куче гнилых овощей, удержал равновесие, одним коротким движением меча рассек щупальце, отрубив палицеобразную присоску. И тут же отскочил, но, поскользнувшись на досках, по бедра погрузился в вязкую массу.

Куча словно взорвалась, вверх взвились густая вонючая жижа, черепки горшков, прогнившее тряпье и бледные ниточки квашеной капусты, а из-под них вырвалось огромное веретенообразное, бесформенное, как гротескная картофелина, тело, стегающее воздух тремя щупальцами и культей четвертого.

Геральт, увязший и лишенный возможности двигаться, ударил с широкого разворота бедер и гладко обрубил другое щупальце. Два последних, каждое с добрую ветку толщиной, тяжело упали на него, еще глубже вбивая в помойку. «Картофелина» двинулась к нему, пропахивая борозду, словно влекомая силой бочка. Он увидел, как она лопается, разевая широкую пасть, заполненную огромными неровными зубами.

Он позволил щупальцам схватить себя и, с чавканьем вырвав из смердящего месива, потащить к телу, вращательными движениями вгрызающемуся в помойку. Зубастая пасть дико и яростно зачавкала. Оказавшись рядом с жуткой пастью, ведьмак ударил мечом, ухватившись за него обеими руками, сталь вошла плавно и мягко. От тошнотворно сладкой вони перехватило дыхание. Чудище зашипело и задергалось, щупальца отпустили добычу, конвульсивно задергались в воздухе. Геральт, погрязая в отходах, рубанул ее еще раз, наотмашь, острие отвратно заскрипело и

заскрежетало по ощерившимся зубам. Существо забулькало и осело, но тут же раздулось, шипя, брызгая на ведьмака вонючим месивом. Нашупав опору отчаянными движениями увязающих ног, Геральт вырвался, бросился вперед, расталкивая отходы грудью, словно пловец воду, рубанул изо всей силы сверху, всем весом навалился на острие, входящее в тело чудища между фосфоресцирующими белыми глазищами. Чудище булькающе застонало, задергалось, разливаясь по куче отбросов, словно проколотый пузырь, разя ощутимыми теплыми волнами смрада. Щупальца вздрагивали и извивались среди гнили и мрази.

Ведьмак выбрался из гущи, встал на покачивающемся, но твердом основании. Почувствовал, как что-то липкое и отвратительное, что проникло в башмак, ползет по лодыжке. «К колодцу, — подумал он. — Поскорее отмыться от этой мерзости. Отмыться». Щупальца еще раз шлепнули по отбросам, громко и мокро, и замерли.

Упала звезда, секундной молнией оживив черный, усеянный огоньками небосвод. Ведьмак не загадал желания.

Он тяжело, хрипло дышал, чувствуя, как кончается действие принятых перед борьбой эликсиров. Прилегающий к стенам города гигантский сборник мусора и отходов, уходящий отвесно к поблескивающей ленте реки, при свете звезд выглядел красиво и привлекательно. Ведьмак сплюнул.

Чудище было мертво, уже стало частью той кучи, в которой некогда обитало.

Упала вторая звезда.

— Помойка, — с трудом проговорил ведьмак. — Мерзость, дрянь и дерьмо.

2

— От тебя зверски несет, — поморщилась Йеннифэр, не отрываясь от зеркала, перед которым смывала краску с век и ресниц. — Искупайся.

— Воды нет, — сказал он, заглянув в ведро.

— Чепуха. — Чародейка встала, широко распахнула окно. — Какую желаешь: морскую или обычную?

— Для разнообразия морскую.

Йеннифэр резко раскинула руки, выкрикнула заклинание, проделав короткое движение. В раскрытое окно вдруг повеяло насыщенной морской прохладой, створки дрогнули, и в комнату со свистом ворвалась зеленая,

собранная в неправильной формы шар водяная пыль. Лохань запенилась волнующейся, бьющей о края, плещущей на пол водой. Чародейка вернулась к прерванному занятию.

— Ну как? Успешно? — спросила она. — Что там такое было, на свалке?

— Думается, риггер. — Геральт стащил башмаки, скинул одежду и опустил ноги в лохань. — Черт, Йеннифэр, холодно. Не сможешь подогреть?

— Нет. — Чародейка, приблизив лицо к зеркалу, с помощью стеклянной палочки капнула себе что-то в глаз. — Такое заклинание ужасно утомляет и вызывает у меня тошноту. А тебе после эликсиров холодная вода на пользу.

Геральт не спорил. Спорить с Йеннифэр было бесполезно.

— Трудно было? — Чародейка погрузила палочку в флакончик и капнула в другой глаз, смешно скривив рот.

— Ничего особенного.

Из-за раскрытого окна долетел грохот, треск ломаемого дерева и голос, фальшиво, нескладно и нечленораздельно повторяющий припев популярной непотребной песенки.

— Риггер. — Чародейка потянулась к очередному флакончику из стоящей на столе солидной батареи, вынула пробку. В комнате запахло сиренью и крыжовником. — Времена настали! В городе и то легко найти работу для ведьмака. Нет нужды таскаться по пустырям. Знаешь, Истредд утверждает, что это становится правилом. Место вымирающих в лесах и болотах существ занимает что-то другое, какая-то новая мутация, приспособленная к искусственной, созданной людьми среде.

Геральт, как всегда, поморщился при упоминании об Истредде. Он уже пресытился постоянными ахами и охами Йеннифэр по поводу гениальности Истредда. Даже если Истредд был прав.

— Истредд прав, — продолжала Йеннифэр, втирая в щеки и веки нечто, пахнущее сиренью и крыжовником. — Посуди сам, псевдокрысы в каналах и подвалах, риггеры на свалках, пласкуны в загаженных рвах и стоках, прудовики в мельничных прудах. Какой-то симбиоз получается, не думаешь?

«И гули на кладбищах, пожирающие покойников на следующий же день после похорон, — подумал Геральт, споласкивая мыльную пену. — Полный симбиоз. Точно».

— Да. — Чародейка отставила флакончик и баночки. — В городах тоже можно найти занятие для ведьмака. Думаю, когда-нибудь ты наконец

осядешь в каком-нибудь городе.

«Скорее меня удар хватит», — подумал он. Но вслух не сказал. Противоречить Йеннифэр значило довести дело до скандала, а скандалить с Йеннифэр было небезопасно.

— Ты закончил, Геральт?

— Да.

— Вылезай из лохани.

Йеннифэр, не вставая, небрежно махнула рукой и проговорила заклинание. Вода из лохани вместе с той, что разлилась по полу и стекала с Геральта, собралась в полупрозрачный шар и со свистом вылетела в окно. Послышался громкий плеск.

— А, чтоб вас, сукины дети! — долетел снизу сердитый возглас. — Некуда, что ли, обмылки плескать? Чтоб вас вши живьем зажрали, чтоб вас сказило, чтоб вы сдохли!

Чародейка прикрыла окно.

— Черт побери, Йен, — захохотал ведьмак. — Могла бы откинуть подальше.

— Могла, — буркнула она. — Да не хотела.

Йеннифэр взяла со стола светильник и подошла к Геральту. Белая ночная рубашка, повторяющая все движения тела, делала ее невероятно привлекательной. «Больше, чем будь она голой», — подумал он.

— Хочу тебя осмотреть, — сказала она. — Риггер мог оцарапать.

— Но не оцарапал. Я бы почувствовал.

— После эликсиров? Не смейся. После эликсиров ты не почувствуешь и открытого перелома, пока торчащая кость не станет цепляться за живые изгороди. А на риггере могло быть все, до столбняка и трупного яда включительно. В случае чего, еще не поздно противодействовать. Повернись.

Он чувствовал на теле мягкое тепло светильника, случайные прикосновения ее волос.

— Вроде бы все в порядке, — сказала она. — Ляг, пока эликсиры не свалили с ног. Эти смеси чертовски опасны. Ты день ото дня постепенно убиваешь себя.

— Я вынужден принимать их перед дракой.

Йеннифэр не ответила. Снова присела к зеркалу, медленно расчесала черные, крутые, блестящие локоны. Она всегда расчесывала волосы перед тем, как лечь в постель. Геральт считал это чудачеством, но обожал наблюдать за ней во время этой процедуры и подозревал, что Йеннифэр это знала.

Ему вдруг стало очень холодно, а эликсиры буквально лихорадили его, немела шея, по низу живота ходили водовороты тошноты. Он выругался под нос, свалился на кровать, не переставая при этом глядеть на Йеннифэр.

Шевеление в углу обратило на себя его внимание. На криво прибитых к стене, покрытых тенётами оленьих рогах сидела небольшая, черная как смоль птица и, наклонив голову, глядела на ведьмака желтым неподвижным глазом.

— Что это, Йеннифэр? Откуда оно вылезло?

— Что? — повернула голову Йеннифэр. — Ах, это? Пустельга.

— Пустельга? Пустельги бывают рыжевато-крапчатые, а эта черная.

— Это магическая пустельга. Я ее сделала.

— Зачем?

— Нужно, — отрезала Йеннифэр.

Геральт не стал задавать вопросов, знал, что Йеннифэр не ответит.

— Идешь завтра к Истредду?

Чародейка отодвинула флакончик на край стола, спрятала гребень в шкатулку и закрыла дверцы трельяжа.

— Иду. Утром. А что?

— Ничего.

Она легла рядом, не задув светильника. Она никогда не гасила свет, не терпела спать в темноте. Светильник ли, фонарь ли, свеча ли должны были догореть до конца. Всегда. Еще одно чудачество. У Йеннифэр было невероятно много чудачеств.

— Йен?

— А?

— Когда мы уедем?

— Не нуди. — Она дернула перину. — Мы здесь всего три дня, а ты задаешь этот вопрос по меньшей мере трижды в день. Я сказала, у меня здесь дела.

— С Истреддом?

— Да.

Он вздохнул и обнял ее, не скрывая намерений.

— Эй, — шепнула она. — Ты же принимал эликсиры...

— Ну и что?

— Ну и ничего. — Она захихикала, словно малая девчушка, прижалась к нему, выгнувшись и приподнявшись, чтобы скинуть рубашку. Восхищение ее наготой, как всегда, отозвалось у него дрожью в спине, мурашки побежали по пальцам, соприкоснувшимся с ее кожей. Он дотронулся губами до ее груди, округлых и нежных, с такими бледными

сосочками, что они выделялись только формой. Запустил пальцы в ее волосы, пахнущие сиренью и крыжовником.

Она поддавалась его ласкам, мурлыча, как кошка, терлась согнутым коленом о его бедро.

Вскоре оказалось — как обычно, — что он переоценил свою сопротивляемость магическим эликсирам, забыл об их вредном влиянии на организм. «А может, и не эликсиры, — подумал он, — может, утомление, на которое я уже рутинно не обращаю внимания? Но организм, хоть и подправленный искусственно, не поддается рутине. Реагирует естественно. Только беда в том, что происходит это тогда, когда не надо. Зараза!»

Но Йеннифэр — как обычно — не пала духом из-за каких-то пустяков. Он почувствовал, как она касается его, услышал, как мурлычет тут же около его уха. Как обычно, он невольно подумал о космическом множестве других okazji, во время которых она наверняка не упускала случая воспользоваться этим весьма практическим заклинанием. А потом — перестал об этом думать.

Как обычно — было необычно.

Он смотрел на ее губы, на их уголки, дрожащие в безотчетной улыбке. Он хорошо знал эту улыбку, она всегда казалась ему скорее улыбкой триумфа, нежели счастья. Он никогда не спрашивал ее об этом. Знал, что не ответит.

Черная пустельга, сидевшая на оленьих рогах, встряхнула крыльями, щелкнула кривым клювом. Йеннифэр повернула голову и вздохнула. Очень тоскливо.

— Йен?

— Ничего, Геральт, — поцеловала она его. — Ничего.

Пламечко светильника дрожало. В стене скреблась мышь. Тихонько, мерно, монотонно шуршал короед в комодике.

— Йен?

— Да?

— Уедем отсюда. Я себя здесь скверно чувствую. Город влияет на меня отвратительно.

Она повернулась на бок, провела рукой по его щеке, откинула волосы, проехала пальцами ниже, коснулась затянувшихся шрамов, покрывающих шею сбоку.

— Знаешь, что означает название этого города? Аэдд Гинваэль?

— Нет. На языке эльфов?

— Да. «Осколок льда».

— Удивительно не подходит для здешней паршивой дыры.

— У эльфов, — задумчиво шепнула чародейка, — есть легенда о Королеве Зимы, которая во время бурана проносится по странам на санях, запряженных белыми лошадьми. Королева разбрасывает кругом твердые, острые, маленькие кристаллики льда, и беда тому, кому такая льдинка попадет в глаз или сердце. Он — погиб. Ничто больше не в состоянии обрадовать его, все, что хоть чуточку теплее снега, будет казаться ему некрасивым, отвратительным. Он потеряет покой, забросит все, последует за Королевой, за своей мечтой и любовью. Но... никогда не найдет ее и погибнет от тоски. Кажется, здесь, в этом городе, в незапамятные времена случилось нечто подобное. Красивая легенда, верно?

— Эльфы все ухитряются принарядить в красивые слова, — буркнул он сонно, водя губами по ее плечу. — Это вовсе не легенда, Йен. Это красивое описание отвратного явления, имя которому Дикий Гон, проклятие некоторых мест. Необъяснимое коллективное умопомрачение, заставляющее людей присоединяться к призрачному стаду, мчащемуся по небу. Мне доводилось видеть такое. Действительно, это часто случается зимой. Мне предлагали немалые деньги за то, чтобы я положил конец заразе, но я не взялся. Против Дикого Гона нет средств...

— Ведьмак, — шепнула она, целуя его в щеку. — В тебе нет ни крохи романтики. А я... я люблю легенды эльфов, они такие красивые. Жаль, у людей нет таких. Может, когда-нибудь появятся? Может, люди создадут их? Но о чем могут говорить легенды людей? Кругом, куда ни глянь, серость и неопределенность. Даже то, что начинается красиво, быстро кончается скукой и обыденностью, заурядностью, тем человеческим ритуалом, тем тоскливым ритмом, который именуется жизнью. Ах, Геральт, нелегко быть чародейкой в нашем мире, но по сравнению с обычным человеческим существованием... Геральт? — Она положила голову на его мерно вздымающуюся грудь. — Спи. Спи, ведьмак.

Город отвратно влиял на него.

С самого утра. С самого утра все портило ему настроение, угнетало и злило. Его злило, что он проспал и поэтому самое утро практически оказалось самым полднем. Его нервировало отсутствие Йеннифэр, которая ушла еще до того, как он проснулся.

Вероятно, торопилась, потому что все причиндалы, которые она обычно аккуратненько раскладывает по шкатулкам, в беспорядке валялись

на столе, словно кости, брошенные гадалкой. Кисточки из тонкого волоса, большие для напудривания лица, маленькие, которыми она накладывала помаду на губы, и совсем малюсенькие для краски, которой она чернила брови и ресницы. Мелки и стерженьки для век и бровей. Щипчики и серебряные ложечки. Баночки и скляночки из фарфора и молочно-белого стекла, содержащие, как он знал, эликсиры и мази с такими банальными ингредиентами, как сажа, гусиный жир и морковный сок, и такими грозными, таинственными, как мандрагора, которую еще именуют поскрипом, антимоний, красавка, конопля, драконья кровь и концентрированный яд гигантских скорпионов. А надо всем этим, вокруг, в воздухе витали ароматы сирени и крыжовника — благовоний, которые она употребляла всегда.

Она была в этих предметах. Была в этом аромате.

Но не было ее.

Он спустился, ощущая растущее беспокойство и нарастающее раздражение. На все.

Его раздражала холодная яичница, которую подал трактирщик, на мгновение с трудом оторвавшись от девочки, которую тискал в подсобке. Раздражало, что девочке было, самое большее, двенадцать лет и в глазах у нее стояли слезы.

Теплая весенняя погода и радостный гул пульсирующей жизнью улицы не исправили Геральтова настроения. Все не нравилось ему в Аэдд Гинваэль, городке, который, по его мнению, был скверной пародией на все известные ему городки — преувеличенно шумным, душным, грязным и нервирующим.

Он неотрывно улавливал слабый запах свалки в одежде и волосах. Решил пойти в баню.

В бане испортила настроение мина банщика, глядевшего на его медальон и на меч, лежавший на краю кадки. Нервировало, что банщик не предложил ему девки. Он не думал воспользоваться девкой, но в банях их предлагали всем, поэтому его злило сделанное для него исключение.

Когда он вышел, резко пахнувший серым мылом, его настроение не улучшилось, а Аэдд Гинваэль ничуть не стал красивее. По-прежнему в нем не было ничего такого, что могло бы нравиться. Ведьмаку не нравились кучи навоза, покрывающие улочки. Не нравились бродяги, сидевшие на корточках у стены храма. Не нравились каракули, выведенные на стене и вопиющие: «ЭЛЬФЫ — В РЕЗЕРВАЦИИ!»

В замок его не пустили, а отослали за войтом в купеческую гильдию. Это его расстроило. Расстроило также, когда старшина цеха, эльф, велел

искать войта на рынке и при этом глядел на него с презрением и превосходством, странным для того, кому вот-вот предстоит убраться в резервацию.

На рынке было пруд пруди народу, полно ларьков, телег, лошадей, волов и мух. На возвышении стоял позорный столб с правонарушителем, которого чернь забрасывала грязью и дерьмом. Правонарушитель с достойным удивления спокойствием всячески поносил своих мучителей самыми грязными словами, не очень-то возвышая голос.

Для Геральта, неплохо разбиравшегося в ситуации, цель пребывания войта в этом бедламе была абсолютно ясна. У приезжих купцов взятки были предусмотрительно заложены в ценах, стало быть, им надо было кому-то эти взятки сунуть. Войт, также знакомый с обычаем, явился, дабы купцы не страдали напрасно.

Место, где он вершил дела, было обозначено грязно-голубым балдахинном, растянутым на шестах. Там стоял стол, окруженный галдящими «клиентами». За столом сидел войт Гербольт, демонстрируя всем и вся пренебрежение и презрение, нарисованные на поблекшей физиономии.

— Эй! А ты куда?

Геральт медленно повернул голову. И моментально заглушил в себе злость, взял себя в руки, превратился в твердый, холодный осколок льда. Он уже не мог позволить себе какие-либо эмоции. У мужчины, заступившего дорогу, были желтоватые, как перья иволги, волосы, такие же брови над светлыми пустыми глазами. Тонкие кисти рук с длинными пальцами лежали на поясе из массивных латунных пластин, отягощенном мечом, булавой и двумя кинжалами.

— Ага, — сказал мужчина. — Узнаю. Ведьмак, не правда ли? К Гербольту?

Геральт кивнул, не переставая наблюдать за руками мужчины. Он знал, что их опасно было упускать из виду.

— Слышал о тебе, укротитель чудовищ, — сказал желтоволосый, внимательно глядя на руки Геральта. — Хотя, сдается, мы никогда не встречались, думаю, ты тоже обо мне слышал. Я Иво Мирс. Но все называют меня Цикада.

Ведьмак кивнул в знак того, что слышал. Знал он и цену, которую за голову Цикады давали в Вызиме, Каэльфе и Ваттвейре. Если б поинтересовались его мнением, он сказал бы, что цена слишком мала. Но его мнением не интересовались.

— Добро, — сказал Цикада. — Войт, как мне ведомо, ждет тебя.

Можешь идти. Но меч, дружок, оставь. Мне тут, понимаешь, платят за то, чтобы я придерживался такого церемониала. Никто с оружием не должен подходить к Гербольту. Понятно?

Геральт равнодушно пожал плечами, расстегнул ремень, обмотал им ножны и передал меч Цикаде. Цикада усмехнулся уголком рта.

— Надо же, — сказал он. — Вежливенько, ни слова супротив. Я знал, что сплетни о тебе преувеличены. Хотелось бы, чтобы ты как-нибудь попросил меч у меня. Увидел бы ответ.

— Эй, Цикада! — крикнул войт. — Пропусти его! Идите сюда, живо, господин Геральт. Здрасьте, здрастьте. Уйдите, господа купцы, оставьте нас вдвоем. Ваши дела должны уступить проблемам гораздо более важным для города. Петиции оставьте моему секретарю!

Показная любезность встречи не обманула Геральта. Он знал, что это просто элемент торга. Купцы получили время на обдумывание, достаточно ли велики взятки.

— Бьюсь об заклад, Цикада пытался тебя спровоцировать. — Гербольт небрежно махнул рукой в ответ на столь же небрежный поклон ведьмака. — Пусть тебя это не волнует. Цикада хватается за оружие исключительно по приказу. Правда, это ему не очень-то нравится, но пока я плачу, он вынужден слушаться, иначе — долой со двора на большак. Не волнуйся.

— На кой вам ляд такие Цикады, войт? Неужто здесь так уж опасно?

— Не опасно, потому что плачу Цикаде. — Гербольт засмеялся. — Его слава идет далеко, и это мне на руку. Видишь ли, Аэдд Гинваэль и другие города в долине Тойны подчиняются наместнику из Рикверелина. А наместники последнее время сменяются каждый сезон. Впрочем, не понятно, зачем их менять, ведь каждый второй все равно или полу-, или четверть-эльф, проклятая кровь и порода. Все скверное — от эльфов. Каждый новый наместник, — продолжал напыжившийся Гербольт, — начинает с того, что убирает ипатов, войтов и солтысов старого режима и сажает в кресла своих родичей и знакомых. А после того, что Цикада когда-то сделал со ставленником очередного наместника, меня уже никто не пытается согнать с должности, и я теперь самый старый войт самого старого, уж и не помню, которого по счету, режима. Ну мы тут болтаем, а хрен упал, как любила говаривать моя первая жена, да будет ей земля прахом, в смысле — пухом. Перейдем к делу. Так что за гадина устроилась на нашей свалке?

— Риггер.

— В жизни ни о чем подобном не слышал. Надеюсь, убит?

— Убит.

— И во сколько же это обойдется городской казне? В семьдесят?

— В сто.

— Но, но, господин ведьмак! Уж не белены ль вы объелись? Сто марок за убитого червяка, поселившегося в куче дерьма?

— Червяк не червяк, войт, а восьмерых человек сожрал, как вы сами утверждаете.

— Человек? Тоже мне люди! Уродец, как я уже сообщал, скушал старого Закорка, известного тем, что никогда не трезвел, одну старуху из пригорода и нескольких детишек перевозчика Сулирада, что обнаружилось не прытко, потому как Сулирад и сам не знает, сколько у него детей, он их строгаёт в таком темпе, что сосчитать не успевает. Люди! Человеки! Восемьдесят!

— Если б я не убил риггера, он вскоре сожрал бы кого-нибудь позначительнее. Допустим, аптекаря. И откуда бы вы тогда брали мазь от шанкра? Сто.

— Сто марок — куча денег. Не знаю, дал бы я столько за девятиголовую гидру. Восемьдесят пять.

— Сто, милсдарь Гербольт. Учтите, хоть это и не была девятиголовая гидра, никто из местных, не исключая славного Цикады, не сумел управиться с риггером.

— Потому как никто из местных не привык копать в дерьме и отбросах. Мое последнее слово — девяносто.

— Сто.

— Девяносто пять, чтоб тебя демоны и дьяволы...

— Согласен.

— Ну. — Гербольт широко улыбнулся. — С этим покончено. Ты всегда торгуешься с таким блеском, ведьмак?

— Нет, — не улыбнулся Геральт. — Скорее — редко. Но хотел доставить вам удовольствие, войт.

— И доставил, чтоб тебя чума... — захохотал Гербольт. — Эй, Перегрибок! А ну гони сюда! Книгу давай и мешок и отсчитай мигом девяносто марок.

— Договорились же о девяноста пяти?

— А налог?

Ведмак неслышно выругался. Войт поставил на квитанции размашистую закорючку, потом поковырял в ухе чистым концом пера.

— Надеюсь, теперь на свалке будет покой? А, ведьмак?

— Должен. Там был только один риггер. Правда, он мог успеть

расплодиться. Риггеры обоеполые, как улитки.

— Что еще за сказки? — Гербольт искоса глянул на него. — Для размножения нужны двое, то бишь самец и самка. Или риггеры плодятся, словно блохи или мыши из гнилой соломы в матраце? Каждый дурак знает, что нет мышей и мышиц, все они одинаковые и выводятся сами из себя и из гнилой соломы.

— А улитки вылупляются из мокрых листьев, — вставил секретарь Перегрибок, все еще занятый складыванием монет в столбики.

— Каждый это знает, — согласился Геральт, дружелюбно улыбаясь. — Нет улитов и улитиц. Есть только листья. А кто думает иначе, тот ошибается.

— Довольно, — обрезал войт, подозрительно глянув на него. — Хватит трепаться о червях. Я спросил, не может ли у нас на свалке снова что-нибудь вылупиться, и будь добр ответить. Ясно и кратко.

— Примерно через месяц надо бы проверить, лучше всего с собаками. Маленькие риггеры не безопасны.

— А ты бы не мог взять это на себя, ведьмак? Относительно оплаты договоримся.

— Нет. — Геральт взял деньги из рук Перегрибка. — Я не намерен торчать в вашем прелестном городе даже неделю, не то что месяц.

— Интересные ты вещи говоришь. — Гербольт криво усмехнулся, глядя ему прямо в глаза. — Воистину интересные. Потому как, я думаю, ты пробудешь здесь дольше.

— Плохо думаете, войт.

— Неужто? Ты приехал с черной ворожейкой, как там ее, забыл... Гунивер вроде бы. «Под Осетром» остановился. Говорят, в одном с ней номере.

— А что?

— А то, что она, всякий раз как заворачивает в Аэдд Гинваэль, так быстро не выезжает. А бывать-то она у нас уже бывала.

Перегрибок улыбнулся широко, щербато и многозначительно. Гербольт по-прежнему глядел в глаза Геральту. Без улыбки. Геральт усмехнулся. Как только мог наипаскуднейше.

— Вообще-то я ничего не знаю. — Войт отвел глаза и покрутил каблуком землю. — И мне до этого столько же дела, как до дерьма собачьего. Но чародей Истредд, запомни, у нас — особа важная. Незаменимая для города, я бы сказал, бесценная. Люди его уважают. Местные, да и неместные тоже. Мы в его чародейства носа не суем, да и в личные и всякие прочие дела тоже.

— Может, оно и верно, — согласился ведьмак. — А где он живет, позвольте узнать?

— Не знаешь? Вон видишь дом? Вон тот, белый высокий, что торчит промеж складом и цейхгаузом, словно, чтобы долго не думать, свечка в жопе. Но сейчас ты его там не застанешь. Истредд недавно недалеко от южного вала что-то выкопал в земле и теперь роет кругом, точно крот. И людей у меня согнал на эти раскопки. Пошел я, спрашиваю вежливо: чего, мол, мэтр, копаешься в яме, словно дитя малое, люди ж смеяться начинают. Что там в той земле есть? А он поглядел на меня, как на голяка какого, и говорит: «История человечества. Ответы на вопросы. На вопросы, что было, и на вопросы, что будет». Хрен, что там было, я ему: целина, кусты и упыри, пока города не построили. А что будет, зависит от того, кого в Рикверелине наместником поставят, опять какого-нибудь полуэльфа паршивого. А в земле нет никакой истории, ничего там нет, разве что червяки, если кому для рыбалки надо. Думаешь, он послушался? Куда там! Копают дальше. Так что, ежели хочешь с ним увидаться, иди к южному валу.

— Э, милсдарь войт, — фыркнул Перегрибок, — сейчас-то он дома. Сейчас ему не до раскопок, сейчас, когда...

Гербольт грозно зыркнул на него. Перегрибок скуксился и закашлялся, переступая ногами. Ведьмак, по-прежнему скверно улыбаясь, скрестил руки на груди.

— Да, хм, хм, — откашлялся войт. — Как знать, может, и верно, Истредд сейчас дома. В общем, мне-то какое дело?

— Будьте здоровы, войт, — сказал Геральт, не потрудившись даже сделать вид, будто кланяется. — Желаю успешно закончить день.

Он подошел к Цикаде, вышедшему, бренча оружием, навстречу. Молча протянул руку за своим мечом, который Цикада держал на сгибе локтя. Цикада отступил.

— Торопишься, ведьмак?

— Тороплюсь.

— Осмотрел я твой меч.

Геральт окинул его взглядом, который при всем желании нельзя было назвать теплым.

— Есть чем похвалиться, — кивнул он. — Мало кто его осматривал. А еще меньше тех, кто мог об этом рассказать.

— Хо-хо, — сверкнул зубами Цикада. — Жуть как грозно это прозвучало, аж мурашки по телу. Мне всегда было интересно, ведьмак, почему люди так вас боятся. Думаю, уже знаю.

— Я тороплюсь, Цикада. Возврати меч, будь добр.

— Дым в глаза, ведьмак, ничего больше, только дым в глаза. Вы пугаете людей, словно пасечник пчел, дымом и вонью, своими каменными физиономиями, своей болтовней, слухами, которые, верно, сами о себе распускаете. А пчелы драпают от дыма, дурные, вместо того чтобы воткнуть жало в ведьмакову задницу, которая тут же распухнет, как и любая другая. О вас говорят, будто вы чувствуете не как люди. Брехня. Если б кого из вас как следует пырнуть, почувствовал бы.

— Ты кончил?

— Угу, — сказал Цикада, возвращая меч. — Знаешь, что меня интересует?

— Знаю. Пчелы.

— Не-а. Я вот думаю, если б ты вошел в улочку с одной стороны с мечом, а я — с другой, то кто бы из нас дошел до ее конца? Вопрос, думается мне, стоит того, чтобы поспорить.

— Чего ты цепляешься, Цикада? Ищешь ссоры? Что тебе надо?

— А ничего. Просто интересно, сколь правды в том, что люди болтают. Мол, вы, ведьмаки, так хороши в бою, потому как нету у вас ни сердца, ни души, ни жалости, ни совести. И этого достаточно? Обо мне, к примеру, говорят то же. И не без оснований. Вот и любопытно узнать, кто из нас двоих зашел бы в улочку и вышел бы из нее живым. А? Стоит поспорить? Как думаешь?

— Я же сказал, тороплюсь. Не стану терять времени на глупые раздумья. И спорить не привык. Ибо спорит либо дурак, либо подлец. Первый — не знает, а спорит, второй знает, но спорит. Но если тебе когда-нибудь взбредет в голову помешать мне пройти по улочке, то добром советую, Цикада, сначала подумай как следует.

— Дым, — усмехнулся Цикада. — Дым в глаза, ведьмак. Ничего больше. До встречи, как знать, может, в какой-нибудь улочке?

— Как знать.

— Здесь мы можем свободно поговорить. Садись, Геральт.

Больше всего в мастерской бросалось в глаза внушительное количество книг — именно они занимали большую часть просторного помещения. Толстые томища заполняли шкафы, прогибали полки стеллажей, громоздились на сундуках и комодах. На взгляд ведьмака, книги

стоили целого состояния. Не было, разумеется, недостатка и в других типичных элементах декора — чучела крокодила, висящей под потолком рыбы-ежа, покрытого пылью скелета и солидной коллекции банок со спиртом, содержащих, пожалуй, любую пакость, какую только можно себе представить, — сколопендр, пауков, змей, жаб, а также неисчислимое множество человеческих и нечеловеческих органов, в основном внутренних. Был там даже гомункулус или что-то, что напоминало гомункулуса, но с таким же успехом могло оказаться копченым младенцем.

На Геральта коллекция впечатлений не произвела — он полгода жил у Йеннифэр в Венгерберге, а Йеннифэр располагала еще более интересным собранием, содержащим даже невероятных размеров фаллос, взятый, кажется, от горного тролля. Было у нее не совсем удачно выполненное чучело единорога, на спине которого она обожала заниматься любовью. Геральт считал, что если и существует место, еще менее пригодное для любовных игр, так это, пожалуй, только спина единорога живого. В отличие от него, считавшего кровать роскошью и ценившего все мыслимые возможности, предоставляемые этим чудесным предметом мебели, Йеннифэр была на удивление изобретательной. Геральт вспоминал приятные моменты, проведенные с чародейкой на крутой крыше, в забитом пылью дупле, на балконе, причем — чужом, на перилах моста, в раскачивающейся на бешеной реке лодке и во время левитации в тридцати саженьях над землей. Но хуже всего был единорог. Наступил все же счастливый день, когда кукла сломалась под ними, развалилась и разлетелась на куски, подбросив массу поводов для смеха.

— Что тебя так забавляет, ведьмак? — спросил Истредд, присаживаясь к длинному столу, уставленному невероятным количеством истлевших черепов, костей и ржавых железяк.

— Всякий раз, когда я вижу такое, — ведьмак уселся напротив и указал на банки и склянки, — я задумываюсь, действительно ли нельзя заниматься магией без всей этой мерзопакости, при одном взгляде на которую желудок подскакивает к горлу.

— Дело вкуса, — сказал чародей, — и привычки. Что одному противно, другого как-то не трогает. А что противно тебе, Геральт? Интересно, что может быть противно тому, кто, как я слышал, ради денег может по шейку лезть в дерьмо и нечистоты? Пожалуйста, не принимай мой вопрос за оскорбление или провокацию. Мне действительно интересно, чем можно вызвать у ведьмака чувство отвращения.

— А в этой баночке ты, случайно, хранишь не менструальную ли кровь невинной девицы, Истредд? Понимаешь, мне становится противно,

когда я представляю себе, как ты, серьезный чародей, пытаешься с бутылочкой в руке капля по капле добыть эту ценную жидкость, преклонив колени у самого, так сказать, источника.

— В самое яблочко, — усмехнулся Истредд. — Я, разумеется, говорю о качестве шутки, потому что относительно содержимого баночки ты промахнулся.

— Но тебе доводилось использовать такую кровь, правда? К некоторым заклинаниям, я слышал, и не приступишь, если под рукой нет крови девушки, лучше всего убитой во время полнолуния молнией с ясного неба. Чем, интересно, такая кровь лучше крови старой проститутки, которая спяну свалилась с частокола?

— Ничем, — согласился чародей, мило улыбнувшись. — Но если вылезет наружу, что эту роль практически столь же успешно может выполнять кровь хряка, которую гораздо легче добыть, то любой голодранец примется экспериментировать с чарами. А вот если голытьбе придется набирать в бутылочки и использовать так заинтересовавшую тебя девичью кровь, драконьи слезы, яд белых тарантулов, бульон из отрезанных ручек новорожденных или из выкопанного в полночь трупа, то у многих, уверяю, отпадет охота.

Они замолчали. Истредд, казалось, в глубокой задумчивости постукивал ногтями по лежащему перед ним потрескавшемуся, коричневому, утратившему нижнюю челюсть черепу и при этом указательным пальцем водил по зубчатому краю отверстия, зияющего в височной кости. Геральт ненавязчиво посматривал на него и пытался сообразить, сколько же чародею может быть лет. Он знал, что наиболее способные умели затормозить процесс старения перманентно в любом возрасте. Мужчины ради репутации и престижа предпочитали возраст более преклонный, зрелый, говорящий о знаниях и опыте. Женщины — типа Йеннифэр — меньше заботились о престиже, а больше о привлекательности. Истредд выглядел не старше верных сорока. У него были слегка седеющие, прямые, достигающие до плеч волосы и многочисленные, придающие серьезность морщинки на лбу, около рта и в уголках глаз. Геральт не знал, естественна или же вызвана чарами глубина и мудрость серых мягких глаз. После краткого раздумья он пришел к выводу, что это не имеет значения.

— Истредд, — прервал он молчание. — Я пришел, потому что хотел увидеться с Йеннифэр. И хоть не застал ее, ты пригласил меня зайти побеседовать. О чем? О голодранцах, пытающихся порушить вашу монополию на магию? Знаю, что к этому сброду ты причисляешь и меня. Я

не удивлен. Правда, мне на мгновение почудилось, что ты окажешься не таким, как твои кореша, которые часто вступали со мной в серьезные разговоры только ради того, чтобы сообщить, как они меня не любят.

— Я не намерен извиняться за своих, как ты выразился, «корешей», — спокойно ответил чародей. — Я их понимаю, потому что мне, как и им, пришлось крепко потрудиться, чтобы овладеть искусством чернокнижника. Еще совсем мальчишкой, когда мои ровесники бегали по полям с луками, ловили рыбу или играли в чет-нечет, я корпел над манускриптами. От каменного пола в башне у меня ломило кости и болели суставы. Летом, разумеется, потому что зимой хрустел лед на зубах. От пыли старых свитков и книг я кашлял так, что глаза лезли на лоб, а мой мэтр, старый Рётшилд, никогда не упускал случая стегануть меня по спине плеткой, считая, видимо, что иначе мне не добиться успехов в науке. Я не испробовал ни военной службы, ни девочек, ни пива. А ведь это были лучшие годы, когда все удовольствия особо притягательны и приятны.

— Несчастный, — поморщился ведьмак. — Ну прямо-таки слеза прошибает.

— К чему ирония? Я пытаюсь объяснить тебе причины, по которым чародеи не любят сельских знахарей, заклинателей, целителей, ведьм и ведьмаков. Называй это как хочешь, даже обычной завистью, но именно в этом причина антипатии. Нас злит, когда мы видим в руках профанов и халтурщиков искусство магии, которую нас научили воспринимать как элитарный дар, привилегию наилучших и священную мистерию. Даже если это дедовская, бездарная и достойная осмеяния магия. Поэтому мои коллеги тебя не любят. Я, сказать по правде, тоже.

Геральту уже надоели дискуссия, окольные разговоры, его охватило неприятное чувство беспокойства, которое действовало, как улитка, ползающая по шее и спине. Он посмотрел прямо в глаза Истредду, стиснув пальцами край столешницы.

— Мы говорим о Йеннифэр, верно?

Чародей поднял голову, продолжая тихонько постукивать ногтями по лежащему на столе черепу.

— Завидная проницательность, — сказал он, выдержав взгляд ведьмака. — Прими мои поздравления. Да, относительно Йеннифэр.

Геральт смолчал. Когда-то, давно, много-много лет назад, еще молодым, ведьмак поджидал в засаде мантихора. И чувствовал, что мантихор приближается. Не видел его, не слышал, но чувствовал. Он никогда не забывал этого ощущения. И теперь было то же самое.

— Твоя проницательность, — заговорил чародей, — позволит нам

сэкономить массу времени, на которое ушло бы дальнейшее плутание вокруг да около. А так — вопрос поставлен открыто.

Геральт смолчал.

— Близко мы с Йеннифэр познакомились довольно давно, — продолжал Истредд. — Долгое время это было знакомство без обязательств, заключавшееся в долгих либо коротких более-менее регулярных встречах. Такие ни к чему не обязывающие связи повсеместно практикуются людьми нашей профессии. Только вот это вдруг перестало мне нравиться. Я решил предложить ей остаться со мной навсегда.

— Что она ответила?

— Сказала — подумает. Я дал ей время на размышления. Знаю, решить ей было непросто.

— Зачем ты все это говоришь, Истредд? Чем руководишься, кроме достойной уважения, но, как ни говори, странной искренности, столь редкой у людей вашего круга? Какова цель твоей искренности?

— Самая прозаическая, — вздохнул чародей. — Видишь ли, именно ты мешаешь Йеннифэр принять решение. Поэтому я прошу тебя отойти в сторону. Скрыться из ее жизни, перестать мешать. Короче — отправиться к чертовой матери. Лучше всего втихую и не попрощавшись, как, по ее словам, ты привык поступать.

— И верно. — Геральт вымученно улыбнулся. — Твоя прямолинейность поражает меня все больше. Всего я мог ожидать, но не такой просьбы. А тебе не кажется, что, чем просить, следовало бы просто ударить в меня из-за угла шаровой молнией? И исчезла бы преграда, осталось бы лишь немножко сажу, которую надо соскрести со стены. Легкий и верный способ. Потому что, видишь ли, просьбой можно пренебречь, а шаровой молнией — нет.

— Не вижу причин для отказа.

— Почему же? Разве твоя странная просьба не простое предостережение, предваряющее молнию или какое другое не менее веселенькое действие? А может, она будет поддержана неким более звонким аргументом? Суммой, которая ошарашит жадного ведьмака? И сколько же ты намерен заплатить, чтобы я уступил тебе дорогу к счастью?

Чародей перестал постукивать по черепу, положил на него руку, сжал пальцы. Геральт заметил, как побелели фаланги.

— Я не хотел оскорблять тебя таким предложением, — сказал чародей. — Я был далек от этого. Но... если... Геральт, я чародей, и не из последних. Я не считаю нужным похвастаться всесиливием, но многие из твоих пожеланий, буде ты захотел бы их высказать, я мог бы исполнить.

Некоторые, например, вот так же просто.

Он небрежно махнул рукой, словно отгоняя комара. В воздухе над столом тут же запорхало множество сказочно цветастых бабочек-аполлонов.

— Я хочу, Истредд, — процедил ведьмак, отмахиваясь от насекомых, — чтобы ты перестал лезть в наши с Йеннифэр отношения. Мне неинтересно, какие предложения ты ей делаешь. Ты вполне мог исповедоваться ей, когда она была с тобой. Потому что раньше было раньше, а теперь есть теперь. Теперь она со мной. Я что, должен отойти, облегчить тебе жизнь? Отказываюсь. Я не только не помогу, но буду мешать в меру своих скромных возможностей. Как видишь, я не менее откровенен, чем ты.

— Ты не имеешь права мне отказывать.

— За кого ты меня принимаешь, Истредд?

Чародей внимательно посмотрел на него, перегнувшись через стол.

— За ее мимолетное увлечение. За минуты опьянения, в лучшем случае за каприз, за приключение, которых у Йеннифэр были сотни, ибо Йенна обожает игру эмоций, она импульсивна, и ее капризы непредсказуемы. За это я тебя и принимаю, потому что, перекинувшись с тобой несколькими словами, понял, что она не могла относиться к тебе просто как к инструменту. А такое, поверь, с ней бывает очень часто.

— Ты не понял вопроса.

— Ошибаешься, понял. Но я умышленно говорю исключительно об эмоциях Йенны. Потому что ты — ведьмак, и никаких эмоций у тебя быть не может. А мою просьбу выполнить не желаешь лишь потому, что тебе кажется, будто она тебе нужна, думаешь, что... Нет, Геральт, ты с ней только потому, что этого хочет она, и так будет, пока она этого желает. А то, что чувствуешь ты, — лишь отражение ее эмоций, интереса, который она к тебе проявляет. Ради всех демонов Низа, Геральт, ты же не ребенок, ты же знаешь, кто ты. Мутант. Не пойми меня превратно, я не намерен тебя унижать или презирать. Просто отмечаю факт. Ты — мутант, а одно из основных свойств твоей мутации сводится к абсолютной бесстрастности. Таким тебя сотворили, чтобы ты мог выполнять свою работу. Понимаешь? Ты не можешь ничего чувствовать. То, что ты принимаешь за чувства, — лишь клеточная соматическая память, если ты знаешь, что означает это слово.

— Представь себе — знаю.

— Тем лучше. Послушай. Я прошу тебя о том, о чем могу просить ведьмака. Человека не смог бы. Я откровенен с ведьмаком, с человеком не

мог бы себе этого позволить. Геральт, я хочу дать Йенне понимание и определенность, нежность и счастье. Можешь ты положить руку на сердце предложить ей то же? Не можешь. Для тебя это ничего не значащие слова. Ты волочишься за Йенной, тешась, словно ребенок, минутной симпатией, которой она одаряет. Ты, словно одичавший кот, в которого все кидают камни, мурлычешь, радуясь тому, что нашелся кто-то, кто не брезгует тебя приласкать. Понимаешь, что я имею в виду? Знаю, понимаешь, не дурак, это ясно. Так что, сам видишь, у тебя нет права отказать мне, если я вежливо прошу.

— У меня такое же право отказывать, — процедил Геральт, — как у тебя просить, стало быть, наши права взаимоуничтожаются. А посему возвращаемся к исходной точке, а она такова: Йен, которой, видимо, наплевать и на мою мутацию, и на ее последствия, сейчас со мной. Ты сделал ей предложение — это твое право. Она сказала, что подумает? Это — ее право. Тебе кажется, якобы я мешаю ей принять решение? Будто она колеблется, и причина ее колебаний — я? А это уж — мое право. Если она колеблется, то, надо думать, не без причин. Вероятно, я что-то ей все же даю, хоть, возможно, для этого у ведьмаков в словаре и нет нужных слов.

— Послушай...

— Нет. Послушай ты. Говоришь, когда-то она была с тобой? Как знать, может, не я, а ты был всего лишь ее мимолетным увлечением, капризом, игрой эмоций, столь типичной для нее? Я даже не исключаю, Истредд, что она воспринимала тебя всего лишь как инструмент. Этого, господин чародей, нельзя исключить только на основании разговора. В таких случаях, сдается мне, инструмент бывает существеннее болтовни.

Истредд даже не дрогнул. Геральта удивило его самообладание. Тем не менее, затянувшееся молчание, похоже, свидетельствовало о том, что удар попал в цель.

— Играешь словами, — сказал наконец чародей. — Упиваешься ими. Словами хочешь заменить нормальные, человеческие ощущения, которых у тебя нет. Твои слова не выражают чувств, это лишь звуки, такие же издает этот вот череп, стоит по нему постучать. Ибо ты так же пуст, как и он. Ты не имеешь права...

— Прекрати, — резко прервал Геральт. Может быть, даже слишком резко. — Прекрати упорно отказывать мне в правах, с меня достаточно, слышишь? Я сказал: наши права равны. Нет, черт возьми, мои — больше.

— Серьезно? — Чародей немного побледнел, доставив тем Геральту невыразимое удовольствие. — Это почему же?

Ведьмак на секунду задумался и решил добить его.

— А потому, — выпалил он, — что вчера ночью она была со мной, а не с тобой.

Истредд пододвинул череп поближе, погладил. Рука, к огорчению Геральта, даже не дрогнула.

— По-твоему, это дает какие-то права?

— Только одно: право делать выводы.

— Та-а-ак, — протянул чародей. — Прекрасно. Ну что ж. Со мной она была сегодня утром. Сделай вывод, имеешь право. Я уже сделал.

Молчание длилось долго. Геральт отчаянно искал слова. И не нашел. Ни одного.

— Пустая болтовня, — сказал он наконец, вставая, злой на себя, потому что прозвучало это грубо и глупо. — Ухожу.

— Иди к черту, — так же грубо бросил Истредд, не глядя на него.

5

Когда она вошла, он в одежде лежал на кровати, подложив руки под голову. И притворялся, будто глядит в потолок, хотя глядел на нее.

Йеннифэр медленно прикрыла за собой дверь. Она была прекрасна.

«Какая же она красивая, — подумал он. — Все в ней прекрасно. И опасно. Ее цвета, контраст черного и белого. Прелесть и угроза. Ее иссиня-черные волосы, натуральные локоны. Скулы, четкие, обозначенные морщинкой, которую улыбка — если она сочтет нужным улыбнуться — образует около губ, чудесно узких и бледных под помадой. Ее брови, чудесно неправильные, когда она смывает уголек, которым подчеркивает их днем. Ее нос, чудесно длинноватый. Ее маленькие руки, чудесно нервные, беспокойные и ловкие. Талия, тонкая и гибкая, подчеркнутая чрезмерно стянутым пояском. Стройные ноги, придающие во время движения красивые очертания черной юбке. Она прекрасна».

Йеннифэр молчала. Села за стол, положила подбородок на сплетенные пальцы.

— Ну хорошо, начнем. Наше затянувшееся драматическое молчание слишком банально, на мой вкус. Давай покончим с этим. Вставай и не тарайся на потолок с обиженной миной на физиономии. Ситуация достаточно глупая, и нет нужды делать ее еще глупее. Вставай, говорю.

Он послушно встал, сел верхом на стул напротив. Она не избегала его взгляда. Можно было ожидать.

— Повторяю, давай покончим с этим по-быстрому. Чтобы не ставить тебя в неловкое положение, я отвечу сразу на все вопросы, их не надо даже задавать. Да, правда, отправляясь с тобой в Аэдд Гинваэль, я ехала к Истредду и знала, что, встретившись, пойду с ним в постель. Я не думала, что это выйдет наружу, а вы станете похвалиться друг перед другом. Знаю, что ты сейчас чувствуешь, и мне это неприятно, но виновной я себя не считаю.

Он молчал.

Йеннифэр тряхнула головой, ее блестящие черные локоны каскадом упали на плечи.

— Геральт, скажи что-нибудь.

— Он... — Геральт кашлянул. — Он называет тебя Йенна.

— Да, — она не опустила глаз. — А я его — Валь. Это его имя. Истредд — прозвище. Я знаю его долгие годы. Он очень близок мне. Не смотри на меня так. Ты мне тоже близок. В этом вся проблема.

— Ты думаешь, принять ли его предложение?

— Понимаешь, думаю. Я сказала — мы знакомы много лет. Много... лет. Меня с ним объединяют увлечения, цели, стремления. Мы понимаем друг друга без слов. Он может дать мне опору, а кто знает, не придет ли день, когда опора мне потребуется. А прежде всего... Он... он меня любит. Так я думаю.

— Я не буду тебе препятствием, Йен.

— Препятствием? Неужели ты ничего не понимаешь, глупец? Если бы ты стал мне препятствовать, если б просто помешал, я мгновенно отделалась бы от такого препятствия, телепортировала бы тебя на конец полуострова Бремервоорд либо смерчем перенесла в страну Ханна. С минимальными усилиями вправила бы тебя в глыбу кварца и поставила в саду на клумбе с пионами. Я могла бы так очистить твой мозг, что ты забыл бы, кем я была и как меня звали. При условии, что хотела бы. Потому что я просто могла бы сказать: «Было очень приятно, пока!» Могла бы втихую уйти, как ты это сделал однажды, сбежав из моего дома в Венгерберге.

— Не кричи, Йен, не нападай. И не вытаскивай на свет историю с Венгербергом, мы же поклялись не возвращаться к ней. Я не в обиде на тебя, Йен, я же тебя не укоряю. Знаю, что к тебе нельзя приложить обычные мерки. Ну а то, что мне грустно... Убивает сознание, что я тебя теряю... Ну так это клеточная память. Атавистические остатки чувств мутанта, очищенного от эмоций.

— Не терплю, когда ты так говоришь! — вспыхнула она. — Не терплю, когда ты произносишь это слово. Никогда больше не произноси его

при мне. Никогда!

— Разве это меняет факт?! Я — мутант.

— Нет никакого факта. Не произноси при мне этого слова.

Черная пустельга, сидевшая на рогах оленя, взмахнула крыльями, заскрежетала когтями. Геральт взглянул на птицу, на ее желтый неподвижный глаз. Йеннифэр снова оперлась подбородком о сплетенные пальцы.

— Йен...

— Слушаю.

— Ты обещала ответить на вопросы. На вопросы, которые я даже не должен задавать. Остался один, самый важный. Тот, который я никогда тебе не задавал. Который боялся задавать. Ответь на него.

— Не смогу, Геральт, — жестко сказала она.

— Не верю. Я слишком хорошо тебя знаю.

— Нельзя хорошо знать чародейку.

— Ответь на мой вопрос, Йен.

— Отвечаю: не знаю. Но разве это ответ?

Они замолчали. Долетающий с улицы гул утих, успокоился. Клонящееся к закату солнце запалило огни в щелях ставен, пронизало комнату наклонными лентами света.

— Аэдд Гинваэль, — проворчал ведьмак. — Осколок льда... Я чувствовал. Знал, что этот город... враждебен мне. Он — плох.

— Аэдд Гинваэль, — повторила она громко. — Сани Королевы эльфов. Почему? Почему, Геральт?

— Я еду за тобой, Йен, потому что поводья моих лошадей запутались в полозьях твоих саней. А вокруг меня — пурга. И мороз. Холод.

— Тепло растопило бы в тебе льдинку, которой я ранила тебя, — шепнула она, — и развеялись бы чары, и увидел бы ты меня такой, какова я в действительности.

— Так стегани белых коней, Йен, пусть мчат они меня на север, туда, где никогда не наступает оттепель. Чтобы никогда не наступила. Я хочу как можно скорее оказаться в твоём ледовом замке.

— Этого замка не существует. — Губы Йеннифэр дрогнули, скривились. — Он — символ. А наша езда — погоня за мечтой. Недостижимой. Потому что я, Королева эльфов, жажду тепла. В этом моя тайна. Поэтому каждый год в снежной замети несут меня мои сани через какой-нибудь городок, и каждый год кто-нибудь, пораженный моими чарами, запутывает поводья своих лошадей в полозьях моих саней. Каждый год. Каждый год кто-нибудь новый. Без конца. Ибо тепло, которого я так

жажду, одновременно уничтожает чары, уничтожает магию и прелесть. Мой избранник, пораженный ледяной звездочкой, вдруг становится обыкновенным никем. А я в его оттаявших глазах делаюсь не лучше других... смертных.

— И из-под идеальной белизны проступает весна, — сказал он. — Проступает Аэдд Гинваэль, паршивый городок с прекрасным названием. Аэдд Гинваэль со своей мусорной кучей, огромной вонючей помойкой, в которую я должен лезть, потому что мне за это платят, потому что для того меня и сделали, чтобы я лез во всякую мерзость, которая у других вызывает ужас и отвращение. Меня лишили способности чувствовать, чтобы я не мог ощущать, сколь омерзительно мерзостна эта мерзопакость, чтобы не отступал, не бежал от нее, охваченный ужасом. Да, меня лишили эмоций. Но не полностью. Тот, кто это сделал, схалтурил, Йен.

Они замолчали. Черная пустельга зашелестела перьями, раскрывая и складывая крылья.

— Геральт...

— Слушаю, Йен.

— Теперь ты ответь на мой вопрос. На тот, который я тебе никогда не задам. Тот, который боюсь... Сейчас я его тоже не задам, но ответь. Потому... потому что я очень хочу услышать твой ответ. То единственное слово, которого ты никогда мне не сказал. Скажи его, Геральт...

— Не смогу, Йен.

— Почему?

— Ты не знаешь? — Он грустно улыбнулся. — Мой ответ был бы всего лишь словом. Словом, которое не выражает чувств, не выражает эмоций, потому что я их лишен. Словом, которое было бы всего лишь звуком, какой издает пустой и холодный череп, если по нему постучать.

Она молча глядела на него. Ее широко раскрытые глаза приобрели цвет фиолетового пламени.

— Нет, Геральт, — сказала она. — Это неправда. А может, правда, но не вся. Ты не лишен чувств. Теперь я вижу. Теперь я знаю, что...

Она замолчала.

— Докончи, Йен. Коль уж решилась. Не лги. Я знаю тебя. Я вижу это в твоих глазах.

Она не отвела глаз. Он знал.

— Йен, — прошептал он.

— Дай руку, — сказала она.

Она взяла его руку в свои, он сразу почувствовал покалывание и

пульсирование крови в сосудах предплечья. Йеннифэр спокойным, размеренным голосом шептала заклинания, но он видел капельки пота, покрывавшие ее побледневший лоб, видел расширившиеся от боли зрачки.

Опустив его руку, она протянула ладони, пошевелила ими, ласкающими движениями поглаживая какой-то невидимый предмет, медленно, сверху вниз. Между ее пальцами воздух начал густеть и мутнеть, клубиться и пульсировать, как дым.

Он глядел словно замороженный. Магия творения, которую считали высшим достижением чародеев, всегда увлекала его гораздо больше, нежели иллюзия или трансформация. «Да, Истредд был прав, — подумал он, — по сравнению с такой магией мои Знаки просто смешны».

Между дрожащими от напряжения ладонями Йеннифэр постепенно материализовалось тело птицы, черной как уголь. Пальцы чародейки нежно ласкали встопорщенные перья, плоскую головку, искривленный клюв. Еще движение, гипнотизирующе-плавное, нежное, — и черная пустельга, покрутив головой, громко заверещала. Ее сестра-близнец, все еще неподвижно сидевшая на рогах, ответила тем же.

— Две пустельги, — тихо сказал Геральт. — Две черные пустельги, созданные с помощью магии. Как понимаю, обе тебе нужны.

— Правильно понимаешь, — с трудом сказала она. — Мне нужны обе. Я ошиблась, думая, будто достаточно одной. Как сильно я ошибалась, Геральт... К такой ошибке привела меня гордыня Королевы Зимы, убежденной в своем всемогуществе. А есть вещи... которые невозможно добыть даже магией. И есть дары, которые нельзя принимать, если ты не в состоянии ответить... чем-то, столь же ценным. В противном случае такой дар протечет сквозь пальцы, растает, словно осколок льда, зажатый в кулаке. Останутся только сожаление, чувство потери и вины...

— Йен...

— Я чародейка, Геральт. Власть над материей, которой я обладаю, это дар. Дар, за который я расплачиваюсь. Я заплатила за него... Всем, что имела. Не осталось ничего.

Он молчал. Чародейка потирала лоб дрожащей рукой.

— Я ошибалась, — повторила она. — Но я исправлю свою ошибку. Эмоции и чувства...

Она коснулась головы черной пустельги. Птица нахохлилась, беззвучно раскрывая кривой клюв.

— Эмоции, капризы и ложь, увлечение и игра. Чувства и их отсутствие... Дары, которые нельзя принять... Ложь и правда. Что есть правда? Отрицание лжи? Или утверждение факта? А если факт — это ложь,

что же тогда правда? Кто полон чувств, которые разрывают его, а кто — скорлупа пустого холодного черепа? Кто? Что есть правда, Геральт? Что такое правда?

— Не знаю, Йен. Скажи мне.

— Нет, — сказала она и опустила глаза. Впервые. Никогда раньше он не видел, чтобы она это делала. Никогда.

— Нет, — повторила она. — Не могу. Не могу тебе этого сказать. Это скажет птица, рожденная прикосновением твоей руки к моей. Птица? Что такое правда?

— Правда, — сказала пустельга, — это осколок льда.

6

Хотя ему казалось, что он без цели и намерения мотается по переулкам, он вдруг оказался у южного вала, на раскопках, среди сети рвов, пересекающих руины у каменной стены, идущих зигзагами между приоткрытыми квадратами древних фундаментов.

Истредд был там. В рубахе с подвернутыми рукавами и в высоких сапогах, он покрикивал на рабочих, мотыгами разбирающих стену раскопа, заполненную разноцветными слоями земли, глины и древесного угля. Рядом на досках лежали почерневшие кости, черепки горшков и другие предметы, не узнаваемые, проржавевшие, слежавшиеся.

Чародей увидел его сразу. Отдав рабочим несколько громких приказов, он выпрыгнул из раскопа, подошел, вытирая руки о брюки.

— В чем дело? — Вопрос прозвучал неприязненно.

Неподвижно стоявший ведьмак не ответил. Рабочие, делая вид, будто трудятся, перешептываясь, наблюдали за ними.

— Ты так и пынешь ненавистью, — поморщился Истредд. — В чем дело, спрашиваю? Ты решился? Где Йенна? Надеюсь...

— Не слишком надейся, Истредд.

— Ого, — сказал чародей. — Что-то я слышу в твоем голосе. Верно ли я тебя понимаю?

— И что же ты такое понимаешь?

Истредд упер руку в бедро и вызывающе взглянул на ведьмака.

— Не будем обманывать друг друга, Геральт. Ты меня ненавидишь, я тебя тоже. Ты оскорбил меня, сказал об Йеннифэр... сам знаешь что. Я ответил таким же оскорблением. Ты мешаешь мне, я мешаю тебе. Покончим с этим как мужчины. Другого решения я не вижу. За этим ты

пришел, верно?

— Да, — ответил Геральт, потирая лоб. — Ты прав, Истредд. За этим. Несомненно.

— И правильно сделал. Так продолжаться не может. Только сегодня я узнал, что уже несколько лет Йенна мотается между нами, как тряпичный мячик. То она со мной, то с тобой. Бежит от меня, чтобы найти тебя, и наоборот. Другие, с которыми она бывает в промежутках, в расчет не идут. Важны только мы двое. Так дольше продолжаться не может. Нас двое. Остаться должен один.

— Да, — повторил Геральт, не отнимая руки ото лба. — Да... Ты прав.

— В своей самонадеянности, — продолжал чародей, — мы думали, будто Йеннифэр не колеблясь выберет лучшего. Кто он будет, ни ты, ни я не сомневались. Дошло до того, что мы, словно мальчишки, начали похвалиться ее расположением, не больше, чем те мальчишки, понимая, чем было это расположение, что оно означало. Полагаю, ты, как и я, обдумал все и понял, как сильно мы ошибались. Йенна, Геральт, вовсе не намерена выбирать между нами, даже если мы примем ее выбор. Что ж, придется нам проделать это за нее. Я не собираюсь делить Йенну ни с кем, а то, что ты пришел, говорит то же и о тебе. Мы знаем ее, Геральт, слишком хорошо. Пока нас двое, ни один не может быть в ней уверен. Остаться должен один. Ты это понял, правда?

— Правда, — сказал ведьмак, с трудом шевеля помертвевшими губами. — Правда — это осколок льда...

— Что? — не понял Истредд.

— Ничего.

— Что с тобой? Ты болен или пьян? А может, набрался ведьмачьего пойла?

— Со мной все в порядке. Просто что-то... что-то попало в глаз. Остаться, Истредд, должен один. Да, за этим я и пришел. Конечно.

— Я знал, — сказал чародей. — Знал, что ты придешь. Впрочем, буду откровенен. Ты опередил меня.

— Шаровая молния? — слабо усмехнулся ведьмак.

— Возможно, — поморщился Истредд. — Возможно, и шаровая молния. Но наверняка не из-за угла. Честно, лицом к лицу. Ты — ведьмак, это уравнивает шансы. Ну решай, где и когда.

Геральт подумал. И решил.

— Та площадка... — указал он рукой. — Я там проходил.

— Знаю. Там колодец, называется Зеленый Ключ.

— Значит, колодец. Да, у колодца... Завтра, через два часа после

восхода солнца.

— Договорились. Приду вовремя.

Они стояли неподвижно, не глядя друг на друга. Наконец чародей что-то буркнул себе под нос, пнул комок глины и разбил его ударом мыска.

— Геральт?

— Что?

— Ты не чувствуешь себя немного глупо?

— Чувствую, — нехотя признался ведьмак.

— Мне полегчало, — буркнул Истредд. — Потому что я, например, чувствую себя последним кретином. Никогда не предполагал, что стану биться с ведьмаками не на жизнь, а на смерть из-за женщины.

— Я знаю, как ты себя чувствуешь, Истредд.

— Ну что ж... — Чародей вымученно улыбнулся. — Коль до этого дошло, коль я решился на шаг, столь противный моей натуре, значит... так надо.

— Знаю, Истредд.

— Конечно, ты знаешь также, что оставшийся в живых должен будет немедленно бежать и спрятаться от Йенны на краю света.

— Знаю.

— И, конечно, рассчитываешь на то, что когда она остынет, к ней можно будет вернуться?

— Конечно.

— Ну значит, все в порядке. — Чародей сделал такое движение, словно хотел повернуться, но после минутного колебания протянул ему руку. — До завтра, Геральт.

— До завтра. — Ведьмак пожал протянутую руку. — До утра, Истредд.

7

— Эй, ведьмак!

Геральт поднял голову от стола, на котором, задумавшись, размазывал пролитое пиво, вырисовывая фантазийные завитушки.

— Нелегко было тебя найти. — Войт Гербольт присел, отодвинул кувшины и кружки. — В трактире сказали, что ты отправился в конюшни, но там я нашел только лошадь и вьюки. А ты здесь... Это, я думаю, самая паршивая забегаловка во всем городе. Сюда заглядывают только последние голодранцы. Что делаешь?

— Пью.

— Это я вижу. Хотел с тобой поговорить. Ты трезв?

— Как новорожденный.

— Рад слышать.

— Что вам надо, Гербольт? Видите, я занят. — Геральт улыбнулся девушке, ставившей на стол очередной кувшин.

— Ходят слухи, — поморщился войт, — что вы с нашим чародеем решили укокошить друг друга.

— Это наше дело. Его и мое. Не вступайте.

— Нет, это не ваше дело, — возразил Гербольт. — Истредд нам нужен, на другого чародея нас не достанет.

— Ну так идите в храм и помолитесь за его победу.

— Не смейся, — проворчал войт. — И не мудрствуй, бродяжья твоя душа. О боги, если б не знал, что чародеев мне не простит, то кинул бы тебя в яму, на самое дно, или выволок за стены парой лошадей, а то и велел бы Цикаде прирезать, как свинью. Но, увы, Истредд свихнулся на почве чести и не простит. Знаю, что не простит.

— Ну и чудненько. — Ведьмак допил очередную кружку и выплюнул на пол попавшую в пиво соломинку. — Мне посчастливилось. Это все?

— Нет, — сказал Гербольт, вынимая из-за пазухи туго набитый мешок. — Здесь сто марок, ведьмак, бери и выматывайся из Аэдд Гинваэль. Выматывайся. Лучше всего сделай это немедленно, во всяком случае до восхода солнца. Я сказал, казне не вытянуть второго чародея, а посему не допущу, чтобы мэтр по дури рисковал жизнью в поединке с таким типом, как ты, из-за какой-то...

Он осекся и не закончил, хотя ведьмак даже не дрогнул.

— Уноси-ка отсюда свою паскудную харю, Гербольт, — сказал он. — А свои сто марок можешь засунуть себе в жопу. Уйди, меня начинает тошнить при виде твоей морды, еще немного, и я облюю тебя от шапки до сапог.

Войт спрятал мешок, положил обе руки на стол.

— Нет так нет. Я хотел по-доброму, но коли нет, то нет. Деритесь, режьте себя на куски, жгите заживо, разорвитесь на части ради девки, которая раздвигает ноги перед каждым, кто захочет. Я думаю, Истредд управится с тобой, ты, платный убийца, так что только сапоги от тебя останутся. А ежели у него не получится, то я достану тебя, еще его труп не остынет, и все кости тебе переломаяю. Ни одного целого места не оставляю, ты...

Он не успел убрать рук со стола, движение ведьмака было настолько быстрым, что вылетевшая из-под столешницы рука расплылась в глазах

войта, а кинжал со звоном вонзился между его пальцами.

— Возможно, — прошипел ведьмак, сжимая рукоять кинжала и уставившись в лицо Гербольта, от которого отхлынула кровь. — Возможно, Истредд меня убьет. Если же нет... Тогда я уйду отсюда, а ты, вонючка поганая, не пытайся меня задержать, ежели не хочешь, чтобы улочки вашего грязного городишки запенились от крови. Вон отсюда!

— Господин войт! Что тут происходит? Эй, ты...

— Спокойно, Цикада, — сказал Гербольт, медленно двигая руку по столу подальше от клинка. — Ничего не случилось. Ничего.

Цикада засунул в ножны полувытянутый меч. Геральт не глядел на него. Не глядел он и на войта, который выходил из корчмы под защитой Цикады, прикрывавшего его от возможных выпадов притихших плотогонов и возниц. Он смотрел на маленького человечка с крысиной мордочкой и черными пронзительными глазками, сидевшего в нескольких столах от него.

«Занервничал я, — с удивлением отметил он. — Руки дрожат. А ведь и верно, дрожат руки-то. Со мной творится что-то неладное. Неужто это значит, что... Да, — подумал он, глядя на человечка с крысиной мордочкой. — Пожалуй, да.

Так надо...

Как холодно...»

Он встал.

Глядя на человечка, усмехнулся. Потом отвернул полу куртки, извлек из туго набитого мешочка две золотые монеты, кинул на стол. Монеты звякнули, одна, кружась, ударилась об острие кинжала, все еще торчавшего в гладкой доске стола.

Удар был неожиданным, палка тихо свистнула в темноте, так быстро, что еще немного, и ведьмак не успел бы заслонить голову автоматически поднятой рукой и не сумел бы смягчить удара гибким поворотом тела. Он отскочил, упал на колено, перевернулся, встал на ноги, почувствовал колебание воздуха, расступающегося под новым взмахом руки, ушел от удара ловким пируэтом, закружился между двумя наступающими на него в темноте фигурами, протянул руку над правым плечом.

Меча не было.

«Ничего не искоренит во мне этих рефлексов, — подумал он, мягко

отскакивая. — Привычка? Клеточная память? Я — мутант, реагирую как мутант», — подумал он, снова падая на колено, и, избегая удара, потянулся за кинжалом к голенищу.

Кинжала не было.

Он криво усмехнулся, тут же получил палкой по голове. В глазах вспыхнуло, боль пронзила до кончиков пальцев. Он упал, расслабляясь и не переставая улыбаться.

Кто-то повалился на него, прижал к земле. Второй сорвал с пояса мешочек. Он уловил глазом блеск ножа. Сидящий у него на груди разорвал куртку под шеей, схватил за цепочку, вытянул медальон. И тут же выпустил его из руки.

— Баал-Зебута, — услышал Геральт сопение. — Ведьмак...

Второй выругался.

— У него же не было меча... О боги... Тьфу, тьфу... Бегим отседова, Радгаст! Не касайся его, тьфу, тьфу...

Луна на мгновение пробилась сквозь тонкое облако. Геральт увидел над собой тощее крысиное лицо, маленькие черные блестящие глазки. Услышал топот ног второго, удаляющийся в переулке, из которого несло кошками и прогорклым жиром.

Человек с крысиной мордочкой медленно снял колено с его груди.

— В следующий раз... — Геральт услышал его четкий шепот, — в следующий раз, ведьмак, когда захочешь покончить жизнь самоубийством, не впутывай в свои дела других. Просто повесься на вожжах в конюшне.

9

Ночью, видимо, шел дождь.

Геральт вышел из конюшни, протирая глаза и выбирая пальцами солому из волос. Восходящее солнце блестело на мокрых крышах, золотом горело в лужах. Ведьмак сплюнул, во рту все еще было неприятно, шишка на голове отдавалась тупой болью.

На барьере перед конюшной сидел черный кот и сосредоточенно лизал лапу.

— Кис, кис, кис, — позвал ведьмак.

Кот, застыв, зловеще глянул на него, прижал уши и зашипел, обнажив клыки.

— Знаю, — кивнул Геральт. — Я тебя тоже не люблю. Я просто пошутил.

Он медленными движениями стянул расслабившиеся застёжки и шнуровки курточки, выровнял на себе складки одежды, проверил, не стесняют ли они где свободу движений. Перекинул меч за спину, поправил рукоять над правым плечом. Перевязал лоб кожаным ремешком, откинув волосы назад, за уши. Натянул длинные боевые перчатки, набитые короткими конусами серебряных игл.

Еще раз глянул на солнце, сузив зрачки в вертикальные щелочки, подумал: «Прекрасный день. Прекрасный для боя».

Вздохнул, плюнул и медленно пошел вдоль улочки, вдоль стен, выделяющих резкий, пронзительный запах мокрой штукатурки, известкового связующего.

— Эй, чудака!

Он обернулся. Цикада в обществе трех подозрительно выглядевших вооруженных типов сидел на штабеле бревен, уложенных вдоль вала. Встал, потянулся, вышел на середину улочки, старательно обходя лужи.

— Далеко собрался? — спросил он, упершись узкими ладонями в увешанный оружием пояс.

— Не твоё дело.

— Чтоб было ясно: чихать я хотел на войта, чародея и весь этот засранный город, — сказал Цикада, медленно выговаривая слова. — Дело в тебе, ведьмак. Ты не дойдёшь до конца улочки. Слышишь? Нет? Проверить хочу, каков ты в бою. Не даёт мне это покоя, ну не даёт, понял? Нет? Стой, говорю.

— Прочь с дороги.

— Стой! — рывкнул Цикада, положив руку на рукоять меча. — Не понял? Драться будем. Я тебя вызываю! Счас увидим, кто из нас лучше!

Геральт, не замедляя шага, пожал плечами.

— Вызываю тебя на бой! Слышь, выродок? — крикнул Цикада, снова загораживая ему путь. — Чего ждёшь? Вытягай железяку! Что, страх забрал?

Геральт продолжал идти, заставляя Цикаду пятиться, неловко идти задом. Цикадины провожатые поднялись с бревен, пошли следом за ними, однако держались в отдалении. Геральт слышал, как грязь хлупает у них под ногами.

— Я тебя вызываю! — повторил Цикада, бледнея и краснея попеременно. — Слышь ты, ведьмино дерьмо? Чего тебе ещё надо? В харю наплевать?

— Плюй!

Цикада остановился и действительно набрал воздуха, сложив губы для

плевка. Он глядел в глаза ведьмаку, а не на его руки. И это была ошибка. Геральт, по-прежнему не замедляя шага, молниеносно ударил его кулаком в игольчатой перчатке, не замахнувшись, лишь слегка согнув колени. Ударил прямо по кривящимся губам. Губы Цикады лопнули, словно раздавленные вишни. Ведьмак сгорбился и ударил еще раз в то же самое место, на этот раз сделав короткий замах и чувствуя, как вслед за силой и инерцией удара выхлестывает ярость. Цикада, повернувшись на одной ноге в грязи, а другой в воздухе, рыгнул кровью и навзничь шлепнулся в лужу. Ведьмак, слыша за спиной шипение клинка в ножнах, остановился и медленно повернулся, держа руку на эфесе меча.

— Ну, — сказал он дрожащим от злости голосом. — Ну, давайте!

Тот, который достал оружие, смотрел ему в глаза. Секунду. Потом отвел взгляд. Двое других попятились. Сначала медленно, потом все быстрее. Слыша это, человек с мечом тоже отступил, беззвучно шевеля губами. Тот, который был дальше всех, развернулся и побежал, разбрызгивая грязь. Остальные замерли на месте, не пытаясь приблизиться.

Цикада развернулся в грязи, приподнялся, упершись локтями, забормотал, кашлянул, выплюнул что-то белое вместе с большой порцией красного. Проходя мимо него, Геральт с отвращением пнул его в щеку, сломав лицевую кость и снова повалив в лужу.

И, не оглядываясь, пошел дальше.

Истредд уже ждал у колодца. Он стоял, опершись о венцы деревянной, обросшей зеленым мхом клетки. На поясе висел меч. Прекрасный, легкий терганский меч с полузакрытой гардой, касающийся окованным концом ножен блестящего голенища охотничьего сапога. На плече чародея сидела нахохлившаяся черная птица.

Пустельга.

— Пришел, ведьмак. — Истредд подставил пустельге руку в перчатке, нежно и осторожно посадил птицу на навес над колодцем.

— Пришел, Истредд.

— Не думал. Полагал — выедешь.

— Не выехал.

Чародей свободно и громко рассмеялся, откинув голову назад.

— Она хотела нас... хотела нас спасти, — сказал он. — Обоих. Ничего не получилось, Геральт. Скрестим мечи. Остаться должен один.

— Ты намерен драться мечом?

— Тебя это удивляет? Но ведь и ты намерен драться мечом. Давай!

— Почему, Истредд? Почему мечом, а не магией?

Чародей побледнел, нервно дрогнули губы.

— Давай, говорю! — крикнул он. — Не время задавать вопросы. Время вопросов миновало! Наступило время действий!

— Я хочу знать, — медленно сказал Геральт. — Я хочу знать, почему мечом. Хочу знать, как и зачем оказалась у тебя черная пустельга. Я имею право знать. Имею право на... правду, Истредд.

— Правду? — горько повторил чародей. — Ну что ж, может, и имеешь. Да, может, имеешь. Наши права равны. Пустельга, говоришь? Прилетела на заре, мокрая от дождя. Принесла письмо. Коротенькое, я его знаю на память. «Прощай, Валь. Прости. Есть дары, которых нельзя принимать, а во мне нет ничего, чем бы я могла отблагодарить. И это правда, Валь. Правда — осколок льда». Ну, Геральт? Я удовлетворил тебя? Ты воспользовался своим правом?

Ведьмак медленно кивнул.

— Хорошо, — сказал Истредд. — Теперь я воспользуюсь своим. Потому что не принимаю во внимание этого письма. Я не могу без нее... Предпочитаю уж... Приступим, черт побери!

Он сгорбился и выхватил меч быстрым, ловким движением, свидетельствующим о навыке. Пустельга заскрежетала.

Ведьмак стоял неподвижно, опустив руки.

— Чего ждешь? — крикнул чародей.

Геральт медленно поднял голову, некоторое время глядел на него, потом развернулся на каблуках.

— Нет, Истредд, — сказал он тихо. — Прощай.

— Что это значит, черт побери?

— Истредд, — бросил Геральт через плечо, остановившись. — Не впутывай в свои дела других. Если иначе не можешь, повесься в конюшне на вожжах.

— Геральт! — крикнул чародей, и голос у него вдруг надломился и резанул уши фальшивой злой нотой. — Я не откажусь! Она не убежит от меня! Я поеду за ней в Венгерберг, поеду за ней на край света, я найду ее! Я не откажусь от нее никогда! Знай об этом!

— Прощай, Истредд.

Он отошел в переулок, ни разу не обернувшись. Шел, не обращая внимания на людей, прытко уступающих ему дорогу, на поспешно захлопывающиеся двери и ставни. Он не замечал никого и ничего.

Он думал о письме, которое ожидает его в корчме.

Пошел быстрее. Знал, что в изголовье кровати ожидает мокрая от дождя черная пустельга, держащая в кривом клюве письмо. Он хотел как можно скорее прочесть его.

Хотя знал содержание.

Вечный Огонь

1

— Ах ты, свинтус! Ах ты, рифмоплет паршивый! Ах ты, изменщик!

Геральт, заинтригованный, потянул кобылу за угол. Не успел он установить источник воплей, как к ним присоединился глубокий липко-стеклянный звон. «Вишневое варенье, — подумал ведьмак. — Такой звук издает банка вишневого варенья, если запустить ее с большой высоты и с большой силой». Это-то он знал отлично. Йеннифэр, когда они жили вместе, доводилось во гневе кидать в него банками варенья. Которые она получала от клиентов. Потому что сама-то Йеннифэр понятия не имела о том, как варить варенье, а магия в этом отношении не всегда давала положительные результаты.

За углом, перед узким, покрашенным в розовое домиком, собралась солидная кучка ротозеев. На маленьком, весь в цветах, балкончике, под наклонным навесом стояла молодая светловолосая женщина в ночной сорочке. Выгнув пухленькое и кругленькое плечико, выглядывающее из-под оборок, она с размаху запустила вниз обитый по краям цветочный горшок.

Худощавый мужчина в сливового цвета шапочке с белым пером отскочил, словно ошпаренный, горшок шмякнулся о землю прямо у его ног и разлетелся на куски.

— Ну Веспуля! Ну Веспуленька! Ну радость моя! — крикнул мужчина в шапочке с пером. — Не верь сплетням! Я хранил тебе верность, провалиться мне на этом самом месте, если вру!

— Прохвост! Чертово семя! Бродяга! — взвизгнула пухленькая блондинка и скрылась в глубине дома. Видать, в поисках очередных снарядов.

— Эй, Лютик! — окликнул мужчину ведьмак, влача на поле боя упирающуюся и фыркающую кобылу. — Как жизнь? Что происходит?

— Жизнь? Нормально, — осклабившись, проговорил трубадур, — как всегда. Привет, Геральт! Каким ветром занесло? А, черт, осторожней!

Оловянный бокал свистнул в воздухе и с грохотом отскочил от брусчатки. Лютик поднял его, осмотрел и кинул в канаву.

— Забирай свои шмотки! — крикнула блондинка, призывно играя

оборками на пухленьких грудках. — И прочь с глаз моих! Чтоб ноги твоей больше тут не было, стихоплет!

— Это не мое, — удивился Лютик, поднимая с земли мужские брюки с гачами разного цвета. — В жизни у меня не было таких штанов.

— Убирайся! Видеть тебя не желаю! Ты... ты... Знаете, какой он в постели? Никудышный! Никудышный, слышишь! Слышите, люди?

Очередной горшок просвистел в воздухе, зафурчал торчащим из него сухим стеблем. Лютик едва увернулся. Вслед за горшком полетел медный котел никак не меньше чем в два с половиной галлона. Толпа зевак, держась за пределами обстрела, тряслась от хохота. Самые большие остряки хлопали в ладоши, кричали «бис» и убеждали блондинку действовать активнее.

— Слушай, а у нее в доме нет катапульты? — забеспокоился ведьмак.

— Не исключено, — сказал поэт, задрав голову к балкону. — У нее дома жуткий склад рухляди. Штаны видел?

— А может, лучше уйти? Вернешься, когда утихомирится.

— Еще чего? — скривился Лютик. — Возвращаться в дом, из которого в тебя бросают оскорбления и медные котлы. Сей непороч... виноват, непрочный союз я в одностороннем порядке объявляю разорванным. Подождем только, пусть выкинет... О мать моя, нет! Веспуля! Моя лютня!

Он бросился к дому, протянув руки, споткнулся, упал, схватил инструмент в последний момент, уже над самой брусчаткой. Лютня проговорила стонуще и певуче.

— Уф-ф, — вздохнул бард, поднимаясь с земли. — Порядок. Отличная штука, Геральт, теперь можно идти. Там, правда, еще остался плащ с куньим воротником, но ничего не попишешь, пусть мне будет хуже. Плащ, насколько я ее знаю, она не выкинет.

— Ах ты, лживое дерьмо! — разоралась блондинка и сплюнула с балкона, разбрызгивая слюну. — Ах ты, бродяга! Ах ты, фанфарон хриплый!

— Что это она тебя так, а? Проштрафился в чем?

— Да нет, все нормально, — пожал плечами трубадур. — Она требует моногамии, мать ее так-то, а сама кидает в людей чужими портками. Слышал, как она меня обзывала? О боги, мне тоже известны такие, которые приятнее отказывают, чем она дает, но я же не кричу об этом на улицах. Пошли отсюда.

— Куда?

— А как думаешь? В Храм Вечного Огня, что ли? Пошли, завалимся в «Наконечник Пики». Надо успокоить нервы.

Ведьмак, не протестуя, повел кобылу за Лютиком, бодро нырнувшим в узкий проулок. Трубадур на ходу подкрутил колки лютни. Потренькал на струнах, взял глубокий вибрирующий аккорд.

Уж осень зиму ветром кличет,
Слова теряют смысл и звук,
И бриллианты слез с ресничек
Дождинками спадают вдруг...

Он замолчал, весело помахал рукой двум девчонкам, проходившим мимо с корзинками, полными овощей. Девчонки захихикали.

— Что привело тебя в Новиград, Геральт?

— Закупки. Упряжь, немного снаряжения. И новая куртка. — Ведьмак одернул шуршащую, пахнущую новизной кожу. — Как тебе нравится моя новая одежда, Лютик?

— Отстаешь от моды, — поморщился бард, стряхивая куриное перо со своего блестящего василькового кафтана с рукавами пухом и воротником зубчиками. — Ах как я рад, что мы встретились. Здесь, в Новиграде, столице мира, центре и колыбели культуры. Здесь просвещенный человек может вздохнуть полной грудью.

— А не перейти ли нам дышать полной грудью на улочку подальше? — предложил Геральт, глядя на оборванца, который, присев на корточки и выкатив глаза, справлял большую нужду в проулке.

— Очень уж язвительным стал твой вечный сарказм. — Лютик снова поморщился. — Говорю тебе: Новиград — пуп мира. Почти тридцать тысяч жителей, не считая гостей столицы, представляешь? Каменные дома, мощеные улицы, морской порт, склады, четыре водяные мельницы, бойни, лесопилки, крупное башмачное производство и вдобавок все вообразимые цехи и ремесла. Монетный двор, восемь банков и девятнадцать ломбардов. Дворец и кордегардия — аж дух захватывает. И развлечения: эшафот, шибеница с опускающейся платформой, тридцать пять трактиров, театр, зверинец, базар и двенадцать борделей. И храмы, не помню уж сколько. Много. Ну а женщины, Геральт! Умытые, чистенькие и ароматные, бархат и шелк, корсеты и ленточки... Ах, Геральт! Стихи так и просятся на уста:

Где ты живешь, белым-бело от снега.
Покрыты льдом и речки, и поля.
В твоих очах печаль, призыв и нега,

Но... зимним сном охвачена земля.

— Новая баллада?

— Ага. Назову ее «Зима». Только она еще не готова, никак не могу окончить. Из-за Веспули меня так и трясет, и рифмы не держатся в голове. Да, Геральт, совсем забыл, как там Йеннифэр?

— Никак.

— Понимаю.

— Ничего ты не понимаешь. Ну где твоя корчма, далеко еще?

— За углом. О, мы уже на месте. Видишь вывеску?

— Вижу.

— Приветствую и низко кланяюсь, — улыбнулся Лютик девушке, подметавшей лестницу. — Вам, милостивая государыня, уже кто-нибудь говорил, что вы прелестны?

Девушка покраснела и крепче ухватилась за метлу. Геральт подумал было, что она вот-вот приложит трубадуру палкой. Но ошибся. Девушка мило улыбнулась и затрепыхала ресницами. Лютик, как обычно, не обратил на это никакого внимания.

— Приветствую и желаю всего наилучшего! Добрый день! — загремел он, входя в корчму, и резко провел большим пальцем по струнам лютни. — Мэтр Лютик, знаменитейший поэт в сей благодатной стране, посетил твой неопрятный каба́к, хозяин! Ибо возжелал выпить пива. Ценишь ли ты честь, оказываемую тебе мною, мошенник?

— Ценю, — буркнул трактирщик, выходя из-за стойки. — Рад вас видеть, господин певун. Вижу, ваше слово и взаправду не дым. Вы ведь обещали зайти сразу же поутру и заплатить за вчерашнее. А я-то, это ж надо, подумал, вы врете, как всегда. Я прям-таки сгораю со стыда.

— Совершенно напрасно сгораешь, добрый человек, — беспечно бросил трубадур. — Потому как денег у меня нет. Поговорим об этом после.

— Нет уж, — холодно бросил трактирщик. — Поговорим сейчас. Кредит кончился, уважаемый господин поэт. Два раза меня не проведешь.

Лютик повесил лютню на торчащий в стене крюк, уселся за стол, снял шапочку и задумчиво пригладил прищипленную к ней эгретку.

— Ты при деньгах, Геральт? — спросил он с надеждой в голосе.

— Нет. Все, что было, ушло на куртку.

— Скверно и паршиво, — вздохнул Лютик. — Черт, ни одной живой души, ну никого, кто мог бы угостить. Эй, хозяин, что так пусто нынче?

— Еще слишком рано для обычных гостей. А подмастерья каменщицкие, те, что храм ремонтируют, уже побывали и вернулись на стройку, забрав мастера.

— И никого больше? Никогошеньки?

— Никого, кроме благородного купца Бибервельта, который завтракает в большом эркере.

— Э, так Даинти тут? — обрадовался Лютик. — Надо было сразу сказать. Пошли в эркер, Геральт. Бибервельта, низушка, знаешь?

— Нет.

— Не беда. Познакомишься. Ого! — воскликнул трубадур, направляясь в боковую комнату. — Чую с запада веяние и дух луковой похлебки, столь милые моему обонянию. Ку-ку! Это мы! Нежданчики!

В эркере, за средним столом, у столба, украшенного гирляндами чеснока и пучками трав, сидел пухлощекий кудрявый низушек в фисташково-зеленой жилетке. В правой руке у него была ложка, левой он придерживал глиняную тарелку. При виде Лютика и Геральта низушек замер, раскрыв рот, а его огромные орехового цвета глаза расширились от страха.

— Привет, Даинти, — сказал Лютик, весело помахав шапочкой. Низушек по-прежнему не изменил позы и не прикрыл рта. Рука у него, как заметил Геральт, слегка подрагивала, а свисающая с ложки длинная ниточка вареного лука раскачивалась, словно маятник.

— Пппп-приве-ет, Лю-ю-тик, — заикаясь, выдавил он и громко сглотнул.

— Икота замучила? Хочешь, напугаю? Сразу пройдет! Слушай: на заставе видели твою женушку! Вот-вот явится! Гардения Бибервельт собственной персоной, ха-ха-ха!

— Дурак ты, Лютик, — укоризненно проговорил низушек.

Лютик снова жемчужно рассмеялся, одновременно взяв два сложных аккорда на струнах лютни.

— Потому как мина у тебя исключительно глупая, братец, а тарацишься ты на нас так, словно у нас рога и хвосты выросли. А может, ведьмака испугался? А? Или, думаешь, начался сезон охоты на низушков? Может...

— Прекрати, — не выдержал Геральт, подходя к столу. — Прости, дружище. Лютик сегодня перенес тяжелую личную трагедию и еще не оправился. Вот и пытается шуткой прикрыть печаль, угнетение и стыд.

— Не говорите. — Низушек втянул наконец содержимое ложки. — Сам угадаю. Любезная Веспуля звезданула его по кумполу горшком и

выперла наконец взащей? Так, Лютик?

— Я не разговариваю на деликатные темы с личностями, кои сами жрут и пьют, а друзей заставляют стоять, — проговорил трубадур и тут же, не ожидая приглашения, уселся. Низушек зачерпнул ложку похлебки и слизнул свисающие с нее нитки сыра.

— Что правда, то правда, — угрюмо произнес он. — Приглашаю, куда ж деваться. Присаживайтесь и... чем хата богата. Отведайте луковой похлебки.

— В принципе-то, я так рано не ем, — задрал нос Лютик. — Но уж, так и быть, уважу. Только не на пустой желудок. Эй, хозяин! Пива, любезный, да живо!

Девушка с красивой толстой косой, свисающей до ягодиц, принесла тарелки с похлебкой и кубки. Геральт, приглядевшись к ее кругленькой, покрытой пушком мордашке, отметил для себя, что у нее были бы вполне приличные губки, если б она помнила о том, что ротик надобно хоть иногда прикрывать.

— Дриада лесная! — воскликнул Лютик, хватая руку девушки и целуя ее в ладонку. — Сильфида! Волшебница! Божественное создание с глазами, словно васильковые озера! Прелестная, как утренняя заря, а форма губ твоих, возбуждающе приоткрытых...

— Дайте ему пива, быстренько, — простонал Даинти Бибервельт. — Не то случится несчастье.

— Не случится, не случится, — заверил бард. — Правда, Геральт? На всем белом свете не найти более спокойных людей, нежели мы двое. Я, милсдарь купец, поэт и музыкант, а музыка умягчает обычаи. А наличествующий здесь, в эркере, ведьмак вообще опасен исключительно для чудищ, чудовищ и уродцев. Познакомься: Геральт из Ривии, гроза упырей, упыриц, упырих, оборотней и всяческой мерзопакостности. Небось слышал о Геральте, Даинти?

— Слышал. — Низушек подозрительно глянул на ведьмака. — Ну и что?.. Что поделяваете в Новиграде, милсдарь Геральт? Неужто туточки появились какие-нибудь страшные монстры? Вас... хм-хм... наняли?

— Нет, — улыбнулся ведьмак, — я на отдыхе.

— О! — произнес Даинти, нервно перебирая волосатыми ногами, на пол-локтя не достающими до пола. — Это славно...

— Что — славно? — Лютик проглотил ложку похлебки и запил пивом. — Не хочешь поддержать нас, Бибервельт? В увеселениях, разумеется. Ишь, как все славно складывается. Здесь, в «Наконечнике Пики», мы намерены подвыпить. А потом планируем забежать в

«Пассифлору» — это очень дорогой и приличный бордель, на простом языке «Страстоцветом» именуемый, где можно пригласить полуэльфку, а если повезет, то и чистокровку. Однако нам нужен спонсор.

— Кто-кто?

— Ну тот, кто будет платить.

— Так я и думал, — буркнул Даинти. — Сожалею. Во-первых, у меня деловая торговая встреча. Во-вторых, нет средств на оплату подобных увеселений. В-третьих, в «Страстоцвет» пускают только людей.

— А мы кто — совы сычные, или как там? Ах да, понимаю. Туда не пускают низушков. Это верно. Ты прав, Даинти. Здесь Новиград. Столица мира.

— Да, — произнес низушек, не отрываясь от ведьмака и странно кривя губы. — Ну так я уж пойду. Я договорился...

Дверь эркера с грохотом отворилась, и в комнату влетел... Даинти Бибервельт.

— О боги! — взвизгнул Лютик.

Низушек, появившийся в дверях, ничем не отличался от низушка, сидящего за столом, если не считать, что за столом сидел чистый, а в дверях стоял грязный, побитый и помятый.

— Вот где ты, сучий хвост! — рывкнул грязный низушек, кидаясь к столу. — Ах ты, ворюга!

Его чистый близнец вскочил, опрокинув табурет и свалив со стола посуду. Геральт отреагировал автоматически и молниеносно: схватив со скамьи меч в ножнах, он съездил Бибервельту по загривку тяжелым ремнем. Низушек рухнул на пол, скулсил, юркнул меж ног Лютика и на четвереньках почимчивал к выходу, при этом его руки и ноги вдруг вытянулись, словно лапки паука. Увидев это, грязный Даинти Бибервельт разразился бранью, взвыл и отскочил, с грохотом врезавшись спиной в деревянную перегородку. Геральт кинул ножны, пинком отбросил с дороги стул и рванул в погоню. Чистый Даинти Бибервельт кузнечиком перескочил порог эркера, влетел в общую залу, натолкнулся на девицу с полураскрытым ртом. Увидев его длинные лапы и карикатурно расплывшуюся физиономию, девушка разинула рот на всю возможную ширину и издала пронизывающий уши вопль. Геральт, воспользовавшись потерей темпа, вызванной соударением Лжедаинти с девушкой, догнал его на середине залы и ловким пинком в колено повалил на пол.

— Не рыпайся, братишечка, — прошипел он сквозь стиснутые зубы, приставив к монстру острие меча. — Не рыпайся.

— Что тут творится? — зарычал трактирщик, подбегая с черенком от

лопаты в руке. — Что еще за фокусы? Стража! Дэчка, жми за стражей!

— Не-е-е! — взвыло существо, прижимаясь к полу и еще больше деформируясь. — Смилуйтесь, не-е-е!

— Никакой стражи! — поддержал его грязный низушек, вылетая из эркера. — Держи девчонку, Лютик!

Трубадур схватил верещащую Дэчку, невзирая на спешку, старательно выбирая места. Дэчка запищала и осела на пол у его ног.

— Спокойно, хозяин, — с трудом выговорил Даинти, — это дело личное, не надо стражи. Я покрою ущерб.

— Нет никакого ущерба, — трезво проговорил трактирщик, осматривая залу.

— Но будет, — скрежетнул толстенький низушек. — Потому как сейчас я стану его бить. И еще как! Я стану бить его жестоко, долго и страстно, и тогда он тут все раздолбает.

Распластавшаяся на полу длиннолапая карикатура на Даинти Бибервельта жалостливо захрипела.

— Ничего подобного, — проговорил холодно трактирщик, прищурившись и слегка приподняв черенок. — Бейте его сколь влезет на улице или во дворе, господин низушек. Потому как это... это же прямо-таки уродец какой-то!

— Хозяин, — спокойно произнес Геральт, не ослабляя нажатия клинка на шею уродца. — Главное — не волноваться. Никто ничего не разобьет, не будет никакого ущерба. Мы владеем ситуацией. Я — ведьмак, а уродец, как видите, у меня в руках. Однако, поскольку это действительно похоже на личные отношения, мы спокойно выясним их в эркере. Отпусти девушку, Лютик, и иди сюда. У меня в сумке лежит серебряная цепочка. Вынь ее и как следует стяни лапы этому типу. В локтях, за спиной. Не шевелись, братишечка.

Существо тоненько заскулило.

— Порядок, Геральт, — сказал Лютик. — Связал. Пошли в эркер. А вы, хозяин, чего стоите? Я же заказывал пиво. А уж если я заказываю пиво, то его должно подавать до тех пор, пока я не крикну: «Воды!»

Геральт подтолкнул связанное существо к эркеру и грубо усадил у столба. Даинти Бибервельт тоже уселся, глянул с неприязнью.

— Это ж жуть, как оно выглядит, — сказал он. — Ну прямо куча прокисшего теста. Глянь на его нос, Лютик, вот-вот отвалится, собачья мать. А уши — как у моей тещи перед самыми похоронами. Бррр!

— Минуточку, — буркнул Лютик. — Ты — Бибервельт? Ну да, несомненно. Но то, что сидит у столба, только что было тобою. Если я не

ошибаюсь. Геральт! Все взоры обращены на тебя. Ты — ведьмак. Что тут, черт побери, дееется? Что это?

— Мимик.

— Сам ты мимик, — гортанно проговорило существо, болтая носом. — Никакой я не мимик, а доплер, и зовут меня Тельико Луннгревинк Леторт. Сокращенно Пенсток. Друзья называют меня Дуду.

— Я те щас покажу Дуду, сукин сын! — рявкнул Даинти, замахиваясь на него кулаком. — Где мои кони? Ворюга!

— Милсдари, — напомнил трактирщик, входя с кувшином и охапкой кружек. — Вы обещали, что будет спокойно.

— Ох, пиво, — вздохнул низушек. — Ну и жажда, черт побери. И голод!

— Я бы тоже выпил, — невнятно сообщил Тельико Луннгревинк Леторт.

Никто не обратил внимания.

— Что это такое? — спросил трактирщик, поглядывая на существо, которое при виде пива высунуло из-за отвисших тестообразных губ длиннющий язычище. — Что это за штука, господа?

— Мимик, — повторил Геральт, не обращая внимания на гримасы уродца. — Впрочем, у него много названий. Подвойняк, векслинг, бедняр. Или доплер, как он сам себя окрестил.

— Векслинг? — выкрикнул трактирщик. — Здесь, в Новиграде? В моем заведении? А ну быстро, надоть вызвать стражу. И богослужителей.

— Потише! Потише! — кашлянул Даинти Бибервельт, спешно подъедая похлебку Лютика из чудом уцелевшей тарелки. — Еще успеется. Но потом. Этот стервец обокрал меня, я не намерен отдавать его здешним властям, пока не получу свою собственность. Знаем мы вас, новиградцев, и ваших судей тоже. Вернут, может, одну десятую, не больше.

— Смилуйтесь, — душераздирающе завопил доплер. — Не выдавайте меня людям! Вы знаете, что они творят с нами?

— Именно что знаем, — кивнул трактирщик. — Над пойманным доплером богослужители читают экзорцизмы. А потом связывают, облепляют толстым слоем глины с опилками и обжигают до тех пор, пока глина не превратится в кирпич. По крайней мере, так делали раньше, когда эти чудища попадались чаще.

— Варварский обычай, воистину человеческий, — поморщился Даинти, отодвигая пустую уже тарелку. — Впрочем, возможно, это и справедливое наказание за бандитизм и воровство. Ну, давай говори, подлец, где мои кони? А ну быстренько, а то протяну твою носяру между

ног и засуну в задницу! Где мои кони, спрашиваю?

— Про... продал, — простонал Тельико Луннгревинк Леторт, а отвисшие уши вдруг собрались у него в шарики, напоминающие миниатюрные кочанчики брюссельской капусты.

— Продал? Вы слышали? — вскипел низушек. — Он продал моих лошадок!

— Ясное дело, — сказал Лютик. — У него было время. Он здесь уже три дня. Я три дня вижу тебя... то есть его... Черт побери, значит ли это, что...

— Конечно, значит! — зарычал купец, топая покрытыми шерстью ногами. — Он обокрал меня в пути, в дне пути от города! Приехал вроде бы как это я, понимаете? И продал моих лошадей! Я его убью! Удушу своими руками!

— Расскажите, как это случилось, господин Бибервельт.

— Геральт из Ривии, если не ошибаюсь? Ведьмак?

Геральт утвердительно кивнул.

— Все складывается как нельзя лучше, — сказал низушек. — Я — Даинти Бибервельт из Почечуева Лога, фермер, коновод и купец. Называй меня просто Дан, Геральт.

— Рассказывай, Дан.

— Ну так вот. Мы с конюхами вели лошадей на рынок в Чертов Брод на продажу. В одном дне пути от города выпал нам последний постой. Мы заночевали, предварительно управившись с бочонком водочки на жженом сахаре. Посреди ночи я просыпаюсь, чую, пузырь чуть не разрывается, ну слезаю с возу, дай, думаю, при okazji кину взгляд, как там коняшки на лугу. Выхожу, туман хоть глаз коли, вдруг вижу, идет кто-то. Кто тут? — спрашиваю. Он ни гугу. Подхожу ближе и вижу... себя самого. Словно в зеркале. Думаю, не надо было водку хлебать, отраву проклятую. А этот вон... потому как это был именно он, как даст мне в лоб! Увидел я звезды и накрылся ногами. Утром просыпаюсь в каком-то идиотском кустарнике, на голове — шишка с огурец, кругом — ни души, от нашего обоза тоже ни следа. Бродил я целый день, пока наконец-то тракт отыскал, два дня брел, корешки жевал да сырые грибы. А он... эта засранная Дудулина, или как там его, вместо меня поехал в Новиград и загнал моих лошадей! Я ему сейчас... А своих конюхов высеку, по сто плетей каждому по голому заду, слепым жопам! Чтобы собственного хозяина не узнать, чтобы дать себя так охмурить! Дурни, капустные лбы, морды протокольные...

— Не обижайся на них, Дан, — сказал Геральт. — Мимик копирует с такой точностью, что его невозможно отличить от оригинала, или от

жертвы, которую он себе высмотрел. Ты что, никогда не слышал о мимиках?

— Слышать-то слышал. Да думал — выдумки.

— Не выдумки, как видишь. Допплеру достаточно внимательно присмотреться к жертве, чтобы мгновенно и безошибочно воспроизвести нужную структуру материи. Заметь, это не иллюзия, а абсолютно полное изменение. До мельчайших деталей. Каким образом мимики это делают, неизвестно. Чародеи предполагают, что тут действует та же составляющая крови, что и при ликантропии, но я думаю, это что-то совершенно иное либо же в тысячи раз более сильное. В конце концов, у оборотней всего две, самое большее — три ипостаси, а доплер может превращаться во что угодно, лишь бы более-менее точно совпадала масса тела.

— Масса тела?

— Ну в мастодонта, например, он не превратится. И в мышь тоже.

— Понимаю. А цепь, которой ты его связал, зачем?

— Серебро. Для ликантропа убийственно, у мимика, как видишь, только сдерживает трансформацию. Вот он сидит тут в присущем ему виде.

Допплер разлепил склеившиеся губы и зыркнул на ведьмака злыми мутными глазами, радужницы которых уже потеряли свойственный низушкам ореховый цвет и стали желтыми.

— И хорошо, что сидит, сукин сын, — буркнул Даинти. — Подумать только, он даже остановился здесь, в «Наконечнике Пики», где обычно останавливаюсь и я! Ему уже мнится, будто он — это я!

— Даинти, — покрутил головой Лютик. — Он и был тобой. Я встречаюсь с ним уже третьи сутки. Он выглядел как ты, и говорил как ты. Он даже мыслил как ты. А когда дело дошло до выпивона, то он и скупым оказался, как ты! А может, и еще скупее.

— Последнее меня не волнует, — сказал низушек. — Так что, может, верну хотя бы часть своих денег. Мне противно к нему прикасаться. Возьми у него мешок, Лютик, проверь, что там. Должно быть немало, если этот конокрад действительно продал моих лошадок.

— У тебя сколько было лошадей?

— Двенадцать.

— Считая по мировым ценам, — проговорил трубадур, заглядывая в мешок, — того, что тут есть, хватит разве что на одну, да и то ежели попадется старая и облезлая. А если по новиградским, то вообще на две, самое большее — три козы.

Купец смолчал, но вид у него был такой, будто он вот-вот пустит слезу. Тельико Луннгревинк Леторт низко опустил нос, а нижнюю губу еще ниже

и тихонько забулькал.

— Одним словом, — наконец проговорил низушек, — ограбило меня и превратило в нищего существо, существование которого, простите за каламбур, я считал сказкой. Это называется: не повезло.

— Ни добавить, ни прибавить, — сказал ведьмак, окидывая взглядом съезжившегося на табурете доплера. — Я тоже был уверен, что мимиков давным-давно истребили. Раньше, говорят, их много обитало в здешних лесах и на плоскогорье. Но их способность к мимикрии очень беспокоила первых поселенцев, и на них начали охотиться. Довольно успешно. А вскоре перебили почти всех.

— К счастью, — сказал трактирщик. — Тьфу, тьфу, клянусь Вечным Огнем, уж лучше дракон или дьявол, которые всегда оказываются драконом или дьяволом, и ведомо, чего держаться. Но вурдалачество, в смысле оборотничество, всяческие изменения и перемены, эта мерзопакостная чертова процедура, обман и предательство людям на урон и гибель — уж это все придумано энтими, хрен знает как их еще и назвать-то, паскудами. Говорю вам, давайте вызовем стражу — и в огонь его, погань такую, в огонь.

— Геральт, — заинтересовался Лютик. — Хотелось бы послушать мнение специалиста. Векслинги, они что, действительно такие опасные и агрессивные?

— Их способность к копированию, — сказал ведьмак, — свойство, которое служит скорее защите, нежели нападению. Я не слышал...

— Дьявольщина, — зло прервал Даинти, хватив кулаком по столу, — если бить по морде и обкрадывать — не нападение, то что же тогда считать нападением? Кончайте мудрствовать. Все проще простого: на меня напали и ограбили, отобрали не только добытое тяжким трудом имущество, но и лично мою внешность. Я требую удовлетворения, я не усну...

— Стражу, стражу надоть скликать, — настаивал трактирщик. — И богослужителей призвать! И спалить энто чудище, энту нелюдь!

— Перестаньте, хозяин, — поднял голову низушек. — Надоели вы со своими «энтими». Заметьте, вам-то энто, тьфу ты, этот нелюдь ничего не сделал. Только мне. Кстати, я-то ведь тоже нелюдь.

— Да что вы, господин Бибервельт, — нервно рассмеялся трактирщик. — Одно дело — вы, другое — он! Вы без малого человек, а он-то монстр. Удивляюсь я с вас, милсдарь ведьмак. Этак вы как-то спокойненько себе сидите. Для чего вы, прошу прощения, существуете? Ваша обязанность — убивать чудовищ или как?

— Чудовищ — да, — холодно сказал Геральт. — Чудовищ, а не

представителей разумных рас.

— Ну знаете, милсдарь, — сказал трактирщик. — Теперь-то вы уж явно того, переборщили.

— Это уж точно, — вставил Лютик. — Перегнул ты палку, Геральт, с этой своей разумной расой. Ты только глянь на него.

Тельико Луннгревинк Леторт действительно в данный момент никак не походил на представителя разумной расы, а напоминал куклу, вылепленную из грязи и муки, глядящую на ведьмака умоляюще мутными желтыми глазами. Да и сопение, которое он издавал касаящимся столешницы носом, было не к лицу представителю разумной расы.

— Кончайте пререкаться! — вдруг рявкнул Даинти Бибервельт. — Не о чем тут рассуждать! Важно одно: мои кони и мои потери! Слышишь, гриб вонючий? Кому продал моих лошадок? Что сделал с деньгами? Говори сразу, не то я тебя запиною, избыю и сдеру с тебя шкуру!

Дэчка, приоткрыв дверь, сунула в эркер светлую головку.

— Гости в корчме, отец, — шепнула она. — Каменщики со стройки и другие. Я их обслуживаю, а вы тута так громко не орите, а то они уж починают зыркать на эркер.

— О Вечный Огонь! — перепугался трактирщик, глядя на распластавшегося допплера. — Если сюды кто-нить заглянет и увидит энто... ой-ёй, будет дело. Уж ежели не хотите вызывать стражу, то хоть... милсдарь ведьмак! Если энто и взаправду векслинг, то скажите ему, пусть превратится во что-нить поприличнее, вроде бы чтобы не узнали. Пока.

— Верно, — сказал Даинти. — Пусть он в кого-нибудь передопплерится, Геральт.

— В кого? — неожиданно пробулькал допплер. — Я могу принять форму, к которой как следует пригляжусь. Так в которого из вас мне перемениться?

— Только не в меня, — быстро сказал трактирщик.

— И не в меня, — охнул Лютик. — Впрочем, это был бы никакой не камуфляж. Меня все знают, так что два Лютика за одним столом — большая сенсация, нежели этот... тип «в собственном соку».

— Со мной то же самое, — усмехнулся Геральт. — Остаешься ты, Дан. И все получается прекрасно. Не обижайся, но ты и сам знаешь, люди с трудом отличают низушка от низушка.

Купец долго раздумывать не стал.

— Лады, — сказал он. — Пусть будет так. Сними с него цепь, ведьмак. Ну, давай превращайся в меня, ты, безмозглая разумная раса.

Как только с него сняли цепь, допплер расставил тестообразные лапы,

пощупал нос и вытаращился на низушка. Отвисшая кожа на лице собралась и расцветилась. Нос уменьшился и втянулся с глухим чавканьем, на голом черепе выросли курчавые волосы. Даинти вылупил глаза, трактирщик в немом изумлении раскрыл рот на манер собственной дочки Дэчки. Лютик вздохнул и ахнул.

Последним у доплера изменился цвет глаз.

Даинти Бибервельт-2 откашлялся, перегнулся через стол, схватил кружку Даинти Бибервельта-1 и жадно приник к ней устами.

— Не может быть, не может быть, — прошептал Лютик. — Вы только взгляните, до чего точно скопировал. Не различишь. Все тютелька в тютельку. Даже шишки от комаров и пятна на штанах... Именно что — на штанах! Такого не могут даже чародеи! Пощупай, настоящая шерсть, никакая не иллюзия! Невероятно! Как он это делает?

— Никто не знает, — буркнул ведьмак. — И сам он тоже. Я говорил, что он способен произвольно изменять материю, но это органическая способность, инстинктивная...

— Но штаны... Из чего он сотворил штаны? И жилетку?

— Его собственная измененная кожа. Не думаю, что он охотно отдаст штаны. Впрочем, они тут же потеряли бы свойство шерсти...

— А жаль, — проявил сообразительность Даинти. — Я уже подумал было, не приказать ли ему превратить ведро материи в ведро золота.

Допплер, теперь точная копия низушка, расположился поудобнее на скамейке и широко улыбнулся, видимо радуясь, что стал центром внимания. Он сидел точно в такой же позе, что и Даинти, и точно так же болтал волосатыми ногами.

— А ты много знаешь о доплерах, Геральт! — сказал он, отхлебнул из кружки, почмокал и рыгнул. — Воистину много.

— О боги, и голос, и манеры тоже Бибервельтовы, — сказал Лютик. — Нет ли у кого лоскутка красной китайки? Надо бы его, черт побери, пометить, а то может случиться беда.

— Да ты что, Лютик! — возмутился Даинти Бибервельт-1. — Надеюсь, меня-то с ним не спутаешь. С первого...

— ...первого взгляда видно разницу, — dokonчил Даинти Бибервельт-2 и снова вежливо рыгнул. — И верно, чтобы перепутать, надо быть глупее кобыльего копыта.

— Ну разве я не говорил? — восхищенно шепнул Лютик. — Он мыслит и говорит точно как Бибервельт. Не различишь.

— Преувеличение, — надул губы низушек. — Крупное преувеличение.

— Нет, — возразил Геральт. — Не преувеличение. Верь не верь, но в

данный момент он — это ты, Дан. Неведомым образом доплер точно копирует также и психику оригинала.

— Пси... что?

— Ну, свойства разума, характер, чувства, мысли. Душу. И это подтверждает как раз то, что отрицают большинство чародеев и все богослужители. А именно, что душа — тоже материя.

— Святотатство, — шепнул трактирщик.

— И глупость, — твердо заметил Даинти Бибервельт. — Не рассказывай сказок, ведьмак. Свойства разума, ничего себе! Скопировать чужой нос и портки — это куда ни шло, но разум — это тебе не в бочку пер... Простите. Сейчас докажу. Если б этот вшивый доплер скопировал мой купеческий разум, то не продал бы лошадей в Новиграде, где на них нет спроса, а поехал бы в Чертов Брод, на конский рынок, где цены договорные, кто больше даст. Там не прогадаешь...

— Именно что прогадаешь. — Допплер спародировал обиженную мину низушка и фыркнул свойственным тому образом. — Во-первых, цены на аукционе в Чертовом Броде падают, потому что купцы сговариваются, как им торговаться. К тому же идут дополнительные комиссионные аукционщику.

— Не учи меня торговать, задница, — обрушился Бибервельт. — Я в Чертовом Броде взял бы девяносто, а то и сто за штуку. А сколько получил ты от новиградских скряг?

— По сто тридцать, — сказал доплер.

— Бреешь, распустеха.

— Не брешу. Я погнал лошадей прямо в порт, господин Даинти, и нашел там заморского торговца кожами. Скорняки не пользуются волами, снаряжая караваны, потому как волы слишком медлительны. Кожи легкие, но ценные, стало быть, надо ездить быстро. В Новиграде нет спроса на коней, потому-то и коней тоже нет. У меня были единственные доступные, вот я и продиктовал цену. Это просто...

— Не учи меня, сказал! — рявкнул Даинти, покраснев, как бурак. — Ну ладно, стало быть, заработал! А деньги где?

— Пустил в оборот, — гордо ответил Тельико, почесав типичным для низушка движением густую шевелюру. — Деньги, господин Даинти, должны обращаться, а интерес — крутиться.

— Смотри, как бы я тебе голову не скрутил! А ну говори, что сделал с выручкой за лошадей?

— Я же сказал — накупил товаров.

— Каких? Что купил, уродина?

— Ко... кошенили, — с трудом проговорил допплер, а потом быстро продекламировал: — Пятьсот корцев кошенили, шестьдесят два рюйса коры мимозы, пятьдесят пять гарнков розового масла, двадцать три бочонка рыбьего жира, шестьсот глиняных мисок и восемьдесят фунтов пчелиного воска. Рыбий жир, кстати, купил очень дешево, потому как он немного уже прогорк. Да, чуть было не забыл. Еще купил сто локтей хлопчатобумажного шнура.

Наступило долгое, очень долгое молчание.

— Прогорклый жир, — сказал наконец Даинти, очень медленно выговаривая отдельные слова. — Хлопчатобумажный шнур. Розовое масло. Да я, никак, сплю. Да, это кошмар! В Новиграде можно купить все, всякие ценные и полезные вещи, а этот кретин выбрасывает мои деньги на какое-то дерьмо. Прикинувшись мною. Я разорен, уплыли мои денежки, коту под хвост моя купеческая репутация. Нет, довольно! Дай меч, Геральт. Я зарублю его на месте.

Дверь эркера со скрипом отворилась.

— Купец Бибервельт! — пропищал вошедший тип в пурпурной мантии, висевшей на худой фигуре, словно на палке. На голове у него была бархатная шапочка в форме перевернутого ночного горшка. — Есть тут купец Бибервельт?

— Есть, — одновременно откликнулись оба низушка.

В следующий момент один из Даинти Бибервельтов плеснул содержимое кружки в лицо ведьмаку, ловко выбил табурет из-под Лютика и промчался под столом к двери, уронив по пути субъекта в смешной шапочке.

— Пожар! Спасайтесь! — завыл он, влетая в общий зал. — Убивают! Горим!

Геральт, отряхиваясь от пивной пены, кинулся за ним, но другой Бибервельт, тоже бежавший к двери, поскользнулся на опилках и свалился ему под ноги. Оба упали у самого порожка. Лютик, выбравшись из-под стола, дико ругался.

— На-а-ападе-е-ение! — заверещал с пола тощий тип, запутавшись в пурпурной мантии. — На-а-ападе-е-ение! Ба-а-андиты!

Геральт переполз через низушка, влетел в зал, увидел, как допплер, раскидывая гостей, выбегает на улицу. Кинулся следом и тут же уперся в упругую, неподатливую стену людей, загородивших дорогу. Одного, умаруханного глиной и воняющего пивом, ему удалось перевернуть, но остальные зажали его железными тисками плеч. Он яростно рванулся, слышался сухой треск рвущихся ниток, лопающейся кожи, и под правой

подмышкой сделалось просторно. Ведьмак ругнулся, перестав вырываться.

— Поймали! — крикнули каменщики. — Мы поймали разбойника! Что делать, господин мастер?

— Известь! — взвыл мастер, поднимая голову от столешницы и водя кругом невидящими глазами. — Извести и камней!

— Стра-а-ажа! — рычал пурпурный, на четвереньках выбираясь из эркера. — Нападение на чиновника! Стража! Пойдешь за это на шибеницу, злодей!

— Мы его поймали! — кричали каменщики. — Мы поймали его, господин!

— Не того! — взвыл субъект в мантии. — Хватайте подлеца! Догоните его!

— Кого?

— Бибервельта, низушка! Догнать его, догнать! В яму его!

— Сейчас, сейчас, — сказал Даинти, выглядывая из эркера. — Что такое, господин Шван? Не вытирайте себе рот моим именем. И не поднимайте тревоги без нужды.

Шван замолчал, изумленно глядя на низушка. Из эркера вышел Лютик в шапочке набекрень, осматривая свою лютню. Каменщики, пошептавшись, отпустили наконец Геральта. Ведьмак, хоть и очень злой, ограничился сочным плевком на пол.

— Купец Бибервельт! — пропищал Шван, близоруко щурясь. — Что это значит? Нападение на городского чиновника может вам дорого обойтись... Кто это был? Тот низушек?

— Брат, — быстро сказал Бибервельт. — Троюродный брат...

— Да, да, — тут же поддержал Лютик, почувствовавший себя в своей стихии. — Далекий кузен Бибервельта. Известный как Чок Бибервельт. Черная овца в семье. Еще будучи ребенком, он свалился в колодец. Высохший. К несчастью, бадья упала ему прямо на голову. Вот он и чокнулся малость. Обычно-то он ведет себя тихо, но при виде пурпура впадает в ярость. Чок, одним словом. Но нечего волноваться, он быстро успокаивается, стоит увидеть рыжие волосы на дамском лобке. Потому он и помчался прямо в «Пассифлору». Понимаете, господин Шван...

— Довольно, Лютик, — прошипел ведьмак. — Заткнись, черт побери.

Шван одернул мантию, стряхнул опилки и выпрямился, придав физиономии величественное выражение.

— Да-а, — сказал он. — Следите внимательнее за своими родственниками, купец Бибервельт, потому как сами-то вы, известно, вполне дееспособны. Если б я подал жалобу... Но у меня нет времени. Я

здесь по делу. От имени городских властей призываю вас заплатить налог.

— Э?

— Налог, — повторил чиновник и надул губы на манер, который подсмотрел, вероятно, у кого-то более значительного. — Что такое? Вам что, от брата передалось? Занимаешься торговлей — плати налоги. Либо иди в тюрьму.

— Я? — рявкнул Даинти. — Я — торговлей? Да у меня сплошные потери, мать твою! Я...

— Бибервельт, — снова прошипел ведьмак, а Лютик украдкой ударил низушка по волосатой щиколотке. Низушек кашлянул.

— Само собой, — сказал он с трудом, изображая улыбку на пухлой физиономии. — Само собой, господин Шван. Ежели занимаешься выгодной торговлей, надобно платить налоги. Хорошая торговля — большие налоги. И наоборот, как мне кажется.

— Не мне оценивать ваши доходы, купец. — Чиновник соорудил кислую мину, присел за стол, из бездонных складок мантии извлек счета и свиток пергамента, который развернул на столе, предварительно протерев стол полой накладки. — Мое дело считать и принимать. Да-а-а... Итак, подсчитаем... Это будет... хммм... это будет... Два пишем, один в уме... Та-а-ак... Тысяча шестьсот пятьдесят три кроны и двадцать копперов...

Даинти Бибервельт издал глухой вопль. Каменщики удивленно заворчали, трактирщик упустил блюдо. Лютик вздохнул.

— Ну до встречи, ребята, — горько сказал низушек. — Если меня кто-нибудь спросит, так я в тюрьге.

— До завтрашнего полудня, — стонал Даинти. — Ну и сукин сын этот Шван, чтоб его скрутило, паршивца, мог бы и подольше подождать. Больше полутора тысяч крон, откуда мне взять до завтра столько наличных? Я погиб, разорен, сгнию в заточении! Нечего сидеть, говорю вам, дьявольщина, надо хватать эту дрянь, допплера! Мы должны его поймать!

Вся троица сидела на мраморной облицовке бездействующего фонтана, расположенного посредине небольшой площади, обрамленной роскошными, но исключительно безвкусными купеческими домами. Вода в бассейне была зеленой и чудовищно грязной, плавающие среди отбросов золотые ельцы натужно работали жабрами и раскрытыми ртами хватали воздух с поверхности. Лютик и низушек жевали оладьи, которые трубадур

только что стянул с попавшегося на пути прилавка.

— На твоём месте, — сказал бард, — я бы отказался от погони, а стал искать кого-нибудь, кто одолжит денег. Ну поймаешь ты доплера. И что? Думаешь, Шван примет его в качестве эквивалента?

— Дурак ты, Лютик, хоть и бард. Схватив доплера, я отберу у него мои деньги.

— Какие деньги? То, что было у него в мешочке, пошло на покрытие урона трактирщику и взятку Швану. Больше там ничего не было.

— Лютик, — поморщился низушек, — в поэзии-то ты, возможно, и дока, но в торговых вопросах, уж прости, абсолютный нуль. Ты слышал, какой налог насчитал мне Шван? А за что налоги платят? Ну за что?

— За все, — отметил поэт. — Я так вон даже за пение плачу. И плевать им на мои объяснения, мол, пою я по внутренней потребности.

— Дурак, говорю. Налоги в торговле платят в зависимости от прибыли. Прибыли, Лютик! Понял? Этот паршивец доплер подделался под меня и занялся каким-то нечистым делом. И заработал на нем. Заработал! А я — плати налог да еще и покрывай долги этого голодранца, ежели он их наделал. А не заплачу, так — в яму, а там публично поставят, как на скотине какой, тавро и сошлют на рудники! Дьявольщина!

— Хе! — весело отозвался Лютик. — Стало быть, нет у тебя, Даинти, иного выхода, как тайно сматываться из города. Знаешь что? Есть идея. Давай обернем тебя бараньей шкурой. Ты пройдешь через ворота, крича: «Я овечка, овечка, бе-е-е». Никто тебя не узнает.

— Лютик, — угрюмо проговорил низушек. — Заткнись, а то ведь стукну. Геральт?

— Что, Дан?

— Поможешь схватить доплера?

— Послушай, — сказал ведьмак, все еще безуспешно пытавшийся зашить разорванный рукав куртки. — Мы в Новиграде. Тут тридцать тысяч жителей — людей, краснолюдов, полуэльфов, низушков и гномов, да, вероятно, еще столько же приезжих. Как ты собираешься отыскать его в такой тьме народу?

Даинти дожевал оладью, облизнул пальцы.

— А магия, Геральт? Ваши ведьмачьи чары, о которых столько болтают?

— Магически доплера можно обнаружить, только когда он в своем виде, а в своем-то он по улицам не шастает. И даже если б так, все равно магия не поможет, потому что кругом кишмя кишат слабые чародейские сигналы. У каждого второго дома магические замки, а три четверти людей

носят амулеты, самые разные — против воров, блох, пищевых отравлений. Не счесть.

Лютик провел пальцами по грифу лютни, звякнул струнами.

— Идет весна, дождем повеяв теплым! — пропел он. — Нет, скверно. Весна грядет и солнце... Нет, черт возьми. Не получается. Ну никак...

— Перестань скрипеть, — проворчал низушек. — Ты действуешь мне на нервы.

Лютик кинул ельцам остатки олады и сплюнул в бассейн.

— Глядите, — сказал он. — Золотые рыбки. Говорят, такие исполняют желания.

— Так те красные, — заметил Даинти.

— Ну и что, какая разница. Черт возьми, нас трое, а они выполняют по три желания каждая. Получается, по одному на брата от каждой рыбки. А, Даинти? Не хочешь, чтобы рыбка заплатила за тебя налог?

— Почему же. А вдобавок пусть что-нибудь свалится с неба и треснет доплера по башке. И еще...

— Стой, стой. У нас тоже есть желания. Я, к примеру, хочу, чтобы рыбка подсказала мне окончание баллады. А ты, Геральт?

— Отцепись, Лютик. Балаболка.

— Не порти игры, ведьмак. Скажи, чего бы ты хотел?

Ведьмак встал.

— Я бы хотел, — проворчал он, — чтобы тот факт, что нас пытаются окружить, оказался недоразумением.

Из переулка напротив фонтана вышли четверо одетых в черное людей в круглых кожаных шляпах и медленно направились к бассейну. Даинти, оглянувшись, тихо выругался.

Из улочки позади них вышли еще четверо. Эти, приближаясь, заблокировали переулок. В руках они держали какие-то странные кружочки, напоминающие свернутые ремни. Ведьмак осмотрелся, пошевелил плечами, поправляя висящий за спиной меч. Лютик икнул.

Из-за черной четверки вышел невысокий мужчина в белом кафтане и коротком сером плаще. Золотая цепь на его шее поблескивала в ритм шагам, стреляя желтыми отблесками.

— Ляшарель... — простонал Лютик. — Это Ляшарель.

Черные люди у них за спинами медленно двигались к фонтану. Ведьмак потянулся за мечом.

— Нет, Геральт, — шепнул Лютик, прижимаясь к нему. — Ради богов, не доставай оружия. Это храмовая стража. Если мы окажем сопротивление, нас живьем из Новиграда не выпустят. Не трогай меча.

Человек в белом кафтане уверенно шел к ним. Типы в черном следовали поодаль, на ходу окружая бассейн, чтобы занять стратегически верно выбранные позиции. Геральт, слегка сгорбившись, внимательно наблюдал. Станные предметы, которые они держали в руках, не были, как он вначале думал, обычными ременными кнутами. Это были трехвостки. Или, иначе, ламии.

Человек в белом кафтане приблизился.

— Геральт, — шепнул бард, — ради Бога, спокойнее...

— Я не позволю к себе прикоснуться, — буркнул ведьмак. — Не позволю к себе прикоснуться, кем бы он ни был. Внимание, Лютик... Если начнется, убегайте что есть мочи. Я их отвлеку... на какое-то время.

Лютик не ответил. Закинув лютню за спину, он низко склонился перед человеком в белом кафтане, богато расшитом золотыми и серебряными нитками в белую мозаику.

— Благородный Ляшарель...

Человек по имени Ляшарель остановился, окинул их взглядом.

Его глаза, как про себя отметил Геральт, были мерзко холодными и имели цвет стали. Бледный лоб болезненно вспотел, на щеках красные неровные пятна румянца.

— Господин Даинти Бибервельт, купец, — сказал он. — Талантливый мэтр Лютик. И Геральт из Ривии, представитель столь редкой ныне профессии ведьмаков. Встреча старых друзей? У нас, в Новиграде?

Никто не ответил.

— Весьма неудачным, — продолжал Ляшарель, — я считаю тот факт, что на вас поступил донос.

Лютик слегка побледнел, а низушек щелкнул зубами. Ведьмак не глядел на Ляшареля. Он не отрывал глаз от оружия в руках окружавших фонтан людей в кожаных шляпах. В большинстве известных Геральту стран изготовление и владение шиповатой ламией, именуемой еще майенским батогом, было строго запрещено. Новиград не составлял исключения. Геральт видел людей, которых хлестнули ламией по лицу. Эти лица невозможно было узнать.

— Хозяин трактира под названием «Наконечник Пики», — продолжал Ляшарель, — имел наглость обвинить вас в сговоре с демоном, чудовищем, которого именуют векслингом, либо подвойняком.

Никто не ответил. Ляшарель скрестил руки на груди и одарил их ледяным взглядом.

— Я считаю своей обязанностью сообщить вам о доносе. Сообщаю также, что вышеупомянутый трактирщик помещен в яму. Есть основания

полагать, что он болтал спьяну, находясь под влиянием пива либо водки. И чего только люди не придумают! Во-первых, векслингов не существует. Это вымысел суеверных мужиков.

Никто не ответил.

— Во-вторых, какой векслинг, он же подвойняк, осмелится подойти к ведьмаку, — усмехнулся Ляшарель, — и останется в живых? Я прав? Посему донос трактирщика был бы достоин осмеяния, если б не одна существенная деталь.

Ляшарель покачал головой, выдержав эффектную паузу. Ведьмак услышал, как Даинти медленно выпускает воздух, втянутый в глубоком вдохе.

— Да, некоторая существенная деталь, — повторил Ляшарель, — а именно: мы имеем дело с ересью и святотатственным кощунством, ибо известно, что ни один, абсолютно ни один подвойняк, равно как и любое иное чудовище, не мог бы даже приблизиться к стенам Новиграда, ибо в девятнадцати храмах города пылает Вечный Огонь, святая сила коего хранит нас. Тот, кто утверждает, будто видел подвойняка в «Наконечнике Пики», на расстоянии броска камня от главного алтаря Вечного Огня, есть кощунствующий еретик и обязан от своего утверждения отказаться... Если же он отказаться не пожелает, мы поможем ему в этом по мере сил и возможностей, которые, поверьте, у нас в ямах всегда под рукой. Посему, как видите, беспокоиться не о чем.

Выражения лиц Лютика и низушка свидетельствовали об обратном.

— Совершенно не о чем беспокоиться, — повторил Ляшарель. — Вы можете покинуть Новиград без помех. Я не стану вас задерживать. Однако вынужден потребовать, дабы о достойных сожаления вымыслах трактирщика вы, уважаемые и благородные, не рассказывали никому и не комментировали вслух данное происшествие. Высказывания, подрывающие божественную силу Вечного Огня, независимо от намерений, мы, скромные служители церкви, вынуждены будем трактовать как ересь со всеми вытекающими отсюда последствиями. Собственные религиозные убеждения поэта, купца и ведьмака, которые я уважаю вне зависимости от того, каковыми бы они ни были, значения не имеют. Верьте во что хотите. Ваше дело. Я терпим до тех пор, пока почитают Вечный Огонь и не кощунствуют против него. А ежели кто-либо начнет кощунствовать, то такового велю спалить, и точка. В Новиграде все равны перед законом. И закон равен для всех: всяк кощунствующий против Вечного Огня идет на костер, а его имущество конфискуется. Но довольно об этом. Повторяю, вы можете без помех пройти в ворота Новиграда.

Лучше всего...

Ляшарель слабо улыбнулся, втянул щеку в хитрой гримасе, повел глазами по площади. Немногочисленные прохожие, наблюдавшие за происходящим, ускорили шаги, быстро отворачиваясь.

— ...лучше всего, — закончил Ляшарель, — немедленно. Незамедлительно. Само собой разумеется, в применении к уважаемому купцу Бибервельту понятие «незамедлительно» означает «незамедлительно по совершении налоговых операций». Благодарю за внимание.

Даинти, отвернувшись, беззвучно шевелил губами. Ведьмак не сомневался, что этим беззвучно произнесенным словом было: «стерва». Лютик опустил голову, глуповато улыбаясь.

— Господин ведьмак, — неожиданно сказал Ляшарель. — Если не возражаете, позвольте на пару слов. Лично.

Геральт подошел. Ляшарель протянул было руку. «Если он коснется моего локтя, ударю, — подумал ведьмак. — Ударю, несмотря ни на что».

Ляшарель локтя Геральта не коснулся.

— Господин ведьмак, — сказал он тихо, отвернувшись от остальных. — Мне известно, что некоторые города не в пример Новиграду лишены божественной опеки Вечного Огня. Допустим, существо, подобное векслингу, шатается по одному из таких городов. Интересно, сколько бы ты взял, чтобы немедленно схватить такового живым?

— Я не нанимаюсь ловить чудищ в людных местах, — пожал плечами ведьмак. — Может пострадать посторонний.

— Ты так печешься о судьбе посторонних?

— Так пекусь. Потому что, как правило, за их судьбу обвиняют меня. И мне грозят последствиями.

— Понимаю. А скажем, не была бы забота о судьбе посторонних обратно пропорциональна размеру платы?

— Не была бы.

— Твой тон, ведьмак, мне не очень нравится. Но не в том дело. Я понимаю, что ты хочешь этим сказать. Хочешь сказать, что не намерен сделать того... о чем я мог бы тебя попросить, причем размер платы не имеет значения. А характер оплаты?

— Не понимаю.

— Не думаю.

— И все же.

— Чисто теоретически, — сказал Ляшарель тихо, спокойно, без злобы или угрозы в голосе, — возможно, платой за услуги была бы гарантия, что ты и твои друзья выйдете живыми из... теоретического города. Тогда что?

— На этот вопрос, — криво усмехнулся ведьмак, — невозможно ответить теоретически. Ситуацию, о которой ты говоришь, благородный Ляшарель, следовало бы рассмотреть практически. Я вовсе не стремлюсь к этому, но если потребуется... Если не будет иного выхода... Я готов это... проработать.

— Хм, возможно, ты и прав, — спокойно ответил Ляшарель. — Мы слишком много теоретизируем. Что же до практики, то, вижу, сотрудничества ждать бессмысленно. Может, и к лучшему? Во всяком случае, надеюсь, это не станет поводом к конфликту между нами.

— И я, — проговорил Геральт, — надеюсь.

— Пусть же горит в нас сия надежда, Геральт из Ривии. Ты знаешь, что такое Вечный Огонь? Неугасимое пламя, символ существования, дорога, указанная во мраке, предвестник прогресса, лучшего завтра. Вечный Огонь, Геральт, есть надежда. Для всех, для всех без исключения. Ибо если существует нечто общее... для тебя... для меня... для других... то это как раз и есть надежда. Помни об этом. Приятно было познакомиться, ведьмак.

Геральт молча поклонился. Ляшарель секунду глядел на него, потом энергично развернулся и пошел через площадь, не оглядываясь на эскорт. Люди, вооруженные ламиями, двинулись следом, выстраиваясь в правильную колонну.

— О мамочка моя, — занял Лютик, пугливо поглядывая на уходящих. — Ну повезло. Если только это конец. Если нас немедля не сцапают...

— Успокойся, — сказал ведьмак, — и перестань скулить. Ничего же не случилось.

— Знаешь, кто это был, Геральт?

— Нет.

— Это был Ляшарель, наместник по делам безопасности. Секретная служба Новиграда подчинена церкви. Ляшарель не богослужитель, но это серый кардинал иерарха, самый могущественный и самый опасный человек в городе. Все, даже Совет и цехи, трясут перед ним портками, потому как он чистой воды подлец, упившийся властью, как паук мушиной кровью. Хоть и втихую, но в городе поговаривают о его делишках. Исчезающие бесследно люди, ложные обвинения, пытки, тайные убийства, террор, шантаж и обычный грабёж. Принуждения, мошенничества и аферы. О боги, в хорошенькую историю ты впутал нас, Бибервельт.

— Прекрати, Лютик, — фыркнул Даинти. — Тебе-то чего бояться? Никто трубадура не тронет. По непонятным причинам вы пользуетесь неприкосновенностью.

— Неприкосновенный поэт, — стонал все еще бледный Лютик, — в Новиграде тоже может попасть под мчащуюся телегу, отравиться до смерти рыбой или неожиданно утонуть во рву. Ляшарель — спец по таким несчастным случаям. По мне, так невероятно уже то, что он вообще с нами разговаривал. Так сказать, снизошел. Ясно, не без причин. Что-то он замышляет. Вот увидите, он сразу же во что-нибудь нас впутает, нас закуют и законно поволокут на пытки. Так тут делается!

— В его словах, — проговорил низушек, обращаясь к Геральту, — довольно много правды. Надо соблюдать осторожность. И как только такого мерзавца, как Ляшарель, земля носит! Уж сколько лет о нем говорят, что он болен, что ему кровь в голову ударяет, и все ждут, когда же он преставится.

— Замолкни, Бибервельт, — испуганно прошипел трубадур, оглядываясь. — Еще кто-нибудь услышит. Гляньте, как все зырятся на нас. Пошли отсюда, говорю вам. И советую, давайте по-серьезному отнесемся к тому, что нам сказал Ляшарель о доплере. Я, к примеру, в жизни не видел никакого доплера, если потребуется, присягну перед Вечным Огнем.

— Гляньте, — вдруг сказал низушек. — Кто-то к нам спешит.

— Бежим! — взвыл Лютик.

— Спокойно, спокойно, — широко улыбнулся Даинти и прошелся по шевелюре пальцами. — Я его знаю. Это Ондатр, местный купец, казначей цеха. Мы вместе торговали. Смотрите, какая у него мина!словно в штаны наделал. Эй, Ондатр, ты не меня ищешь?

— Клянусь Вечным Огнем, — просипел Ондатр, сдвигая на затылок лисью шапку и вытирая лоб рукавом. — Я был уверен, что тебя заточат в казематы. Истинное чудо. Поразительно...

— С твоей стороны, — ехидно прервал низушек, — очень мило поражаться. Порадуй нас еще, скажи, почему?

— Не прикидывайся дураком, Бибервельт, — поморщился Ондатр. — Весь город знает, сколько ты огреб на кошенили. Все об этом только и болтают, небось и до иерархии дошло, и до Ляшареля, какой ты ловкий, как хитро воспользовался тем, что произошло в Повиссе.

— О чем ты, Ондатр?

— О боги, прекрати мести хвостом, будто лиса. Ты кошениль купил? Купил. Воспользовавшись плохим спросом, заплатил авализованным векселем, не выложив ни гроша наличными. И что? За один день распродал весь груз в четыре раза дороже, да еще и за звонкую монету. Может, станешь утверждать, будто тебе случайно повезло? Мол, покупая кошениль, ты ничегошеньки не знал о перевороте в Повиссе?

— О чем? О чем ты болтаешь?

— В Повиссе был переворот, — рывкнул Ондатр. — И эта, как там ее... Леворюция! Короля Рыда свергли, теперь там правит клан Тиссенидов! Двор и войско Рыда одевались в голубое, потому тамошние ткачи покупали одно индиго. А цвет Тиссенидов — пурпур. Индиго тут же упало в цене, а кошениль пошла вверх, и сразу стало ясно, что именно ты, Бибервельт, наложил лапу на единственный доступный груз. Хе!

Даинти, задумавшись, молчал.

— Хитро, Бибервельт, ничего не скажешь, — продолжал Ондатр. — И никому ни слова, даже друзьям. Шепни ты мне, глядишь, мы бы все заработали, даже факторию можно было бы совместную основать. Но ты предпочел один, втихую. Твоя воля, но и на меня теперь не рассчитывай. О Вечный Огонь, а ведь и верно: что ни низушек, то самолюбивая дрянь и дерьмо собачье. Мне, к примеру, Вимме Вивальди никогда авая на векселе не дает, а тебе? Запросто. Потому как вы с ним одна банда, вы, нелюди, оканные низушки и красноты. Чтоб вас холера...

Ондатр сплюнул, развернулся и ушел. Даинти, задумавшись, чесал в голове так, что аж шевелюра хрустела.

— Что-то мне светит, ребята, — сказал он наконец. — Знаю, что надо сделать. Пошли в банк. Ежели кто и может разобраться, так только мой знакомый банкир Вимме Вивальди.

3

— Иначе я представлял себе банк, — шепнул Лютик, осматривая помещение. — Где они тут держат деньги, Геральт?

— Черт их знает, — тихо ответил ведьмак, прикрывая разорванный рукав куртки. — Может, в подвале?

— Вряд ли. Я смотрел — нет тут подвала.

— Ну значит, на чердаке.

— Извольте в контору, господа, — сказал Вимме Вивальди.

Сидевшие за длинными столами молодые люди и красноты неведомого возраста занимались тем, что покрывали листы пергамента рядами циферок и буковок. Все без исключения кособочились, и у всех были слегка высунуты языки. Работа, как расценил ведьмак, была чертовски однообразна, но, казалось, поглощала клерков без остатка. В углу сидел дед с внешностью попрошайки, занятый тем, что чинил перья. Дело у него шло ни шатко ни валко.

Банкир старательно запер дверь конторы, пригладил длинную белую ухоженную бороду, местами испачканную чернилами, поправил бордовую бархатную куртку, с трудом сходящуюся на выдающемся брюхе.

— Знаете, мэтр Лютик, — сказал он, усаживаясь за огромный красного дерева стол, заваленный пергаментами. — Я тоже совершенно иначе вас себе представлял. Я знаю ваши песенки, знаю, слышал. О принцессе Ванде, которая утопилась в реке Поппе, потому что никто ее не хотел. И о воробушке, который попал в... тепло и зачирикал...

— Это не мое. — Лютик покраснел от бешенства. — Никогда не певал ничего подобного!

— Вот как? Ну тогда извиняйте.

— А может, перейдем к делу? — вставил Даинти. — Время уходит, а вы о глупостях... Я в серьезном затруднении, Вимме.

— Я этого боялся, — покачал головой краснотел. — Если помнишь, я тебя предостерегал, Бибервелът. Говорил я тебе три дня тому: не всаживай деньги в прогорклый рыбий жир. Что из того, что он дешев, номинальная цена не имеет значения, важен размер дохода на перепродаже. То же самое с розовым маслом, и воском, и глиняными мисками. Что тебя дернуло покупать эту дрянь, да вдобавок за наличные, вместо того чтобы по-умному заплатить аккредитивом или векселем? Я же тебе говорил, стоимость хранения в новиградских складах чертовски высока, за две недели она трижды превысит стоимость товара, а ты...

— Ну, — тихо простонал низушек. — Говори, Вивальди. Что — я?

— А ты в ответ: мол, ничего страшного, мол, продашь все за двадцать четыре часа. А теперь являешься и сообщаем, что ты в затруднении, при этом глупо и подкупающе лыбишься. Не идет товар, верно? А издержки растут, а? Эхе-хе, скверно, скверно. Ну как тебя вытаскивать, Даинти? Если б ты застраховал свой хлам, я послал бы кого-нибудь из своих, чтобы он втихаря подпалил склад. Нет, дорогой, единственное, что можно сделать, это подойти к вопросу философски, то есть сказать себе: «Хрен с ним». Это торговля — раз получишь, раз потеряешь. Да что это, в конце концов, за деньги — рыбий жир, воск и масло? Смешно. Давайте поговорим о более серьезных вещах. Скажи, уже пора продавать кору мимозы, ведь спрос начал устанавливаться на пяти и пяти шестых?

— Что?

— Ты оглох? — поморщился банкир. — Последнее предложение было равно пяти и пяти шестым. Ты вернулся, надеюсь, чтобы согласиться? По семь ты все равно не получишь, Даинти.

— Вернулся?

Вивальди погладил бороду и выскреб из нее крошки рулета.

— Ты был тут час назад, — сказал он спокойно, — и распорядился держать до семи. Семикратное превышение при цене, которую ты заплатил, — это две кроны сорок пять копперов за фунт. Чересчур высоко, Даинти, даже для удачно выбранного рынка. Кожевенники успели договориться и будут солидарно держать цену. Голову даю...

Дверь отворилась, и в контору влетело нечто в зеленой фетровой шляпе и шубейке из вывороченного кролика, перепоясанной конопляным жгутом.

— Купец Сулимир дает две кроны пятнадцать! — запищало оно.

— Шесть и одна шестая, — быстро подсчитал Вивальди. — Что делать, Дан?

— Продавать! — крикнул низушек. — Шестикратное превышение, а ты еще раздумываешь, холера?

В контору влетело другое нечто, в желтой шапке и плаще, напоминающем старый мешок. Как и в первом, в нем было около двух локтей роста.

— Купец Бибервельт велит не продавать ниже семи! — пискнуло оно, вытерло нос рукавом и выбежало.

— Так, — сказал краснолюд после долгого молчания. — Один Бибервельт велит продавать, другой Бибервельт велит ждать. Любопытная ситуация. Что делать, Даинти? Ты сразу начнешь объяснять или тоже подождем, пока какой-нибудь третий Бибервельт прикажет грузить кору на галеры и вывезти в Страну Песоглавцев?

— Что это? — заикаясь, спросил Лютик, указывая на нечто в зеленой шапке, все еще стоявшее в дверях. — Что это, черт побери?

— Молодой гном, — сказал Геральт.

— Несомненно, — сухо подтвердил Вивальди. — Это не старый тролль. Впрочем, неважно, что это. Ну, Даинти? Слушаю.

— Вимме, — начал низушек. — Я тебя прошу. Не задавай вопросов. Произошло нечто чудовищное. Считай, что я, Даинти Бибервельт из Почечуева Лога, честный купец, понятия не имею, что тут творится. Расскажи мне все. Подробно. События последних трех дней. Прошу тебя, Вимме.

— Интересно, — сказал краснолюд. — Впрочем, за проценты, которые мне идут, я должен выполнять желания клиентов, какими бы они ни были. Слушай. Ты, задыхаясь, явился сюда три дня назад, отдал мне в депозит тысячу крон наличными и потребовал аваль на векселе в две тысячи пятьсот двадцать. На предъявителя. Я дал.

— Без гарантии?

— Без. Я люблю тебя, Даинти.

— Продолжай, Вимме.

— На другой день с утра ты влетел сюда с грохотом и топотом, потребовав, чтобы я открыл аккредитив на банк в Вызиме. На приличную сумму в три тысячи пятьсот крон. Получателем должен был стать, насколько я помню, некий Терх Луконян, он же Трюфель. Ну так я открыл такой аккредитив.

— Без гарантии, — проговорил низушек с надеждой в голосе.

— Моя любовь к тебе, Бибервельт, — вздохнул банкир, — кончается на сумме в три тысячи крон. На сей раз я взял у тебя письменное обязательство, гласящее, что в случае невыплаты мельница моя.

— Какая мельница?

— Мельница твоего тестя Арно Хардботтома в Почечуевом Логе.

— Я домой не вернусь, — угрюмо, но решительно известил Даинти. — Попроюсь на какой-нибудь корабль и стану пиратом.

Вимме Вивальди почесал за ухом и подозрительно взглянул на него.

— Э-э-э. Свое обязательство ты давно получил обратно и изорвал на мелкие кусочки. Ты платежеспособен. Ничего удивительного, при таких доходах...

— Доходах?

— Ах да, совсем забыл, — проворчал краснотел. — Мне же не следует ничему удивляться. Ты здорово провернул операцию с кошенилью. Потому что, видишь ли, в Повиссе произошел переворот...

— Уже знаю, — прервал низушек. — Индиго подешевело, а кошениль подорожала. А я заработал. Это правда, Вимме?

— Чистейшая. В моем депозите твоих тысяча триста сорок шесть крон и восемьдесят копперов. Чистых, уже за вычетом налога и выплаты моих процентов.

— Ты уплатил за меня налог?

— А как же иначе? — удивился Вивальди. — Ведь час назад ты был тут и велел заплатить. Клерк уже отнес всю сумму в ратушу. Что-то около полутора тысяч, потому что продажа лошадей была, естественно, тоже учтена.

Дверь с грохотом отворилась, и в контору влетело нечто в очень грязной шапке.

— Две кроны тридцать! — пискнуло оно. — Купец Хасельквист!

— Не продавать! — крикнул Даинти. — Будем ждать лучшей цены! А ну оба на биржу!

Гномы схватили кинутые краснолюдом медяки и исчезли.

— М-да. Так на чем я остановился? — задумался Вивальди, поигрывая огромным, странной формы кристаллом аметиста, выполняющим роль прижима для бумаги. — Ага, на кошенили, купленной на вексель. А кредитное письмо, о котором я упоминал, было тебе необходимо для покупки большой партии коры мимозы. Ты купил ее много, но довольно дешево, по тридцать пять копперов за фунт у зангвебарского фактора, того самого Трюфеля или Сморчка — не запомнил. Галера вошла в порт вчера. И тут началось.

— Представляю себе, — простонал Даинти.

— Зачем и кому понадобилась кора мимозы? — не выдержал Лютик.

— Ни за чем, — угрюмо проворчал низушек. — К сожалению.

— Кора мимозы, — пояснил краснолюд, — дубильное вещество, применяемое при выделке кож.

— Неужто нашелся глупец, польстившийся на заморскую кору мимозы, — вставил Даинти, — если в Темерии можно за бесценок купить дубовую?

— Тут-то как раз и зарыт вампир, — проговорил Вивальди. — Потому как темерские друиды объявили, что ежели немедленно не прекратится уничтожение дубов, то они нашьют на страну саранчу и крыс. Друидов поддержали дриады, а у тамошнего короля слабость к дриадам. Короче: со вчерашнего дня объявлено полное эмбарго на темерскую дубовину, поэтому мимоза пошла вверх. У тебя была прекрасная информация, Даинти.

Из канцелярии долетел топот, и в контору ворвалось нечто задыхающееся в зеленой шапке.

— Благородный купец Сулимир... — выдохнул гном, — велел повторить, что купец Бибервельт, низушек, есть вепрь дикий и щетинистый, спекулянт и мошенник, и он, Сулимир, желает, дабы Бибервельт запаршивел. Две кроны сорок пять, и это его последнее слово.

— Продавай, — выпалил низушек. — Вперед, малыш, беги и подтверди. Считай, Вимме.

Вивальди сунул руку под свитки пергамента и извлек краснолюдские счета, истинную игрушку. В отличие от счетов, используемых людьми, у краснолюдских была форма пирамидки. При этом счета Вивальди были изготовлены из золотых проволочек, по которым передвигались отшлифованные в форме призмочек, прилегающие друг к другу кристаллы рубинов, изумрудов, ониксов и черных агатов. Краснолюд быстрыми движениями толстого пальца некоторое время передвигал драгоценные

камушки вверх, вниз и в стороны.

— Получается... хммм... хммм... Минус расходы и мои комиссионные... Минус налог... Та-ак. Пятнадцать тысяч шестьсот двадцать две кроны и двадцать пять копперов. Недурно.

— Если я не разучился считать, — медленно произнес Даинти Бибервельт, — то, в общем, чистыми я должен у тебя иметь...

— Точно двадцать одну тысячу девятьсот шестьдесят девять крон и пять копперов. Неплохо.

— Неплохо? — рявкнул Лютик. — Неплохо? Да за эти деньги можно купить большую деревню или небольшой замок! Я в жизни не видел сразу такую кучу деньжищ!

— Я тоже, — сказал низушек. — Но не горячись, Лютик. Похоже, этих денег вообще еще никто не видел и неизвестно, увидит ли.

— Эй, Бибервельт! — изумился краснолюд. — Откуда такие грустные мысли? Сулимир заплатит наличными либо векселем, а вексели Сулимира — крепкие. Так в чем же дело? Боишься потерять на вонючем жире и воске? При таких доходах ты запросто перекроешь расходы...

— Не в том дело.

— А в чем же тогда?

Даинти кашлянул, опустил курчавую голову.

— Вимме, — сказал он, глядя в пол. — Ляшарель ходит за нами.

— Скверно, — причмокнул банкир. — Впрочем, этого следовало ожидать. Видишь ли, Бибервельт, информация, которой ты воспользовался при сделках, имеет не только торговое, но и политическое значение. О происшедшем в Повиссе и Темерии не знал никто. Ляшарель тоже, а Ляшарель любит все узнавать первым. Поэтому сейчас, я так думаю, он ломает себе голову над вопросом: откуда узнал ты. И, скорее всего, уже догадался. Потому что догадался и я.

— Интересно.

Вивальди глянул на Лютика и Геральта, сморщил курносый нос.

— Тебе интересно? А мне интересна твоя компания, Даинти, — сказал он. — Трубадур, ведьмак и купец. Чего уж лучше. Мэтр Лютик вхож всюду, даже в королевские дворцы, и, надо думать, у него неплохой слух. А ведьмак? Личная охрана? Выбивала? Деньги выколачивать?

— Поспешные выводы, господин Вивальди, — холодно сказал Геральт. — Мы не в сговоре.

— А я, — процедил Лютик, — никогда не прислуживаюсь. Я поэт, а не шпион!

— Всякое говорят, — поморщился краснолюд. — Всякое, милсдарь

Лютик.

— Ложь! — взвизгнул трубач. — Сплошная ложь!

— Ну хорошо, верю, верю. Только не знаю, поверит ли Ляшарель. Как знать, может, все понемногу и заглохнет. Должен сказать, Ляшарель, после того как его в последний раз хватил удар, сильно изменился. Может, страх смерти глянул ему в задницу и заставил призадуматься? Словом, это уже не тот Ляшарель. Он сделался как-то вежливее, рассудительнее, спокойнее и... и как бы порядочнее.

— Э-э-э, — протянул низушек. — Порядочнее? Ляшарель-то?

— Говорю как есть, — возразил Вивальди. — А есть, как говорю. Вдобавок сейчас у церковников в голове другая проблема, имя которой — «Вечный Огонь».

— Ну да?

— Всюду должен гореть Вечный Огонь, как говорят. Всюду, где только можно, следует установить алтари, посвященные этому Огню. Множество алтарей. Не выпрашивай подробности, Даинти, я не очень разбираюсь в людских суевериях. Но знаю, что все священнослужители, а также Ляшарель, практически не занимаются ничем иным, как только этими алтарями и Огнем. Идет солидная подготовка. Налоги будут расти, это уж точно.

— Ну, — сказал Даинти. — Невелика радость, но...

Дверь конторы снова распахнулась, и влетело уже знакомое ведьмаку нечто в зеленой шапке и кроличьей шубейке.

— Купец Бибервельт, — сообщило оно, — велит прикупить мисок, ежели их не хватит. Цена не влияет значения, то бишь не влияет роли. О черт, не играет значения... Э?

— Прекрасно, — улыбнулся низушек, и улыбка его напоминала скривившуюся мордочку взбешенного дикого кота. — Мы купим массу мисок, воля господина Бибервельта для нас закон, а цена не играет роли. А чего еще надо прикупить? Капусты? Дегтя? Железных грабель?

— Кроме того, купец Бибервельт, — прохрипело нечто в шубейке, — просит прислать тридцать крон наличными, потому как должен дать взятку, перекусить и выпить пива, а «Под Пикой» три каких-то проходимца сперли у него мешок с деньгами.

— Ах вот оно что, — протянул Даинти. — Три проходимца! Так, похоже, этот город прямо-таки кишмя кишит проходимцами. А где, если дозволено будет спросить, находится сейчас уважаемый купец Бибервельт?

— Где же, — сказало нечто, хлопнув носом, — как не на Западном Базаре.

— Вимме, — сказал Даинти зловеще. — Не задавай вопросов, но найди мне хорошую толстую палку. Я отправляюсь на Западный Базар, но без палки пойти не могу. Слишком там много проходимцев и ворюг.

— Палку, говоришь? Найду. Но, Даинти, одно хотел бы знать, потому как это меня тяготит. Я не должен был задавать тебе вопросов, поэтому не задам, а попытаюсь угадать, а ты подтвердишь либо нет. А?

— Отгадывай.

— Тот прогорклый жир, масло, воск и миски, тот паршивый шпагат — все это тактические шаги, верно? Ты хотел отвлечь внимание конкурентов от кошенили и мимозы? Вызвать панику на рынке? А, Даинти?

Дверь резко раскрылась, и в контору вбежало нечто без шапки.

— Шаверий докладывает, что все готово! — пискнуло оно. — Спрашивает, наливать?

— Наливать! — загремел низушек. — Немедленно наливать!

— Клянусь рыжей бородой старого Рундурина, — взвыл Вивальди, как только за гномом закрылась дверь. — Ничего не понимаю! Что тут делается? Что наливать? Во что наливать?

— Понятия не имею, — признался Даинти. — Но дело должно крутиться, Вимме.

4

С трудом пробиваясь сквозь толпу, Геральт вышел к ларьку, увешанному медными кастрюлями, котелками и сковородками, отливающими красным в лучах предвечернего солнца. За ларьком стоял рыжеволосый краснолюд в оливковой шапке и тяжелых башмаках из тюленьей кожи. На лице краснолюда рисовалось неудовольствие — коротко говоря, он выглядел так, словно через минуту намеревался оплевать копающуюся в товаре клиентку. Клиентка колыхала бюстом, трясла золотистыми кудряшками и поливала краснолюда бесконечным потоком слов, лишенных склада и лада.

Клиентка была ни много ни мало Веспуля, известная Геральту в качестве метательницы горшков. Не ожидая, пока она его признает, он быстро слился с толпой.

Западный Базар пульсировал жизнью, дорога сквозь скопище народа походила на продирание через кусты боярышника. То и дело что-то цеплялось за рукава и штанины — то дети, потерявшиеся у мам, пока те оттаскивали отцов от палатки с продажей в разлив, то шпики из

кордегардии, то торгующие из-под полы продавцы шапок-невидимок, афродизий и похабных картинок, вырезанных на кедровых досочках. Геральт перестал улыбаться и перешел на ругань, одновременно с успехом пользуясь локтями.

Вдруг он услышал звук лютни и знакомый жемчужный смех. Звуки шли со стороны сказочно разукрашенного ларька, снабженного вывеской: «Здесь чудеса, амулеты и наживка для рыбы».

— Кто-нибудь уже говорил вам, что вы прелестны? — верещал Лютик, присев на прилавок и весело болтая ногами. — Нет? Не может быть! Это же город слепцов, ничего больше, просто город слепцов. Подходите, добрые люди! Кто желает услышать балладу о любви? Кто хочет вспылать и обогатиться духовно, пусть бросит монету в шляпу. Ты чего туда суешь, засранец? Медь придержи для нищенков, не обижай медью артиста. Я-то, возможно, прощу, но искусство — никогда!

— Лютик, — сказал подходя Геральт. — Я думал, мы разделились, чтобы искать доплера. А ты устраиваешь концерты. И не стыдно петь на ярмарках, словно нищий дед?

— Стыдно? — удивился бард. — Важно, что и как поешь, а не где поешь. Кроме того, я голоден, а хозяин ларька обещал накормить обедом. Что же касается доплера, то ищите его сами. Я для погонь, драк и самосудов не гожусь. Я — поэт.

— Ты б лучше помалкивал, поэт. Здесь твоя невеста, могут быть неприятности.

— Невеста? — Лютик нервно заморгал. — О ком ты? У меня их несколько.

В этот момент сквозь толпу слушателей с силой нападающего тура пробилась Веспуля, держа в руке медную сковороду. Лютик соскочил с прилавка и кинулся бежать, ловко перепрыгивая через корзины с морковью. Веспуля повернулась к ведьмаку, раздувая ноздри. Геральт попятился и уперся спиной в стенку ларька.

— Геральт! — крикнул Даинти Бибервельт, вырываясь из толпы и отталкивая Веспулю. — Быстрее, быстрее! Я его видел. Вон там он, убегает!

— Я еще вас достану, распутники! — взвизгнула Веспуля, стараясь удержать равновесие. — Я еще сочтусь со всей вашей сворой! Хороша компашка! Стиляга, оборванец и карлик с волосатыми пятками! Вы меня попомните!

— Туда, Геральт! — крикнул Даинти, на бегу расталкивая группку школяров, занятых игрой в «три ракушки». — Туда, туда, он между

телегами крутится. Заходи слева! Быстрее!

Они кинулись в погоню, сопровождаемые проклятиями перекупщиков и покупателей. Геральт только чудом избежал столкновения с бросившимся под ноги сопливым малышом. Перескочил через него, перевернув при этом два бочонка сельди, за что разъяренный рыбак хлестнул его по спине живым угрем, которого в тот момент демонстрировал клиентам.

И тут он увидел допплера, пытающегося сбежать вдоль загона для овец.

— С другой стороны! — крикнул Даинти. — Обходи его с другой стороны, Геральт!

Допплер стрелой пронесся вдоль заграды, мелькая зеленым жилетом. Теперь было ясно, почему он не превратился ни в кого другого. Проворством никто не мог сравниться с низушкой. Никто. Кроме другого низушка. И ведьмака.

Геральт увидел, что допплер резко меняет направление, вздымая тучу пыли, и ловко ныряет в прогал в ограде, окружающей большую палатку, которая выполняла роль бойни и мясной лавки одновременно. Даинти это тоже заметил, перепрыгнул через жерди и стал пробиваться сквозь сбившуюся в ограде отару блеющих баранов. Было ясно, что он не успеет. Геральт свернул и кинулся вслед за допплером между досками заграды. Неожиданно почувствовал рывок, услышал треск рвущейся кожи, и куртка под другой подмышкой тоже сделалась вдруг очень свободной.

Ведьмак остановился. Выругался. Плюнул. И еще раз выругался.

Даинти влетел в палатку вслед за допплером. Изнутри понеслись крики, звуки ударов, ругань и чудовищный грохот.

Ведьмак выругался в третий раз, особо яростно, заскрежетал зубами, поднял правую руку, сложил пальцы в Знак Аард, направив его прямо на палатку. Палатка вздулась, и изнутри послышался жуткий вой, гул и рев скотины. Палатка осела.

Допплер, ползя на животе, выбрался из-под полотна и кинулся ко второй, меньшей, палатке, скорее всего — леднику. Геральт, не раздумывая, направил руку туда и ударил его в спину Знаком. Допплер повалился на землю как громом пораженный, перевернулся, но тут же вскочил и влетел в палатку-ледник. Ведьмак преследовал его по пятам.

В палатке несло мясом. И было темно.

Тельико Луннгревинк Леторт стоял там, тяжело дыша, обеими руками ухватившись за висящую на крюке половину свиной туши. Второго выхода из палатки не было, а полотно было крепко и жестко привязано к кольям, торчащим из земли.

— Чистое удовольствие снова встретить тебя, мимик, — холодно произнес Геральт.

Допплер тяжело и хрипло дышал.

— Оставь меня в покое, — простонал он наконец. — Зачем ты меня преследуешь, ведьмак?

— Ты задаешь глупые вопросы, Тельико, — сказал Геральт. — Чтобы завладеть лошадьми и внешностью Бибервельта, ты разбил ему голову и бросил на безлюдье. Ты продолжаешь пользоваться его личностью и плюешь на неприятности, которые тем самым ему доставляешь. Дьявол знает, что ты собираешься делать еще, но я порушу твои планы в любом случае. Я не намерен ни убивать тебя, ни выдавать властям, но из города ты должен убраться. Я прослежу за этим.

— А если не захочу?

— Тогда я вывезу тебя на тачке в мешке.

Допплер вдруг раздулся, потом так же неожиданно похудел и начал расти, его кудрявые каштановые волосы побелели и выпрямились, упав на плечи. Зеленый жилет низушка масленно заблестел и превратился в черную кожу, на плечах и манжетах заискрились серебряные шипы. Пухлая, румяная физиономия удлинилась и побледнела.

Над правым плечом выдвинулась рукоять меча.

— Не подходи, — хрипло проговорил второй ведьмак и усмехнулся. — Не приближайся, Геральт. Я не позволю к себе прикоснуться.

«Ну и паршивая же у меня ухмылка, — подумал Геральт, потянувшись за мечом. — Ну и паршивая же морда. Ну и паршиво же я щурю глаза! Так вот как я выгляжу! Зараза!»

Руки доплера и ведьмака одновременно коснулись рукоятей, оба меча одновременно выскочили из ножен. Оба ведьмака одновременно проделали два быстрых мягких шага — один вперед, второй вбок. Оба одновременно подняли мечи и быстро завертели ими в воздухе.

— Ты не можешь меня победить, — буркнул доплер. — Потому что я — это ты, Геральт.

— Ошибаешься, Тельико, — тихо сказал ведьмак. — Брось меч и возвращайся в тело Бибервельта. Иначе пожалеешь, предупреждаю.

— Я — это ты, — повторил мимик. — Ты меня не победишь. Не можешь победить, потому что я — это ты.

— Ты даже понятия не имеешь, что значит быть мной, векслинг.

Тельико опустил руку, стиснутую на рукояти меча.

— Я — это ты, — снова сказал он.

— Нет, — возразил ведьмак. — Нет. И знаешь, почему? Потому что

ты — маленький, бедный, мягкосердечный допплер. Допплер, который, как ни говори, мог убить Бибервельта и зарыть его тело в зарослях, обрета тем самым абсолютную безопасность и абсолютную уверенность, что не будет раскрыт никогда, никем, включая и жену низушка, известную Гардению Бибервельт. Но ты не убил его, Тельико, потому что это было свыше твоих сил. Потому что ты маленький, бедный, великодушный допплер, которого друзья называют Дуду. И в кого бы ты ни превратился, ты всегда остаешься таким. Ты умеешь копировать только то, что в нас доброго, а того, что в нас злого, не понимаешь. Вот каков ты — допплер.

Тельико попятился, упершись спиной о полотно палатки.

— Поэтому, — продолжал Геральт, — сейчас ты превратишься в Бибервельта и спокойно подашь мне лапы, чтобы я мог тебя связать. Ты не можешь сопротивляться мне, потому что я есть то, что ты скопировать не в состоянии. Ты знаешь об этом прекрасно, Дуду. Ведь на несколько секунд ты перенял и мои мысли.

Тельико неожиданно выпрямился, черты его лица, только что бывшего лицом ведьмака, расплылись и разлились, белые волосы заколебались и начали темнеть.

— Ты прав, Геральт, — проговорил он невнятно, потому что в этот момент его губы изменяли форму. — Я перенял твои мысли. Ненадолго, но этого было достаточно. Знаешь, что я сейчас сделаю?

Кожаная куртка ведьмака вдруг перекрасилась в блестящий васильковый цвет. Допплер улыбнулся, поправил шапочку цвета сливы с эгреткой, подтянул ремень лютни, закинутой за спину. Лютни, которая только что была мечом.

— Я скажу тебе, ведьмак, что сделаю, — засмеялся он звучным и серебристым смехом Лютика. — Я пойду, сольюсь с толпой и потихоньку изменюсь в кого угодно, хоть бы в бродягу. Потому что уж лучше быть бродягой в Новиграде, чем допплером в пустыне. Новиград мне кое-чем обязан, Геральт. Возникновение города нарушило среду, в которой мы могли бы жить, жить в наших естественных телах. Нас уничтожали, охотясь словно на бешеных псов. Я — один из немногих выживших. Я хочу жить и выживу. Раньше, когда за мной в холода охотились волки, я превращался в одного из них и бегал вместе со стаей по несколько недель. И выжил. Сейчас я тоже так поступлю, потому что не хочу больше шнырять по урочищам и зимовать в буреломах, не хочу быть вечно голодным, не хочу бесконечно быть мишенью для стрел. Здесь, в Новиграде, тепло, есть еда, можно заработать, и тут очень редко стреляют друг в друга из луков. Новиград — это стая волков. Я присоединюсь к ней

и выживу. Понимаешь?

Геральт медленно кивнул.

— Вы предоставили, — продолжал допплер, кривя губы в наглой лютиковской улыбке, — скромную возможность ассимилироваться краснолюдам, низушкам, гномам, даже эльфам. А чем я хуже? Почему мне отказывают? Что надо сделать, чтобы получить возможность жить в этом городе? Превратиться в эльфку с глазами серны, шелковистыми волосами и длинными ногами? А? Но чем эльфка лучше меня? Тем, что при виде эльфки вы сучите лапками, а при виде меня вас тянет блевать? Подавитесь вы такими аргументами. Я все равно выживу. Знаю как. Будучи волком, я бегал, выл и грызся с другими за самку. Как житель Новиграда я буду торговать, плести ивовые корзины, попрошайничать или воровать, как один из вас, стану делать то, что обычно делает каждый из вас. Кто знает, может, даже женюсь.

Ведьмак молчал.

— Да, — спокойно продолжал Тельико. — Я ухожу. А ты, Геральт, не станешь меня задерживать, ты даже не пошевелишься. Потому что я несколько секунд знал твои мысли, Геральт. В том числе и те, в которых ты сам себе не хочешь признаваться, скрываешь даже от себя самого. Ведь чтобы меня задержать, тебе пришлось бы меня убить. А эта мысль тебе претит. Правда?

Ведьмак молчал.

Тельико снова поправил ремешок лютни и направился к выходу. Он шел смело, но Геральт видел, как он сутулится и горбится в ожидании свиста клинка. Он сунул нож в ножны. Допплер остановился на полушаге, оглянулся.

— Бывай, Геральт, — сказал он. — Благодарю тебя.

— Бывай, Дуду, — ответил ведьмак. — Желаю удачи.

Допплер повернулся и двинулся в сторону многолюдного базара резвым, веселым, раскачивающимся шагом Лютика. Так же, как и Лютик, он размахивал левой рукой и так же, как и Лютик, щерил зубы, проходя мимо девушек. Геральт медленно двинулся следом. Медленно.

Тельико на ходу перехватил лютню, замедлив шаг, взял два аккорда, потом ловко отбренчал на струнах знакомую Геральтову мелодию. Слегка повернувшись, пропел. Совсем как Лютик:

Весна вернется и, как прежде,
Дождем омоет скоротечным.
Так есть и будет. Ведь надежда

Всегда горит Огнем Извечным.

— Повтори это Лютику, если запомнишь! — крикнул он. — И скажи, что «Зима» — неудачное название. Баллада должна называться «Вечный Огонь». Прощай, ведьмак!

— Эй! — раздалось вдруг. — Эй, стилига!

Тельико удивленно обернулся. Из-за палатки вышла Веспуля, бурно раскачивая бюстом и осматривая поэта зловещим взглядом.

— За девками бегаешь, изменщик? — прошипела она, все призывнее размахивая грудью. — Песенки распеваешь, сукин кот?

Тельико снял шапочку и поклонился, широко улыбаясь характерной Лютиковой улыбкой.

— Веспуля, дорогая, — сказал он ласково. — Как же счастлив вновь видеть тебя. Прости, сладенькая моя! Я должен тебе...

— Должен, должен, — прервала Веспуля громко. — И все, что должен, сейчас заплатишь!

Огромная медная сковорода блеснула на солнце и с глубоким звучным стоном опустилась на голову доплера. Тельико с неописуемо глупой гримасой, застывшей на лице, покачнулся и упал, раскинув руки, а его физиономия начала вдруг изменяться и расплываться, переставая походить на что-либо. Видя это, ведьмак прыгнул к нему, на бегу срывая с прилавка ларька огромный ковер. Бросив ковер на землю, он двумя пинками загнал на него доплера и быстро, но плотно завернул.

Усевшись на упаковку, отер лоб рукавом. Веспуля, не отпуская сковороду, зловеще поглядывала на него. Толпа густела.

— Он болен, — сказал ведьмак и вымученно улыбнулся. — Это ради его пользы. Не давите, добрые люди, бедняге нужен воздух.

— Вы слышали? — спокойно, но звучно спросил, проталкиваясь сквозь толпу, Ляшарель. — Давайте не будем! Давайте разойдемся! Сборища запрещены. Караются штрафом!

Толпа мгновенно рассредоточилась, но только для того, чтобы проявить Лютика, резвым шагом приближающегося под звуки лютни. Увидев его, Веспуля дико взвизгнула, упустила сковороду и помчалась через площадь.

— Что с ней? — спросил Лютик. — Дьявола увидела?

Геральт поднялся с ковра, который тут же начал слабо шевелиться.

Ляшарель медленно подошел. Он был один, его личной охраны видно не было.

— Я бы не стал подходить близко, — тихо проговорил Геральт. — Если б я был вами, милсдарь Ляшарель, я бы не подходил.

— Серьезно? — Ляшарель сжал узкие губы, холодно глянул на него.

— Если б я был вами, милсдарь Ляшарель, я прикинулся бы, будто ничего не видел.

— Это уж точно, — произнес Ляшарель. — Но ты не я.

Из-за палатки прибежал Даинти Бибервельт, запыхавшийся и вспотевший. Увидев Ляшареля, он, посвистывая и заложив руки за спину, остановился, сделав вид, будто рассматривает крышу амбара.

Ляшарель подошел к Геральту. Очень близко. Ведьмак не пошевелился, только прищурился. Несколько мгновений они глядели друг на друга, потом Ляшарель наклонился к свернутому ковру.

— Дуду, — сказал он, обращаясь к тисненным козловой кожей, странно деформированным башмакам Лютика, торчащим из свернутого ковра. — Копируй Бибервельта, живо.

— Почему? — крикнул Даинти, отводя глаза от амбара. — Зачем?

— Тихо, — сказал Ляшарель. — Ну, Дуду, как ты там?

— Готово, — глухо донеслось из ковра. — Готово... Сейчас...

Торчащие из ковра козловые башмаки разлились, размазались и превратились в покрытые шерстью босые ступни низушка.

— Вылезай, Дуду, — сказал Ляшарель. — А ты, Даинти, помалкивай. Для людей все низушки на одно лицо. Правда?

Даинти что-то невнятно пробормотал. Геральт, все еще щурясь, подозрительно глядел на Ляшареля. Наместник выпрямился и осмотрелся. К тому времени от зевак, которые еще удерживались поблизости, остался только утихающий вдали топот деревянных башмаков.

Даинти Бибервельт-2 выбрался из рулона, чихнул, сел, протер глаза и нос. Лютик, присев на валяющийся рядом ящик, тренькал на лютне с выражением умеренного любопытства на лице.

— Кто это, как ты думаешь, Даинти? — мягко спросил Ляшарель. — Он здорово похож на тебя, тебе не кажется?

— Это мой троюродный брат со стороны отца, — выпалил низушек и осклабился. — Близкий родственник. Дуду Бибервельт из Почечуева Лога, крупный спец по торговым операциям. Я как раз решил...

— Да, Даинти?

— Я решил назначить его своим представителем в Новиграде. Как ты на это смотришь, братец?

— Ах, благодарю, братец, — широко улыбнулся близкий родственник по отцовской линии, гордость клана Бибервельтов, крупный спец в

торговле. Ляшарель тоже улыбнулся.

— Ну как, исполнилась мечта? — буркнул Геральт. — О жизни в городе? И что только вы находите в этих городах, Дуду... и ты, Ляшарель?

— Пожил бы в вересковых зарослях, — ответил Ляшарель, — поел бы корешков, вымок бы и перемерз, так знал бы. Нам тоже кое-что полагается от жизни, Геральт. Мы не хуже вас.

— Нет, — кивнул Геральт. — Не хуже. Бывает даже, лучше. А что с настоящим Ляшарелем?

— Удар его хватил, — шепнул Ляшарель-2. — Уж месяца два как. Апоплексический удар. Да будет земля ему пухом, да светит ему Вечный Огонь. Я как раз был поблизости... Никто не заметил... Геральт? Надеюсь, ты не станешь...

— Чего никто не заметил? — спросил ведьмак с каменной физиономией.

— Благодарю, — шепнул Ляшарель.

— И много вас тут?

— А это важно?

— Нет, — согласился ведьмак. — Не важно.

Из-за фургонов и палаток вылетела трусцой невысокая, локтя в два, фигурка в зеленой шапочке и кроличьей шубейке.

— Господин Бибервельт, — засопел гном и замолчал, водя взглядом от одного низушка к другому.

— Я думаю, малыш, — сказал Даинти, указывая на троюродного брата со стороны отца, — у тебя дело к моему кузену, Дуду Бибервельту. Говори. Вот он.

— Щаверий сообщает, что пошло все, — сказал гном и широко улыбнулся, показав остренькие зубки. — По четыре кроны за штуку.

— Похоже, я знаю, о чем речь, — сказал Даинти. — Жаль, нет здесь Вивальди, тот бы мигом подсчитал доход.

— Позволь, братишка, — проговорил Тельико Луннгревинк Леторт, сокращенно Пенсток, для друзей Дуду, а для всего Новиграда — член многочисленной родни Бибервельтов. — Позволь, я подсчитаю. У меня идеальная память на цифры. Как и на многое другое.

— Изволь, — поклонился Даинти. — Изволь, братишка.

— Расходы, — наморщил лоб допплер, — были небольшие. Восемнадцать за масло, восемь пятьдесят за рыбий жир, хммм... Все вместе, включая шнурок, сорок пять крон. Выручка: шестьсот по четыре кроны, то есть две тысячи четыреста. Комиссионных никаких, потому как без посредников...

— Будь добр, не забудь о налоге, — напомнил Ляшарель-2. — И учти: перед вами представитель городских властей и церкви, который серьезно и честно относится к своим обязанностям.

— От налогов освобождено, — сообщил Дуду Бибервельт. — Потому что это продажа на святые цели.

— То есть?

— Смешанные в соответствующих пропорциях рыбий жир, воск, масло, подкрашенные каплей кошенили, — пояснил допплер, — достаточно налить в глиняные миски и в каждую сунуть кусочек шнурка. Зажженный шнурок дает отличное красное пламя, которое держится долго и почти не пахнет. Вечный Огонь. Богослужителям нужны были лампы для Вечного Огня. Теперь уже не нужны.

— Черт возьми, — буркнул Ляшарель. — Верно... Не лампы, лампы были нужны... Дуду, ты гений.

— В мать пошел, — скромно проговорил Тельико.

— А как же, вылитая мать, — подтвердил Даинти. — Вы только взгляните на его умные глаза. Истинная Бегония Бибервельт, моя любимая двоюродная тетя.

— Геральт, — простонал Лютик. — Он за три дня заработал больше, чем я пением за всю свою жизнь!

— На твоём месте, — серьезно проговорил ведьмак, — я бы забросил пение и занялся торговлей. Попроси, может, возьмет тебя в ученики.

— Ведьмак, — Тельико потянул его за рукав. — Скажи, чем можно тебя... отблагодарить...

— Двадцать две кроны.

— Что?

— За новую куртку. Смотри, что осталось от моей.

— Знаете что? — вдруг крикнул Лютик. — Пошли вместе в бордель! В «Пассифлору»! Бибервельты платят!

— А низушков туда пускают? — забеспокоился Даинти.

— Пусть попробуют не пустить. — Ляшарель построил грозную мину. — Пусть только попробуют, и я обвиню весь их бордель в ереси.

— Ну! — воскликнул Лютик. — Тогда все в порядке. Геральт? Идем?

— А знаешь, Лютик, — тихо рассмеялся ведьмак, — с удовольствием.

Немного жертвенности

1

Сирена вынырнула из воды до половины тела и бурно, резко захлопала ладонями по поверхности. Геральт отметил, что у нее красивая, прямо-таки идеальная грудь. Эффект портил лишь цвет — темно-зеленые соски, а ореолы вокруг них лишь чуточку светлее. Ловко подстраиваясь к набегающей волне, русалка изящно выгнулась, встряхнула мокрыми бледно-зелеными волосами и мелодично запела.

— Что? — Князь перегнулся через борт когги. — Что она сказала?

— Отказывается, — перевел Геральт. — Говорит — не хочу.

— Ты объяснил, что я ее люблю? Что не представляю себе жизни без нее? Что хочу жениться на ней? Что только она и никакая другая?

— Объяснил.

— И что?

— И ничего.

— Ну так повтори.

Ведьмак прижал к губам пальцы и издал вибрирующую трель. С трудом подбирая слова и мелодию, начал переводить любовные излияния князя.

Сирена легла навзничь на воду и прервала его.

— Не переводи, не мучайся, — пропела она. — Я поняла. Когда он говорит, что любит меня, у него всегда бывает такая глупая физиономия. Он сказал что-нибудь конкретное?

— Не очень.

— Жаль. — Сирена затрепыхалась и нырнула, сильно изогнув хвост и вспенив воду узким плавником, напоминающим плавник султанки.

— Что? Что она сказала? — спросил князь.

— Что ей жаль.

— Чего жаль? Что значит — жаль?

— Мне кажется, это был отказ.

— Мне не отказывают! — крикнул князь, противореча очевидным фактам.

— Ваша милость, — буркнул подходя капитан когги. — Сети готовы — закинем, и она ваша...

— Я бы не советовал, — тихо проговорил Геральт. — Она не одна. Под водой их много, а в глубине может притаиться кракен.

Капитан вздрогнул, побледнел и обеими руками почему-то схватился за ягодицы.

— Кра... кракен?

— Он самый, — подтвердил ведьмак. — Не советую играть с сетями. Ей достаточно крикнуть, и от вашей посуды останутся плавающие доски, а нас утопят, как котят. И вообще, Агловаль, реши, ты хочешь жениться или просто намерен поймать ее и держать в бочке?

— Я ее люблю, — твердо сказал Агловаль. — Хочу взять в жены. Но надо, чтобы у нее были ноги, а не чешуйчатый хвост. И это можно сделать. За два фунта роскошных жемчужин я купил магический эликсир с полной гарантией. Выпьет — и ножки отрастут. Помучается недолго, дня три, не больше. Давай вызывай ее, ведьмак, скажи еще раз.

— Я уже говорил дважды. Она ответила, что не согласна. Но добавила, что знает морскую волшебницу, которая с помощью заклинаний готова превратить твои ноги в элегантный хвост. Притом безболезненно.

— Спятила, что ли? У меня — рыбий хвост? Ни за что. Вызывай ее, Геральт.

Ведьмак сильно перегнулся через борт. В тени когги вода была зеленой и казалась густой, как желе. Звать не было нужды. Сирена взвилась над волнами в фонтане воды, какое-то мгновение стояла на хвосте, потом скатилась по волне, перевернувшись, демонстрируя все свои прелести. Геральт сглотнул.

— Эй вы! — пропела она. — Долго еще? У меня кожа скорбнет от солнца! Белоголовый, спроси его, он согласен или нет.

— Он не согласен, — пропел в ответ ведьмак. — Шъееназ, пойми, он не может жить с хвостом и существовать под водой. Ты можешь дышать воздухом, а он водой не может вообще!

— Так я и знала, — взвизгнула сирена. — Знала. Увертки. Глупые, наивные увертки, ни на грош жертвенности! Любящий жертвует! Я ради него жертвовала собой, ежедневно вылезала на скалы, все чешуйки на попе протерла, плавник растрепала, простыла. Насморк схватила! А он ради меня не хочет пожертвовать двумя своими паршивыми обрубками? Любить — значит не только брать, но и уметь отказываться от чего-то, жертвовать собою! Повтори ему это!

— Шъееназ! — воскликнул Геральт. — Ты что, не понимаешь? Он не может жить в воде!

— Я не принимаю глупых отговорок! Я тоже... Я тоже его люблю и

хочу иметь от него мальков, но как это сделать, ежели он не хочет дать мне молок? Куда я ему икру положу? В шапку?

— О чем это она? — крикнул князь. — Геральт! Я привез тебя не для того, чтобы ты с ней беседы беседовал, а...

— Она стоит на своем. Она злится.

— А ну давай сюда сети! — рявкнул Агловаль. — Подержу ее у себя в бассейне, так она...

— А вот такого не хотите, ваша милость! — крикнул капитан, демонстрируя рукой, что он имеет в виду. — Под нами может быть кракен! Вы когда-нибудь видели кракена, господин? Прыгайте в воду, ежели на то ваша воля, ловите ее руками. Я мешать не стану. Я этой коггой живу!

— Ты живешь моей милостью, паршивец! Давай сети, а то велю повесить!

— Поцелуй...те пса под хвост! На когге — моя воля выше вашей! Я тут капитан!

— Тихо вы оба! — зло крикнул Геральт. — Она что-то говорит, у них трудный диалект, мне надо сосредоточиться!

— С меня довольно! — певуче воскликнула Шъееназ. — Я есть хочу. Ну, белоголовый, пусть он решает, и немедленно. Скажи ему одно: я больше не хочу быть посмешищем и не стану разговаривать с ним, с этой четырехрукой морской звездой. Повтори ему, что для забав, которые он предлагает мне на скалах, у меня есть подружки, которые делают все гораздо лучше! Но я считаю это играми для детишек, у которых еще не сменилась чешуя на хвостах. Я нормальная, здоровая сирена...

— Шъееназ...

— Не прерывай! Я еще не кончила! Я здоровая, нормальная и созревшая для нереста, а ему, если он действительно меня хочет, надо обзавестись хвостом, плавником и всем, что есть у нормального тритона. Иначе я знать его не знаю!

Геральт переводил быстро, стараясь избегать вульгарностей. Не очень-то это получалось. Князь покраснел, выругался.

— Бесстыжая девка! — рявкнул он. — Холодная макрель! Пусть найдет себе треску покрупнее с большим... ну что там у них есть...

— Что он сказал? — заинтересовалась Шъееназ, подплывая.

— Что не желает заводить хвоста!

— Так скажи ему... Скажи ему, чтобы он высушился как следует!

— Что она сказала?

— Она сказала, — перевел ведьмак, — чтобы ты утопился!

— Эх, жаль, — сказал Лютик, — не мог я с вами поплавать. Что делать, я на море блюю так, что хуже не придумаешь. А знаешь, я ни разу в жизни не болтал с сиреной. Обидно, черт побери.

— Насколько я тебя знаю, — проговорил Геральт, приторачивая вьюки, — балладу ты напишешь и без того.

— Верно. Уже готовы первые строчки. В моей балладе сирена пожертвует собою ради князя, сменит рыбий хвост на шикарные ножки, но заплатит за это потерей голоса. Князь изменит ей, бросит, и тогда она умрет от тоски, обратится в пену морскую, когда первые лучи солнца...

— Кто поверит в такую чушь?

— Неважно, — фыркнул Лютик. — Баллады пишут не для того, чтобы в них верили. Их пишут, чтобы ими волновать. А, чего с тобой говорить! Что ты в этом смыслишь? Скажи лучше, сколько заплатил Агловаль?

— Нисколько. Сказал, что я не справился с задачей. Что он ожидал другого, а он платит за дела, а не за добрые намерения.

Лютик покачал головой, снял шапочку и сочувственно посмотрел на ведьмака.

— Означает ли сие, что у нас по-прежнему нет денег?

— Похоже на то.

Лютик сделал еще более жалостливую мину.

— Все из-за меня. Моя вина, Геральт, ты не в обиде?

Нет, ведьмак не был на Лютика в обиде. Совершенно не был.

Хотя то, что с ним случилось, несомненно, произошло по вине Лютика. Именно Лютик настаивал на том, чтобы отправиться на гулянье в Четыре Клена. Гулянья, доказывал он, удовлетворяют глубокие и естественные потребности людей. Время от времени, утверждал бард, человеку надобно встречаться с себе подобными там, где можно посмеяться и попеть, набить пузо шашлыками и пирогами, набраться пива, послушать музыку и потискать в танце потные округлости девушек. Если б каждый человек пожелал удовлетворять эти потребности, так сказать, в розницу, доказывал Лютик, спорадически и неорганизованно, возник бы неопиcуемый хаос. Поэтому придумали праздники и гулянья. А коли существуют праздники и гулянья, то на них следует бывать.

Геральт не возражал, хотя в перечне его собственных естественных и глубоких потребностей участие в гуляньях занимало далеко не первое место. Однако он согласился сопровождать Лютика, поскольку рассчитывал

в сборище людей добыть информацию о возможном задании или занятии — давно его никто не нанимал, и запас его наличных небезопасно уменьшился.

Ведьмак не держал на Лютика зла за то, что тот прицепился к Леснякам. Он и сам был виноват — мог вмешаться и остановить барда. Не сделал этого, потому что тоже терпеть не мог пользующихся дурной славой Стражей Пущи, именуемых в народе Лесняками — добровольной организации, занимающейся истреблением нелюдей. Он сам еле сдерживался, слушая их похвальбы о том, как они нашпиговали стрелами, зарезали либо повесили эльфа, лешего или духобабу. Лютик же, который, путешествуя в обществе ведьмака, решил, что он в полной безопасности, превзошел самого себя. Сначала Стражи не отвечали на его задирки, ехидные замечания и наглые намеки, вызывающие хохот у наблюдавших за развитием событий крестьян. Однако, когда Лютик пропел заранее заготовленный хамский и оскорбительный куплет, оканчивающийся вообще-то совершенно нейтральными словами: «Я не знаю о таком, кто б хотел быть Лесняком», возник скандал, завершившийся всеобщей потасовкой, а сарай, игравший роль танцзала, сгорел дотла. Вмешалась дружина комеса Будибога по прозвищу Плешак, которому подчинялись Четыре Клена. Лесняков, Лютика, а заодно и Геральта признали сообща виновными во всем ущербе, уроне и преступлениях, включая и соращение некоей рыжей немой малолетки, которую после случившегося нашли в кустах за гумном порозовевшей и глуповато улыбающейся, в ночной рубашке, задранной аж до подмышек. К счастью, комес Плешак знал Лютика, поэтому все кончилось штрафом, который тем не менее поглотил всю их наличность. К тому же им пришлось со всех конских ног удирать из Четырех Кленов, потому что изгнанные из деревни Лесняки грозились отыграться на них, а в окружающих лесах на нимф охотился их отряд, насчитывавший свыше сорока голов. У Геральта не было ни малейшего желания стать мишенью для Лесняковых стрел — стрелы были зазубренные, как гарпуны наконечники, и страшно калечили тех, в кого попадали.

Пришлось отказаться от первоначального плана посетить расположенные неподалеку от Пущи деревни, в которых ведьмак рассчитывал получить работу. Вместо этого они поехали к морю, в Бремервоорд. К сожалению, кроме малообещающей любовной интриги князя Агловаля и сирены Шъееназ, ведьмак работы не нашел. Они уже проели золотой Геральтов перстень с печаткой и брошь с александритом, которую трубадур некогда получил на память от одной из многочисленных

невест. Все было скверно. И все же нет, ведьмак не был зол на Лютика.

— Нет, Лютик, — сказал он. — Я на тебя не сержусь.

Лютик не поверил, что явно следовало из его молчания. Лютик молчал редко. Он похлопал коня по загривку, неведомо который раз покопался во вьюках. Геральт знал, что ничего такого, что можно было бы обратить в наличные, там не окажется. Запах еды, несомый бризом от ближайшего дома, становился невыносимым.

— Мэтр! — крикнул кто-то. — Эй, мэтр!

— Слушаю, — повернулся Геральт. Из остановившейся рядом двуколки, запряженной в пару онагров, выбрался брюхатый, солидный мужчина в войлочных башмаках и тяжелой шубе из волчьих шкур.

— Э-э-э... ну, того... — растерялся брюхач, подходя. — Я не вас, господин... Я мэтра Лютика...

— Это я, — гордо выпрямился поэт, поправляя шапочку с пером цапли. — Чего желаете, добрый человек?

— Мое почтение, — сказал брюхач. — Я — Телери Дроухард по прозвищу Краснобай, бакалейщик, старшина здешней гильдии. Сын мой, Гаспар, обручается с Далией, дочерью Мествина, капитана когги.

— Ха, — сказал Лютик, храня достойную трубадура серьезность. — Поздравляю и желаю счастья молодым. Чем могу служить? Или речь идет о праве первой ночи? От этого я никогда не отказываюсь.

— Э? Не... того... Тут, значить, такое дело, праздник и выпивка по случаю обручения будут нонче вечером. Жена моя, как, значить, узнала, что вы, мэтр, в Бремервоорд заглянули, дырку мне в брюхе провертела... Ну баба есть баба. Слышь, говорит, Краснобай, покажем всем, что мы не хамы, значить, какие, мы за культуру и искусство головы, значить, положим. Что у нас ежели уж застолье, то, стало быть, это, как его, ну духовное, а не то что только надраться и облеваться. Я ей, бабе глупой, толкую: мы, дескать, уже наняли одного барда, тебе мало? А она, что один — это, значить, недостаточно, что, дескать, мэтр Лютик — другое дело. Какая слава и, опять же, соседям шпилька в задницу. Мэтр? Окажи нам, значить, такую честь... Двадцать пять талеров, значить, наличными, как символ, само собой... Только лишь бы искусству потрафить...

— Уж не ослышался ли я? — протянул Лютик. — Я — второй бард? Довесок к какому-то другому музыканту? Да еще этот, как его, символ? Мне? Нет, так низко я еще не пал, милсдарь Краснобай Дроухард, чтобы кому-то подпевать!

Дроухард стал пунцовым.

— Прощения просим, мэтр, — пробормотал он еле слышно. — Не так

я, значить, мыслил... Энто все жена... Прощения просим... Окажите честь...

— Лютик, — тихо шепнул Геральт. — Не задирай носа. Нам необходимы эти несколько монет.

— Не учи меня жить! — разорался поэт. — Я задираю нос? Глядите-ка на него! А что сказать о тебе, то и дело отвергающем выгодные предложения? Хирриков ты не убиваешь, потому что они вымирают, двусилов — потому как они безвредны, ночниц — потому что миленькие, дракона, вишь ты, кодекс запрещает. Я, представь себе, тоже себя уважаю! У меня тоже есть свой кодекс!

— Лютик, прошу тебя, сделай это для меня. Немного жертвенности, парень, ничего больше. Обещаю, и я не стану заноситься при следующем задании, если попадется. Ну, Лютик...

Трубадур, глядя в землю, почесал подбородок, покрытый светлым мягким пушком. Дроухард, раскрыв рот, придвинулся ближе.

— Мэтр... Окажите честь. Жена меня, значить, не простит, ежели я вас не уломаю. Ну... Ну пусть будет тридцать. Как символ.

— Тридцать пять, — твердо сказал Лютик. Геральт усмехнулся, с надеждой втянул носом запах еды, доносящийся с подворья.

— По рукам, мэтр, по рукам, — быстро проговорил Телери Дроухард, и стало ясно, что он дал бы и сорок, если б потребовалось. — А теперича... Мой дом, ежели вам надобно отряхнуться и передохнуть, ваш дом. И вы, господин... Как вас там?

— Геральт из Ривии.

— И вас, господин, конешным делом, тоже приглашаю. Перекусить, значить, выпить...

— Ну что ж, с удовольствием, — сказал Лютик. — Указывайте дорогу, милейший господин Дроухард. А кстати, так, между нами, тот второй бард, это кто же?

— Благородная госпожа Эсси Давен.

Геральт еще раз протер рукавом серебряные набивки куртки и пряжку пояса, пятерней причесал перехваченные чистой перевязкой волосы и очистил голенища сапог, потеряв одно о другое.

— Лютик?

— Ну? — Бард разгладил пришпиленную к шапочке эгретку, поправил

и одернул курточку. Оба потратили полдня на чистку одежды и приведение ее хотя бы в относительный порядок. — Что, Геральт?

— Постарайся держаться так, чтобы нас выкинули после ужина, а не до него.

— Надеюсь, ты шутишь? За собой смотри получше. Ну, входим?

— Входим. Слышишь? Кто-то поет. Женщина.

— Только услышал? Это Эсси Давен по прозвищу Глазок. Неужто никогда не встречал женщин-бардов? Ах, правда, я же забыл, ты обходишь стороной места, где цветет искусство. Глазок — талантливая поэтесса и певица, к сожалению, не без недостатков, из которых наглость, как я слышал, не самый малый. То, что она теперь поет, — моя баллада. За это она сейчас услышит несколько теплых слов, да таких, что у нее глазок заслезится.

— Лютик, смилуйся. Ведь выкинут же!

— Не встревай. Это профессиональные вопросы. Входим...

— Лютик?

— Э?

— Почему Глазок?

— Увидишь.

Пиршество имело место в помещении просторного склада, освобожденного от бочонков сельди и рыбьего жира. Запах — не совсем — забили, развесив где попало пучки омелы и вереска, украшенные цветными ленточками. Там и сям, как того требует обычай, висели косы чеснока, назначение которых — отпугивать вампиров. Табуреты и лавки, придвинутые к стенам, накрыли белым полотном, в углу организовали большой костер и вертел. Было тесно, но нешумно. Свыше полусотни человек самых различных состояний и профессий, а также прыщавый жених и не отрывающая от него глаз курносая невеста сосредоточенно и в тишине вслушивались в мелодичную балладу, которую исполняла девушка в скромном голубом платье, сидевшая на возвышении с лютней, опертой о колено. Девушке было не больше восемнадцати. Очень худенькая, с длинными и пушистыми волосами цвета темного золота. Когда они вошли, девушка как раз кончила петь, кивком поблагодарив за громкие хлопки, тряхнула головой.

— Приветствую вас, мэтр, приветствую. — Дроухард, празднично одетый, подскочил к ним, потянул к середине склада. — Приветствую и вас, господин Герард... — Геральт смолчал. — Какая, значить, честь... Да... Позвольте... Уважаемые госпожи, уважаемые господа! Это наш почетный гость, который оказал нам почесть и удостоил чести... Мэтр

Лютик, известный певец и виршепле... э... поэт, стал быть, великую честь нам оказал, почествовав... нас. Поэтому мы почествованы... в смысле... э... пооще... нет, польщены...

Раздались восклицания и хлопки. И пора, так как походило на то, что Краснобай Дроухард зачествуетя оказанной ему честью вусмерть. Лютик, порозовевший от гордости, изобразил высокомерную мину и небрежно поклонился, потом помахал рукой девушкам, уместившимся под присмотром старших матрон на длинной лавке, будто куры на насесте. Девушки сидели, чопорно вытянувшись, словно приклеенные к лавке столярным клеем или другим не менее эффективным клеящим средством. Все без исключения держали руки на спазматически сжатых коленях и демонстрировали свои полураскрытые рты.

— А теперича, — воскликнул Дроухард, — ну-кошь, гостюшки, значить, за пиво, кумовья, и за еду! Просим, просим, чем хата богата...

Девушка в голубом протиснулась сквозь толпу, словно морская волна, ринувшуюся к заставленным едой столам.

— Здравствуй, Лютик.

Определение «глаза как звезды» Геральт считал банальным и затасканным, особенно с тех пор, как начал путешествовать с Лютиком, поскольку трубадур привык раздавать этот комплимент направо и налево. Как правило, незаслуженно. Однако в применении к Эсси Давен даже такой мало подверженный влиянию поэзии субъект, как ведьмак, вынужден был признать точность этого определения. На хорошеньком, но ничем особым не выделяющемся личике горел огромный, прекрасный, блестящий темно-голубой глаз, от которого невозможно было оторваться. Второй глаз Эсси Давен был большую часть времени прикрыт и заслонен золотистой прядкой, падающей на щеку. Эсси то и дело откидывала прядку движением головы либо подув на нее, и тогда становилось видно, что второй глазок Глазка ни в чем не уступает первому.

— Здравствуй, Глазок, — сказал Лютик, поморщившись. — Хорошую ты спела балладу. Значительно улучшила репертуар. Я всегда говорил, что, если не умеешь писать стихи сам, следует пользоваться чужими. И много ты их использовала?

— Не очень, — тут же отреагировала Эсси Давен и улыбнулась, показав белые зубки. — Два или три. Хотелось бы больше, да не получилось. Сплошная белиберда, а мелодии, хоть приятные и простенькие, чтобы не сказать примитивные, но вовсе не те, которых ожидают мои слушатели. Может, написал что-то новенькое, Лютик? Не довелось слышать.

— Неудивительно, — вздохнул бард. — Свои баллады я пою в таких местах, куда приглашают исключительно талантливых и известных бардов, а ты ведь там не бываешь.

Эсси слегка зарумянилась и, дунув, откинула прядку.

— Это верно. В борделях я не бываю, они, понимаешь, действуют на меня угнетающе. Жаль, конечно, что тебе приходится петь в таких местах. Ну что делать! Коли нет таланта, публику не выбирают.

Теперь вполне заметно покраснел Лютик. Глазок же радостно засмеялась, неожиданно закинула ему руки на шею и громко чмокнула в щеку. Ведьмак изумился, но не шибко. Подруга по профессии, в конце концов, не могла очень-то уж отличаться от Лютика в смысле предсказуемости.

— Лютик, старый ты звонарь, — сказала Эсси, не разжимая объятий. — Рада снова видеть тебя в добром здравии и полном уме.

— Эх, Куколка! — Лютик схватил девушку за талию, приподнял и закружил так, что затрепыхалось платьице. — Ты была прелестна, клянусь Богом, я давно не слышал такого чудесного ехидства! Ссоришься ты еще прекраснее, чем поешь! А выглядишь прямо изумительно!

— Сколько раз я тебя просила, — Эсси дунула на прядку и стрельнула глазом в Геральта, — чтобы ты не называл меня Куколкой. К тому же, думается, самое время представить мне твоего спутника. Сразу видно, он не из нашей братии.

— Упасите, боги, — рассмеялся трубадур. — У него, Куколка, нет ни голоса, ни слуха, а срифмовать он может только «попа» и «жопа». Это представитель цеха ведьмаков, Геральт из Ривии. Подойди, Геральт, поцелуй Глазку ручку.

Ведьмак подошел, не очень-то зная, что делать. В руку, вернее в перстень, было принято целовать исключительно дам, начиная от дюшессы и выше, и при этом надлежало опуститься на одно колено. В отношении нижестоящих на общественной лестнице женщин такой жест считался здесь, на Юге, эротически двузначным и как таковой использовался в принципе только близкими парами.

Однако Глазок развеяла его сомнения, охотно и высоко протянула руку, опустив пальцы. Он неловко взял ее и запечатлел поцелуй. Эсси, все еще таращась на него своим изумительным глазком, зарумянилась.

— Геральт из Ривии, — сказала она. — Ишь, в каком обществе ты обращаешься, Лютик.

— Вы оказываете мне честь, — пробормотал ведьмак, сознавая, что сравнивается красноречием с Дроухардом. — Милсдарыня...

— К черту, — фыркнул Лютик. — Не смущай Глазка выканьем и титулованием. Ее зовут Эсси, его — Геральт. Конец э... презентации. Переходим к делу, Куколка.

— Если ты еще хоть раз назовешь меня Куколкой, получишь по уху. Ну и к какому же делу мы должны перейти?

— Надо договориться, как будем петь. Предлагаю поочередно по несколько баллад. Для эффекта. Разумеется, каждый поет собственные.

— Согласна.

— Сколько тебе платит Дроухард?

— Не твоя забота. Кто начинает?

— Ты.

— Согласна. Ах, смотрите, кто идет! Его высочество князь Агловаль...

— Тэк-тэк, — обрадовался Лютик. — Качественный уровень публики повышается. Хотя, с другой стороны, на него рассчитывать не приходится. Скупердяй. Геральт может подтвердить. Здешний князь чертовски не любит платить. Нанимать-то нанимает. С расплатой хуже.

— Слышала я кое-что. — Эсси, глядя на Геральта, сдула прядку со щеки. — Болтали в порту и на пристани. Известная Шъееназ, верно?

Агловаль, короткими кивками ответив на глубокие поклоны столпившихся у входа гостей, почти сразу же подошел к Дроухарду и отвел его в угол, дав понять, что не ожидает от него знаков почтения в центре зала. Геральт наблюдал за ними краешком глаза. Разговор шел тихий, но было видно, что оба возбуждены. Дроухард, то и дело вытирая лоб рукавом, крутя головой, почесывая шею, задавал вопросы, а князь, хмурый и угрюмый, отвечал пожатием плеч.

— Князь, — тихо сказала Эсси, придвигаясь к Геральту, — выглядит озабоченным. Неужто опять сердечные дела? Начавшееся с утра недоразумение с сиреной? А, ведьмак?

— Возможно. — Геральт искоса посмотрел на поэтессу, удивленный и почему-то раздосадованный ее вопросом. — У каждого свои проблемы. Однако не все любят, чтобы о них распевали на ярмарках.

Глазок слегка побледнела, дунула в прядь и вызывающе взглянула на него.

— Говоря так, ты намеревался меня оскорбить или только обидеть?

— Ни то ни другое. Я лишь хотел предупредить следующие вопросы касательно проблем Агловаля и сирены. Вопросы, отвечать на которые я не уполномочен.

— Понимаю, — красивый глаз Эсси Давен слегка прищурился. — Я не поставлю тебя перед такой дилеммой. Больше не задам ни одного вопроса

из тех, какие собиралась и которые, откровенно говоря, считала просто вступлением и приглашением к приятной беседе. Ну что ж, стало быть, не будет беседы — и нечего бояться, что ее содержание станут распевать на какой-нибудь ярмарке. Было очень приятно.

Она быстро повернулась и отошла к столам, где ее тут же встретили с почетом. Лютик переступил с ноги на ногу и многозначительно кашлянул.

— Не скажу чтобы ты был с ней изысканно любезен, Геральт.

— Глупо получилось, — согласился ведьмак. — Действительно, я ее обидел и, главное, без надобности. Может, пойти извиниться?

— Прекрати, — сказал бард и глубокомысленно добавил: — Никогда не выпадает вторая okazия создать первое впечатление. Пошли лучше выпьем пива.

Напиться пива они не успели. Сквозь толпу протиснулся Дроухард.

— Господин Герард, — сказал он. — Простите. Его высочество желают с вами поговорить. Значить.

— Иду, — сказал Геральт, пропустив «Герарда» мимо ушей.

— Геральт, — схватил его за рукав Лютик. — Не забывай.

— О чем?

— Ты обещал взяться за любое дело, не выпендриваясь. Ловлю на слове. Как ты сказал-то? Немного жертвенности?

— Лады, Лютик. Но почему ты решил, что Агловаль...

— Нюхом чую. Так не забудь, Геральт.

— Ну-ну.

Они с Дроухардом отошли в угол залы, подальше от гостей. Агловаль сидел за низким столом. Его сопровождал пестро одетый загорелый мужчина с короткой черной бородой, которого Геральт раньше здесь не видел.

— Снова встретились, ведьмак, — начал князь, — хотя еще сегодня утром я поклялся, что больше тебя не увижу. Но другого ведьмака под рукой нет, придется довольствоваться тобой. Познакомься: Зелест, мой коморник и ответственный за ловлю жемчуга. Говори, Зелест.

— Сегодня утром, — начал чернобородый, — я задумал расширить ловлю за пределы привычной территории. Одна лодка пошла дальше к западу, за мыс, в сторону Драконьих Клыков.

— Драконьи Клыки, — вставил Агловаль, — это два больших вулканических рифа на окончании мыса. Их видно с нашего берега.

— Ну да, — подтвердил Зелест. — Обычно мы туда не заплывали, там водовороты, камни, нырять опасно. Но у побережья жемчуга все меньше. Вот. Ну, стало быть, пошла туда одна лодка. Семь душ экипажа, два

матроса и пятеро ныряльщиков, в том числе одна женщина. Когда они не вернулись к вечеру, мы начали беспокоиться, хотя море было спокойное, словно маслом полили. Послал я несколько быстрых скифов, и они вскоре обнаружили лодку, дрейфующую в море. В лодке не было никого. Канули как камень в воду. Неведомо, что случилось. Но бой там был, не бой, а побоище... Были следы...

— Какие? — прищурился ведьмак.

— Вся лодка заляпана кровью.

Дроухард свистнул и беспокойно оглянулся. Зелест понизил голос.

— Было, как я говорю, — повторил он, стискивая зубы. — Лодка вся забрызгана кровью. Не иначе как там прям-таки резню устроили. Что-то убило этих людей. Говорят, морское чудовище. Не иначе морское чудовище.

— Не пираты? — тихо спросил Геральт. — Не конкуренты-жемчужники? Обычную поножовщину исключаете?

— Исключаем, — сказал князь. — Нет тут никаких пиратов и никаких конкурентов. А ножевые расправы не кончаются исчезновением всех до единого. Нет, Геральт. Зелест прав. Это морское чудовище, ничего другого. Слушай, никто не отваживается выйти в море, даже в близкие и знакомые места. Людей охватил жуткий страх, и порт парализован. Даже когги и галеры не отрываются от пристаней. Понимаешь, ведьмак?

— Понимаю, — кивнул Геральт. — Кто покажет мне место?

— Ха. — Агловаль положил руку на стол и забарабанил пальцами. — Это мне нравится. Вот это по-ведьмачьи. Сразу к делу, без лишней болтовни. Да, так я люблю. Видишь, Дроухард, говорил я тебе, хороший ведьмак — это голодный ведьмак. А, Геральт? Если б не твой музыкальный дружок, ты сегодня снова отправился бы спать на пустой желудок. Хорошие у меня сведения, верно?

Дроухард опустил голову. Зелест тупо смотрел перед собой.

— Кто покажет мне место? — повторил Геральт, холодно глядя на Агловаля.

— Зелест, — сказал князь, переставая усмехаться. — Зелест покажет тебе Драконьи Клыки и дорогу к ним. Когда ты намерен взяться за дело?

— С утра. Будьте на пристани, господин Зелест.

— Договорились, господин ведьмак.

— Ну и прекрасно, — потер руки князь и снова насмешливо ухмыльнулся. — Геральт, я рассчитываю на то, что с чудовищем у тебя пойдет лучше, чем с Шъееназ. Я действительно на это рассчитываю. Да, вот еще что. Запрещаю болтать об этом: не желаю, чтобы распространилась паника. Ты понял, Дроухард? Язык велю выдрать, если проговоришься.

— Я понял, князь.

— Ну и прекрасно. — Агловаль поднялся. — Теперь иди, не стану мешать пиршеству, не стану провоцировать слухи. Бывай, Дроухард, пожелай нареченным счастья от моего имени.

— Премного благодарен, милсдарь князь.

Эсси Давен, сидевшая на табуретке в окружении плотного венчика слушателей, напевала мелодичную и грустную балладу о достойной сожаления судьбе покинутой любовницы. Лютик, опершись о столб и бормоча себе под нос, высчитывал на пальцах такты и слоги.

— Ну как? — спросил он. — Получил работу?

— Получил. — Ведьмак не стал вдаваться в подробности, до которых, впрочем, барду не было никакого дела.

— Говорил я, нюхом чую письма и деньги. Хорошо, очень хорошо. Я заработаю, ты заработаешь, будет на что погулять. Поедем в Цидарис, успеем на праздник сбора винограда. А сейчас, прости на минутку. Я там, на лавке, высмотрел кое-что интересное.

Геральт проследил за взглядом поэта, но, кроме нескольких девушек с полураскрытыми ртами, не обнаружил ничего любопытного. Лютик одернул курточку, сдвинул шапочку набекрень к правому уху и пляшущей походкой направился к лавке. Ловким фланговым маневром обойдя стерегущих девиц матрон, он начал свой обычный «ритуал щеренья зубов».

Эсси Давен окончила балладу, получила аплодисменты, небольшой мешочек и большой букет красивых, хоть и несколько привядших хризантем.

Геральт кружил меж гостей, выискивая случай занять место за столом, уставленным яствами. Он тоскливо поглядывал на исчезающие в ускоренном темпе маринованные селедки, голубцы, вареные тресковые головы и бараньи котлеты, на разрываемые на куски кружки колбасы и каплунов, разрубаемых ножами вяленых лососей и свиную ветчину. Проблема состояла в том, что на лавках за столом не было свободного места.

Девушки и матроны, несколько расшевелившиеся, обложили Лютика, пискливо требуя песен. Лютик искренне улыбался и отказывался, неловко изображая из себя скромника. Геральт, преодолев робость, чуть не силой пробился к столу.

Престарелый тип, остро пахнувший уксусом, поразительно вежливо и охотно подвинулся, чуть было не свалив с лавки соседей. Геральт незамедлительно принялся за еду и мгновенно опустошил единственную тарелку, до которой смог дотянуться. Пахнувший уксусом старик подsunул

ему следующую. Ведьмак с благодарностью и сосредоточенно выслушал длинную тираду касательно теперешних времен и теперешней молодежи. «Уксусник» упорно именовал послабление нравов «поносом», поэтому Геральту непросто было хранить серьезность.

Эсси стояла у стены, под пучком омелы, в одиночестве, настраивая лютню. Ведьмак видел, как к ней приближается юноша в узком парчовом кафтане, как что-то говорит поэтессе, слабо улыбаясь. Эсси взглянула на юношу, немного скривив красивые губы, быстро произнесла несколько слов. Юноша ссутулился и скоренько отошел, а его уши, красные, как рубины, еще долго светились в полумраке.

— ...мерзость, позор и срамota, — продолжал «уксусник». — Сплошной великий понос, милсдарь.

— Верно, — неуверенно подтвердил Геральт, вытирая тарелку хлебом.

— Прошу тишины, благородные дамы, благородные, значить, господа! — крикнул Дроухард, выходя на середину залы. — Знаменитый мэтр Лютик, хоть и немного, значить, хворый телом и притомившийся, споет для нас знаменитую балладу о знаменитой королеве Марьенне и Черном Вороне! Он проделает это в ответ на горячую, значить, просьбу мельниковой дочери мазели Биелки, которой, как он выразился, отказать не может.

Мельникова дочка Биелка, одна из наименее пригожих девушек среди всех сидевших на лавке, покрасивела в мгновение ока. Поднялись крики и хлопки, заглушившие очередной «понос» старичка, отдающего уксусом. Лютик выждал, пока наступит полная тишина, проиграл на лютне эффектное вступление и начал петь, не отрывая глаз от дочери мельника Биелки, которая хорошела от куплета к куплету. «Воистину, — подумал Геральт, — этот сукин сын действует эффективнее, чем чародейские кремы и мази, которые продает Йеннифэр в своем Венгерберге».

Он увидел, как Эсси проскользнула за спинами столпившихся полукругом слушателей Лютика, как осторожно скрылась в дверях, ведущих на террасу. Руководимый странным предчувствием, он ловко выбрался из-за стола и вышел следом.

Она стояла, опершись локтями о перила террасы-помоста, втянув голову в маленькие приподнятые плечи. И глядела на покрытое рябью море, блестящее в свете луны и портовых огней. Под ногой Геральта скрипнула половица. Эсси выпрямилась.

— Прости, я не хотел помешать, — сказал он скучным голосом, думая увидеть на ее губах ту неожиданную гримасу, которой она только что угостила «парчового юношу».

— Ты мне не мешаешь, — ответила она и улыбнулась, откинув прядь. — Мне нужно было не уединение, а свежий воздух. Тебе тоже мешают дым и духота?

— Немножко. Но еще больше тяготит сознание, что я обидел тебя. Я пришел извиниться, Эсси, попробовать найти повод для приятной беседы.

— Извиниться должна я, — сказала девушка. — Я слишком резко отреагировала. Я всегда реагирую резко, не умею сдерживаться. Прости и предоставь мне вторую возможность. Поговорить.

Он подошел, облокотился о перила рядом с ней. Почувствовал пышущее от нее тепло, легкий аромат вербены. Он любил запах вербены, хотя запах вербены и не был запахом сирени и крыжовника.

— С чем у тебя ассоциируется море, Геральт? — вдруг спросила она.

— С беспокойством, — ответил он, почти не задумываясь.

— Интересно. А ты кажешься таким спокойным и сдержанным.

— Я не сказал, что чувствую беспокойство. Ты спросила об ассоциации.

— Ассоциация — зеркало души. Мне кое-что известно об этом, я — поэт.

— А у тебя, Эсси, с чем ассоциируется море? — быстро спросил он, чтобы покончить с рассуждениями о беспокойстве, которое чувствовал.

— С вечным движением, — не сразу ответила она. — С переменой. И с загадкой, с тайной, с чем-то, чего я не схватываю, что могла бы описать тысячью способами, тысячами стихов, так и не дойдя до сути, до сущности. Да, пожалуй, именно так.

— Стало быть, — сказал он, чувствуя, что вербена все сильнее действует на него, — то, что ты ощущаешь, — тоже беспокойство. А кажешься такой спокойной и сдержанной.

— Я и не спокойна, и не сдержанна, Геральт.

Это произошло неожиданно, совершенно неожиданно. Жест, который он сделал и который мог быть лишь прикосновением, легким прикосновением к ее руке, переродился в крепкое объятие. Он быстро, хоть и не грубо, привлек ее к себе, их тела порывисто, бурно соприкоснулись. Эсси застыла, напряглась, сильно выгнула тело, крепко уперлась руками в его руки, так, словно хотела сорвать, сбросить их с талии, но вместо этого только крепче схватила их, наклонила голову, раскрыла губы.

— Зачем... зачем это? — шепнула она. Ее глаз был широко раскрыт, золотой локон опустился на щеку.

Он спокойно и медленно наклонил голову, приблизил лицо, и они вдруг сомкнулись губами в поцелуе. Однако Эсси и теперь не отпустила его

рук, стискивающих ее талию, и по-прежнему сильно изгибала спину, стараясь не соприкасаться телами. Оставаясь в такой позе, они медленно, словно в танце, кружились. Она целовала его охотно, смело. И долго. Потом ловко и без труда высвободилась из его рук, отвернулась, снова оперлась о перила, втянув голову в плечи. Геральт неожиданно почувствовал себя отвратительно, неописуемо глупо. Это ощущение удержало его от того, чтобы приблизиться к ней, обнять ссутулившиеся плечи.

— Зачем? — спросила она холодно, не поворачиваясь. — Зачем ты это сделал?

Она глянула на него краешком глаза, и ведьмак вдруг понял, что ошибся. Неожиданно понял, что фальшь, ложь, притворство и бравада завели его прямо в трясину, где между ним и бездной будут уже только пружинящие, сбившиеся в тонкий покров травы и мхи, готовые в любую минуту уступить, разорваться, лопнуть.

— Зачем? — повторила она.

Он не ответил.

— Ищешь женщину на ночь?

Он не ответил.

Эсси медленно отвернулась, коснулась его плеча.

— Вернемся в залу, — свободно сказала она, но его не обманула эта легкость, он почувствовал, как она напряжена. — Не делай такой мины. Ничего не случилось. А то, что я не ищу мужчины на ночь, не твоя вина. Правда?

— Эсси...

— Возвращаемся, Геральт. Лютик уже бисировал дважды. Теперь моя очередь. Пойдем, я спою...

Она как-то странно взглянула на него и, дунув, откинула прядь с глаза.

— Спою для тебя.

— Ого, — разыграл удивление ведьмак. — Явился, однако? Я думал, не вернешься на ночь.

Лютик закрыл дверь на крючок, повесил на гвоздь лютню и шапочку с эгреткой, снял куртку, отряхнул и положил на мешки, валявшиеся в углу комнаты. Кроме мешков, лохани и огромного, набитого гороховой соломой матраца, в комнате на чердаке не было никакой мебели — даже свеча

стояла на полу, в застывшей лужице воска. Дроухард восхищался Лютиком, но, видать, не настолько, чтобы отдать в его распоряжение комнату или хотя бы эркер.

— А почему это ты думал, — спросил Лютик, стягивая башмаки, — что я не вернусь на ночь?

— Думал, — ведьмак приподнялся на локте, хрустнув соломой, — пойдешь петь серенады под окном прекрасной Биелки, в сторону которой весь вечер вывешивал язык, словно кобель при виде суки.

— Ха-ха, — засмеялся бард. — До чего ж ты глуп. Биелка? Чихал я на Биелку. Просто я хотел вызвать ревность у Акаретты, за которой приударю завтра. Подвинься.

Лютик повалился на матрац и стянул с Геральта попону. Геральт, чувствуя странную злобу, отвернулся к маленькому оконцу, сквозь которое, не поработай там пауки, было бы видно звездное небо.

— Чего набылся? — спросил поэт. — Тебе лихо, что я бегаю за девчонками? С каких пор? Может, ты стал друидом и принес обет чистоты? А может...

— Перестань токовать. Я устал. Ты не заметил, что впервые за две недели у нас есть крыша над головой и матрац? Тебя не радует мысль, что под утро нам не накапает на носы?

— Для меня, — размечтался Лютик, — матрац без девочки — не матрац. Он — неполное счастье, а что есть неполное счастье?

Геральт глухо застонал, как всегда, когда на Лютика находила ночная болтливость.

— Неполное счастье, — продолжал Лютик, вслушиваясь в собственный голос, — это как... как прерванный поцелуй. Что скрипишь зубами, позволь спросить?

— До чего ж ты нуден, Лютик. Ничего, только матрацы, девочки, попки, сиськи, неполное счастье и поцелуйчики, прерванные собаками, которых науськивают на тебя родители невест. Что ж, видно, иначе ты не можешь. Видимо, только фриivolность — чтобы не сказать неразборчивый блуд — позволяет вам слагать баллады, писать стихи и петь. Видимо, это — запиши! — темная сторона таланта.

Он сказал слишком много и недостаточно холодно. И Лютик запросто и безошибочно раскусил его.

— Так, — сказал он спокойно. — Эсси Давен по прозвищу Глазок. Прелестный глазок Глазка остановился на ведьмаке и вызвал в душе ведьмака смятение. Ведьмак повел себя по отношению к Глазку, как жак перед принцессой. И вместо того чтобы винить себя, винит ее и ищет в ней

темные стороны.

— Глупости, Лютик.

— Нет, дорогой мой. Эсси произвела на тебя впечатление, не скрывай. Впрочем, не вижу ничего безнравственного. Но будь осторожен, не ошибись. Она не такая, как ты думаешь. Если у ее таланта и есть темные стороны, то наверняка не такие, какие ты себе вообразил.

— Догадываюсь, — сказал ведьмак, совладав с голосом, — ты знаешь ее очень хорошо.

— Достаточно хорошо. Но не так, как думаешь ты. Не так.

— Довольно оригинально для тебя, согласишься.

— Глупый ты. — Бард потянулся, подложил обе руки под голову. — Я знаю Куколку почти с детства. Она для меня... ну... как младшая сестра. Повторяю, не ошибись, не сглуми... Тем самым ты доставишь ей огромную неприятность, потому что и ты произвел на нее впечатление. Признайся, ты хочешь ее?

— Даже если и так, то, в противоположность тебе, я не привык это обсуждать, — отрезал Геральт. — И сочинять об этом песенки. Благодарю за то, что ты о ней сказал. Быть может, действительно спас меня от глупой ошибки. И конец. Тема исчерпана.

Лютик некоторое время лежал неподвижно и молчал, но Геральт знал его слишком хорошо.

— Знаю, — сказал поэт.

— Ни хрена ты не знаешь, Лютик.

— Знаешь, в чем проблема, Геральт? Тебе кажется, будто ты иной. Ты носишься со своей «инностью», с тем, что принимаешь за ненормальность. Ты со своей «ненормальностью» нагло навязываешься всем, не понимая, что для большинства трезво мыслящих людей ты самый нормальнейший в мире человек, и дайте боги, чтобы все были такими нормальными. У тебя более быстрая реакция, вертикальные зрачки? Ты видишь в темноте, как кошка? Разбираешься в чарах? Тоже мне, великое дело! Я, дорогой мой, когда-то знал трактирщика, который ухитрился в течение десяти минут непрерывно пускать ветры, да так, что они складывались в мелодию псалма: «О, прииди, прииди, утренняя заря». И все же, несмотря на необычный, как там ни говори, талант, трактирщик был самым нормальным среди нормальных, была у него жена, дети и бабка, разбитая параличом...

— Что тут общего с Эсси Давен? Ты можешь объяснить?

— Само собой. Тебе безо всяких оснований почудилось, якобы Глазок заинтересовалась тобой из нездорового, прямо-таки извращенного

любопытства, что она глядит на тебя как на диковинку, двухголового теленка либо саламандру в зверинце. И ты тут же надулся, как индюк, дал ей при первой же оказии неприличный, незаслуженный реприманд, хотя, видят боги, я не знаю, что это означает, возвратил удар, которого она не нанесла. Я был тому свидетелем. Как дальше развивались события, я уже не видел, но заметил ваше бегство из залы и ее порозовевшие ланиты, когда ты вернулся. Да, Геральт. Я пытаюсь предостеречь тебя от ошибки, а ты ее уже совершил. Ты хотел отыгаться на ней за нездоровое, по твоим понятиям, любопытство. Решил этим любопытством воспользоваться.

— Повторяю, ты несешь чепуху.

— Решил попробовать, — невозмутимо продолжал бард, — а не удастся ли уволочь ее на сенник, узнать, не будет ли ей интересно заняться любовью с чудакom, перевертышем-ведьмаком. К счастью, Эсси оказалась умнее и благородно смиростивилась над твоей глупостью, поняв ее причину. Я делаю такой вывод на основании того, что ты вернулся с террасы не с распухшей физиономией.

— Ты кончил?

— Кончил.

— Ну тогда спокойной ночи.

— Знаю, отчего ты злишься и скрипишь зубами.

— Еще бы. Ты ведь знаешь все.

— Знаю, кто тебя так переиначил, кому ты обязан тем, что не можешь понять нормальной женщины. Ну и влезла же тебе в печенку твоя Йеннифэр, провалиться мне на этом месте, если я понимаю, что ты в ней нашел.

— Прекрати, Лютик.

— А в натуре-то, ты предпочитаешь нормальную девушку, такую как Эсси. Что ты нашел в чародейке такого, чего нет у Эсси? Разве что возраст? Глазок, может, не самая юная, но ей столько лет, на сколько она выглядит. А знаешь, в чем когда-то призналась мне Йеннифэр после нескольких бокалов? Ха-ха... Она сказала, что впервые делала это с мужчиной тика в тикку через год после того, как изобрели двухлемешный плуг.

— Лжешь, Йеннифэр не переносит тебя, как моровую язву, и никогда бы не раскрылась.

— Ладно, соврал я, признаюсь.

— Незачем. Я тебя знаю.

— Тебе только кажется, будто знаешь. Не забывай — я натура сложная.

— Лютик, — вздохнул ведьмак, действительно чувствуя, как слипаются глаза. — Ты циник, свинтус, бабник и лжец. И ничего, поверь,

ничего сложного в тебе нет. Спокойной ночи.

— Спокойной.

5

— А ты рано встаешь, Эсси.

Поэтесса улыбнулась, придерживая развевающиеся на ветру волосы. Осторожно вошла на мол, обходя дыры и прогнившие доски.

— Я не могла упустить возможность увидеть ведьмака за работой. Снова будешь утверждать, якобы я слишком любопытна? Ну что ж, не скрываю, и верно, очень любопытна. Как дела?

— Какие дела?

— Ах, Геральт. Ты недооцениваешь моей любознательности, моего таланта улавливать и интерпретировать услышанное. Я уже все знаю о несчастье с ловцами жемчуга, знаю подробности твоего уговора с Агловалем, знаю, что ищешь моряка, который согласится поплыть туда, к Драконьим Клыкам. Ну и как, нашел?

Геральт некоторое время внимательно глядел на нее, потом вдруг решился.

— Нет. Не нашел. Ни одного.

— Боятся?

— Боятся.

— Как же ты думаешь заняться разведкой, не выйдя в море? Как, не имея возможности отплыть, хочешь схватить за шкуру чудовище, которое убило ловцов?

Он взял ее за руку и свел с помоста. Они шли медленно по берегу моря, по каменистому пляжу, вдоль вывлоченных на берег баркасов, меж рядов сетей, развешенных на шестах, меж покачивающихся на ветру занавесей из вялящихся рыб. Геральт неожиданно обнаружил, что общество поэтессы ему вовсе не мешает, что она не утомительна и не нахальна. Кроме того, он надеялся, что спокойная и деловая беседа сотрет последствия того глупого поцелуя на террасе. Тот факт, что Эсси пришла на мол, позволял надеяться, что она на него не в обиде. Он был этому рад.

— Схватить за шкуру чудовище, — проворчал он, повторяя ее слова. — Если б еще ведать как. Я очень мало знаю о морских страховидлах.

— Интересно. Насколько мне известно, в море чудовищ гораздо больше, чем на суше. Как по количеству, так и по разнообразию. Казалось

бы, море должно быть неплохим полем деятельности для ведьмака.

— Однако — нет.

— Почему?

— Наступление людей на море, — он отвернулся, откашлялся, — началось недавно. Ведьмаки были нужны раньше, на суше, на первом этапе колонизации. Мы не годимся для войны с существами, обитающими в море, хотя, верно, в нем полным-полно всякой агрессивной нечисти. Но наших ведьмачьих способностей недостаточно в борьбе против морских чудищ. Эти существа для нас либо чересчур велики, слишком хорошо защищены броней, либо очень уж уверенно чувствуют себя в своей стихии. А то и одновременно все, вместе взятое.

— А чудовище, которое убило ловцов? Не догадываешься, что это было?

— Может, кракен?

— Нет. Кракен разбил бы лодку, а лодка осталась целой. И, говорят, полна крови. — Глазок сглотнула и заметно побледнела. — Не думай, что я умничаю. Я выросла у моря, кое-что видела.

— Так что это могло быть? Гигантский кальмар? Он мог стащить людей с палубы...

— Тогда не было бы крови. Это не кальмар, не касатка, не дракопах. Ведь они не разбили, не перевернули лодку. Это вошло на палубу и там учинило резню. Возможно, ты ошибаешься, ища в море?

Ведьмак задумался.

— Ты начинаешь меня удивлять, Эсси, — сказал он. Поэтесса покраснела. — Не исключено, это могло напасть с воздуха. Какие-нибудь дракоптица, гриф, выворотень, летюга или вилохвост. Может, даже рух...

— Прости, — прервала его Эсси. — Гляди, кто идет!

По берегу приближался Агловаль, один, в сильно намокшей одежде. Он был заметно зол, а увидев их, стал прямо-таки пунцовым от ярости.

Эсси сделала книксен, Геральт наклонил голову, приложил руку к груди.

— Я торчу на камнях три часа кряду, почти с рассвета, — сплюнул Агловаль. — А она даже не показалась. Три часа, дурак дураком, на камнях, которые заливают волны. В мокрых штанах.

— Сожалею, — буркнул ведьмак.

— Ты сожалеешь? — взорвался князь. — Сожалеешь! Это твоя вина. Ты провалил все. Все испоганил!

— Что именно? Я был всего лишь переводчиком...

— К черту, — живо прервал Агловаль, поворачиваясь к нему боком.

Профиль у него был воистину королевский, хоть на монетах чекань. — Зачем только я тебя нанимал! Это звучит парадоксально, но, пока не было переводчика, мы лучше понимали друг друга, я и Шъееназ, если ты знаешь, о чем я. А теперь... Слышал, что болтают в городе? Шушукаются по углам: мол, ловцы погибли потому, что я разозлил сирену. Дескать, это ее месть.

— Ерунда, — холодно бросил ведьмак.

— А если не ерунда? — проворчал князь. — Откуда мне знать, что ты ей тогда наплел? И на что она способна? С какими чудищами якшается там, в глубине? Докажи, что все это ерунда. Принеси мне голову чудовища, которое убило ловцов. Берись за работу, вместо того чтобы флиртовать на пляже.

— За работу? — поинтересовался ведьмак. — Как? Выйти в море верхом на бочке? Твой Зелест угрожал матросам пытками и шибеницей, и все равно никто не хочет. Сам Зелест тоже не намерен. Тогда как...

— Какое мне дело как? — прервал Агловаль. — Твоя забота! Для чего нужны ведьмаки, если не для того, чтобы порядочные люди не ломали себе голову, решая, как освободиться от чудовищ? Я нанял тебя и требую, чтобы ты свою работу выполнил. А нет, так выматывайся, иначе погоню кнутами до самых границ моих владений!

— Успокойтесь, высокородный князь, — тихо проговорила Глазок, но ее бледность и дрожь в руках выдавали возбуждение. — И не надо угрожать Геральту, убедительно прошу. К счастью, у нас с Лютиком есть друзья. К примеру, король Этайн из Цидариса очень любит нас и наши баллады. Король Этайн — просвещенный монарх и всегда говорит, что наши баллады — не просто бравурная мелодия и рифмы, но и способ передачи сведений и знаний, что это хроника человечества. Вам очень хочется, благородный князь, попасть в хронику человечества? Могу помочь.

Агловаль несколько секунд глядел на нее холодным, пренебрежительным взглядом.

— У погибших ловцов были жены и дети, — сказал он наконец гораздо тише и спокойней. — Оставшиеся в живых, когда голод заглянет им в горшки, быстро выйдут в море снова. Ловцы жемчуга, губок, устриц и омаров, рыбаки. Все. Сейчас они боятся, но голод победит страх. Они выйдут в море. Но вернутся ли? Как считаешь, Геральт? Мазель Давен? Интересно б послушать вашу балладу, которую вы об этом сложите. Балладу о ведьмаке, бездеятельно стоящем на берегу и вззирающем на окровавленные палубы лодок, на плачущих детей.

Эсси побледнела еще больше, но гордо вскинула голову, дунула на

прядь и уже собиралась ответить, но Геральт быстро схватил ее за руку и сжал, предупреждая готовые вырваться слова.

— Довольно, — сказал он. — Во всем этом потоке слов было только одно, по-настоящему стоящее. Ты нанял меня, Агловаль. Я согласился и выполняю задание, если оно вообще выполнимо.

— Рассчитываю на это, — коротко ответил князь. — До встречи. Мой поклон, мазель Давен.

Эсси не присела, только кивнула. Агловаль подтянул мокрые брюки и пошел к порту, покачиваясь на камнях. Только теперь Геральт заметил, что все еще держит поэтессу за руку, а та и не пытается вырвать ее. Он разжал пальцы. Эсси, понемногу успокаиваясь, повернулась к нему лицом. Румянец возбуждения уже сошел.

— Тебя легко заставить. Достаточно нескольких слов о женщинах и детях. А сколько говорят, какие бесчувственные вы, ведьмаки. Послушай, Агловалью наплевать на женщин, детей, стариков. Он хочет, чтобы возобновили ловлю жемчуга, потому что каждый день, когда его не приносят, он терпит убытки. Он тебя дурачит голодными детьми, а ты готов тут же рисковать жизнью...

— Эсси, — прервал ведьмак. — Я — ведьмак. Моя профессия — рисковать жизнью. Дети тут совершенно ни при чем.

— Меня не обманешь.

— Откуда ты взяла, что собираюсь?

— А отсюда, что если б ты был таким холодным профессионалом, каким хочешь казаться, то попытался бы набить цену. А ты словом не обмолвился о плате. Ну хорошо, довольно об этом. Возвращаемся?

— Пройдемся еще.

— С удовольствием. Геральт?

— Слушаю.

— Я ведь говорила, что выросла у моря. Умею управлять лодкой и...

— Выкинь из головы.

— Почему?

— Выкинь, и все тут, — повторил он резко.

— Ты мог бы... сформулировать это повежливее.

— Мог бы. Но ты бы решила... черт знает, что бы ты решила. А я — бесчувственный ведьмак и холодный профессионал. Я рискую собственной жизнью. Чужой — нет.

Эсси замолчала. Он видел, как она стиснула губы, как мотнула головой. Порыв ветра снова растрепал ей волосы, на мгновение прикрыл лицо путаницей золотых нитей.

— Я просто хотела тебе помочь, — сказала она.

— Знаю. Благодарю.

— Геральт?

— Слушаю.

— А если в слухах, о которых упоминал Агловаль, что-то есть? Ты же знаешь, сирены не везде и не всегда бывают доброжелательными. Известны случаи...

— Не верю.

— Водороски, — задумавшись, продолжала Глазок, — nereиды, тритоны, морские нимфы. Кто знает, на что они способны. А Шъееназ... У нее есть причины...

— Не верю, — прервал он.

— Не веришь или не желаешь поверить?

Он не ответил.

— И ты хочешь, чтобы тебя считали холодным профессионалом? — спросила она, странно улыбнувшись. — Тем, кто думает не головой, а острием меча? Если хочешь, я скажу, каков ты в действительности.

— Я знаю, какой я в действительности.

— Ты впечатлительный, чуткий, — сказала она тихо. — В глубине души ты полон тревоги. Меня не обманешь каменной физиономией и холодным голосом. Ты — впечатлительный, и именно впечатлительность заставляет тебя бояться, а вдруг да то, против чего ты собираешься выступить с мечом в руке, окажется правым, получит моральный перевес...

— Нет, Эсси, — медленно проговорил он. — Не ищи во мне тем для трогательных баллад о ведьмаке, разрываемом внутренними противоречиями. Возможно, я и хотел бы, чтобы было так, но этого нет. Мои моральные дилеммы разрешают за меня кодекс и воспитание.

— Не говори так! — воскликнула она. — Я не понимаю, почему ты стараешься...

— Эсси, — снова прервал он. — Попробуй понять меня правильно. Я не странствующий рыцарь.

— Но и не холодный, бездумный убийца.

— Верно, — спокойно согласился он. — Не холодный и бездумный, хотя многие считают иначе. Но не моя впечатлительность и свойства характера возвышают меня, а надменная и грубая гордость специалиста, убежденного в своей значимости. Профессионала, в которого вколотили, что законы его профессии и холодная рутина важнее эмоций, что они предохраняют его от ошибок, которые можно совершить, ежели заплутаться в дилеммах Добра и Зла, Порядка и Хаоса. Не я эмоционален, а

ты. Впрочем, того требует твоя профессия, правда? Это ты забеспокоилась, подумав, что симпатичная на первый взгляд, отвергнутая сирена напала на ловцов жемчуга в приступе отчаянной мести. Ты сразу начинаешь искать для сирены оправдания, смягчающие обстоятельства, вздрагиваешь при мысли, что ведьмак, которому заплатил князь, прикончит прелестную сирену только за то, что та осмелилась поддаться эмоциям. А ведьмак, Эсси, свободен от таких дилемм. И от эмоций. Даже если окажется, что виновата сирена, ведьмак не убьет ее, потому что это запрещает кодекс. Кодекс решает дилемму за ведьмака.

Глазок взглянула на него, быстро подняв голову.

— Любую дилемму?

«Она знает про Йеннифэр, — подумал он. — Знает. Эх, Лютик, Лютик, стервозный ты сплетник...»

Они глядели друг на друга.

«Что скрывается в твоих синих глазах, Эсси? Любопытство? Увлеченность моим отличием? Каковы темные стороны твоего таланта, Глазок?»

— Прости, — сказала она. — Глупый вопрос. И наивный. Говорящий о том, что я вроде бы поверила тому, что ты сказал. Возвращаемся. Ветер пронизывает до костей. Смотри, как колыхнется море.

— Вижу. Знаешь, Эсси, это интересно...

— Что — интересно?

— Голову дам на отсечение, что камень, на котором Агловаль встречается с сиреной, был ближе к берегу и крупнее. А сейчас его не видно.

— Прилив, — коротко сказала Эсси. — Скоро вода дойдет вон туда, под обрыв.

— Даже туда?

— Да. Вода здесь поднимается и опускается сильнее локтей на десять, потому что тут, в теснине и устье реки, возникает так называемое приливное эхо, или как там его именуют моряки.

Геральт глядел на мыс, на Драконьи Клыки, вгрызающиеся в гудящий, вспененный прибой.

— Эсси, а когда отлив начнется?

— Что?

— Как далеко отступит море?

— А что? Ах, поняла. Да, ты прав. Оно отступит до линии шельфа.

— Линии чего?

— Ну как бы полки, образующей дно, плоского мелководья, резко

обрывающегося на границе глубины.

— А Драконьи Клыки?

— Они точно на краю.

— И до них можно будет дойти посуху? Сколько времени будет в моем распоряжении?

— Не знаю, — поморщилась Глазок. — Надо расспросить местных. Но не думаю, Геральт, что это удачная мысль. Посмотри, между сушей и Клыками камни, весь берег изрезан заливчиками и небольшими фиордами. Когда начнется отлив, там образуются ущелья, котлы, заполненные водой. Не знаю...

Со стороны моря, от едва видимых скал, донесся плеск. И громкий певучий окрик.

— Белоголовый! — кричала сирена, грациозно перескакивая с гребня одной волны на другую и молотя по воде быстрыми изящными ударами хвоста.

— Шъееназ! — ответил он, махнув рукой.

Сирена подплыла к камням, встала вертикально в пенящейся глубине, обеими руками откинула волосы на спину, демонстрируя при этом торс со всеми его прелестями. Геральт кинул взгляд на Эсси. Девушка слегка зарумянилась и с сожалением и смущением на мгновение кинула взгляд на собственные выпуклости, едва обозначенные под платицем.

— Где мой? — пропела Шъееназ, подплывая ближе. — Он должен был ждать.

— Ждал три часа и ушел.

— Ушел? — высокой трелью удивилась сирена. — Не стал ждать? Не выдержал каких-то несчастных трех часов? Так я и думала. Ни капли жертвенности! Ну нисколько! Противный, противный, противный! А что делаешь здесь ты, белоголовый? Прогуливаешься с любимой? Прекрасная пара, только вот ноги вас уродуют.

— Это не моя любимая. Мы едва знакомы.

— Да? — удивилась Шъееназ. — А жаль. Вы подходите друг другу, прекрасно смотрите рядом. Кто она?

— Я Эсси Давен, поэтесса, — пропела Глазок с акцентом и мелодичностью, по сравнению с которыми голос ведьмака звучал как воронье карканье. — Приятно познакомиться, Шъееназ.

Сирена шлепнула ладонями по воде, звучно рассмеялась.

— Как хорошо! Ты знаешь нашу речь! Даю слово, вы поражаете меня, люди. Воистину, нас разделяет вовсе не так много, как утверждают некоторые.

Ведьмак был удивлен не меньше сирены, хоть и мог предполагать, что образованная и начитанная Эсси лучше его знает Старшую Речь, язык эльфов, певучую версию которого использовали сирены, водороски и nereиды. Ему должно было быть ясно также и то, что певучесть и сложная мелодика речи сирен, осложнявшие ему общение, Глазку его только облегчали.

— Шъееназ! — воскликнул он. — Кое-что нас все-таки разделяет, и порой этим оказывается пролитая кровь! Кто... кто убил ловцов жемчуга там, у двух скал? Скажи!

Сирена нырнула, взбурлив воду. Через секунду снова выскочила на поверхность, а ее красивое личико съежилось в противной гримасе.

— Не смейте! — пронзительно крикнула она. — Не смейте приближаться к Ступеням! Это не для вас! Не ссорьтесь с ними! Это не для вас!

— Что? Что не для нас?

— Не для вас! — воскликнула Шъееназ, бросаясь всем телом на волны.

Высоко взметнулись брызги. Еще мгновение был виден ее хвост, раздвоенный узкий плавник, бьющий по волнам. Потом она скрылась в глубине.

Глазок поправила волосы, взвихренные ветром. Она стояла молча, наклонив голову.

— Не знал, что ты так хорошо владеешь Старшей Речью, Эсси.

— И не мог знать, — ответила она с горечью в голосе. — Ведь... ведь мы едва знакомы.

— Геральт, — сказал Лютик, осматриваясь и принюхиваясь, будто гончий пес. — Тут жутко воняет, не считаешь?

— Как сказать. — Ведьмак потянул носом. — Я бывал в таких местах, где воняет еще хуже. Тут — всего-навсего запах моря.

Бард отвернулся и сплюнул меж камней. Вода булькала в каменных распадах, пенясь и шумя, приоткрывая промытые волнами, заполненные галькой расселины.

— Глянь, как все здорово высохло. Куда подевалась вода? Что они такое, эти отливы и приливы? Никогда не задумывался?

— У меня были другие заботы.

— Думаю, — Лютик слегка вздрогнул, — там, в глубине, на самом дне чертова океана, сидит преогромнейшее чудище, толстая чешуйчатая уродина, жаба с рогами на мерзкой башке. И время от времени засасывает воду, а с водой все живое и годное в пищу: рыб, тюленей, черепах — все. А потом, насытившись, вырывает воду — и получается прилив. Как думаешь, Геральт?

— Думаю, что ты глуп. Йеннифэр когда-то сказала, что приливы и отливы вызваны Луной.

Лютик захохотал.

— Какая ерундистика! Что общего у Луны с морем? На Луну только собаки воют. Купила тебя, Геральт, твоя врушка, посмеялась над тобой. Насколько мне известно, не в первый раз.

Ведьмак не ответил. Он смотрел на блестящие от воды камни в проточинах, открывшихся при отливе. В них все время вздымалась пена, но похоже было, что пройти удастся.

— Ну что ж, за дело, — сказал он, встал и поправил на спине меч. — Дольше ждать нельзя, можем не успеть до начала прилива. Ты по-прежнему настаиваешь на том, чтобы идти со мной?

— Да. Темы для баллад — не шишки, их под елками не собирают. Кроме того, у Куколки завтра день рождения.

— Не улавливаю связи.

— А жаль. У нас, нормальных людей, принято делать друг другу подарки по случаю дня рождения. На покупки у меня не хватит финансов. Найду что-нибудь на дне морском.

— Селедку? Каракатицу?

— Дурной! Янтарь, может, морского конька или красивую раковину. Ведь важен символ, доказательство памяти и симпатии. Я люблю Глазок, хочу доставить ей радость. Не понимаешь? Так я и думал. Пошли. Ты — первый, потому как там может сидеть какое-нибудь чудо.

— Ладно. — Ведьмак спустился с обрыва на осклизлые, покрытые водорослями камни. — Пойду первым, чтобы в случае чего защитить тебя. В доказательство памяти и симпатии. Только запомни: как я крикну, хватай ноги в руки и чтоб не путался у меня под мечом. Мы идем не морских коньков собирать. Идем расправляться с чудовищем, которое мордует людей.

Они двинулись вниз, в трещины освободившегося от воды дна, местами по колено в воде, все еще кипевшей в каменных ущельях. Увязали в мутьях, выстланных песком и морскими водорослями. Ко всему прочему начался дождь, так что вскоре они промокли до нитки. Лютик то и дело

останавливался, ковырял палочкой в гальке и клубках водорослей.

— Взгляни, Геральт, рыбка. Вся красная, черт меня возьми. А это? О, маленький угорь. А это? Это что такое? Похоже на огромную прозрачную блоху. А это... О Господи! Гера-а-альт!

Ведьмак резко обернулся, держа руку на мече.

Это был человеческий череп, белый, отполированный о камни, заклинившийся в скальной расселине и забитый песком. И не только песком. Лютик, увидев извивающегося в глазнице многощетинкового червя, затрясся и издал очень неприятный звук. Ведьмак пожал плечами, направляясь в сторону освободившейся от воды каменной равнины, к зубчатым рифам, именуемым Драконьими Клыками и сейчас напоминающим горы. Шел осторожно. Дно было усеяно голотуриями, раковинами, кустиками водорослей. В лужах и впадинах раскачивались огромные медузы и метались змеехвостки. Маленькие пестрые крабы удирали от них, двигаясь бочком, перебирая ножками.

Геральт уже издалека заметил труп, застрявший между камнями. Утопленник шевелил выступающей из-под водорослей грудной клеткой, хотя в принципе ему уже нечем было шевелить. Вокруг него и в нем кишмя кишели крабы. Труп не мог находиться в воде больше суток, но крабы ободрали его так, что осматривать не было смысла. Ведьмак молча изменил направление, обходя труп стороной. Лютик ничего не заметил.

— Ну и несет же тут, — выругался он, догоняя Геральта, плюнул, стряхнул воду с шапочки. — И льет, и холодно. Простужусь, потеряю голос, черт побери...

— Не ной. Если хочешь вернуться, дорогу знаешь.

Сразу за основанием Драконьих Клыков раскинулась полка, а дальше была голубизна, спокойно волнующееся море. Граница отлива.

— Эй, Геральт, — Лютик осмотрелся. — Твое чудовище, похоже, было достаточно разумно, чтобы выбраться в открытое море вместе с уходящей водой. А ты, верно, думал, оно будет лежать где-нибудь тут брюхом кверху и ждать, пока ты его затюкаешь?

— Помолчи.

Ведьмак приблизился к краю полки, опустил на колени, осторожно оперся руками на острые раковины, прикрепившиеся к скале. Не видно было ничего, вода была темная, а поверхность замутненная.

Лютик исследовал закоулки рифов, пинками отбрасывая от ног наиболее нахальных крабов, осматривал и ощупывал мокрые камни с бородами из свисающих водорослей, украшенных шершавыми колониями ракообразных и улиток.

— Эй, Геральт!

— Что?

— Глянь-ка на эти раковины. Жемчужницы, нет?

— Нет.

— Ты в этом разбираешься?

— Нет.

— Тогда воздержись высказывать свое мнение, пока не начнешь разбираться. Я уверен — жемчужницы. Сейчас наберем жемчуга, будет хоть какая польза от экспедиции, не одна простуда. Собрать, Геральт?

— Собирай. Чудовище нападает на ловцов. Собиратели вроде тебя тоже входят в эту категорию.

— Выходит, мне выпала роль приманки?

— Собирай, собирай. Бери, какие покрупнее, если не будет жемчужин, то хоть похлебку сварим.

— Еще чего. Буду брать только жемчужины, а скорлупу — псу под хвост. Черт... Как это открывать? Ножа нет, Геральт?

— Так ты даже ножа не прихватил?

— Я поэт, а не ножовщик. А, ладно, свалю в сумку, а жемчужины выберем потом. Ах ты! Пшел вон!

Краб, которому досталось от Лютиковой ноги, пролетел над головой Геральта и шлепнулся в воду. Ведьмак медленно шел вдоль края полки, вглядываясь в черную, непроницаемую воду и слушая ритмичный стук камня, которым Лютик отбивал улиток от скалы.

— Лютик! Иди сюда, смотри!

Рваная, потрескавшаяся полка неожиданно оканчивалась ровным острым краем, уходящим вниз под прямым углом. Под поверхностью воды были ясно видны огромные прямоугольные, правильные блоки белого мрамора, обросшие водорослями, моллюсками, актиниями, шевелящимися в воде, как цветы на ветру.

— Что такое? Похоже на... ступени, — удивленно шепнул Лютик. — О-о-о, лестница в подземный город. В легендарный Ис, который поглотили волны. Ты слышал легенду о городе бездны, об Исе под Водами? О-о-о, я напишу об этом балладу, такую, что соперников пот прошибет. Надо осмотреть вблизи... Глянь, там какая-то мозаика, что-то выцарапано. Какие-то надписи. Отодвинься-ка, Геральт.

— Лютик! Там глубина! Соскользнешь...

— А, брось... Я и так весь мокрый. Смотри, здесь неглубоко, едва по пояс, на первой-то ступени. И широко, как в бальном зале. О дьявол...

Геральт мгновенно прыгнул в воду и удержал барда, провалившегося

по шею.

— Споткнулся об это дерьмо. — Лютик, хватая воздух, отряхнулся, обеими руками поднял большую плоскую раковину с темно-синим панцирем, обросшую кудряшками водорослей. — Этого добра полно на уступах. Красивый цвет, верно? Дай-ка я положу в твой мешок, мой уже полон.

— Вылезай оттуда, — проворчал разозлившийся ведьмак. — Немедленно поднимайся на полку. Это не игра.

— Тише! Слышал? Что это было?

Геральт, конечно, слышал. Звук долетел снизу, из-под воды. Глухой и глубокий, хоть одновременно хрупкий, тихий, краткий, обрывистый. Звук колокола.

— Колокол, чтоб меня, — шепнул Лютик, выкарабкиваясь на полку. — Я был прав, Геральт. Это колокол из затопленного Иса, колокол города призраков, приглушенный тяжестью глубин. Это проклятые напоминают нам...

— Ты заткнешься наконец?

Звук повторился. На этот раз значительно ближе.

— ...напоминают нам, — продолжал Лютик, выжимая полу куртки, — о своей страшной судьбе. Этот звон — предупреждение...

Ведьмак перестал обращать внимание на голос Лютика и переключился на другие мысли. Он чувствовал. Чувствовал что-то.

— Это предупреждение. — Лютик слегка высунул язык, что привык делать, когда сосредоточивался. — Предупреждение... либо, хммм... Чтобы мы не забыли... хммм... хммм... Готово!

Сердце колокола бьется,
Песнь о смерти нам несет.
И тревожный голос рвется...

Вода рядом с ведьмаком забурлила. Лютик крикнул. Появившееся из пены лупоглазое чудище замахнулось на Геральта широким, зазубренным, похожим на косу лезвием. У Геральта меч был в руке с того самого момента, как только вода начала горбиться, так что теперь он лишь развернулся и ударил чудище в отвисший, покрытый чешуей зоб. Тут же развернулся в другую сторону, где возник второй бурун и появилось нечто в странном шлеме и в чем-то, напоминающем латы из позеленевшей меди. Ведьмак широким замахом меча отбил острие направленной в него

короткой пики и, с размаху рубанув по змеерыбьей зубастой морде, тут же отскочил к краю полки, разбрызгивая воду.

— Беги, Лютик!

— Давай руку!

— Беги, черт побери!

Новое существо вынырнуло из воды, рассекая воздух кривой саблей, которую держало зеленой шершавой лапой. Ведьмак оттолкнулся от усеянного ракушками края скалы, встал в боевую позицию, но рыбоглазое существо не приближалось. Ростом оно было с Геральта, вода тоже доходила ему до пояса, но внушительно торчащий на спине гребень и раздувшиеся жабры делали его крупнее Геральта. Гримаса, искривившая широкую зубастую пасть, поразительно напоминала жуткую ухмылку.

Существо, не обращая внимания на два вздрагивающих, плавающих в красной воде тела, подняло саблю, которую держало обеими руками за длинную безэфесную рукоять. Еще сильнее напрягая гребень и жабры, оно ловко закрутило клинком в воздухе. Геральт слышал, как легкое острие шипит и жужжит.

Существо сделало шаг вперед, послав в сторону Геральта волну. Геральт тоже завертел мечом. И тоже сделал шаг, принимая вызов.

Рыбоглазый ловко перехватил рукоять пальцами и медленно опустил защищенные черепаховым панцирем и медью руки, погрузив их по самые локти в воду, скрыв под ней оружие. Ведьмак схватил меч обеими руками — правой у самого эфеса, левой за головку, поднял оружие вверх и немного вбок, повыше правого плеча. Он глядел в глаза чудовища, но это были опалесцирующие рыбы глаза с капельками радужниц, поблескивающие холодом и металлом. Глаза, которые ничего не выражали и ничего не выдавали. Ничего, что могло бы предупредить о нападении. Из глубины, с низа ступеней, уходящих в черную бездну, долетели звуки колокола. Они были все ближе, все явственнее.

Рыбоглазый рванулся вперед, выхватывая клинок из-под воды, напал быстрым, как мысль, дальним боковым ударом. Геральту просто повезло — он интуитивно предположил, что удар будет нанесен справа. Он парировал острием, направленным вниз, сильно вывернув корпус, тут же повернул меч, скрестив его плашмя с саблей чудовища. Теперь все зависело от того, кто из них скорее развернет пальцы на рукояти, кто первым перейдет от плоского, статичного соприкосновения клинков к удару, силу которого уже готовили оба, перенося вес тела на нужную ногу. Геральт уже видел, что оба они одинаково быстры.

Но у рыбоглазого пальцы были длиннее.

Ведьмак рубанул вбок, повыше бедра, вывернулся вполоборота, рассек, напирая на клинок, без труда уклонился от широкого, отчаянного и лишённого изящества удара. Чудовище, беззвучно разеваая рыбью пасть, скрылось под водой, в которой пульсировали темно-красные облака.

— Давай руку, быстро! — крикнул Лютик. — Они плывут. Целая стая! Я их вижу!

Ведьмак ухватился за правую руку барда и вырвался из воды на каменную полку. За ними широким фронтом пошла волна.

Начинался прилив.

Они бежали быстро, преследуемые прибывающей водой. Геральт оглянулся и увидел, как из моря выскакивают многочисленные рыботворы, как кидаются в погоню, ловко прыгая на мускулистых ногах. Он молча ускорил бег.

Лютик бежал, задыхаясь, тяжело разбрызгивая воду, уже доходящую до колен. Вдруг он споткнулся, упал, шлепнулся в водоросли, уперся дрожащими руками. Геральт схватил его за пояс, вырвал из кипящей кругом пены.

— Беги! Беги! Я их задержу!

— Геральт...

— Беги! Сейчас вода заполнит выемки, тогда нам не выбраться! Жми что есть мочи!

Лютик охнул и побежал. Ведьмак бежал следом, рассчитывая на то, что чудища растянутся при погоне в цепь. Он знал, что, борясь со всей группой сразу, не победит.

Они догнали его у самой расселины, потому что вода была уже настолько глубока, что они могли плыть, он же с трудом, то и дело погружаясь в пену, рвался наверх по скользким камням. Однако в расселине было слишком тесно, чтобы можно было напасть на него со всех сторон. Он остановился в мульде, в той, в которой Лютик нашел череп.

Остановился, оглянулся и успокоился.

Первого он достал самым концом меча там, где должен быть висок. Другому, вооруженному чем-то вроде короткого бердыша, вспорол живот. Третий убежал.

Ведьмак кинулся вверх по расселине, но в этот момент вздымающаяся волна загудела, взвихрилась пеной, закружилась водоворотом в расселине, сорвала его с камней и повлекла вниз, в кипень. Он столкнулся с болтающимся в водовороте рыботвором, откинул его пинком. Кто-то схватил его за ноги и потянул вниз, на дно. Он ударился спиной о камень, отворил глаза, в самое время, чтобы увидеть темные фигуры, два взблеска.

Первый он парировал мечом, от второго автоматически заслонился левой рукой. Почувствовал удар, боль. Оттолкнулся ногами от дна, взвился вверх, к поверхности, сложил пальцы, стрельнул Знаком. Взрыв был глухой, рванул уши коротким пароксизмом боли. «Если выйду живым, — подумал он, молотя по воде руками и ногами, — если выйду живым, поеду к Йен в Венгерберг, попытаюсь еще раз... Если выйду живым...»

Ему показалось, что он слышит звук трубы. Или рога. Волна, снова вздымаясь в теснине, подняла его, выкинула животом на огромный камень. Теперь он явно слышал звук рога, крики Лютика, которые, казалось, долетают со всех сторон одновременно. Он выдохнул соленую воду из носа, осмотрелся, откинув с лица мокрые волосы. Он был на берегу, на том самом месте, откуда они отправились. Лежал животом на камнях, кругом белой пеной кипел прибой. За ним в расселине, которая теперь уже была узким заливчиком, танцевал на волнах большой серый дельфин. На его спине, разметав мокрые зеленоватые волосы, сидела сирена. У нее были изумительные груди.

— Белоголовый! — тягуче пропела она, размахивая рукой, в которой держала большую коническую, спирально закрученную раковину. — Жив?

— Жив, — удивился ведьмак. Пена вокруг него сделалась розовой. Левая рука немела, ее щипало от соли. Рукав куртки был разрезан ровно и прямо, из разреза сочилась кровь. «Вылез, выкарабкался, — подумал он. — Снова удалось. Нет, никуда я не поеду».

Он увидел Лютика, который бежал, спотыкаясь на мокрых гольщах.

— Я их задержала, — пропела сирена и снова подула в раковину. — Но ненадолго! Беги и не возвращайся, белоголовый! Море... не для вас!

— Знаю! — крикнул он в ответ. — Знаю. Спасибо, Шъееназ!

— Лютик, — проговорила Глазок, раздирая зубами конец повязки и затягивая узел на кисти Геральта, — объясни ты мне, откуда на ступенях взялась куча раковин? Жена Дроухарда сейчас их убирает и при этом не скрывает, что о вас думает.

— Раковины? — удивился Лютик. — Какие раковины? Понятия не имею. Может, упустили пролетающие утки?

Геральт усмехнулся, отвернув голову. Усмехнулся, вспомнив дурь Лютика, который все утро убил, вскрывая раковины и копаясь в склизком мясе, при этом порезал пальцы и испачкал рубашку, но не нашел ни единой

жемчужины. И не удивительно, потому что, скорее всего, это были никакие не жемчужницы, а обыкновенные мидии. Идею приготовить суп из улиток они отбросили, когда Лютик раскрыл первую раковину — она выглядела так неаппетитно и так воняла, что аж слезы выступали.

Глазок закончила перевязку и присела на перевернутое ведро. Ведьмак поблагодарил, рассматривая ловко перевязанную руку. Рана была глубокая и довольно длинная, задевала локоть, который дьявольски болел при движениях. Его наскоро перевязали еще на берегу, но не успели добраться до дома, как рана снова начала кровоточить. Перед самым приходом девушки Геральт залил рассеченную руку коагулирующим эликсиром, побрызгал обезболивающим. Эсси обнаружила их в тот момент, когда они с Лютиком пытались зашить рану с помощью нитки, привязанной к рыболовному крючку. Глазок изругала их и сама взялась за перевязку, а в это время Лютик потчевал ее красочным рассказом о борьбе, не забыв выговорить себе исключительное право на балладу. Эсси, естественно, засыпала Геральта лавиной вопросов, на которые он не мог ответить. Она восприняла это с обидой, скорее всего решив, что он что-то утаивает. Надулась и перестала спрашивать.

— Агловаль уже знает, — сказала она. — Вас видели, когда вы возвращались, а Дроухардова жена, заметив кровь на лестнице, помчалась сплетничать. Люди кинулись к скалам, надеясь, что волны что-нибудь выбросят, и толкнутся там до сих пор, но, насколько знаю, ничего не нашли.

— И не найдут, — сказал ведьмак. — К Агловалю я пойду завтра, но предупреди его, если сможешь, чтобы запретил людям крутиться около Драконьих Клыков. Только прошу, ни слова о ступенях или Лютиковых фантазиях относительно города Ис. Тут же найдутся искатели сокровищ и любители сенсаций — и появятся новые трупы.

— Я не сплетница, — надулась Эсси, резко откинув прядку со лба. — Если о чем-то спрашиваю, так не затем, чтобы сразу бежать к колодцу и рассказывать прачкам.

— Прости.

— Мне надо выйти, — вдруг сообщил Лютик. — Я договорился с Акареттой. Геральт, беру твою курточку. Моя свински умарухана и все еще не просохла.

— Все здесь мокрое, — насмешливо заметила Глазок, с отвращением трогая мыском туфельки разбросанные части одежды. — Разве так можно? Надо было развесить, как следует просушить... Вы просто чудовищны.

— Само высохнет. — Лютик натянул влажную курточку Геральта и с завистью взглянул на серебряные набивки на рукавах.

— Не болтай. А это что такое? Неужели сумка все еще полна тины и водорослей? А это... Тьфу!

Геральт и Лютик молча смотрели на темно-синюю раковину, которую Эсси держала перед собой двумя пальцами. Они совсем о ней забыли. Раковина была слегка приоткрыта и отчетливо воняла.

— Это презент, — сказал трубадур, выбираясь к двери. — Завтра твой день рождения, Куколка! Ну так это тебе подарок.

— Это?

— Красивая, верно? — Лютик понюхал и быстро добавил: — От Геральта. Это он для тебя выбрал. Ах, уже поздно. Опаздываю. Бывайте...

— Ты помнил о моем дне рождения? — медленно спросила Эсси, держа раковину подальше от себя. — Seriously?

— Дай сюда, — резко сказал он. Встал с матраца, оберегая забинтованную руку. — Прости за этого идиота...

— Нет, — возразила она, вынимая из ножен на поясе маленький кинжальчик. — Раковина действительно красивая, я сохраню ее на память. Только надо вымыть, а для начала отделаться от... содержимого. Я выкину в окно, кошкам.

Что-то стукнуло о пол, покатилося. Геральт расширил зрачки и увидел гораздо раньше, чем Эсси.

Это была жемчужина. Переливающаяся и блестящая жемчужина светло-голубого цвета размером с разбухшую горошину.

— О боги! — Глазок тоже заметила ее. — Геральт... Жемчужина!

— Жемчужина, — рассмеялся он. — Стало быть, ты все-таки получила подарок, Эсси. Я рад.

— Геральт, не могу принять. Эта жемчужина стоит...

— Она твоя, — прервал он. — Лютик, хоть и разыгрывает глупенького, действительно помнил о твоём дне рождения. Он и правда хотел доставить тебе радость. Говорил об этом, говорил вслух. Ну видишь, судьба услышала его и исполнила, что требовалось.

— А ты, Геральт?

— Я?

— А ты... Тоже хотел доставить мне радость? Жемчужина такая прекрасная... Она должна сказочно много стоить... Не жалеешь?

— Я рад, что она тебе понравилась. А если и жалею, так о том, что она была только одна. И что...

— Да?

— Что не знаю тебя так долго, как Лютик, так долго, чтобы знать и помнить о твоём дне рождения. Чтобы иметь возможность дарить подарки

и доставлять тебе радость. Чтобы иметь право... называть тебя Куколкой.

Она подошла и неожиданно закинула ему руки на шею. Он ловко и быстро предупредил ее движения, отстранился от ее губ, сдержанно поцеловал в щеку, обняв здоровой рукой осторожно, нежно. Он чувствовал, как девушка напрягается и медленно отстраняется, но только на длину рук, все еще лежащих у него на плечах. Он знал, чего она ждет, но не сделал этого. Не привлек ее к себе.

Эсси отпустила его, отвернулась к приоткрытому грязному оконцу.

— Ну конечно, — вдруг сказала она. — Ты же едва меня знаешь. Я совсем забыла, мы едва знакомы...

— Эсси, — проговорил он после недолгого молчания, — я...

— Я тоже едва тебя знаю, — вспыхнула она. — И что с того? Я люблю тебя. Ничего не могу с собой поделать. Ничего.

— Эсси!

— Да. Люблю. Мне совершенно безразлично, что ты подумаешь. Я полюбила тебя в тот самый момент, как увидела, там, на приеме по случаю обручения...

Она замолчала и опустила глаза.

Она стояла перед ним, а Геральт сожалел, что это она, а не рыбоглазый с саблей, укрытой под водой. С рыбоглазым у него были шансы... С ней — никаких.

— Ты молчишь, — бросила она. — Ничего, ни слова...

«Я устал, — подумал он, — и страшно слаб. Мне необходимо присесть, у меня темнеет в глазах, я потерял много крови и ничего не ел... Мне нужно присесть. Проклятая комнатуха, чтоб она сгорела во время ближайшей бури от молнии. Проклятое отсутствие мебели, двух идиотских стульев и стола, который разделяет, через который можно так легко и безопасно разговаривать. Можно даже держаться за руки. А я вынужден садиться на матрац и просить ее, чтобы она присела рядом. А набитый гороховой соломой матрац опасен, с него невозможно никуда вывернуться, отстраниться...»

— Сядь рядом, Эсси.

Она присела. Не спеша. Тактично. Далеко. Очень далеко. Слишком близко.

— Когда я узнала, — шепнула она, прерывая затянувшееся молчание, — когда я услышала, что Лютик притащил тебя, окровавленного, я выбежала из дома словно сумасшедшая, помчалась, ничего не видя, ни на что не обращая внимания. И тогда... Знаешь, о чем я подумала? Что это магия, что ты приворожил меня, украдкой, по секрету, предательски

очаровал меня, приколдовал Знаком, своим волчьим медальоном, скверным глазом. Так я подумала, но не остановилась, продолжала бежать, потому что поняла, что хочу... хочу оказаться под действием твоей силы, но реальность оказалась страшнее. Ты не приворожил меня, не использовал никаких чар. Почему, Геральт? Почему ты этого не сделал?

Он молчал.

— Если б это была магия, — продолжала она, — все было бы так просто и легко. Я поддалась бы твоей силе и была бы счастлива. А так... Я должна... не знаю, что со мной творится...

«К черту, — подумал он, — если Йеннифэр, когда она со мной, чувствует себя как я сейчас, то я ей не завидую. И уже никогда не стану удивляться. Никогда не буду ненавидеть ее... Никогда...

Потому что Йеннифэр, вероятно, чувствует то, что невозможно исполнить, чувствует глубокую уверенность, что я обязан выполнить то, что выполнить невозможно, еще невозможнее, чем связать Агловаля и Шъееназ. Уверенность, что немного жертвенности тут недостаточно, что надо пожертвовать всем, да и то неизвестно, достаточно ли этого. Нет, я не буду ненавидеть Йеннифэр за то, что она не может и не хочет проявить хоть немного жертвенности. Теперь я знаю, что немного жертвенности — это... очень много».

— Геральт, — простонала Глазок, втягивая голову в плечи. — Мне так стыдно. Мне так стыдно того, что я чувствую какое-то проклятое бессилие, холод, озноб, как короткое дыхание...

Он молчал.

— Я всегда думала, что это прекрасное и возвышенное состояние души, благородное и восхитительное, даже если оно и лишает тебя счастья. Ведь сколько баллад я сложила о подобном. А это просто химия организма, Геральт, простая и всеохватывающая. Так может чувствовать себя больной, выпивший яд. Да потому что человек, выпивший яд, готов на все взамен за противоядие. На все, даже на унижение.

— Эсси, прошу тебя...

— Да, я чувствую себя униженной, униженной тем, что во всем тебе призналась, забыв о достоинстве, которое велит страдать молча... Тем, что своим признанием причинила тебе беспокойство, неловкость. Я чувствую себя униженной тем, что ты смущен. Но я не могла иначе. Я бессильна. Я отдана на милость сразившей меня болезни. Я всегда боялась болезни, того момента, когда стану слабой, бессильной, беспомощной и одинокой. Я всегда боялась болезни, всегда верила, что болезнь будет самым худшим, что может со мной приключиться...

Он молчал.

— Знаю, — зашептала она снова, — знаю, я должна благодарить тебя за то, что... что ты не используешь ситуации. Но я тебя не благодарю. И этого я тоже стыжусь. Я ненавижу твоё молчание, твои изумленные глаза. Я ненавижу тебя. За то, что ты молчишь. За то, что не лжешь, что не... И ее я тоже ненавижу, твою чародейку, я охотно пырнула бы ее ножом за то, что... ненавижу ее. Прикажи мне уйти, Геральт. Прикажи мне уйти отсюда. Сама, по своей воле, я не могу, а уйти хочу, пойти в город, в трактир... Хочу отомстить тебе за свой стыд, за унижение, хочу найти первого попавшегося...

«Черт побери, — подумал он, слыша, как ее голос скачет, словно тряпичный мячик, катящийся по лестнице. — Расплачется, обязательно расплачется. Что делать, дьявол, что делать?»

Державшие его руки Эсси задрожали. Девушка отвернулась и разразилась тихим, поразительно спокойным, несдерживаемым плачем.

«Я ничего не чувствую, — отметил он с ужасом, — ничего, ни малейшего возбуждения. То, что сейчас я обниму ее, будет жест рассудочный, взвешенный, не спонтанный. Я обниму ее, потому что знаю — так надо, а не потому, что хочу. Я ничего не чувствую».

Он обнял ее, она тут же успокоилась, отерла слезы, сильно тряхнула головой и отвернулась, чтобы он не мог видеть ее лица. А потом прижалась к нему, сильно втиснув голову в грудь.

«Немного жертвенности, — подумал он, — всего лишь немного жертвенности. Это ее успокоит — объятия, поцелуи, тихие ласки... Она не хочет большего. И даже если хочет, то что? Немного жертвенности, совсем немного... ведь она красива и заслуживает этого... Если б она хотела большего... Это ее успокоит. Тихий, спокойный, нежный любовный акт. А я... Ведь мне все безразлично, у меня не возникает эмоций, потому что Эсси пахнет вербеной, а не сиренью и крыжовником, у нее нет холодной электризующей кожи, волосы Эсси не черное торнадо блестящих локонов, глаза Эсси прекрасные, мягкие, теплые и синие, но они не горят холодной, бесстрастной фиолетовой глубиной. Потом Эсси уснет, отвернет голову, немного приоткроет рот. Эсси не улыбнется торжествующе. Потому что Эсси...

Эсси — не Йеннифэр.

И поэтому я не могу. Не могу решиться на эту каплю жертвенности».

— Прошу тебя, Эсси, не плачь.

— Не буду. — Она медленно отодвинулась от него. — Не буду. Я понимаю. Иначе быть не может.

Они молчали, сидя рядом на набитом гороховой соломой матраце. Надвигался вечер.

— Геральт, — вдруг сказала она, и голос ее дрогнул. — А может... Может, было бы так... как с тем моллюском, с тем дивным подарком? Может, мы все-таки нашли бы жемчужину? Позже? Спустя какое-то время?

— Я вижу ее, — с трудом проговорил он. — Оправленную в серебро, вставленную в серебряный цветочек с изумительными лепестками. Я вижу ее на твоей шее, на серебряной цепочке, которую ты носишь так же, как я ношу свой медальон. Это будет твой талисман, Эсси. Талисман, который защитит тебя от любого зла.

— Мой талисман, — повторила она, опуская голову. — Моя жемчужина, которую я оправлю в серебро, с которой никогда не расстанусь. Моя драгоценность, которую я получила взамен. Разве такой талисман может принести счастье?

— Да, Эсси. Будь уверена.

— Могу я посидеть здесь еще? С тобой?

— Можешь.

Надвигались сумерки, становилось все темнее, а они сидели на набитом соломой матраце в комнатке на чердаке, в которой не было мебели, а только ведро и незажженная свеча на полу в лужице застывшего воска.

Сидели в полном молчании, в тишине, долго, очень долго. А потом пришел Лютик. Они слышали, как он идет, тренькает на лютне и напевает. Лютик вошел, увидел их и не сказал ничего, ни единого слова. Эсси, тоже молча, встала и вышла, не глядя на них.

Лютик не сказал ни слова, но ведьмак видел в его глазах слова, которые не были произнесены.

— Разумная раса, — задумчиво проговорил Агловаль, поставив локоть на поручень кресла, а подбородок положив на кисть руки. — Подводная цивилизация? Рыболоуди на дне моря. Ступени в глубины. Геральт, ты принимаешь меня за чертовски легковверного князя.

Глазок, стоявшая рядом с Лютиком, гневно фыркнула. Лютик недоверчиво покрутил головой. Геральт вовсе не обратил внимания.

— Мне безразлично, — сказал он тихо, — поверишь ты или нет. Просто я обязан предупредить. Лодка, которая приблизится к Драконьим Клыкам, или люди, которые явятся туда во время отлива, подвергнутся

опасности. Смертельной опасности. Хочешь проверить, правда ли, хочешь рисковать — твое дело. Я просто предупреждаю.

— Ха, — вдруг проговорил коморник Зелест, сидевший за спиной у Агловаля в оконном проеме. — Если они такие же чудища, как эльфы или другие гоблины, то нам они не страшны. Я-то боялся, как бы это не было что-то похуже или, упасите боги, заколдованное. А по ведьмаковским словам получается, что это вроде каких-то морских утопцев-плавунцов... Против них есть средства. Слышал я, один чародей вмиг расправился с плавунцами на озере Моква. Влил в воду баррель магического фильтрата — и каюк плавунцам. И следа не осталось.

— Верно, — заметил молчавший до того Дроухард. — Следа не осталось. И от лещей, значить, щук, раков и беззубок. Сгинула даже водяная зараза на дне, кою умники элодеей кличут. И засохнул, значить, ольшаник на берегах.

— Блеск! — насмешливо проговорил Агловаль. — Благодарю за изумительное предложение, Зелест. Может, у тебя есть и еще какие?

— Ну вроде правда, — коморник сильно покраснел, — магик переборщил малость, слишком уж крынкой размахался. Но мы и без магигов управимся, князь. Ведьмак говорит, что с этими чудами можно бороться и убить их тоже можно. Стало быть, война. Как раньше. Нам не впервой, верно? Жили в горах оборотцы, где они теперь? По лесам еще валандаются дикие эльфы и духобабы, но и этим вот-вот конец придет. Перебьем всех до единого. Как деды наши...

— А жемчужины увидят только мои внуки? — поморщился князь. — Слишком долго придется ждать, Зелест.

— Ну так-то уж паршиво не будет. Что-то мне видится... Скажем, с каждой лодкой ловцов — две лодки лучников. Быстренько научим чудищ уму-разуму. Узнают, что такое страх. Верно, господин ведьмак?

Геральт холодно посмотрел на него и ничего не ответил.

Агловаль повернул голову, демонстрируя свой благородный профиль, закусил губу. Потом, прищурясь и морща лоб, взглянул на ведьмака.

— Ты не выполнил задания, Геральт, — сказал он. — Снова испоганил дело. Не возражаю, ты проявил благие намерения. Но я за благие намерения не плачу. Я плачу за результат. За эффект. А эффект, прости за определение, дерьмовый. А посему столько ты и заработал.

— Прелестно, благородный князь, — съехидничал Лютик. — Жаль, вас не было там, у Драконьих Клыков. Может, мы с ведьмаком дали бы вам возможность встретиться с одним из тех, морских-то, с мечом в руке. Может, тогда вы поняли бы, в чем дело, и перестали скаречничать и

препираться об оплате...

— Как торговка базарная, — добавила Глазок.

— Я не привык торговаться, препираться или спорить, — спокойно сказал Агловаль. — Я сказал — не заплачу ни гроша, Геральт. Уговор был такой: ликвидировать опасность, ликвидировать угрозу, обеспечить ловлю жемчуга без риска для людей. А ты? Являешься и рассказываешь нам о разумной расе со дна морского. Советуешь держаться подальше от того места, которое приносит мне доход. Что ты сделал? Якобы убил... Скольких?

— Не имеет значения. — Геральт слегка побледнел. — Во всяком случае, для тебя, Агловаль.

— Именно. Тем более что доказательств нет. Если б ты принес, к примеру, правые руки этих рыбожаб, как знать, может, и заработал бы обычную ставку, какую берет мой лесник за пару волчьих ушей.

— Ну что ж, — холодно сказал ведьмак. — Мне не остается ничего иного, как распрощаться.

— Ошибаешься, — сказал князь. — Остается кое-что еще. Постоянная работа за вполне приличное вознаграждение и содержание. Должность и патент капитана моей вооруженной охраны, которая с этого дня будет сопровождать ловцов. Не обязательно навсегда, но достаточно долго, до тех пор, пока эта якобы разумная раса наберется ума избегать их как огня. Что скажешь?

— Благодарю, не воспользуюсь. — Ведьмак поморщился. — Такая работа не по мне. Войны с другими расами я считаю идиотизмом. Может, это и отличное развлечение для усталых и поглупевших князей. Для меня — нет.

— Ах как гордо, — усмехнулся Агловаль. — Как благородно. Ты отвергаешь предложение образом, достойным короля. Отказываешься от немалых денег с миной богача, только что сытно пообедавшего. Геральт? Ты сегодня ел? Нет? А вчера? А позавчера? Похоже, у тебя маловато шансов пообедать, очень маловато. Даже здоровым в наше время трудно заработать, а сейчас, с одной рукой на перевязи...

— Да как ты смеешь?! — тонко взвизгнула Глазок. — Как ты смеешь так разговаривать с ним, Агловаль? Руку, которую он носит на перевязи, ему рассадили во время выполнения твоего приказа! Ты не можешь быть настолько низким...

— Прекрати, — сказал Геральт. — Прекрати, Эсси. Это бессмысленно.

— Неправда! — гневно бросила она. — В этом есть смысл. Кто-то должен наконец сказать правду в глаза такому... типу, который сам себя

произвел в князя, воспользовавшись тем, что с ним никто не состязался за право владеть участком скалистого побережья, и который теперь считает, будто ему разрешено унижать других.

Агловаль покраснел и поджал губы, но не произнес ни слова, не пошевелился.

— Да, Агловаль, — продолжала Эсси, сжимая в кулаки дрожащие пальцы, — ты рад возможности унижить других, возможности показать презрение к ведьмаку, готовому подставлять шею за деньги. Но знай, ведьмак смеется над твоим презрением и твоими оскорблениями, они не производят на него никакого впечатления, он их даже не замечает. Нет, ведьмак не чувствует даже того, что чувствуют твои слуги и подданные, Зелест и Дроухард, а они чувствуют стыд, глубокий, опаляющий стыд. Ведьмак не чувствует того, что мы, я и Лютик, а мы чувствуем отвращение. Знаешь, Агловаль, почему? Я скажу тебе. Ведьмак знает, что он лучше, выше тебя. Достоин гораздо большего, чем ты! И это придает ему ту силу, которая у него есть!

Эсси замолчала, опустила голову, но не настолько быстро, чтобы Геральт не успел заметить слезы, блеснувшие в уголке прекрасного глаза. Девушка коснулась рукой висящего на шее цветочка с серебряными лепестками, цветочка, в середине которого сияла большая голубая жемчужина. У цветочка были изящные филигранные лепестки, он был изготовлен мастерски. Дроухард оказался на высоте. Рекомендованный им ремесленник выполнил работу прекрасно. И не взял от них ни гроша. Дроухард заплатил за все.

— Поэтому, якобы благородный князь, — продолжала Глазок, поднимая голову, — не ставь себя в смешное положение, предлагая ведьмаку роль наемника в армии, которую ты собираешься поставить против океана. Не выставляй себя на осмеяние, а ведь предложение может вызвать только смех. Ты все еще не понял? Ты можешь заплатить ведьмаку за выполнение задания, можешь его нанять, чтобы он охранял людей от зла, предупреждал грозящую им опасность. Но ты не можешь ведьмака купить, не можешь использовать его в своих целях. Потому что ведьмак, даже раненый и голодный, лучше тебя. Большого стоит. Поэтому он смеется над твоим предложением. Понял?

— Нет, мазель Давен, — холодно произнес Агловаль. — Не понял. Совсем даже наоборот. Понимаю все меньше. Главное же, чего я уж совсем не понимаю, так это почему я все еще не приказал повесить всю вашу троицу, предварительно отколотив батогами и припечатав червонным железом. Вы, мазель Давен, пытаетесь показать, будто знаете все. Так

скажите, почему я этого не делаю?

— Извольте, — тут же откликнулась поэтесса. — Ты, Агловаль, не делаешь этого, потому что где-то там, глубоко внутри тебя, тлеет искорка порядочности, хранятся остатки чести, еще не приглушенные спесью нувориша и купчишки. Внутри, Агловаль. На дне сердца. Сердца, которое, что бы там ни говорили, способно любить сирену.

Агловаль побледнел как полотно и стиснул руки на поручнях кресла. «Браво, — подумал ведьмак, — bravo, Эсси, прекрасно». Он гордился ею. Но одновременно чувствовал грусть, чудовищную грусть и раскаяние.

— Уходите, — тихо проговорил Агловаль. — Уходите. Идите куда хотите. Оставьте меня в покое.

— Прощай, князь, — сказала Эсси. — И на прощание прими добрый совет. Совет, который должен был бы дать тебе ведьмак, но я не хочу, чтобы он тебе его давал. Чтобы унижался до того, чтобы давать тебе советы. Я сделаю это за него.

— Слушаю.

— Океан велик, Агловаль! Еще никто не знает, что лежит там, за горизонтом, если там вообще что-нибудь есть. Океан больше любых пущ и дебрей, в которые вы оттеснили эльфов. Он менее доступен, нежели какие бы то ни было горы и ущелья, в которых вы уничтожали оборотцев. А там, на дне океана, обитает раса, применяющая оружие, знающая секреты обработки металлов. Стерегись, Агловаль. Если вместе с ловцами в море пойдут лучники, ты развяжешь войну против того, чего не знаешь. То, что ты намерен тронуть, может оказаться гнездом шершней. Я советую вам, оставьте им море, ибо море не для вас. Вы не знаете и никогда не узнаете, куда ведут ступени, по которым спускаются к основанию Драконьих Клыков.

— Ошибаетесь, мазель Эсси, — спокойно ответил Агловаль. — Мы узнаем, куда ведут эти ступени. Больше того, мы спустимся по ним. Проверим, что находится по ту сторону океана, если там вообще что-то есть. И вытянем из этого океана все, что только возможно вытянуть. А не мы, так наши внуки либо внуки наших внуков. Вопрос времени. Да, мы сделаем это, даже если океану придется стать красным от крови. И ты об этом знаешь, Эсси, мудрая Эсси, пишущая хронику человечества своими балладами. Жизнь — не баллада, маленькая бедная прекрасная поэтесса, заплутавшаяся в своих красивых словах. Жизнь — это борьба. А борьбе научили нас именно вот такие, стоящие больше нас ведьмаки. Это они указали нам дорогу, они проторили ее для нас, они усеяли ее трупами тех, кто был для нас, людей, помехой и препятствием, трупами тех, кто

защищал от нас этот мир. Мы, мазель Эсси, просто продолжаем эту борьбу. Мы, а не твои баллады, пишем историю человечества. И нам уже нет нужды в ведьмаках, нас и без того ничто уже не удержит. Ничто.

Эсси побледнела, дунула на прядь волос и покачала головой.

— Ничто, Агловаль?

— Ничто, Эсси.

Поэтесса усмехнулась.

Из передней долетел какой-то шум, крики, топот. В зал вбежали пажы и стражники, у самых дверей бросились на колени либо согнулись в поклонах.

В дверях стояла Шъееназ.

Ее светло-зеленые волосы были искусно завиты, охвачены изумительной красоты диадемой из кораллов и жемчужин. Она была в платье цвета морской волны с белыми, как пена, оборками. Платье было сильно декольтировано, так что прелести сирены, хоть частично прикрытые и украшенные ожерельем из нефритов и ляпис-лазури, по-прежнему вызывали величайшее восхищение.

— Шъееназ... — простонал Агловаль, падая на колени. — Моя... Шъееназ...

Сирена медленно подошла, и ее движения были мягкими и полными грации, плавными, как набегающая волна.

Она остановилась перед князем, сверкнула в улыбке мелкими белыми зубками, потом быстро подобрала платье и подняла подол на такую высоту, чтобы каждый мог оценить качество работы морской волшебницы водороски. Геральт сглотнул. Не было сомнений: водороска знала толк в красивых ножках и умела их делать.

— Ох! — воскликнул Лютик. — Моя баллада... Совсем как в моей балладе... Она обрела ради него ножки, но потеряла голос!

— Ничего я не потеряла, — сказала Шъееназ напевно на чистейшем всеобщем. — Пока что. После операции я словно новая.

— Ты говоришь на нашем языке?

— А что, нельзя? Как твои дела, белоголовый? О, и твоя любимая тоже здесь, Эсси Давен, если не ошибаюсь? Ты уже лучше ее знаешь или по-прежнему едва-едва?

— Шъееназ... — пролепетал Агловаль, приближаясь к ней на коленях. — Любовь моя! Моя любимая... единственная... Значит, все-таки наконец-то! Наконец-то, Шъееназ!

Сирена грациозным движением подала ему руку для поцелуя.

— Да. Я ведь тоже люблю тебя, глупышка! А что это за любовь, когда

любящий не может иногда хоть чем-то пожертвовать?

Они выехали из Бремервоорда ранним холодным утром, в тумане, впитавшем в себя яркость красного шара солнца, выкатывающегося из-за горизонта. Выехали втроем. Как решили раньше. Они не разговаривали об этом, не строили планов, просто хотели быть вместе. Какое-то время.

Покинули каменистый мыс, распрощались с рваными клифами над пляжами, странными формациями иссеченных волнами и водоворотами известняковых скал. Но, спустившись в зеленую, усеянную цветами долину Доль Адалатте, все еще слышали запах моря, гул прибоя и резкие, дикие крики чаек.

Лютик не переставая болтал, перескакивал с темы на тему и практически ни одной не заканчивал. Рассказывал о Стране Барса, где глупый, по его мнению, обычай велит девушкам хранить невинность до самого замужества, о железных птицах с острова Инис Порхет, о живой и мертвой воде, о вкусе и удивительных свойствах сапфирного вина, именуемого «Черр», о королевских четверяшках из Эббинга, жутких надоедливых обжорках по имени Пуцци, Грицци, Мицци и Хуан Пабло Вассермиллер. Рассказывал о популяризируемых соперниками новых течениях в музыке и поэзии, которые, по мнению Лютика, были чудовищами, воспроизводящими жизненные отправления организма.

Геральт молчал. Эсси тоже или отвечала односложно. Ведьмак чувствовал на себе ее взгляд. Взгляд, которого избегал.

Через реку Адалатте переправились на пароме, причем тянуть канаты пришлось самим, поскольку паромщик пребывал в состоянии патетически опьяненной, мертвецки-белой, неподвижно трясущейся, устремленной в пространство бледности и не мог оторваться от подпирающего навес столба, за который ухватился обеими руками, и на все вопросы отвечал одним-единственным словом, звучащим как «вург».

Местность на другом берегу Адалатте понравилась ведьмаку — лежащие вдоль реки деревни были в большинстве своем огорожены частоколом, а это давало некоторые шансы отыскать работу.

Когда утром поили лошадей, Глазок подошла к нему, воспользовавшись тем, что Лютик удалился. Ведьмак не успел отойти. Она застала его врасплох.

— Геральт, — сказала она тихонечко. — Я больше... не могу. Это

выше моих сил.

Он пытался не смотреть ей в глаза. Она не позволяла, стояла, поигрывая висящей на шее голубой жемчужиной, оправленной в серебряные лепестки, а он снова жалел, что перед ним нет рыбоглазого чудовища с саблей, укрытой под водой.

— Геральт... Что-то надо делать, верно?

Она ожидала его ответа. Его слова. Немного жертвенности. Но у ведьмака не было ничего такого, чем он мог бы пожертвовать, и она знала об этом. Он не хотел лгать. А по правде говоря, и не мог, потому что не мог решиться сделать ей больно.

Положение спас Лютик, надежный Лютик, появившийся неожиданно. Лютик со своей безотказной тактичностью.

— Ну конечно же! — воскликнул он и, размахнувшись, кинул в воду прутик, которым раздвигал прибрежные заросли и гигантскую приречную крапиву. — Конечно же, вы должны что-то с этим сделать: самое время. Я не намерен бесконечно и безучастно наблюдать за тем, что творится между вами! Чего ты от него ждешь, Куколка? Невозможного? А ты, Геральт, на что рассчитываешь? На то, что Глазок прочтет твои мысли, как... Как та, другая? И что этим удовольствуется, а ты удобненько помолчишь, думая, будто не обязан ничего объяснять, что-либо заявлять, в чем-то отказывать? Не обязан раскрываться? Сколько времени, сколько фактов вам требуется, чтобы понять? И когда вы хотите понять? Через сколько лет? В воспоминаниях? Ведь завтра мы расстанемся, черт побери! Нет, с меня довольно, боги, оба вы у меня вот где сидите, вот тут вот! Хорошо, послушайте, я сейчас в орешнике выломаю себе ветку и пойду на рыбалку, а вы останетесь только сами с собой. У вас будет время, вы сможете все друг другу сказать. Так скажите же себе все, постарайтесь понять друг друга. Это не так трудно, как кажется. А потом, о боги, сделайте это. Сделай это с ним, Куколка. Сделай это с ней, Геральт, и будь добр. А тогда, черт побери, либо у вас все пройдет, либо...

Лютик резко развернулся и ушел, ломая камыш и громко ругаясь. Сделал удочку из орехового прута и конского волоса и рыбачил дотемна.

Когда он ушел, Геральт и Эсси долго стояли, взявшись за руки и опершись о корявую вербу, наклонившуюся над глубиной. Потом ведьмак говорил, говорил тихо и долго, а глаза Глазка были полны слез.

А потом, о боги, они сделали это. Он и она.

И все было прекрасно.

На следующий день они устроили себе нечто вроде торжественного ужина. В попавшейся на пути деревеньке Эсси и Геральт купили освежеванного ягненка. Пока торговались, Лютик стащил немного чеснока, лука и моркови из огорода за домом. Отъезжая, они еще стянули котелок с забора за кузней. Котелок был слегка дыряв, но ведьмак заделал дыру Знаком Игни.

Ужин имел место на поляне, в глубине леса. Костер весело потрескивал, котелок побулькивал. Геральт заботливо помешивал в нем палочкой, изготовленной из ошкуренной макушки елочки. Лютик чистил лук и тер морковь. Глазок, которая понятия не имела о готовке, развлекала их игрой на лютне и скабрёзными куплетами.

Это был прощальный ужин, потому что утром им предстояло расстаться. Утром каждый должен был отправиться своим путем на поиски чего-то такого, что у них, вообще-то, уже было. Но не знали они, что уже обладают этим, даже не догадывались. Не догадывались, куда приведут их дороги, по которым завтра им предстояло отправиться. Каждому в отдельности.

Когда они наелись, напились подаренного Дроухардом пива, посплетничали и посмеялись, Лютик и Эсси устроили певческое соревнование. Геральт, заложив руки под голову, лежал на подстилке из сосновых лап и думал, что никогда не слышал таких прекрасных голосов и таких прекрасных баллад. Думал о Йеннифэр. Думал и об Эсси. И было у него предчувствие, что... Под конец Глазок на пару с Лютиком исполнили известный дуэт Цинтии и Вертверна, прелестную песню о любви, начинающуюся словами: «Немало слез я пролила...» Геральту казалось, что даже деревья наклонились, слушая их.

Потом Глазок, пахнувшая вербеной, легла рядом с ним, втиснулась ему под руку, положила голову на грудь, вздохнула два раза и спокойно уснула. Ведьмак уснул гораздо, гораздо позже.

Лютик, глядя на угасающий костер, еще долго сидел один, тихо потренькивая на лютне.

Все началось с нескольких тактов, из которых сложилась красивая, спокойная мелодия. Стихи, соответствующие мелодии, рождались одновременно с нею. Слова вплетались в музыку, застывали в ней, как мушки в прозрачно-золотистых кусочках янтаря.

Баллада рассказывала о некоем ведьмаке и некоей поэтессе. О том, как

ведьмак и поэтесса встретились на берегу моря, под крики чаек, как полюбили друг друга с первого взгляда. О том, как прекрасна и сильна была их любовь. О том, как ничто, даже смерть, не в состоянии было уничтожить эту любовь и разлучить их.

Лютик знал — мало кто поверит в историю, рассказанную балладой, но не грустил об этом. Он знал, что баллады пишут не для того, чтобы им верили. Их пишут для того, чтобы волновать сердца.

Спустя несколько лет Лютик мог бы изменить содержание баллады, написать, как все было на самом деле. Но не сделал этого. Ведь истинная история не взволновала бы никого. Кому хочется слушать о том, что ведьмак и Глазок расстались и больше уже никогда не встретились? О том, что четыре года спустя Глазок умерла от оспы во время бушевавшей в Вызиме эпидемии? О том, как он, Лютик, пронес ее на руках между сжигаемыми на кострах трупами и похоронил далеко от города, в лесу, одинокую и спокойную, а вместе с ней, как она и просила, две вещи — ее лютню и ее голубую жемчужину. Жемчужину, с которой она не расставалась никогда.

Нет, Лютик оставил первоначальную версию баллады. Но все равно так и не спел ее. Никогда. Нигде. Никому.

Утром, еще в темноте, к бивуаку подкрался голодный и злющий оборотень, но, увидев, что это Лютик, послушал немного и ушел.

Меч Предназначения

1

На первый труп он наткнулся около полудня.

Вид убитых редко волновал ведьмака, гораздо чаще ему доводилось глядеть на останки совершенно равнодушно. На этот раз равнодушен он не был.

Пареньку было лет пятнадцать. Он лежал навзничь, широко раскинув ноги, на губах застыло что-то вроде гримасы изумления. Несмотря на это, Геральт знал, что мальчик погиб сразу, не страдал и, скорее всего, даже не знал, что умирает. Стрела попала в глаз, глубоко засев в затылочной кости. Стрела была снабжена полосатыми, покрашенными желтым, маховыми перьями фазанихи, которые торчали над метелками трав.

Геральт осмотрелся и легко нашел то, что искал: вторую стрелу, двойника первой, вонзившуюся в ствол сосны всего в шести шагах позади. Он знал, что произошло. Мальчик не понял предупреждения, услышал свист и удар стрелы о ствол, удивился и побежал не в ту сторону, куда указывала стрела, велевшая остановиться и немедленно убираться из леса. Шипящий, ядовитый и оперенный свист, короткий звон наконечника, врезающегося в дерево. Ни шагу дальше, человек, говорил этот свист и этот удар. Прочь, человек, немедленно убирайся из Брокилона. Ты завоевал весь мир, человек, тебя везде полным-полно, ты всюду приносишь с собой то, что именуешь современностью, эрой изменений, что называешь прогрессом. Но нам здесь не нужен ни ты, ни твой прогресс. Нам не нужны перемены, которые ты несешь. Нам не нужно все то, что ты приносишь. Свист и удар. Прочь из Брокилона!

«Прочь из Брокилона, человек, — подумал Геральт. — Не имеет значения, что тебе лишь пятнадцать и ты продираешься сквозь лес, ошалев от страха, не в состоянии отыскать дороги домой. Не имеет значения, что тебе уже семьдесят и надо идти за хворостом, иначе тебя за ненадобностью выгонят из халупы, не дадут есть. Не имеет значения, что тебе всего-то шесть лет и тебя приманили цветы, голубеющие на залитой солнцем поляне. Прочь из Брокилона! Свист и удар!»

«Раньше, — еще подумал Геральт, — прежде чем убить, предупреждали дважды. Даже трижды».

«Раньше, — подумал он, трогаясь в путь. — Раньше. Ну что ж, прогресс».

Лес, казалось, не заслуживал дурной славы, которой пользовался теперь. Правда, он был чудовищно диким и труднопроходимым, но это была обычная путаница дебрей, в которых каждый просвет, каждое солнечное пятно, пробившееся сквозь кроны, и усеянные листьями ветви больших деревьев немедленно использовались десятками молодых берез, ольх и грабов, ежевикой, можжевельником и папоротником, покрывающим густыми побегами хрустящий ковер из праха, сухих веток и поросших мхом гниющих стволов самых старых деревьев, тех, что проиграли в борьбе, тех, которые дотянули до конца дней своих. Но чаща не молчала тяжелым, зловещим молчанием, которое, казалось бы, больше соответствовало этому месту. Нет, Брокилон жил. Бренчали насекомые, шуршали под ногами ящерицы, бегали радужные жуки-бегунки, тысячи пауков дергали блестящие от капель паутины, дятлы разделяли стволы резкими очередями ударов, верещали сойки.

Брокилон жил.

Но ведьмак не дал себя обмануть. Он знал, где находится. Помнил о мальчишке со стрелой в глазу. Во мхе и игольнике замечал белые кости, по которым бегали красные муравьи.

Он шел дальше, осторожно, но быстро. Следы были свежие. Он рассчитывал на то, что успеет, сумеет задержать и вернуть людей, идущих впереди. Он льстил себя надеждой, что еще не поздно.

Но было уже поздно.

Второй труп он бы пропустил, если бы не солнечный блик на клинке короткого меча, который убитый сжимал в руке. Это был взрослый мужчина. Его простая одежда привычного коричневого цвета говорила о низком происхождении. Одежда, если не считать пятен крови вокруг двух вонзившихся в грудь наконечников стрел, была чистой и новой, значит, это не слуга.

Геральт осмотрелся и увидел труп третьего человека, одетого в кожаную куртку и короткий зеленый плащ. Земля вокруг ног убитого была раскидана, мох и игольник разрыты до песка. Было ясно — этот человек умирал долго.

Геральт услышал стон.

Он быстро раздвинул кусты можжевельника, увидел замаскированную глубокую яму, оставшуюся от вывороченных корней сосны. В яме, на открытых корнях, лежал крупный мужчина с черными вьющимися волосами и такой же бородой, контрастирующими с бледной, прямо-таки

трупной белизной лица. Светлый кафтан из оленьей кожи был красным от крови.

Ведьмак прыгнул в яму. Раненый открыл глаза.

— Геральт... — простонал он. — О боги, да я сплю...

— Фрейксенет? — изумился ведьмак. — Ты здесь?

— Я... О-о-ох...

— Не шевелись. — Геральт опустился рядом. — Куда ты получил? Я не вижу стрелы...

— Она... прошла навывлет. Я отломил наконечник и вытащил... Слушай, Геральт...

— Молчи, Фрейксенет, захлебнешься кровью. У тебя пробито легкое. Дьявольщина, надо тебя вытащить. Что вы, черт вас возьми, делаете в Брокилоне? Это владения дриад, их святая святых, отсюда никто живым не уходит. Ты знал?

— Потом... — застонал Фрейксенет и сплюнул кровью. — Потом расскажу... А сейчас вытащи меня... Ох, черт! Осторожней... О-о-ох...

— Не справлюсь. — Геральт выпрямился, осмотрелся. — Уж очень ты тяжел.

— Тогда оставь меня, — простонал раненый, — оставь. Что делать... Но спаси ее... о боги, спаси ее...

— Кого?

— Княжну... Найди ее, Геральт!

— Лежи спокойно, черт побери! Сейчас что-нибудь соображу и вытащу.

Фрейксенет тяжело закашлялся и снова сплюнул, густая, тягучая нитка крови повисла на бороде. Ведьмак выругался, выбрался из ямы, осмотрелся. Нужны были два молодых деревца. Он быстро пошел к краю поляны, где недавно видел охапку ольх.

Свист и удар.

Геральт застыл на месте. Стрела, вонзившаяся в ствол на уровне его головы, была оперена ястребиными перьями. Он посмотрел в сторону, указанную ясеневым древком, и понял, откуда стреляли. Шагах в пятидесяти была яма от еще одного вывороченного дерева, ствол, выставив наружу путаницу корней, все еще удерживал огромную кучу песчаной земли. Там чернел терновник на границе тени, крапленой более светлыми полосками березовых стволов. Не было видно никого, и он знал, что не увидит.

Он поднял обе руки. Очень медленно.

— Ceadmil! Va an Eithne meath e Duen Canell! Essea Gwynbleidd!

На этот раз он услышал тихий щелчок тетивы и увидел стрелу, потому что ее выпустили так, чтобы он ее увидел. Отвесно вверх. Он смотрел, как она взвивается, как изменяет направление полета, как падает по кривой. И не пошевелился. Стрела вонзилась в мох почти вертикально в двух шагах от него.

Почти одновременно рядом с ней воткнулась вторая, под таким же углом. Он боялся, что следующей может уже не увидеть.

— Meath Eithne! — крикнул он снова. — Essea Gwynbleidd!

— Glaeddyv vort! — голос словно дуновение ветра. Голос, не стрела. Он жил. Медленно расстегнул пряжку пояса, вытащил меч, отбросил далеко от себя. Вторая дриада беззвучно появилась из-за охваченного кустарниками можжевельника ствола ели, не больше чем в десяти шагах от него. Хотя она была маленькая и очень худенькая, ствол казался еще тоньше. Совершенно непонятно, как он мог ее не заметить, когда она подходила. Возможно, ее маскировала одежда — не уродующая стройной фигурки комбинация из странно сшитых лоскутков ткани множества оттенков зеленого и коричневого, усыпанная листьями и кусочками коры. У волос, перехваченных на лбу черным платочком, был оливковый цвет, а лицо пересекали полосы, нанесенные ореховой кожурой.

Конечно, тетива лука была натянута и дриада целилась в него.

— Eithne... — начал он.

— Thaess aep!

Он послушно замолчал, стоя неподвижно и держа руки подальше от тела. Дриада не опустила лука.

— Dunca! — крикнула она. — Braenn! Caemm vort!

Та, что стреляла первой, выскочила из терновника, пробежала по поваленному стволу, ловко перепрыгивая через вывороченные корни. Хотя там валялась куча сухих веток, он не слышал, чтобы хоть одна хрустнула под ее ногами. Позади, близко, он услышал тихий шорох, что-то вроде шелеста листьев на ветру, и понял, что третья дриада стоит у него за спиной.

Именно она, быстро выдвинувшись сбоку, подняла его меч. У нее были волосы цвета меда, стянутые обручем из камышины. На спине покачивался полный колчан стрел.

Та, что была дальше всех, в вывороченной корнями яме, быстро приблизилась. Ее одежда ничем не отличалась от наряда подруг. На тусклых кирпично-рыжих волосах лежал венок, сплетенный из клевера и вереска. Она держала лук, не натянутый, но стрела была на тетиве.

— T'en thesse in meath aep Eithne llev? — спросила она, подходя

ближе. Голос был очень мелодичный, глаза огромные и черные. — Ess' Gwynbleidd?

— Ae... aessea... — начал он, но слова брокилонского диалекта, певуче звучащие в устах дриады, застревали у него в горле и раздражали губы. — Вы не говорите на всеобщем? Я не очень хорошо знаю...

— An' vaill. Vort llinge, — прервала она.

— Я — Гвинблейдд, Белый Волк. Госпожа Эитнэ меня знает. Я к ней с поручением. Я уже бывал в Брокилоне. В Дуэн Канэлли.

— Гвинблейдд, — кирпичноволосая прищурилась. — Vatt'ghern?

— Да, — подтвердил он. — Ведьмак.

Оливковая гневно фыркнула, но опустила лук. Кирпичная смотрела на него широко раскрытыми глазами, а ее размалеванное зелеными полосами лицо было совершенно неподвижно, мертво, как лицо статуи. Эта неподвижность не позволяла назвать ее ни красивой, ни уродливой, вместо этого напрашивалась мысль о безразличии и бездушии, если не жестокости. Геральт мысленно укорил себя за такую оценку, основывающуюся на ложном очеловечивании дриад. Как-никак, а он-то должен знать, что она просто старшая из всех трех. Несмотря на кажущуюся молодость, она была гораздо, гораздо старше их.

Они стояли молча. Геральт слышал, как Фрейксенет стонет, охает и кашляет. Кирпичная тоже не могла не слышать, но лицо ее даже не дрогнуло. Ведьмак подбоченился.

— Там, в яме, — спокойно сказал он, — лежит раненый. Если ему не оказать помощи, он умрет.

— Thaess aep! — Оливковая натянула лук, направив наконечник стрелы прямо в лицо Фрейксенету.

— Дадите ему сдохнуть? — сказал Геральт, не повышая голоса. — Позвольте ему вот так просто, медленно захлебнуться кровью? В таком случае уж лучше его добить.

— Заткнись! — пролаяла дриада, переходя на всеобщий, но опустила лук и ослабила тетиву. Вопросительно взглянула на кирпичную. Та кивнула, указала на яму. Оливковая подбежала быстро и бесшелестно.

— Я хочу увидеться с госпожой Эитнэ, — повторил Геральт. — У меня поручение...

— Она, — кирпичная указала на медовую, — проводит тебя в Duen Canell. Иди.

— Фрей... А раненый?

Дриада взглянула на него, прищурившись и продолжая играть стрелой, лежащей на тетиве.

— Не тревожься. Иди. Она тебя проводит.

— Но...

— *Va'en vort!* — обрезала она, поджав губы.

Ведьмак пожал плечами, повернулся к медноволосой, которая казалась самой младшей из всей тройки. Впрочем, он мог и ошибиться. Глаза у нее были голубые.

— Ну идем.

— Да, — тихо сказала медовая. После краткого колебания она отдала ему меч. — Пошли.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Заткнись.

Она шла через чащу очень быстро, не оглядываясь. Геральту приходилось прилагать массу усилий, чтобы поспевать за ней. Он знал, что дриада делает это умышленно, хочет, чтобы идущий следом человек увяз в густых зарослях, со стоном повалился бы на землю, обессиленный, неспособный к дальнейшему маршу. Конечно, она не знала, что имеет дело с ведьмаком, а не с человеком. Она была слишком молода, чтобы знать, что такое ведьмак.

Девушка — Геральт уже видел, что она не чистокровная дриада, — резко остановилась, повернулась. Было видно, как под сшитой из лоскутков курткой у нее бурно вздымается грудь и она с трудом сдерживается, чтобы не дышать ртом.

— Пойдем медленнее? — улыбнувшись, предложил он.

— *Yea*, — она неприязненно взглянула на него. — *Aen esseath Sidh?*

— Нет, не эльф. Как тебя зовут?

— *Браэнн*, — ответила она, снова трогаясь в путь, но уже медленнее, не стараясь опережать его. Они шли рядом, близко. Он чувствовал запах ее пота, обычного пота молодой девчонки. У пота дриад был запах растертых в руке листиков вербены.

— А как тебя звали раньше?

Она взглянула на него, губы у нее неожиданно искривились, он подумал, что она или крикнет, или велит ему молчать. Но она не сделала ни того ни другого. А помедлив, сказала:

— Не помню.

Геральт не очень-то поверил.

Ей можно было дать не больше шестнадцати лет, и вряд ли она пробыла в Брокилоне дольше шести-семи. Попади она сюда раньше, маленьким ребенком или даже грудным младенцем, в ней уже невозможно было бы узнать человека. Голубые глаза и натуральные светлые волосы

случались и у дриад. Дети дриад, зачатые в разрешенных церковью контактах с эльфами либо людьми, перенимали свойства организма исключительно от матерей, к тому же это всегда были девочки. Однако невероятно редко и, как правило, в каком-то из последующих поколений рождался ребенок с глазами либо волосами неведомого мужского предка. Но сейчас Геральт был уверен, что у Браэнн не было и капли дриадской крови. Впрочем, это не имело особого значения. По крови или не по крови, теперь она была дриадой.

— А тебя, — она искоса глянула на него, — как зовут?

— Гвинблейдд.

— Ну идем, Гвинблейдд, — кивнула она.

Теперь они шли медленнее, но все же достаточно быстро. Браэнн, конечно, знала Брокилон, один Геральт не смог бы удержать ни темпа, ни нужного направления. Браэнн проскальзывала сквозь путаницу зарослей по извивающимся, замаскированным тропинкам, переходила яры и распадки, ловко, словно по мосткам, по поваленным стволам, смело шлепала по зеленым от ряски, блестящим площадкам трясин, на которые ведьмак не осмелился бы ступить и потерял бы часы, если не дни, чтобы обойти их. Присутствие Браэнн защищало его не только от дикости леса — были места, в которых дриада замедляла шаг, двигалась очень осторожно, ощупывая тропинку ногой и держа его за руку. Он знал почему. О ловушках Брокилона ходили легенды — волчьи ямы, утыканные заостренными кольями, самострелы, падающие деревья, страшные «ежи» — игольчатые шары на веревках, неожиданно падающие и очищающие тропинки от чужаков. Встречались места, в которых Браэнн задерживалась и мелодично свистела, а из зарослей ей отвечали тем же. Иногда она приостанавливалась, держа руку на стреле в колчане, приказывая ему не шуметь, и напряженно выжидала, пока то, что шелестело в чаще, удалялось.

Как ни быстро они шли, все же пришлось остановиться на ночь. Браэнн выбрала соответствующее место — на пригорке, на который разность температур приносила порывы теплого воздуха. Они спали на высохшем папоротнике, по обычаю дриад очень близко друг к другу. В середине ночи Браэнн обняла его, крепко прижалась. И ничего больше. Он тоже обнял ее. И ничего больше. Она была дриадой. Важно было только сохранить тепло.

На рассвете, еще почти в темноте, они двинулись дальше.

Они пересекали полосы лесистых холмов, переходили низинки, заполненные туманом, шли через просторные травянистые поляны, через буреломы.

Наконец Браэнн в очередной раз остановилась, осмотрелась. Казалось, она потеряла дорогу, но Геральт знал, что это невозможно. Однако, воспользовавшись остановкой, он присел на поваленный ствол.

И тут услышал крик. Тонкий. Высокий. Отчаянный.

Браэнн мгновенно упала на колени, вытянув из колчана одновременно две стрелы. Одну схватила зубами, вторую поставила на тетиву, натянула лук, целясь вслепую, сквозь кусты, на голос.

— Не стреляй! — крикнул он, перепрыгнул через ствол, продрался сквозь заросли.

На небольшой полянке у основания каменистого обрыва, прижавшись спиной к стволу засохшего граба, стояла маленькая девчушка в серой курточке. В каких-нибудь пяти шагах от нее, медленно раздвигая траву, что-то двигалось. В этом темно-коричневом «что-то» было около двух сажен длины. В первое мгновение Геральт подумал, что это змея. Но увидел желтые, подвижные, крючкообразные конечности, плоские сегменты длинного туловища и понял — не змея. Гораздо хуже.

Прижавшись к стволу, девчушка тонко пискнула. Гигантская многоножка приподняла над травой длинные дрожащие сяжки, ловила ими запах и тепло.

— Не двигайся! — рывкнул ведьмак и топнул, чтобы привлечь внимание сколопендроморфа. Но многоножка не отреагировала, она уже учуяла запах близкой жертвы. Чудовище пошевелило конечностями, свернулось буквою «S» и двинулось вперед. Его ярко-желтые лапы равномерно, словно весла галеры, мелькали в траве.

— Yghern! — крикнула Браэнн.

Геральт двумя прыжками влетел на поляну, на бегу выхватывая меч из ножен на спине, с размаху бедром ударил окаменевшую под деревом девочку, откинув ее в сторону, в кусты ежевики. Сколопендроморф зашелестел в траве, задрожал конечностями и кинулся на него, подняв передние сегменты и клацая челюстями, блестящими от покрывающего их яда. Геральт заплясал, перескочил через плоское туловище и с полуоборота рубанул мечом, целясь в незащищенное место между броневыми плитками на туловище. Однако чудовище оказалось очень прытким, меч ударил в

хитиновый панцирь, не разрубив его, — толстый ковер мха самортизировал удар. Геральт отскочил, но недостаточно ловко. Сколопендроморф с чудовищной силой обернул заднюю часть тела вокруг его ног. Ведьмак упал, перевернулся и попытался вырваться. Безуспешно.

Многоножка выгнулась и развернулась так, чтобы дотянуться до него челюстями, при этом резко заскребла когтями о дерево, проползла по нему. В этот момент над головой Геральта просвистела стрела, с хрустом пробила панцирь существа и пригвоздила его к стволу. Многоножка свилась, сломала стрелу и освободилась, но тут же в нее угодили еще два снаряда. Ведьмак, ударом ноги откинув от себя трепещущие останки, отскочил в сторону.

Браэнн, стоя на коленях, била из лука в невероятном темпе, всаживая в сколопендроморфа стрелу за стрелой. Многоножка ломала стрелы и освобождалась, но новая стрела снова прибывала ее к стволу. Плоская блестящая темно-рыжая голова существа металась из стороны в сторону, щелкала челюстями в тех местах, куда попадали стрелы, бездумно пытаясь дотянуться до разящего ее врага.

Геральт подскочил сбоку и, широко размахнувшись, рубанул мечом, закончив борьбу одним ударом. Дерево сыграло роль палаческой плахи. Браэнн, не опуская лука, медленно подошла, пхнула извивающееся в траве, перебирающее конечностями тело, плюнула на него.

— Благодарю, — сказал ведьмак, давя отрубленную голову многоножки ударами каблука.

— Чего?

— Ты спасла мне жизнь.

Дриада взглянула на него. В этом взгляде не было ни понимания, ни эмоций.

— Yghern, — сказала она, пнув ботинком свернувшееся туловище. — Он поломал мне шипы.

— Ты спасла жизнь мне и вон той маленькой дриаде, — повторил Геральт. — Черт возьми, где она?

Браэнн ловко раздвинула кусты ежевики, просунула руку меж игольчатых ветвей.

— Так я и думала, — сказала она, вытаскивая из кустов девочку в серой курточке. — Глянь сам, Гвинблейдд.

Это не была дриада. Это не был ни эльф, ни пак, ни сильфида или низушек. Это было обыкновеннейшее на свете дитя человеческое. Девочка. В центре Брокилона, самом наинепобычнейшем месте для самых обычных человеческих детенышей.

У нее были светлые, мышино-серые волосы и огромные, ядовито-зеленые глаза. Ей было не больше десяти лет.

— Ты кто? — спросил Геральт. — Откуда ты тут взялась?

Она не ответила. «Где-то я ее уже видел, — подумал он. — Где-то я ее уже однажды видел. Ее или кого-то, страшно на нее похожего».

— Не бойся, — неуверенно сказал он.

— А я и не боюсь, — невнятно буркнула она. У нее явно был насморк.

— Сматываемся отсюда, — неожиданно проговорила Браэнн, оглядываясь. — Там, где есть один игерн, жди другого. А у меня осталось мало шипов.

Девочка взглянула на нее, раскрыла рот, отерла мордашку обратной стороной ладони, размазывая пыль.

— Кто ты, черт побери? — наклонившись, повторил Геральт. — Что ты делаешь в Бро... В этом лесу? Как сюда попала?

Девочка опустила голову и шмыгнула носом.

— Оглохла? Я спрашиваю, кто ты? Как тебя зовут?

— Цири, — хлюпнула она.

Геральт повернулся. Браэнн, рассматривая лук, глядела на него.

— Слушай, Браэнн...

— Чего?

— Неужели возможно... неужели возможно... чтобы она... удрала от вас из Дуэн Канэлли?

— Чего?

— Не прикидывайся идиоткой, — вспыхнул он. — Я знаю, что вы похищаете девочек. А ты сама, что, в Брокилон с неба свалилась? Я спрашиваю, возможно ли это...

— Нет, — отрезала дриада. — Я ее никогда в глаза не видела.

Геральт внимательно рассмотрел девочку. Ее пепельно-серые волосы были растрепаны, полны иголок и листиков, но пахли чистотой, не дымом, не хлебом или жиром. Руки, хоть невероятно грязные, были маленькие и нежные, без шрамов и синяков. Мальчишеская одежда, курточка с красным капюшоном ни о чем не говорили, но высокие сапожки были изготовлены из мягкой дорогой телячьей кожи. Нет, это наверняка не деревенский ребенок. «Фрейксенет, — вдруг подумал Геральт. — Ее искал Фрейксенет. За ней пошел в Брокилон».

— Откуда ты, спрашиваю, малявка?

— Как ты разговариваешь со мной! — Девчушка гордо подняла голову и топнула ножкой. Мягкий мох свел на нет эффект этого движения.

— Ха, — сказал ведьмак и усмехнулся. — И верно, княжна. Во всяком

случае, судя по разговору, потому что вид у тебя никудышный. Ты из Вердэна, верно? Знаешь, что тебя ищут? Не волнуйся, я отведу тебя домой. Слушай, Браэнн...

Стоило ему отвернуться, как девчонка моментально развернулась и кинулась бегом через лес по пологому склону холма.

— Bloede turd! — воскликнула дриада, потянувшись к колчану. — Саемм 'ere!

Девочка, спотыкаясь, мчалась напрямую сквозь лес, хрустя сухими ветками.

— Стой! — крикнул Геральт. — Куда ты, зараза!

Браэнн мгновенно натянула лук. Стрела ядовито засвистела, летя по плоской параболе, наконечник со звоном врезался в ствол, чуть не задев волосы беглянки. Малышка сгорбилась и припала к земле.

— Ты, чертова идиотка! — крикнул ведьмак, приближаясь к дриаде.

Браэнн ловко вытянула из колчана вторую стрелу.

— Ты же могла ее убить!

— Это Брокилон! — гордо проговорила она.

— А это ребенок!

— Ну и что?

Он взглянул на стрелу. На ней были полосатые перья из маховых крыльев фазанихи, покрашенные желтым в отваре коры. Он не произнес ни слова. Повернулся и быстро пошел в лес.

Девочка лежала под деревом, съежившись, осторожно приподняв голову и глядя на стрелу, торчащую в стволе. Услышав его шаги, она вскочила, но он, прыгнув, поймал ее и схватил за красный капюшон курточки. Она повернула голову и взглянула на него, потом на руку, державшую капюшон. Он отпустил ее.

— Почему ты убежала?

— А тебе-то что? — хлюпнула она носом. — Оставь меня, ты... ты...

— Глупая девчонка, — зло зашипел он. — Это Брокилон. Тебе мало сороконожки? Одна ты в здешнем лесу не дотянешь и до утра. Ты еще не поняла?

— Не прикасайся ко мне! — взвизгнула она. — Ты, холоп, ты... Я — княжна, не думай! Понял?

— Ты глупая малявка.

— Я княжна!

— Княжны одни по лесу не гуляют. У княжон бывают чистые носы.

— Я велю отрубить тебе голову! И ей тоже! — Девочка вытерла нос ладонью и враждебно взглянула на подходившую дриаду. Браэнн

рассмеялась.

— Ну хорошо, хватит вопить, — прервал ведьмак. — Почему ты убежала, княжна? И куда? И чего боишься?

Она молчала, потягивая носом.

— Ну ладно, твое дело, — он подмигнул дриаде. — Мы пошли. Хочешь остаться в лесу одна — твоя воля. Но в другой раз, когда на тебя нападет игерн, не ори. Княжнам это не подходит. Княжны умирают, даже не пикнув, предварительно, конечно, вытерев нос дочиста. Пошли, Браэнн. Прощай, ваше высочество.

— По... погоди...

— Ну?

— Я пойду с вами.

— Ты окажешь нам великую честь. Верно, Браэнн?

— Но ведь ты не отведешь меня обратно к Кистрину. Клянешься?

— Кто такой... — начал он. — А, черт! Кистрин? Князь Кистрин? Сын короля Эрвилла из Вердэна?

Девочка надула маленькие губки, шмыгнула носом и отвернулась.

— Хватит играть, — угрюмо бросила Браэнн. — Идем.

— Сейчас, сейчас, — выпрямился ведьмак и глянул на дриаду сверху. — Планы немного меняются, прекрасная моя лучница.

— Чего? — подняла брови Браэнн.

— Госпожа Эитнэ подождет. Надо отвести девчонку домой. В Вердэн.

Дриада прищурилась и потянулась к колчану.

— Никуда вы не пойдете. Ни ты, ни она.

— Осторожней, Браэнн, — скверно усмехнувшись, сказал ведьмак. — Я не мальчик, которому ты вчера из засады всадила стрелу в глаз. Я умею защищаться.

— Bloede arss! — прошипела она, поднимая лук. — Ты идешь в Duen Canell, она тоже! Не в Вердэн!

— Нет! Не в Вердэн! — Пепельноволосая девочка прильнула к дриаде, прижалась к ее худенькому бедру. — Я с тобой! А он пусть идет в Вердэн один, к глупому Кистрину, если ему так хочется!

Браэнн даже не взглянула на нее. Она не сводила глаз с Геральта, но лук опустила.

— 'Ss turd! — сплюнула она ему под ноги. — Да! А, иди куда глаза глядят! Посмотрим, сумеешь ли. Сдохнешь, прежде чем выберешься из Брокилона.

«Она права, — подумал Геральт. — Шансов никаких. Без нее и из Брокилона не выйду, и до Дуэн Канэлли не дойду. Что делать, посмотрим,

может, удастся убедить Эитнэ».

— Ну Браэнн, — проговорил он примирительно и улыбнулся. — Не злись, красавица. Хорошо, пусть будет по-твоему. Пошли вместе в Дуэн Канэлль. К госпоже Эитнэ.

Дриада буркнула что-то себе под нос и сняла стрелу с тетивы.

— Тогда пошли, — сказала она, поправляя повязку на волосах. — Много времени потеряли.

— О-о-о, — простонала девочка, сделав шаг.

— В чем дело?

— Что-то... с ногой.

— погоди, Браэнн! Иди, малышня, возьму на плечи.

Она была тепленькая и пахла мокрым воробушком.

— Как тебя зовут-то, княжна? Запомятовал.

— Цири.

— А где твои владения, позволь спросить?

— Не скажу, — буркнула она. — Не скажу, и все тут.

— Ну что ж, переживу. Не вертись и не чихай мне в ухо. Что ты делаешь в Брокилоне? Потерялась? Заблудилась?

— Как же! Я никогда не блужу... блудю...

— Не вертись. Сбежала от Кистрина? Из замка Настрог? До или после обручения?

— Откуда ты знаешь? — Она снова чихнула.

— Я, понимаешь ли, невероятно умный. Почему убежала именно в Брокилон? Что, не было направлений побезопасней?

— Глупый конь понес.

— Лжешь, княжна. При твоей-то фигуре ты могла забраться самое большее на кота. К тому же ласкового.

— Ехал Марк. Оруженосец рыцаря Воймира. А в лесу конь упал и сломал ногу. И мы потерялись.

— Ты же сказала, что с тобой такого не случается.

— Так ведь заблудился же он, а не я. Был туман. И мы потерялись.

«Потерялись, — подумал Геральт. — Бедный оруженосец рыцаря Воймира, которому выпало счастье наткнуться на Браэнн и ее спутниц. Сопляк, вероятно, не знающий женщин, помогает сбежать зеленоглазой соплячке, потому что наслушался рыцарских рассказов о девицах, принуждаемых к замужеству. Помогает бежать для того, чтобы пасть от крашеной стрелы дриады, вероятно, не знавшей мужчин. Но уже умеющей убивать».

— Я спросил, ты сбежала из замка Настрог до или после обручения?

— Сбежала, и все тут, тебе-то какое дело, — проворчала Цири. — Бабушка сказала, что я должна туда поехать и познакомиться с этим Кистрином. Только познакомиться. А его отец, этот брюхатый король...

— Эрвилл...

— ...сразу: обручаться — и точка. А я его не хочу. Этого Кистрина. Бабушка сказала...

— Так тебе противен князь Кистрин?

— Я не хочу его, — гордо сообщила Цири, музыкально потянув носом. — Он толстый, глупый и у него скверно пахнет изо рта. Прежде чем я туда поехала, мне показали портретик. А на портретики он толстым не был. Не хочу я такого мужа. И вообще — не хочу я никакого мужа.

— Цири, — неуверенно проговорил ведьмак, — Кистрин еще ребенок, как и ты. Через несколько лет из него может получиться вполне приятный юноша.

— Ну так пусть мне пришлют другой портретик через несколько лет, — фыркнула она. — И ему тоже. Потому как он сказал мне, что на портрете, который ему показали, я была гораздо красивее. И признался, что любит Альвину, фрейлину двора, и хочет быть ее рыцарем. Видишь? Он меня не хочет, и я его не хочу. Так зачем же обручаться?

— Цири, — проворчал ведьмак. — Он — князь, ты — княжна. Князя и княжны женятся именно так, а не иначе. Таков обычай.

— Ты говоришь, как все они. Думаешь, если я маленькая, то мне можно наврать?

— Я не вру.

— Врешь.

Геральт замолчал. Браэнн, шедшая впереди, оглянувшись, удивленная, вероятно, тишиной. Пожав плечами, пошла дальше.

— Куда мы идем? — угрюмо спросила Цири. — Я желаю знать!

Геральт молчал.

— Отвечай, когда тебя спрашивают! — проговорила она грозно, подтвердив приказ громким хлопаньем забитого вконец носа. — Ты знаешь, кто... кто на тебе сидит?

Он не отреагировал.

— Отвечай, не то укушу за ухо! — крикнула она.

Ведьмаку это надоело. Он стащил девчонку с закорков и поставил на землю.

— Слушай, ты, сопливка, — сказал он резко, расстегивая пряжку ремня. — Сейчас я положу тебя на колено, стяну трусики и всыплю по попке ремнем. Никто меня не удержит, потому что здесь не королевский

двор, а я тебе не придворный и не слуга. Сразу пожалеешь, что не осталась в Настроге. Поймешь, что лучше быть княжной, нежели потерявшейся в лесу соплячкой. Потому что княжна — ты права — может вести себя несносно. И даже тогда княжну никто не посмеет отстегать по попке ремнем, разве что князь. Лично.

Цири скорчилась и несколько раз шмыгнула носом. Браэнн, опершись о дерево, равнодушно глядела на них.

— Ну как? — спросил ведьмак, накручивая ремень на руку. — Будешь вести себя прилично и достойно? Если нет, приступаем к порке ее королевского высочества. Ну? Да или нет?

Девочка захлюпала и зашмыгала носом, потом поспешно кивнула несколько раз.

— Будешь себя вести прилично, княжна?

— Буду, — буркнула она.

— Скоро стемнеет, — проговорила дриада. — Пошли, Гвинблейдд.

Лес поредел. Они шли через песчанистые молодняки, через вересковые заросли, через затянутые мглой луга, на которых паслись стада оленей. Становилось все холодней.

— Благородный господин... — проговорила Цири после очень долгого молчания.

— Меня зовут Геральт. В чем дело?

— Я ужасненько хочу есть.

— Сейчас остановимся. Скоро стемнеет.

— Я не выдержу, — захныкала она. — Я не ела с...

— Не канючь. — Он полез в мешок, вытащил кусок солонины, небольшой кружок сыра и два яблока. — Получай.

— Что это такое, то, желтое?

— Солонина.

— Я это есть не стану, — буркнула она.

— Ну и прекрасно, — сказал он невнятно, засовывая солонину в рот. — Съешь сыр. И яблоко. Одно.

— Почему одно?

— Не крутись. Съешь оба.

— Геральт?

— Э?

— Благодарю.

— Не за что. Ешь на здоровье.

— Я не... Я не за это. За это тоже, но... Ты спас меня от той тысяченожки... Бррр... Я чуть было не умерла со страху...

— Чуть не умерла, — серьезно подтвердил он и при этом подумал: «Чуть не умерла исключительно болезненным и мерзостным образом». — А благодарить ты должна Браэнн.

— Кто она?

— Дриада.

— Духобаба?

— Да.

— Так она нас... Они похищают детей?! Она нас похитила? Э-э-э, ты же не ребенок. А почему она так странно разговаривает?

— Говорит как говорит. Разве это важно? Важно, как она стреляет. Не забудь ее поблагодарить, когда остановимся.

— Не забуду, — она засопела.

— Не вертись, княжна, будущая княгиня Вердэна.

— Не буду я, — буркнула она, — никакой княгиней.

— Хорошо, хорошо. Не будешь княгиней. Станешь хомячком и будешь жить в норке.

— Неправда! Ничего ты не знаешь!

— Не пищи мне в ухо. И не забывай о ремне!

— Я не буду княгиней. Я буду...

— Ну? Кем?

— Секрет.

— Ах вот оно что. Секрет. Прелестно. — Он поднял голову. — Что случилось, Браэнн?

Дриада остановилась, пожала плечами, поглядела на небо.

— Я устала, — сказала она мягко. — И ты, наверно, устал тащить ее, Гвинблейдд. Тут остановимся. Сейчас стемнеет.

3

— Цири?

— У? — Она потянула носом, шелестя веточками, на которых лежала.

— Не холодно?

— Нет, — вздохнула она. — Сегодня тепло. Вот вчера... Вчера я ужасненько замерзла, ой-ёй.

— Чудно, — заметила Браэнн, расслабляя ремешки длинных мягких сапожков. — Такая малышка, а так далеко в лес зашла. И мимо дозорных прошла, и через мочагу прошла, и через чащобу. Крепкая, здоровая и храбрая. Она взаправду годится... Годится нам.

Геральт быстро взглянул на дриаду, на ее блестящие в полумраке глаза. Браэнн оперлась спиной о дерево, сняла повязку, рассыпала волосы движением головы.

— Она вошла в Брокилон, — проговорила тихо, упреждая комментарии Геральта. — Она наша, Гвинблейдд. Мы идем в Duen Canell.

— Госпожа Эитнэ решит, — кисло улыбнулся ведьмак, понимая в то же время, что Браэнн права.

«Обидно, — подумал он, глядя на вертящуюся на зеленой постели девочку. — Такая бойкая малышка. Где я ее уже видел? Неважно. Но обидно. Мир так велик и так прекрасен. А ее миром будет всего лишь Брокилон, до конца дней ее. Быть может, немногих дней. Может, только до того дня, когда она упадет в папоротники под свист стрел и крики, погибнет в бессмысленной бойне за лес на стороне тех, кому суждено проиграть. Суждено. Рано или поздно».

— Цири?

— А?

— Где живут твои родители?

— У меня нет родителей, — потянула она носом. — Они утонули в море, когда я была маленькой.

«Так, — подумал он, — это многое объясняет. Княжна, дитя покойной княжеской пары. Кто знает, не третья ли дочь после четырех сыновей. Титул, практически значащий меньше, чем титул камергера или конюшего. Болтающееся при дворе пепельноволосое и зеленоглазое нечто, которое надобно как можно скорее пристроить, выдать замуж. Как можно скорее, пока она не успела созреть и превратиться в маленькую женщину, грозящую скандалом, мезальянсом или инцестом, что вовсе не так уж и сложно в общей дворцовой спальне».

Ее бегство не удивляло ведьмака. Он уже не раз сталкивался с княжнами и даже королевами, таскавшимися с трупами бродячих актеров и радовавшихся, что им удалось сбежать от дряхлых, но все еще жаждущих потомка королей. Он видывал принцев, предпочитавших неверную судьбу наемника подысканной отцом хромой или рябой принцессе, застарелое или сомнительное девичество которой должно было стать ценой союза и династического родства.

Он прилег рядом с девочкой, укрыл ее курткой.

— Спи. Спи, сиротинушка.

— Как же! — проворчала она. — Я княжна, а никакая не эта... сиротинушка. И у меня есть бабушка. Моя бабушка — королева, не думай. Вот скажу, что ты хотел меня вздуть ремнем, так моя бабушка велит тебе

голову отрубить. Вот увидишь тогда.

— Ужасно! Цири, смилостивься!

— Как же, жди!

— Но ведь ты добрая девочка. Когда голову отрубают, это ужасно больно. Ну обещай, что ничего не скажешь.

— Скажу!

— Цири!

— Скажу, скажу, скажу! Испугался, да?

— Страшно. Знаешь, Цири, когда человеку отрубают голову, от этого можно умереть.

— Смеешься?

— Как я смею!

— Сразу перестанешь смеяться! С моей бабушкой шутки плохи, как топнет ногой, так самые храбрые воины и рыцари падают перед ней на колени, я сама видела. А если кто непослушный, то ррраз — и головы нет.

— Страшно. Цири?

— А?

— Пожалуй, тебе голову... отрубят.

— Мне?

— Угу. Ведь твоя бабушка-королева договорилась о твоём замужестве с Кистрином и послала тебя в Вердэн в Настрог. Ты была непослушной. Как только вернешься... Ррраз! И нет головы.

Девочка замолчала, перестала даже крутиться. Он слышал, как она чмокает, грызя верхнюю губу зубками, как хлюпает носом.

— Неправда, — сказала она наконец. — Бабушка не позволит отрубить мне голову, потому что... Потому что это моя бабушка, разве нет? Ну самое большее получу по...

— Так, — засмеялся Геральт. — С бабушкой шутки плохи? Ты уже познакомилась с розгами?

Цири гневно фыркнула.

— Знаешь что? — предложил он. — Мы, пожалуй, скажем бабушке, что я тебя уже вздул, а дважды за одно и то же наказывать нельзя. Договорились?

— Думаешь, больно умный? — Цири приподнялась на локте, шелестя ветками. — Если бабушка узнает, что ты меня побил, тут уж голову тебе наверняка отрубят!

— Стало быть, тебе все-таки жалко моей головы?

Девочка замолчала, снова потянула носом.

— Геральт?

— Что, Цири?

— Бабушка знает, что я должна вернуться. Я не могу быть никакой княгиней или женой этого глупого Кистрина. Я должна вернуться, и все тут.

«Должна, — подумал он. — Увы, это не зависит ни от тебя, ни от твоей бабки. А только от настроения старой Эитнэ. И от моих способностей убеждать».

— Бабушка это знает, — продолжала Цири. — Потому что я... Геральт, поклянись, что никому не скажешь. Это страшная тайна. Ужасненькая, говорю тебе. Поклянись.

— Клянусь.

— Тогда скажу. Моя мама была волшебница, не думай. И мой папа тоже был заколдован. Все это рассказала мне одна няня, а когда бабушка узнала, то был страшный скандал. Потому что я, понимаешь, предназначена.

— Чему?

— Не знаю, — возбужденно проговорила Цири. — Но я предназначена. Так говорила няня. А бабушка сказала, что не позволит, что скорее весь этот хоррел... хоррерный замок рухнет. Понял? А няня сказала, что против Предназначения ничего, ну прям совсем ничегошеньки не поможет. Ха! А потом няня плакала, а бабушка кричала. Видишь? Я предназначена. И не буду я женой глупого Кистрина. Геральт?

— Спи. — Он зевнул так, что хрустнула челюсть. — Спи, Цири.

— Расскажи мне сказку.

— Что-о?

— Сказку мне расскажи, — фыркнула она. — Как же я усну без сказки? Давай, давай!

— Не знаю я, черт побери, никаких сказок. Спи.

— Не лги. Знаешь. Когда был маленький, то что, тебе никто сказок не рассказывал? Ты чего смеешься?

— Ничего. Так, вспомнил кое-что.

— Ага! Вот видишь! Ну так расскажи.

— Что?

— Сказку.

Он снова засмеялся, подложил руки под голову, глядя на звезды, помигивающие из-за ветвей над их головами.

— Жил-был... кот, — начал он. — Такой обычный, полосатый мышелов. И однажды этот кот пошел один-одинешенек на дальнюю прогулку в страшный темный лес. Ну шел он, шел... шел... шел...

— Ты не думай, — проворчала Цири, прижимаясь к нему, — что я усну, прежде чем он дойдет.

— Тихо, малышня. Да... Шел он, значит, шел и встретил лису. Рыжую лису.

Браэнн вздохнула и легла рядом с ведьмаком, по другую сторону, тоже легонько прижавшись к нему.

— Ну, — Цири потянула носом. — Рассказывай же, что было дальше.

— Посмотрела лиса на кота. Кто ты? — спрашивает. Кот отвечает: кот. Ха-ха, сказала лиса, и не боишься ты, кот, один-то по лесу бродить? А если вдруг король отправится на охоту, то как? С собаками, с загонщиками на конях? Говорю тебе, кот, говорит лиса, охота — это страшная беда для таких, как ты и я. У тебя шубка, у меня шубка, ловчие никогда не пропускают таких, как мы, потому что у ловчих есть невесты и любовницы, а у тех лапки мерзнут и шеи, вот и делают из нас воротники и муфты этим девчонкам.

— Что такое муфты? — спросила Цири.

— Не прерывай! И добавила лиса: я, кот, знаю, как их перехитрить, у меня против таких охотников тысяча двести восемьдесят шесть способов, такая я хитрая. А у тебя, кот, сколько способов против ловчих?

— Ах какая прекрасная сказка, — сказала Цири, прижимаясь к ведьмаку еще крепче. — Ну рассказывай же, что ей кот-то?

— Ага, — шепнула с другой стороны Браэнн. — Кот-то чего?

Ведьмак повернул голову. Глаза дриады блестели, рот был полуоткрыт, и язычком она облизывала губы. «Ясно, — подумал он. — Маленькие дриады тоскуют по сказкам. Как и маленькие ведьмаки. Потому что и тем и другим редко кто рассказывает сказки на сон грядущий. Маленькие дриады засыпают, вслушиваясь в шум деревьев. Маленькие ведьмаки засыпают, вслушиваясь в боль мышц. У нас тоже горели глаза, как у Браэнн, когда мы слушали сказки Весемира там, в Каэр Морхене... Но это было давно... Так давно...»

— Ну, — не выдержала Цири. — Что дальше?

— А кот в ответ: у меня нет никаких способов. Я умею только одно — шмыг на дерево. Этого достаточно, как ты думаешь? Ну лиса в смех. Эх, говорит, ну и глупец же ты. Задирай свой полосатый хвост и удирай быстрее, погибнешь здесь, если тебя ловцы окружают. И вдруг тут ни с того ни с сего как затрубят рога! Да как выскочат из кустов охотники! Увидели кота с лисой — и на них!

— Ой-ёй, — хлюпнула носом Цири, а дриада резко пошевелилась.

— Тише. И ну кричать да верещать, давайте, орут, сдерем с них

шкуры! На муфты их, на муфты! И начали травить собаками лису и кота. А кот шмыг на дерево, по-кошачьи. На самую макушку. А собаки лису цап! Не успела рыжая воспользоваться ни одним из своих хитрых способов, как, глянь, уже превратилась в воротник. А кот с макушки дерева намяукал и нафыркал на этих охотников, и они ничего не могли ему сделать, потому что дерево было высокое, ну прямо до неба. Постояли они внизу, постояли, побранились да и ушли ни с чем. И тогда кот слез с дерева и спокойно вернулся домой.

— И что дальше?

— А ничего. Тут и сказке конец.

— А мораль? — спросила Цири. — У сказок всегда бывает мораль, разве нет?

— Чего? — отозвалась Браэнн, сильнее прижимаясь к Геральту. — Что такое мораль?

— У хорошей сказки всегда бывает мораль, а у плохой нет морали, — проговорила Цири убежденно и при этом в который раз хлопнула носом.

— Это была хорошая, — зевнула дриада. — Значит, у нее есть то, что должно быть. Надобно было, кроха, перед игерном на дерево лезть, как тот умный котяра. Не размышлять, а сразу — пшшш — на дерево. Вот тебе и вся мораль. Выжить! Не даться!

Геральт тихо засмеялся.

— В дворцовом парке деревьев не было, Цири? В Настроге? Вместо Брокилона могла бы влезть на дерево и сидеть там, на самой макушке, пока у Кистрина не прошла бы охота жениться.

— Смеешься?

— Ага.

— Тогда знаешь что? Не люблю тебя.

— Это ужасно, Цири. Ты поразила меня в самое сердце.

— Знаю, — поддакнула она серьезно, потянув носом, а потом крепко прижалась к нему.

— Спи спокойно, Цири, — проворчал он, вдыхая ее милый воробьиный аромат. — Спи спокойно, девочка. Спокойной ночи, Браэнн.

— Dearme, Gwynbleidd.

Брокилон шумел над их головами миллиардами ветвей и сотнями миллиардов листьев.

На следующий день они добрались до Деревьев. Браэнн опустилась на колени, наклонила голову. Геральт почувствовал, что должен сделать то же. Цири удивленно вздохнула.

Деревья — в основном дубы, тисы и гикори — были по несколько сажен в обхвате. Определить их высоту было невозможно, так далеко в небо уходили их кроны. Даже те места, где могучие, искривленные корни переходили в ровный ствол, возвышались далеко над их головами. Здесь можно было идти быстрее — гиганты росли редко, а в их тени не выдерживало ни одно растение, почву покрывал лишь ковер из преющих листьев.

Можно было идти быстрее, но они шли медленно. Тихо. Склонив головы. Здесь, меж Деревьев, они были маленькими, ничего не значащими, несущественными. Даже Цири молчала — за полчаса не произнесла ни слова.

Через час они миновали полосу Деревьев и снова погрузились в долины, во влажные буковины.

Насморк докучал Цири все больше, у Геральта не было носового платка; но ему надоело ее бесконечное хлюпанье, и он научил ее сморкаться при помощи пальцев. Девочке это страшно понравилось. Глядя на ее улыбку и блестящие глаза, ведьмак был уверен, что ее радует мысль о том, как вскоре она сможет похвастаться новым фокусом во время торжественного пира при дворе или аудиенции заморского посла.

Браэнн вдруг остановилась, повернулась.

— Gwynbleidd, — сказала она, снимая зеленый платок, обмотанный вокруг локтя. — Иди сюда. Я завяжу тебе глаза. Так надо.

— Знаю.

— Я тебя поведу. За руку.

— Нет, — запротестовала Цири. — Я поведу. Браэнн?

— Хорошо, малышка.

— Геральт?

— Да?

— Что значит Гвин... блейдд?

— Белый Волк. Так меня называют дриады.

— Осторожней, корень. Не споткнись! Тебя так называют, потому что у тебя белые волосы?

— Да... А, черт!

— Я же сказала, корень.

Они шли. Медленно. Под ногами было скользко от опавших листьев. Он почувствовал на лице тепло, свет солнца пробился сквозь

прикрывающий глаза платок.

— Ох, Геральт, — услышал он голос Цири. — Как здесь красиво... Жаль, ты не можешь видеть. Сколько цветов. И птиц. Слышишь, как поют? Ох, сколько их здесь! Множество. О, и белочки. Осторожнее, сейчас будем переходить речку по каменному мостику. Не упади в воду. Ох, сколько тут рыбок! Полным-полно. Знаешь, они плавают в воде! А сколько зверушек, ой-ёй! Наверно, нигде столько нет...

— Нигде, — проворчал он. — Здесь — Брокилон.

— Что?

— Брокилон. Последнее Пристанище.

— Не понимаю...

— Никто не понимает. Никто не хочет понять.

5

— Сними платок, Gwynbleidd. Теперь можно. Мы на месте.

Браэнн стояла по колено в густом покрове тумана.

— Duen Canell, — показала она рукой.

Дуэн Канэлль. Место Дуба. Сердце Брокилона.

Геральт уже дважды бывал здесь. Но никому не рассказывал. Никто бы не поверил.

Котловина, замкнутая кронами огромных зеленых деревьев. Купающаяся в тумане и испарениях, истекающих из земли, от скал, из горячих источников. Котловина...

Медальон на шее слегка дрогнул.

Котловина, купающаяся в тумане. Duen Canell. Сердце Брокилона.

Браэнн подняла голову, поправила колчан на спине.

— Пойдем. Дай ручку, кроха.

Вначале котловина казалась вымершей, покинутой. Но вскоре раздался громкий модулированный свист, и по едва заметным ступеням из трутовиков, спирально охватывающих ближайший ствол, ловко спустилась стройная темноволосая дриада, одетая, как все, в пятнистую маскирующую одежду.

— Cead, Braenn.

— Cead, Sirussa. Va'n vort meath Eithne a?

— Neen, aefder, — ответила темноволосая, рассматривая ведьмака глазами с поволокой. — Ess'aen Sidh?

Она улыбнулась, блеснув белыми зубками. Она была необычайно

красива. Даже по человеческим меркам. Геральт почувствовал себя неуверенно и глуповато, сознавая, что дриада без стеснения оценивает его.

— Neen, — покачала головой Браэнн. — Ess' vatt'ghern, Gwynbleidd, a vaen meath Eithne va, a'ss.

— Gwynbleidd, — красивая дриада скривила губы. — Bloede caerme! Aen'ne caen n'weddd vort! T'ess foile!

Браэнн захохотала.

— В чем дело? — спросил ведьмак, начиная злиться.

— Ничего, — снова хохотнула Браэнн. — Ничего. Пошли.

— Ох! — воскликнула Цири. — Взгляни, Геральт, какие смешные домики!

В глубине котловины начиналась настоящая Duen Canell — «смешные домики», формой напоминающие огромные шары омелы, на различной высоте облепляли стволы и ветви деревьев — как над самой землей, так и высоко и даже очень высоко — под самыми кронами. Геральт заметил также несколько более крупных наземных сооружений, шалашей из переплетенных, все еще покрытых листьями ветвей. Он видел движение внутри помещений, но наружу дриады почти не показывались. Их было значительно меньше, чем во время его первого посещения.

— Геральт! — шепнула Цири. — Эти домики живут. У них есть листочки!

— Они из живого дерева, — кивнул ведьмак. — Именно так живут дриады, так строят свои дома. Ни одна дриада никогда не причинит боли дереву топором или пилой. Они любят деревья. Но умеют делать так, что ветки растут, образуя домики.

— Чудесно! Я хотела бы иметь такой домик в нашем парке.

Браэнн задержалась около одного из шалашей покрупнее.

— Войди, Гвинблейдд. Здесь подождешь госпожу Эитнэ. Va faill, кроха.

— Что?

— Она попрощалась. Сказала: до свидания.

— Ах, до свидания, Браэнн.

Они вошли. Внутри дома все перемигивалось, как в калейдоскопе, от солнечных пятен, протиснувшихся сквозь крышу.

— Геральт!

— Фрейксенет!

— Жив, чтоб мне провалиться! — Раненый сверкнул зубами, приподнимаясь на постели из лапника. И тут увидел вцепившуюся в бедро ведьмака Цири, и глаза у него расширились, а румянец покрыл все лицо.

— Ах ты, маленькая чертовка! — крикнул он. — Я из-за тебя чуть с жизнью не распростился. Ну твое счастье, что я не могу встать. Уж я бы тебе отделал шкурку!

Цири надула губки.

— Это второй, — сказала она, смешно наморщив нос, — который хочет меня побить. Я девочка, а девочек бить нельзя!

— Уж я б тебе показал... что можно, а чего нельзя, — раскашлялся Фрейксенет. — Чтоб тебя! Эрвилл там с ума сходит... Королевские грамоты рассылает, весь трясется при мысли, что твоя бабка обрушит на него свою армию. Кто ему поверит, что ты сама смылась? Все знают, что такое Эрвилл и что он любит. Все думают, что он с тобой... что он тебе спьяну что-то сделал, а потом велел утопить в пруду! Вот-вот начнется война с Нильфгаардом, а трактат о дружбе и союзе с твоей бабушкой летит из-за тебя к чертовой матери! Видишь, что ты натворила?

— Не раздражайся, — предостерег ведьмак. — Начнется кровотечение. Как ты оказался тут так быстро?

— Знать не знаю, большую часть времени я был... бездыханным. Они вливали мне что-то отвратное в глотку. Силой. Зажмут нос и... Стыдобища, мать их...

— Ты и выжил только благодаря тому, что они вливали тебе в глотку. Тебя сюда несли?

— Тащили на волокушах. Я спрашивал о тебе — молчат. Я был уверен, что ты схлопотал стрелу. Ты так неожиданно тогда исчез... А ты вон цел и невредим, даже не в путах, и к тому ж, надо же, спас княжну Цириллу... Провалиться мне на этом месте, ты всюду успеваешь, Геральт, всегда падаешь на четыре лапы, как кот.

Ведьмак улыбнулся, но не ответил. Фрейксенет тяжело раскашлялся, отвернулся, сплюнул розовую слюну.

— Да. И то, что меня не прикончили, тоже, уверен, твоя работа. Они знают тебя, чертовы духобабы. Ты второй раз вытягиваешь меня из могилы.

— Прекрати, барон.

Фрейксенет застонал, попытался сесть, но из этого ничего не вышло.

— Накрылось мое баронство, — засопел он. — Бароном я был в Хамме. А теперь я что-то вроде воеводы у Эрвилла в Вердэне. То есть тоже был. Даже если я как-то выкарабкаюсь отсюда, в Вердэне мне уже места не будет, разве что на эшафоте. Именно от меня и охраны сбежала эта маленькая шельма, Цирилла. Думаешь, я что, по собственной охоте отправился сам-третей в Брокилон? Нет, Геральт, я тоже сбежал, на милость Эрвилла я рассчитывать мог, только если б вернул ее. Ну и

наткнулись мы на треклятых духобаб, или бабодух, хрен знает, как и называть... Если б не ты, точно подход бы я в той яме. Ты снова спас меня. Это Предназначение, ясно как солнце.

— Преувеличиваешь.

Фрейксенет покрутил головой и повторил:

— Предназначение. Должно быть, наверху записано, что мы снова встретимся, ведьмак, и снова именно ты спасешь мою шкуру. Я помню, об этом поговаривали в Хамме после того, как ты снял тогда с меня тамошний птичий наговор.

— Случайность, — холодно сказал Геральт. — Случайность, Фрейксенет.

— Какая там случайность. Черт, ведь если бы не ты, я до сих пор ходил бы, наверно, в бакланах...

— Ты был бакланом? — возбужденно крикнула Цири. — Настоящим бакланом? Птицей с клювом и перьями?

— Был, — осклабился барон. — Заколдовала меня одна... девка... Мать ее... Из мести.

— Наверно, ты не дал ей меха, — заметила Цири, сморщив нос. — На эту, ну... муфту.

— Была другая причина, — слегка покраснел Фрейксенет и грозно зыркнул на девочку. — А тебе-то какое дело, ты, малышня?

Цири состроила обиженную мину и отвернулась.

— Так, — откашлялся Фрейксенет. — На чем я... Ага, на том, как ты расколдовал меня в Хамме. Если бы не ты, Геральт, остался бы я бакланом до конца дней своих, летал бы вокруг озера и обрывал ветки, лстя себя надеждой, что меня спасет фуфайка из крапивного лыка, которую выткала моя сестренция с упорством, достойным лучшего применения. Черт, как вспомню ту фуфайку, так сразу охота кого-нибудь треснуть. Эта идиотка...

— Не надо так, — усмехнулся ведьмак. — У нее были самые лучшие намерения. Просто ее неверно проинформировали. Вот и все. О снятии заклятий кружит масса бессмысленных мифов. Тебе еще повезло, Фрей. Она могла велеть тебе нырнуть в кипящее молоко. Слышал я о таком случае. Одежда в виде фуфайки из крапивы не очень помогает, хотя, с другой стороны, и мало вредит здоровью.

— Ну, может, и правда. Может, я слишком много требую от нее. Элиза всегда была недалекой, с детства глупой и красивой, действительно, чудный материал на жену какого-нибудь короля.

— Что такое чудный материал? — спросила Цири. — И почему на жену?

— Не лезь, шпань, я же сказал. Да, Геральт, повезло мне, что ты тогда объявился в Хамме. И что зятюшка-король согласился потратить парочку-другую дукатов, которых ты потребовал за то, чтобы снять заклятие.

— Знаешь, Фрей, — сказал Геральт, еще шире улыбаясь, — весть об этом разошлась широко!

— Истинная версия?

— Не совсем. Во-первых, тебе добавили десяток братьев.

— Надо же! — Барон приподнялся на локте, раскашлялся. — Стало быть, с Элизой вместе нас было двенадцать душ? Ну и идиотизм! Моя мамуля не была крольчихой.

— Это не все. Решили, что баклан малоромантичен.

— Оно и верно. Ничего в нем нет романтического. — Барон поморщился, ощупывая грудь, обвязанную лыком и кусками бересты. — Так во что я был заколдован, если верить рассказням?

— В лебедя. То есть в лебедей. Потому как вас было одиннадцать штук, не забывай.

— А чем, черт побери, лебедь романтичнее баклана?

— Не знаю.

— Я тоже не знаю. Но могу поспорить, что в рассказе именно Элиза сняла с меня чары при помощи ее жуткого мешка из крапивы.

— Выиграл. А что с Элизой?

— У нее, бедняжки, чахотка. Долго не протянет.

— Печально.

— Печально, — равнодушно подтвердил Фрейксенет, глядя в сторону.

— Вернемся к чарам. — Геральт оперся спиной о стену из переплетенных, пружинящих ветвей. — Рецидивов не бывает? Перья не растут?

— Слава богам, нет, — вздохнул экс-барон. — Все в порядке. Единственное, что у меня осталось от тех времен, так это любовь к рыбе. Нет для меня, Геральт, лучшей жратвы, чем рыба. Иногда я на заре отправляюсь к рыбакам на пристань, и пока они отыщут для меня что-нибудь благородное, я хапну одну-две горстки уклеек, прямо из садка, парочку пескарей, ельца или голавля... Шик, не жратва.

— Он был бакланом, — медленно проговорила Цири, глядя на Геральта, — а ты его расколдовал. Ты умеешь колдовать?

— Ну ясно же, — сказал Фрейксенет, — умеет. Какой ведьмак не умеет?

— Ведь... Ведьмак?

— Ты не знала, что это ведьмак? Великий Геральт Рив? Хотя, верно,

откуда тебе, такой малышке, знать, кто такой ведьмак? Теперь не то что прежде. Теперь ведьмаков мало, почти и не осталось. Вероятно, ты никогда в жизни не видела ведьмаков?

Цири медленно покачала головой, не спуская с Геральта глаз.

— Ведьмак, девочка, это... — Фрейксенет осекся и побледнел, видя входящую в шалаш Браэнн. — Нет, нет, не хочу! Не дам ничего себе вливать в горло, никогда, никогда больше! Геральт. Скажи ей!

— Успокойся.

Браэнн не удостоила Фрейксенета даже мимолетным взглядом. Сразу подошла к Цири, сидевшей на корточках рядом с ведьмаком.

— Пошли, — сказала она. — Пошли, малышня.

— Куда? — скривилась Цири. — Не пойду. Я хочу с Геральтом.

— Иди, — через силу улыбнулся ведьмак. — Поиграешь с Браэнн и молодыми дриадами. Они покажут тебе Дуэн Канэлль...

— Она не завязывала мне глаза, — очень медленно проговорила Цири. — Когда мы сюда шли, она не завязала мне глаза. Тебе завязала. Чтобы ты не мог сюда больше попасть, когда уйдешь. Это значит...

Геральт взглянул на Браэнн. Дриада пожалала плечами, потом обняла и прижала к себе девочку.

— Это значит... — Голос Цири вдруг сломался. — Это значит, что я отсюда не уйду? Да?

— Никому не уйти от Предназначения.

Все повернули головы при звуке этого голоса. Тихого, но звучного, твердого, решительного. Голоса, требующего послушания, не признающего возражений. Браэнн поклонилась. Геральт опустился на одно колено.

— Госпожа Эитнэ...

Повелительница Брокилона была одета в просторное, легкое, светло-зеленое платье. Как большинство дриад, она была невысока и худощава, но гордо посаженная голова, лицо с серьезными, резкими чертами и решительный рот, казалось, делали ее выше и значительнее. Ее волосы и глаза были цвета расплавленного серебра.

Она вошла в шалаш в сопровождении двух молодых дриад, вооруженных луками. Молча кивнула Браэнн, и та тут же схватила Цири за руку и потянула к выходу, низко наклонив голову. Цири шагала напряженно и неловко, бледная, онемевшая. Когда она проходила мимо Эитнэ, серебряноволосая дриада быстрым движением взяла ее за подбородок, приподняла, долго глядела девочке в глаза. Геральт видел, что Цири дрожит.

— Иди, — наконец сказала Эитнэ. — Иди, дитя. Не бойся. Ты уже не

можешь изменить своего Предназначения. Ты — в Брокилоне.

Цири послушно поплелась за Браэнн. На выходе повернулась. Ведьмак увидел, что у нее дрожат губы, а в зеленых глазах блестят слезы. Но не сказал ни слова. Продолжал стоять на колене, склонив голову.

— Встань, Гвинблейдд. Приветствую тебя.

— Приветствую тебя, Эитнэ, Повелительница Брокилона.

— Я снова имею удовольствие принимать тебя в моем Лесу. Хоть и являешься ты сюда без моего согласия и ведома. Входить в Брокилон без моего согласия рискованно, Белый Волк. Даже для тебя.

— Я прибыл в качестве посла.

— Ах... — слабо улыбнулась дриада. — Так вот откуда твоя смелость, которую я не хотела бы называть другим, не столь приятным словом. Геральт, неприкосновенность послов — обычай, принятый у людей. Я его не признаю. Я не признаю ничего человеческого. Все человеческое мне чуждо. Здесь — Брокилон.

— Эитнэ...

— Молчи, — прервала она, не повышая голоса. — Я приказала тебя отпустить. Ты выйдешь из Брокилона живым. Не потому, что ты посол. По другим причинам.

— Тебя не интересует, чей я посол? Откуда пришел, от чьего имени?

— Откровенно говоря, нет. Здесь Брокилон. Ты пришел извне, из мира, до которого мне нет дела. Чего ради мне терять время на выслушивание послов? Что мне любые предложения, любые ультиматумы, придуманные теми, кто мыслит и чувствует иначе, чем я? Какое мне дело, что думает король Вензлав?

Геральт удивленно покачал головой.

— Откуда ты знаешь, что я пришел от Вензлава?

— Это же ясно, — усмехнулась дриада. — Эккехард слишком глуп. Эрвилл и Вираксас чересчур сильно меня ненавидят. Владения других с Брокилоном не соприкасаются.

— Ты многое знаешь о том, что происходит вне Брокилона, Эитнэ.

— Я знаю очень много, Белый Волк. Это привилегия моего возраста. Теперь же, если позволишь, я хотела бы завершить одно дело. Тот мужчина с внешностью медведя, — дриада перестала улыбаться и взглянула на Фрейксенета, — твой друг?

— Мы знакомы. Когда-то я его расколдовал.

— Проблема в том, — холодно сказала Эитнэ, — что я не знаю, как с ним быть. Не могу же я сейчас приказать его добить. Я позволила бы ему выздороветь, но он создает опасность. На фанатика он не похож. Значит,

охотник за скальпами. Я знаю, Эрвилл платит за каждый скальп дриады. Не помню сколько. Впрочем, цена возрастает пропорционально падению ценности денег.

— Ошибаешься. Он — не ловец скальпов.

— Зачем же полез в Брокилон?

— Искать девочку, которую поручили его присмотру. Он рисковал жизнью, чтобы отыскать ее.

— Очень глупо, — холодно бросила Эитнэ. — Это даже трудно назвать риском. Он шел на верную смерть и жив только благодаря лошадиному здоровью и выносливости. Что же до ребенка, то она уцелела случайно. Мои девочки не стреляли, так как думали, что это пак или лепрекаун.

Она снова взглянула на Фрейксенета, и Геральту показалось, что ее губы как бы помягчели.

— Ну хорошо. Отметим как-нибудь этот день.

Она подошла к подстилке из лапника. Сопровождавшие ее дриады приблизились тоже. Фрейксенет побледнел и съежился, хоть и не стал от этого меньше.

Эитнэ долго смотрела на него, слегка щуря глаза.

— У тебя дети есть? — спросила наконец. — Я с тобой говорю, дубина.

— А?

— Кажется, я выражаюсь ясно.

— Я не... — Фрейксенет отхаркнулся, закашлял. — Я не женат.

— Меня не интересует твоя семейная жизнь. Я хочу знать, в состоянии ли ты что-либо выскрести из своих ожиревших чресел. О Великое Древо! Ты хоть одну женщину сделал беременной?

— Э-э-э... Да... Да, госпожа, но...

Эитнэ небрежно махнула рукой и повернулась к Геральту.

— Он останется в Брокилоне. До полного выздоровления и еще некоторое время. Потом... Пусть идет куда хочет.

— Благодарю тебя, Эитнэ, — поклонился ведьмак. — А... девочка? Как с ней?

— Почему ты спрашиваешь? — Дриада взглянула на него своими холодными серебряными глазами. — Ты же знаешь.

— Она не обычная деревенская девочка. Она — княжна.

— Это не производит на меня впечатления. Никакой разницы.

— Послушай...

— Ни слова больше, Гвинблейдд.

Он замолчал, прикусив губу.

— Что с моей миссией?

— Я выслушаю тебя, — вздохнула дриада. — Нет, не из любопытства. Просто ради того, чтобы ты мог явиться к Вензлаву и получить плату, которую он тебе, вероятно, обещал за то, что ты доберешься до меня. Но не сейчас, сейчас я буду занята. Придешь вечером к моему Дереву.

Когда она вышла, Фрейксенет приподнялся на локте, застонал, кашлянул, плюнул на ладонь.

— О чем это она, Геральт? Почему я должен здесь оставаться? И что она имела в виду, когда говорила о детях? Во что ты меня впутал, а?

Ведьмак сел.

— Сохранишь голову, Фрейксенет, — сказал он утомленно. — Станешь одним из немногих, которые выбрались отсюда живыми, по крайней мере за последнее время. И станешь отцом маленькой дриады. Может, нескольких.

— Чего? Стать племенным производителем?

— Называй как хочешь. Выбор у тебя ограниченный.

— Понимаю, — буркнул барон и сладострастно улыбнулся. — Ну что ж, видывал я пленных, работающих на рудниках и копающих каналы. Из двух зол предпочитаю... Лишь бы сил достало. Их тут немало...

— Перестань глупо лыбиться, — поморщился Геральт. — Ишь, размечтался. Пусть тебе не снятся почести, музыка, вино, опахала и рой влюбленных дриад. Будет одна, может, две. И никакого обожания. К этому они отнесутся вполне по-деловому. А к тебе самому — еще больше.

— Им это не доставляет удовольствия? Надеюсь, огорчения тоже?

— Не будь ребенком. В этом смысле они ничем не отличаются от женщин. Во всяком случае, физически.

— То есть?

— От тебя зависит, будет ли это для дриады радостью или же огорчением. Но интересовать ее будет только результат. Твоя особа — вопрос второстепенный. Не ожидай благодарности. Кстати, ни в коем случае не пытайся что-либо делать по собственной инициативе.

— Собственной... чего?

— Если после содеянного встретишь ее утром, — терпеливо объяснил ведьмак, — поклонись, но, черт побери, без улыбочек или подмигиваний. Дриады воспринимают это чрезвычайно серьезно. Если она улыбнется или подойдет сама, можешь с ней поболтать. Лучше всего о деревьях. А если не разбираешься в деревьях, то о погоде. Но ежели она прикинется, будто тебя не видит, держись подальше. От других дриад тоже. И не давай волю

рукам. Дриады, которые не готовы, такие игры не воспринимают. Коснешься — и получишь ножом. Они не поймут твоих намерений.

— А ты, гляжу, в курсе их брачных обычаев, — усмехнулся Фрейксенет. — Случалось?

Ведьмак смолчал. У него перед глазами стояла красивая, стройная дриада, ее бесстыдная улыбка. Vatt'ghern, bloede saerne. Ведьмак, надо же! Вот не повезло! Ты кого привела, Браэнн? К чему он нам? Никакой корысти от ведьмака...

— Геральт?

— Что?

— А княжна Цирилла?

— О княжне забудь. Из нее получится дриада. Через два-три года она всадит стрелу в глаз собственному брату, если тот попытается войти в Брокилон.

— Чертов зуб! — выругался Фрейксенет, поморщившись. — Эрвилл взъярится. Слушай, Геральт, а нельзя ли...

— Нельзя, — перебил Геральт. — Даже не пытайся. Из Дуэн Канэлли ты живым бы не вышел.

— Значит, девочка потеряна.

— Для вас — да.

6

Деревом Эитнэ был, конечно же, дуб. Точнее — три сросшихся комлями дуба, все еще зеленых, безо всяких признаков увядания, хотя Геральт определил их возраст лет в триста, не меньше. Внутри дубы были пустые, а дупло было размером с большую комнату, потолок которой конусом уходил вверх. Внутри дупло освещалось некопящим светильником и было превращено в скромное, удобное, далеко не примитивное жилище.

Эитнэ стояла посреди комнаты на коленях на чем-то вроде волокнистого мата. Перед ней, прямая и неподвижная, словно окаменевшая, сидела на подогнутых ногах Цири, умытая и вылеченная от насморка, широко раскрывшая огромные зеленые глаза. Ведьмак обратил внимание на то, что ее личико теперь, когда с него сошла грязь и сбежала гримаса зловредного дьяволенка, оказалось довольно приятным.

Эитнэ медленно и заботливо расчесывала длинные волосы девочки.

— Входи, Гвинблейдд. Присаживайся.

Он сел, предварительно церемонно преклонив одно колено.

— Отдохнул? — спросила дриада, не глядя на него и продолжая расчесывать девочку. — Когда намерен отправиться в обратный путь? Как насчет завтрашнего утра?

— Как прикажешь, — холодно ответил он. — Достаточно одного твоего слова, Повелительница Брокилона, и я перестану раздражать тебя своим присутствием в Дуэн Канэлли.

— Геральт, — Эитнэ медленно повернула голову. — Не пойми меня превратно. Я тебя знаю и уважаю. Знаю, что ты ни разу не обидел ни дриады, ни русалки, ни сильфиды или нимфы, совсем наоборот, тебе случалось вставать на их защиту, спасать им жизнь. Но это ничего не меняет. Нас разделяет слишком многое. Мы принадлежим разным мирам. Я не хочу и не могу делать исключений. Ни для кого. Не стану спрашивать, понимаешь ли ты, поскольку знаю, что понимаешь. Я спрашиваю, одобряешь ли ты такое положение?

— А что это изменит?

— Ничего. Но я хочу знать.

— Одобряю. А как с ней? С Цири? Она тоже принадлежит иному миру.

Цири испуганно взглянула на него, потом подняла глаза на дриаду. Эитнэ улыбнулась.

— Теперь уже ненадолго.

— Прошу тебя, Эитнэ, подумай.

— О чем?

— Отдай ее мне. Пусть вернется. В мир, которому принадлежит.

— Нет, Белый Волк, — дриада снова погрузила гребень в пепельные волосы девочки. — Не отдам. Кто-кто, а ты-то должен это понять.

— Я?

— Ты. И до Брокилона доходят вести извне. Вести о некоем ведьмаке, который за оказанные услуги порой требует странных клятв. «Дашь мне то, чего не ожидаешь застать дома». «Дашь мне то, что уже имеешь, но о чем не знаешь». Звучит знакомо? Ведь с некоторых пор вы таким образом пытаетесь направлять Предназначение, ищите мальчиков, которым судьбой показано стать вашими преемниками, хотите спасти себя от вымирания и забвения. От небытия. Почему же ты удивляешься мне? Я забочусь о судьбе дриад. Думаю, это справедливо! За каждую убитую людьми дриаду — одна ваша девочка.

— Задержав ее, ты вызовешь враждебность и стремление отомстить, Эитнэ. Всколыхнешь застарелую ненависть.

— В человеческой ненависти для меня нет ничего нового. Ничего,

Геральт. Я не отдам ее. Тем более что она — здоровый ребенок. Последнее время такое случается нечасто.

— Нечасто?

Дриада уставилась на него своими огромными серебристыми глазами.

— Мне подбрасывают больных девочек. Дифтерия, скарлатина, крупозное воспаление легких, последнее время даже оспа. Думают, если у нас нет иммунитета, то эпидемия нас уничтожит или хотя бы уменьшит нашу численность. Разочаруй их, Геральт. У нас есть кое-что посерьезнее иммунитета. Брокилон заботится о своих детях.

Она замолчала, наклонилась и осторожно расчесала прядку спутавшихся волос Цири, помогая себе другой рукой.

— Могу я, — откашлялся ведьмак, — выполнить поручение, с которым меня прислал король Вензлав?

— А стоит ли тратить время? — подняла голову Эитнэ. — Зачем утруждать себя? Я и без того прекрасно знаю, чего хочет король Вензлав. Вовсе не надо быть пророком. Он хочет, чтобы я отдала Брокилон, вероятно, по самую речку Вду, которую, как известно, он считает, или же хочет считать, естественной межой между Бругге и Вердэном. Взамен, думаю, он пожертвует мне анклав, маленький и дикий закоулок леса. И, вероятно, гарантирует своим королевским словом и королевской опекой, что этот маленький и дикий закоулок, этот кусочек пущи, будет принадлежать мне во веки веков, и никто не осмелится там беспокоить дриад. Пообещает, что там дриады смогут жить в покое. Так, Геральт? Вензлав хочет покончить с тянущейся два столетия войной за Брокилон. И чтобы с ней покончить, дриады должны будут отдать то, за что борются и гибнут двести лет? Как просто — отдать! Отдать Брокилон?

Геральт молчал. Ему нечего было возразить. Дриада усмехнулась.

— Именно так звучит королевское послание, Гвинблейдд? А может, оно просто напрямую говорит: «Не задирай носа, лесное чудище, бестия из пущи, реликт прошлого, а послушай, чего желаем мы, король Вензлав. А мы желаем кедра, дуба и гикори, желаем красного дерева, тиса на луки и мачтовых сосен, потому что Брокилон у нас под самым боком, а мы вынуждены тащить деревья из-за гор. Мы желаем железа и меди, которые под землей. Желаем золота, которое лежит на Крааг Ане. Желаем рубить и пилить, и рыть землю, не опасаясь свиста стрел. И, самое главное, жаждем наконец стать королем, которому в королевстве принадлежит все. Мы не желаем терпеть в своих пределах какой-то Брокилон — лес, в который не можем войти. Такой лес раздражает нас, злит и сгоняет сон с вежд, потому что мы — люди, мы распоряжаемся этим миром. Мы можем, ежели

захотим, допустить в наш мир нескольких эльфов, дриад или русалок. Если они не будут слишком нахальны. Подчинись нашей воле, Ведьма Брокилона. Или сгинь».

— Ты, Эитнэ, сама признала, что Вензлав не дурак и не фанатик. Ты наверняка знаешь, что он — король справедливый и стремящийся к миру. Его ужасает льющаяся здесь кровь...

— Пусть держится подальше от Брокилона, и тогда не прольется ни капли крови...

— Ты хорошо знаешь... — Геральт поднял голову, — хорошо знаешь, что все не так. Убивали людей в Выжиггах, на Восьмой Версте, на Соловьих Холмах. Людей убивали в Бругге, на левом берегу Ленточки. За пределами Брокилона.

— Названные места, — спокойно ответила дриада, — это Брокилон. Я не признаю ваших карт и границ.

— Но там вырубili лес сто лет назад!

— Что значат для Брокилона сто лет? И сто зим?

Геральт замолчал.

Дриада отложила гребень, погладила Цири по пепельным волосам.

— Согласись на предложение Вензлава, Эитнэ.

Дриада холодно взглянула на него.

— Что это нам даст? Нам, детям Брокилона?

— Возможность выжить. Нет, Эитнэ, не прерывай. Знаю, что ты хочешь сказать. Я понимаю, как гордишься ты тем, что Брокилон независим. Однако мир меняется. Что-то кончается. Хочешь ты того или нет, но человек овладевает миром. Выдерживают те, кто сживается с людьми. Другие погибают. Эитнэ, есть леса, где дриады, русалки и эльфы живут спокойно, в мире с людьми. Ведь мы так близки. Ведь люди могут быть отцами ваших детей. Что дает тебе твоя война? Потенциальные отцы ваших детей падают под вашими стрелами. А результат? У скольких дриад Брокилона чистая кровь? Сколько из них — похищенные, переделанные человеческие девочки? Даже Фрейксенетом ты вынуждена воспользоваться, потому что у тебя нет выбора. Что-то маловато я вижу здесь маленьких дриад, Эитнэ. Вижу только ее — человеческую девочку, испуганную и оцепеневшую от наркотиков, парализованную страхом...

— И вовсе я не боюсь! — вдруг крикнула Цири, на мгновение снова превращаясь в маленького дьяволенка. — И не оцепела я нисколечко! И не думай! Со мной тут ничего не может случиться! Вот еще! Я не боюсь! Моя бабушка говорит, что дриады не злые, а моя бабушка — самая умная бабушка в мире! Моя бабушка... Моя бабушка говорит, что должно быть

больше таких лесов, как этот...

Она замолчала и опустила голову. Эитнэ засмеялась.

— Дитя Старшей Крови, — сказала она. — Да, Геральт. Все еще рождаются в мире Дети Старшей Крови, о которых говорят пророчества. А ты утверждаешь, будто что-то кончается... Сомневаешься в том, что мы выживем...

— Девчонка должна была выйти за Кистрина из Вердэна, — прервал Геральт. — Жаль, что не выйдет. Кистрин когда-нибудь унаследует правление после Эрвилла и под влиянием жены с такими взглядами, может, прекратил бы рейды против Брокилона?

— Не хочу я твоего Кистрина! — тонко взвизгнула девочка, и в ее зеленых глазах что-то сверкнуло. — Пусть твой Кистрин найдет себе красивый и глупый материал! Я никакой не материал! И не буду я никакой княгиней!

— Тише, Дитя Старшей Крови, — дриада прижала к себе Цири. — Не кричи. Ну конечно, ты не станешь княгиней...

— Конечно, — кисло вставил ведьмак. — И ты, Эитнэ, и я отлично знаем, кем она будет. Я вижу, это уже решено. Что делать. Так какой ответ я должен отнести королю Вензлаву, Повелительница Брокилона?

— Никакого.

— Что значит «никакого»?

— Никакого. Он поймет. Давно, уже очень давно, когда Вензлава еще не было на свете, к Брокилону подъезжали гарольды, трубили рога и трубы, сверкали латы, развевались знамена и хоругви. «Покорись, Брокилон! — кричали гарольды. — Король Козизуб, Владыка Лысой Горки и Мокрого Луга, требует, чтобы ты покорился, Брокилон!» А ответ Брокилона был всегда одинаков. Когда ты покинешь мой лес, Гвинблейдд, обернись и послушай. В шуме листвы ты услышишь ответ Брокилона. Передай его Вензлаву и добавь, что другого не будет, пока стоят дубы в Дуэн Канэлли. Пока здесь растет хоть одно дерево и живет хоть одна дриада.

Геральт молчал.

— Ты говоришь — что-то кончается, — медленно продолжала Эитнэ. — Неправда. Есть вещи, которые никогда не кончаются. Ты говоришь о выживании? Я борюсь за выживание. Потому что Брокилон жив благодаря моей борьбе, ибо деревья живут дольше людей, только надо защищать их от ваших топоров. Ты говоришь мне о королях и князьях. Кто они? Те, которых я знаю, это белые скелеты в некрополях Крааг Ана, там, в глубине леса. В мраморных саркофагах, на кучах золотого металла и блестящих камушков. А Брокилон жив, деревья шумят над руинами

дворцов, корни разрывают мрамор. А Брокилон жив. Помнит ли твой Вензлав, кем были те короли? Помнишь ли ты, Гвинблейдд? А если нет, то как можешь утверждать, будто что-то кончается? Откуда знаешь, кому предназначена гибель, а кому вечность? Что дает тебе право говорить о Предназначении? Ты хотя бы знаешь, что такое Предназначение?

— Нет, — согласился он. — Не знаю. Но...

— Если не знаешь, — прервала она, — то никакое «но» уже не поможет. Ты не знаешь. Просто: не знаешь.

Она замолчала, коснулась рукой лба, отвернулась.

— Когда много лет назад ты был здесь впервые, — снова заговорила она, — ты тоже не знал. А Моренн... Моя дочь... Геральт, Моренн мертва. Она погибла на Ленточке, защищая Брокилон. Я не узнала ее, когда ее принесли. Лицо было разmozжено копытами ваших лошадей. Предназначение? И сегодня ты, ведьмак, который не мог дать Моренн ребенка, приводишь ее ко мне, Дитя Старшей Крови. Девочку, которая знает, что такое Предназначение. Нет, это не то знание, которое нравилось бы тебе, которое ты мог бы принять. Она попросту верит. Повтори, Цири, повтори то, что ты сказала мне, прежде чем вошел этот ведьмак, Геральт из Ривии, Белый Волк. Ведьмак, который не знает. Повтори, Дитя Старшей Крови.

— Уважаем... Благородная госпожа, — проговорила Цири ломающимся голосом. — Не задерживай меня здесь. Я не могу... Я хочу... домой. Я хочу вернуться домой с Геральтом. Я должна... С ним...

— Почему с ним?

— Потому что он... Он — мое Предназначение.

Эитнэ повернулась. Она была очень бледна.

— И что ты скажешь, Геральт?

Он не ответил. Эитнэ хлопнула в ладоши. В дупло дуба, словно дух из царящей снаружи ночи, вошла Браэнн, неся обеими руками огромный серебряный кубок. Медальон на шее ведьмака начал быстро и ритмично дрожать.

— И что ты скажешь, Геральт? — повторила сереброволосая дриада, вставая. — Она не хочет оставаться в Брокилоне! Она не желает быть дриадой! Она не хочет заменить мне Моренн, хочет уйти, уйти за своим Предназначением! Так, Дитя Старшей Крови? Ты именно этого хочешь?

Цири, не поднимая головы, кивнула. Ее плечи задрожали. Ведьмак не выдержал.

— Зачем ты издеваешься над ребенком, Эитнэ? Ведь через минуту ты дашь ей отпить Воды Брокилона, и ее желание перестанет что-либо

значить. Зачем ты это делаешь? В моем присутствии?

— Хочу показать, что такое Предназначение. Доказать тебе, что ничто не кончается, а только еще начинается.

— Нет, Эитнэ, — сказал Геральт, вставая. — Прости, но я не намерен смотреть. Ты зашла дальше, чем следовало, Повелительница Брокилона, намереваясь подчеркнуть пропасть, разделяющую нас. Вы, Старший Народ, любите повторять, что вам-де чужда ненависть, что это чувство присуще исключительно людям. Неправда. Вы знаете, что такое ненависть, и умеете ненавидеть, только проявляете это немного иначе, мудрее и не так бурно. Но, возможно, потому и более жестоко. Я принимаю твою ненависть, Эитнэ, от имени всех людей. Я заслужил ее. Меня огорчила судьба Моренн.

Дриада не ответила.

— И это — ответ Брокилона, который я должен передать Вензлаву из Бругге, верно? Предостережение и вызов? Зримое доказательство дремлющей меж ваших Древ Ненависти и Силы, по воле которых через минуту человеческое дитя выпьет стирающий память яд, приняв его из рук другого человеческого ребенка, психику и память которого вы уже изменили? И такой ответ должен отнести Вензлаву ведьмак, который знает и любит обоих детей? Ведьмак виновен в смерти твоей дочери? Хорошо, Эитнэ, будь по-твоему. Вензлав услышит твой ответ, услышит мой голос, увидит мои глаза и все по ним прочтет. Но глядеть на то, что здесь сейчас произойдет, я не обязан. И не желаю.

Эитнэ продолжала молчать.

— Прощай, Цири. — Геральт опустился на колени, прижал к себе девочку. Плечи Цири задрожали еще сильнее. — Не плачь. Ты же знаешь, что ничего дурного с тобой здесь случиться не может.

Цири хлюпнула носом. Ведьмак встал.

— Прощай, Браэнн, — бросил он младшей из дриад. — Будь здорова и береги себя. Выживи, Браэнн, живи так же долго, как и твое дерево. Как Брокилон. И вот еще что...

— Да, Гвинблейдд? — Браэнн подняла голову, и в ее глазах что-то влажно блеснуло.

— Легко убивать из лука, девочка. Так легко спустить тетиву и думать: мол, это не я, не я, а стрела. На моих руках нет крови того мальчика. Его убила стрела, а не я. Но стреле ничего не снится по ночам. Пусть и тебе ничего не снится по ночам, голубоглазая дриада. Прощай, Браэнн.

— Мона... — невнятно произнесла Браэнн. Кубок, который она держала в руках, дрожал, по переполняющей его прозрачной жидкости шла

рябь.

— Что?

— Мона, — простонала она. — Я — Мона. Госпожа Эитнэ! Я...

— Довольно! — резко бросила Эитнэ. — Довольно! Держи себя в руках, Браэнн.

Геральт сухо засмеялся.

— Вот оно, твое Предназначение, Лесная Госпожа. Я уважаю твое упорство и твою борьбу. Но знаю, скоро ты будешь бороться одна. Последняя дриада Брокилона, посылающая на смерть девочек, которые помнят свои настоящие имена. И все-таки я желаю тебе счастья, Эитнэ. Прощай.

— Геральт, — шепнула Цири, по-прежнему сидя неподвижно с опущенной головой. — Не оставляй меня... одну...

— Белый Волк, — сказала Эитнэ, обнимая ссутулившиеся плечи девочки. — Тебе обязательно надо было ждать, пока она попросит? Попросит, чтобы ты оставался с нею до конца? Почему ты бросаешь ее в такой момент? Оставляешь одну? Куда ты собираешься бежать, Гвинблейдд? И от чего?

Цири еще больше наклонила голову. Но не расплакалась.

— До конца, — кивнул ведьмак. — Хорошо, Цири. Ты не будешь одинока. Я буду с тобой. Не бойся ничего.

Эитнэ взяла кубок из дрожащих рук Браэнн, подняла его.

— Ты умеешь читать Старшие Руны, Белый Волк?

— Умею.

— Прочти, что выгравировано на кубке. Это кубок из Крааг Ана. Из него пили короли, которых уже никто не помнит.

— Duettaeann aef cirran Caerme Glaeddyv. Yn a esseath.

— Знаешь, что это означает?

— «У Меча Предназначения два острия... Одно из них — ты».

— Встань, Дитя Старшей Крови. — В голосе дриады сталью прозвенел приказ, который нельзя было не выполнить, воля, которой нельзя было не подчиниться. — Пей. Это Вода Брокилона.

Геральт закусил губу, глядя в серебристые глаза Эитнэ. Он не смотрел на Цири, медленно подносящую губы к краю кубка. Он уже видел это когда-то, давно. Конвульсии, судороги, невероятный, ужасающий, медленно угасающий крик. И пустота, мертвенность и апатия в медленно открывающихся глазах. Он это уже видел.

Цири пила. По неподвижному лицу Браэнн скатилась слеза.

— Достаточно. — Эитнэ отобрала у нее кубок, поставила на пол,

обеими руками погладила волосы девочки, падающие на плечи пепельными волнами.

— Дитя Старшей Крови, — сказала она. — Выбирай. Хочешь ли ты остаться в Брокилоне или же последовать за своим Предназначением?

Ведьмак недоверчиво покачал головой. Цири дышала немного быстрее, на щеках появился румянец. И ничего больше. Ничего.

— Я хочу последовать за моим Предназначением, — сказала она звучно, глядя в глаза дриаде.

— Да будет так, — произнесла Эитнэ, отворачиваясь. — Уходите.

Браэнн схватила Цири, коснулась плеча Геральта, но ведьмак отстранился.

— Благодарю тебя, Эитнэ, — сказал он.

Дриада мгновенно повернулась.

— За что?

— За Предназначение, — улыбнулся он. — За твое решение. Это ведь не была Вода Брокилона, верно? Цири должна была вернуться домой. И ты, Эитнэ, сыграла роль Предназначения. За это я тебя благодарю.

— Как мало ты знаешь о Предназначении, — горько проговорила дриада. — Как мало ты знаешь, ведьмак. Как мало ты видишь. Как мало ты понимаешь. Благодарить меня? Благодарить за ту роль, которую я сыграла? За базарное представление? За фокус, за обман, за мистификацию? За то, что Меч Предназначения был, как ты думаешь, изготовлен из дерева, покрытого позолотой? Продолжай. Не благодари, а разоблачи меня. Поставь на своем. Докажи, что прав ты. Брось мне в лицо твою правду, покажи, как торжествует трезвая, человеческая правда, здравый рассудок, которые, по вашему разумению, помогают вам завоевывать мир. Вот Вода Брокилона, еще немного осталось. Ты отважишься? Завоеватель мира?

Геральт, хоть и был возбужден ее словами, колебался только мгновение. Вода Брокилона, даже самая подлинная, не могла повлиять на него, против содержащихся в ней токсинов, галлюциногенных танинов он был полностью иммунизирован. Но ведь это не могла быть Вода Брокилона, Цири пила ее, и с ней ничего не случилось. Он взял кубок обеими руками, глянул в серебряные глаза дриады.

Земля моментально ушла у него из-под ног и обрушилась ему на спину. Гигантский дуб закружился и задрожал. С трудом водя кругом немеющими руками, он открыл глаза, и это было так, словно он поднимал мраморную плиту саркофага. Увидел перед собой маленькое личико Браэнн, а за ним блестящие ртутью глаза Эитнэ. И еще другие глаза,

зеленые, как изумруды. Нет, более светлые. Как весенняя травка. Медальон на его шее раздражал, вибрировал.

— Гвинблейдд, — услышал он, — смотри внимательно, не закрывай глаза, это тебе не поможет. Смотри, смотри на твое Предназначение.

— Ты помнишь?

Неожиданная, разрывающая завесу дыма вспышка света, огромные, тяжелые от свечей канделябры, истекающие фестонами воска. Каменные стены, крутые ступени. Спускающаяся по ступеням зеленоглазая пепельноволосая девушка в диадеме с искусно вырезанной геммой, в серебристо-голубом платье со шлейфом, поддерживаемым пажом в пунцовой курточке.

— Ты помнишь?

Его голос, говорящий... Говорящий...

— Я вернусь сюда через шесть лет...

Беседка, тепло, аромат цветов, натужное монотонное гудение пчел. Он один, на коленях, подающий розу женщине с пепельными волосами, локонами выбивающимися из-под узенькой золотой дужки. На пальцах руки, берущей у него розу, перстни с изумрудами, огромные, зеленые кабошоны.

— Возвращайся, — говорит женщина. — Возвращайся, если изменишь мнение. Твое Предназначение будет ждать.

«Я так и не возвратился, — подумал он. — Никогда туда не возвратился. Я никогда не возвратился в...»

Куда?

Пепельные волосы. Зеленые глаза.

Снова ее голос, в темноте, во мраке, в котором гинет все. Есть только огни, огни по самый горизонт. Туман искр в пурпурном дыме. Беллетэйн! Майская ночь! Из клубов дыма смотрят темные, фиолетовые глаза, горящие на бледном треугольном лице, заслоненном черной бурей локонов.

Йеннифэр!

— Слишком мало, — узкие губы видения, неожиданно искривившиеся, по бледной щеке катится слеза, быстро, все быстрее, как капля воска по свече. — Слишком мало. Нужно нечто большее.

— Йеннифэр!

— Тщета за тщету, — говорит видение голосом Эитнэ. — Тщета и пустота, которая в тебе, завоеватель мира, не умеющий даже завоевать женщину, которую любишь. Уходящий и сбегающий, когда его Предназначение находится на расстоянии вытянутой руки. У Меча

Предназначения два остря. Одно — это ты. А второе? Белый Волк? Что — второе?

— Нет Предназначения, — его собственный голос. — Нет. Его нет. Оно не существует. Единственное, что предназначено всем, — это смерть.

— Правда, — говорит женщина с пепельными волосами и загадочной улыбкой. — Это правда, Геральт.

На женщине серебристые латы, окровавленные, погнутые, продырявленные острями пик или алебард. Кровь тонкой струйкой течет из уголка загадочно и некрасиво улыбающихся губ.

— Ты смеешься над Предназначением, — говорит она, не переставая улыбаться. — Насмехаешься над ним, играешь с ним. У Меча Предназначения два остря. Одно из них — ты. Другое — смерть? Но это умираем мы, умираем из-за тебя. Тебя смерть не может достать, поэтому довольствуется нами. Смерть следует за тобой по пятам, Белый Волк. Но умирают другие. Из-за тебя. Ты меня помнишь?

— Ка... Калантэ!

— Ты, Дитя Старшей Крови, можешь его спасти, — голос Эитнэ из-за занавеса дыма. — Ты можешь его спасти. Прежде чем он погрузится в так полюбившееся ему небытие. В черный бесконечный лес.

Глаза зеленые, как весенняя трава. Прикосновение. Голоса, кричащие невнятным хором. Лица.

Он уже не видел ничего, летел в пропасть, в пустоту, во тьму. Последнее, что он услышал, был голос Эитнэ:

— Да будет так.

— Геральт! Проснись! Пожалуйста, проснись! Геральт!

Он открыл глаза, увидел солнце, золотой дукат с четкими краями, наверху, над вершинами деревьев, за мутной завесой утреннего тумана. Он лежал на мокром, губчатом мхе, твердый корень упирался в спину.

Цири — рядом, на коленях, дергала его за полу куртки.

— Дьявольщина... — Он откашлялся, осмотрелся. — Где я? Как сюда попал?

— Не знаю, — сказала девочка. — Я только что проснулась, здесь, рядом с тобой, я ужасненько замерзла. Не помню, как... Знаешь что? Это чары!

— Вероятно, ты права. — Он сел, выгребая сосновые иглы из-за воротника. — Вероятно, ты права, Цири. Вода Брокилона, черт побери... Похоже, дриады недурно позабавились.

Он встал, поднял лежащий рядом меч, перекинул ремень через плечо.

— Цири?

— А?

— Ты тоже позабавилась?

— Я?

— Ты дочь Паветты, внучка Калантэ из Цинтры. Ты с самого начала знала, кто я такой?

— Нет, — покраснела она. — Не с самого. Ты расколдовал моего папу, правда?

— Неправда, — покрутил он головой. — Это сделала твоя мама. И твоя бабушка. Я только помог.

— Но няня говорила... Говорила, что я предназначена. Что я — Неожданность. Дитя-Неожданность. Геральт?

— Цири. — Он поглядел на нее, вертя головой и улыбаясь. — Поверь, ты самая большая неожиданность, какая могла со мной приключиться.

— Ха! — Лицо девочки просветлело. — Это правда? Я предназначена! Няня говорила, что придет ведьмак, у которого белые волосы, и заберет меня. А бабушка шумела... Ах, да что там! Куда ты меня заберешь? Скажи?

— Домой. В Цинтру.

— А-а-а... А я-то думала...

— Додумаешь по дороге. Пошли, Цири, надо выйти из Брокилона. Здесь опасное место.

— Я не боюсь!

— А я боюсь.

— Бабушка говорила, что ведьмаки ничего не боятся.

— Бабушка сильно преувеличивает. Ну, в путь, Цири. Если б я еще знал, где мы...

Он взглянул на солнце.

— Ну рискнем... Пойдем туда.

— Нет. — Цири сморщила нос и указала в противоположную сторону. — Туда.

— А ты-то откуда знаешь?

— Знаю, — пожала она плечами и взглянула на него беззащитными, удивленными, изумрудными глазами. — Как-то так... Ну понимаешь... Не знаю...

«Дочь Паветты, — подумал он. — Ребенок... Дитя Старшей Крови?

Возможно, унаследовала что-то от матери».

— Цири. — Он распахнул рубашку, вытянул медальон. — Дотронься до него.

— Ой! — Она раскрыла рот. — Какой страшный волк. И клыки... Огого!

— Прикоснись.

— Ой-ёй!

Ведьмак улыбнулся. Он тоже почувствовал дрожание медальона, резкую волну, пробежавшую по серебряной цепочке.

— Он пошевелился, — вздохнула Цири. — Пошевелился!

— Знаю. Идем, Цири. Веди.

— Это чары, правда?

— Конечно.

Все было так, как он ожидал. Девочка чувствовала направление. Каким образом, неведомо. Но быстро, быстрее, чем он думал, они вышли на дорогу, на трехлучевой развилок. Здесь была граница Брокилона — во всяком случае, так считали люди. Эитнэ, насколько он помнил, этого не признавала.

Цири прикусила губы, сморщила нос, заколебалась, глядя на развилок, на песчаные разбитые дороги, изрытые копытами и колесами телег. Но Геральт уже знал, где находится, ему не надо было, да он и не хотел, доверяться ее сомнительным способностям. И направился по дороге, ведущей на восток, к Бругге. Цири, все еще морщась, оглянулась на западную дорогу.

— Она ведет к замку Настрог, — съехидничал он. — Тоскуешь по Кистрину?

Девочка пробурчала что-то в ответ и послушно пошла за ним. Но оглядывалась еще не раз.

— В чем дело, Цири?

— Не знаю, — шепнула она. — Но это скверная дорога, Геральт.

— Почему? Мы идем в Бругге к королю Вензлаву, который живет в прекрасном дворце. Отмоемся в баньке, выпьем на кровати с периной...

— Это скверная дорога, — повторила она. — Скверная. Плохая.

— Точно. Мне доводилось видывать и получше. Перестань крутить носом. Идем, быстро.

Они миновали закрытый кустами поворот. И оказалось, что Цири была права.

Их окружили быстро, со всех сторон. Люди в остроконечных шлемах, кольчугах и темно-синих накидках с черно-золотыми клеточками Вердэна

на груди. Их окружили, но ни один не приблизился, не притронулся к оружию.

— Куда и откудова? — пролаял кряжистый тип в потертой зеленой одежде, встав перед Геральтом на широко расставленных тумбообразных ногах. Лицо у него было темное и изборозженное морщинами, словно высушенная слива. Лук и белоперистые стрелы торчали высоко над головой из-за спины.

— Из Выжиг, — гладко соврал ведьмак, стискивая ручку Цири. — Возвращаемся к себе в Бругге. А что?

— Королевская служба, — вежливо сказал темнолицый, словно только сейчас заметил меч на спине Геральта. — Мы...

— Давай его сюды, Йунгханс! — крикнул один из тех, что стояли на дороге дальше. Солдаты расступились.

— Не смотри, Цири, — быстро сказал Геральт. — Отвернись. Не смотри.

На дороге лежало поваленное дерево, перекрывающее проезд путаницей ветвей. Надрубленная и сломанная часть ствола белела в придорожных кустах длинными стрелами щепок. Перед деревом стояла телега, накрытая полотном, прикрывающим груз. Маленькие косматые лошадки лежали на земле, запутавшись в дышлах и вожжах, утыканные стрелами, щеря желтые зубы. Одна еще была жива, тяжело хрипела, дергалась.

Были там и люди, валяющиеся в темных пятнах впитавшейся в песок крови, свешивающиеся с края телеги, скорчившиеся у колес.

Из-за спин столпившихся вокруг воза вооруженных людей вышли двое, потом прибавился третий. Остальные — их было около десятка — стояли неподвижно, держа коней.

— Что тут произошло? — спросил ведьмак, вставая так, чтобы заслонить от Цири сцену бойни.

Косоглазый мужчина в короткой кольчуге и сапогах изучающе взглянул на него, потер щетинистый подбородок. На левом предплечье у него был вытертый и блестящий кожаный манжет, какими пользовались лучники.

— Нападение, — сказал он коротко. — Духобабы перебили. Мы тут следствие ведем.

— Дриады напали на купцов?

— Сам видишь, — указал рукой косоглазый. — Утыканы стрелами, словно ежи. На тракте! Эти лесные ведьмы становятся все наглее. Уже не только в лес не можно зайти, уж и дорогой вдоль леса нельзя.

— А вы, — прищурился ведьмак, — кто такие?

— Эрвиллова дружина. Из настрогских. У барона Фрейксенета служили. Но барон пал в Брокилоне.

Цири раскрыла было рот, но Геральт сильно сжал ей руку.

— Кровь за кровь, говорю! — загремел спутник косоглазого, гигант в украшенном латунью кафтане. — Кровь за кровь! Этого так оставить нельзя! Сначала Фрейксенет и похищенная княжна из Цинтры, теперь вот купцы. О боги, месть, месть — говорю! Потому как ежели нет, то увидите — завтра-послезавтра они начнут убивать людей на порогах собственных домов!

— Брик верно говорит, — сказал косоглазый. — Верно? А ты, брат, откуда?

— Из Бругге, — снова солгал ведьмак.

— А маленькая? Дочка?

— Дочка. — Геральт снова сжал ручку Цири.

— Из Бругге, — нахмурился Брик. — Ну так я тебе скажу, что энто твой король, Вензлав, потворствует чудищам. Не хочет с нашим Эрвиллом стакнуться и с Вираксасом из Керака. А ежели б с трех-то сторон да на Брокилон рушить, мы б вконец выбили энту мерзость...

— Почему случилась бойня? — медленно спросил Геральт. — Кто-нибудь знает? Выжил кто из купцов?

— Свидетелев нет, — сказал косоглазый. — Но мы-то знаем, что случилось. Йунгханс, лесничий, читает по следам, как по книге. Скажи ему, Йунгханс.

— Ну чего ж, — сказал тот, со сморщенным лицом. — Было оно так: ехали купцы трактом. Наткнулись на засеку. Видите, господин, поперек дороги поваленная сосна, недавно срубленная. В чаще есть следы, хотите осмотреть? Ну а когда купцы остановились, чтобы дерево отбросить, их и расстреляли в один миг. Оттедова, из зарослев, где вона та кривая береза. И тама следы есть. А стрелы, брат, все духобаб лесных работа, перья приклеены смолой, наконечники прикручены лыком...

— Вижу, — прервал ведьмак, глядя на убитых. — Некоторые, сдается, выжили, так тех дриады ножами по горлу... Ножами...

Из-за стоявших перед ним солдат выдвинулся еще один — худой и невысокий, в лосяном кафтане. У него были черные, очень коротко стриженные волосы, синие, гладко выбритые щеки. Ведьмаку достаточно было одного взгляда на маленькие узкие ладони в коротких черных перчатках, бледные рыбы глаза, на меч и рукояти кинжалов, торчащих из-за пояса и из голенища левого сапога. Геральт видел достаточно много

убийц, чтобы не распознать еще одного.

— Быстрый у тебя глаз, — очень медленно сказал черный, — ты и впрямь много видишь.

— И это славно, — проговорил косоглазый. — Что увидел, пусть королю своему передаст, Вензлав вечно клянется, что не позволит духобаб убивать, потому как они, вишь ты, милые и добрые. Наверняка похаживает к ним майской порой и трахает поманеньку. Потому-то они, может, и добрые. А вот мы сами и проверим, ежели какую живцом возьмем.

— А хоть бы и полуживцом, — захохотал Брик. — Ну, мать вашу, где тот друид? Уж скоро полдень, а его ни следа. Двигаться пора.

— Что собираетесь делать? — спросил Геральт, не отпуская руки Цири.

— А тебе-то какое дело? — прошипел черный.

— Ну что уж ты сразу так-то, Левек, — неприятно усмехнулся косоглазый. — Мы люди порядочные, секретов не держим. Эрвилл присылает нам друида, знаменитого магика, который даже с деревьями ухитряется разговаривать. Он проводит нас в лес отомстить за Фрейксенета, попытаться отбить княжну. Это тебе не кукиш с маслом, брат, а карательная эск... эск...

— Экспедиция, — подсказал чернявый. Левек.

— Ну да. Прямо договорить не дал. А ты, братец давай двигай, куда шел. Потому как тут может быть здорово горячо.

— Да-а-а уж, — протянул Левек, глядя на Цири. — Опасно тут, особенно с девчонкой. Духобабы только и ждут такую заграбастать. Как, малышня? Мама дома ждет?

Цири, вздрогнув, кивнула.

— Скверно, — продолжал чернявый, не спуская с нее глаз, — если не дождется. Небось помчится к королю Вензлаву: «Ты вона потворstvовал дриадам, король, и вот, изволь, моя дочка и мой муж — на твоей совести». Кто знает, может, Вензлав тогда заново обдумает свой союз с Эрвиллом?

— Прекратите, господин Левек, — буркнул Йунгханс, и его сморщенная физиономия сморщилась еще больше. — Пусть идут.

— Ну бывай, маленькая. — Левек протянул руку, погладил Цири по голове. Цири вздрогнула и попятилась.

— Ты что? Боисся?

— У тебя кровь на руке, — тихо сказал ведьмак.

— Да? — Левек поднял руку. — Верно. Их кровь. Купцов. Я проверял, не уцелел ли кто. Увы, духобабы стреляют метко.

— Духобабы? — дрожащим голосом проговорила Цири, не отвечая на

знак ведьмака. — Ах, благородный рыцарь, вы ошибаетесь. Это не могли быть дриады!

— Что там этот клоп пищит? — прищурил блеклые глаза чернявый.

Геральт кинул взгляд направо, оценив расстояние.

— Это не дриады, — повторила Цири. — Ясно же!

— Чего?

— Ну дерево... Оно же срублено! Топором! А дриады никогда не срубили бы дерева, правда?

— Правда, — сказал Левек и глянул на косоглазого. — Ишь, какая смышленная девчонка. Слишком уж мудра.

Ведьмак уже раньше заметил, как узкая рука в перчатке, словно черный паук, ползет к рукояти кинжала. Хотя Левек смотрел на Цири, Геральт знал, что удар будет направлен в него. Он подождал, пока Левек коснется оружия и косоглазый затаит дыхание.

Три движения. Только три. Покрытое серебряными набивками предплечье садануло чернявого в висок. Прежде чем он упал, ведьмак уже оказался между Йунгхансом и косоглазым, а меч, с шипением выскочивший из ножен, завыл в воздухе, разрубая висок Брика, гиганта в украшенном латунью кафтане.

— Беги, Цири!

Косоглазый, выхватывая меч, прыгнул, но опоздал. Ведьмак рубанул его поперек груди, наискось, сверху вниз, и тут же, используя энергию удара, снизу вверх, с колен, разделав солдата в кровавый «Х».

— Парни! — рявкнул Йунгханс остальным, окаменевшим от ужаса. — Ко мне!

Цири подбежала к кривому буку и белочкой шмыгнула наверх по веткам, исчезнув в листве. Лесничий послал ей вслед стрелу, но промахнулся. Остальные бежали, рассыпавшись полукругом, выхватывая луки и стрелы. Геральт, все еще на коленях, сложил пальцы Знаком Аард и ударил не в лучников — они были далеко, а в песчаную дорогу перед ними, засыпав их пылью.

Йунгханс отскочил, ловко вытянул из колчана вторую стрелу.

— Нет! — взвизгнул Левек, вскакивая с земли с мечом в правой и кинжалом в левой руке. — Оставь его, Йунгханс!

Ведьмак медленно повернулся.

— Он мой, — сказал Левек, тряся головой и отирая предплечьем щеку и рот. — Только мой!

Геральт, наклонившись, двинулся полукругом, но Левек не кружил, наскочил сразу, в два прыжка.

«Хорош», — подумал ведьмак, с трудом отбив меч убийцы коротким вращением своего меча, одновременно полуоборотом уходя от удара кинжалом. Он умышленно не ответил, отскочил, рассчитывая на то, что Левек попытается достать его длинным ударом и потеряет равновесие. Но убийца не был новичком. Он сгорбился и тоже пошел полукругом мягкими, кошачьими шагами. Неожиданно прыгнул, закрутил мечом, завертел, сокращая расстояние. Ведьмак не пошел навстречу, ограничившись быстрым верхним финтом, который принудил убийцу отскочить. Левек сгорбился, спрятав руку с кинжалом за спину. Ведьмак и на этот раз не напал, не сократил дистанцию, снова пошел полукругом, обходя его.

— Лады, — процедил Левек, выпрямляясь. — Продолжим наши игры? Почему бы и нет? Хорошая игра никогда не надоедает!

Он прыгнул, закружил, ударил раз, другой, третий в быстром темпе — верхний удар мечом и тут же слева плоский, косой удар кинжалом. Ведьмак не сбивал ритма — парировал, отскакивая, и снова шел полукругом, принуждая убийцу крутиться. Левек неожиданно попятился и тоже пошел полукругом, но в противоположном направлении.

— У каждой игры, — прошипел он сквозь стиснутые зубы, — должен быть свой конец. Что скажешь об одном ударе, ловкач? Один удар, а потом мы уберем с дерева твоего выродка. Как ты на это смотришь?

Геральт видел, что Левек наблюдает за своей тенью, ждет, когда она коснется противника, показав, что тому солнце бьет в глаза. Он перестал кружить, чтобы облегчить убийце задачу.

И превратил зрачки в вертикальные щелочки, два узеньких штришка. При этом слегка сморщился, прикидываясь, будто ослеплен.

Левек прыгнул, закружил, отставив руку с кинжалом вбок, чтобы сохранить равновесие, ударил, невероятно, казалось, изогнув кисть, снизу, целясь в промежность.

Геральт рванулся вперед, развернулся, отбил удар, выгнув руку и кисть так же невероятно, откинул убийцу силой броска тела и хлестнул его концом клинка по левой щеке. Левек сжался, упал на колени, согнулся и зарылся лицом в песок.

Геральт медленно обернулся к Йунгхансу. Тот, искривив лицо в отвратительной гримасе, прицелился из лука. Ведьмак наклонился, схватил меч обеими руками. Солдаты тоже подняли луки. Стояла глухая тишина.

— Чего ждете? Бейте! Бейте в не... — рявкнул лесничий и тут же споткнулся, закачался, сделав несколько шагов, и упал лицом вниз, в шее у него торчала стрела. На стреле были полосатые перья из маховых перьев фазанихи, раскрашенные желтым в отваре из коры.

Стрелы летели со свистом по длинным плоским параболам со стороны черной стены леса. Они летели, казалось, медленно и спокойно, шумя перьями, и чудилось, что набирают скорость и силу, только ударяя в цель. А били они безошибочно, кося настрогских наемников, валя их в песок дороги, бессильных, срезанных, словно подсолнухи, по которым ударили палкой.

Выжившие, расталкивая друг друга, кинулись к лошадям. Стрелы продолжали свистеть, догоняя их на бегу, настигая в седлах. Только трем удалось пустить коней галопом и умчаться, вереща, кровавая им шпорами бока. Но и эти не ушли далеко.

Лес замкнулся, заблокировал дорогу. Уже нигде не было видно купающегося в солнце, песчанистого тракта. Была плотная, непроницаемая стена темных стволов.

Наемники, изумленные и оступевшие, остановили коней, попытались завернуть, но стрелы летели неустанно. И догоняли, и валили их с седел под топот и ржание лошадей, под всеобщий крик и вой.

А потом опустилась тишина.

Замыкавшая тракт стена леса замигала, расплылась радужным туманом и исчезла. Снова возникла дорога, на дороге — сивая лошадь, а на сивой лошади — наездник, могучий, с метлообразной бородой, в куртке из тюленьей шкуры, наискось перехваченной клетчатым шерстяным шарфом.

Конь, отворачивая морду и грызя удила, сделал шаг вперед, высоко поднимая передние ноги, храпя и косясь на трупы, на запах крови. Наездник, выпрямившийся в седле, поднял руку, и резкий порыв ветра ударил по ветвям деревьев.

Из зарослей на дальнем краю леса показались маленькие фигурки в облегающих одеждах, скомбинированных из зеленого и коричневого, с лицами, покрытыми полосами, нанесенными скорлупой ореха.

— Ceadmil, Wedd Brokiloene! — воскликнул наездник. — Faill, Ana Woedwedd!

— Faill! — Голос из леса, словно веяние ветра.

Коричнево-зеленые фигурки начали исчезать, одна за другой растворяясь в чаще. Осталась только одна с развевающимися волосами медового цвета. Она сделала несколько шагов, приблизилась.

— Va faill, Gwynbleidd! — воскликнула она, подходя ближе.

— Прощай, Мона, — сказал ведьмак. — Я не забуду тебя.

— Забудь, — ответила она твердо, поправляя колчан на спине. — Нет Моны. Мона — был сон. Я Браэнн. Браэнн из Брокилона.

Она еще раз махнула рукой. И исчезла.

Ведьмак повернулся.

— Мышовур, — сказал он, глядя на наездника на сивом коне.

— Геральт, — кивнул наездник, измеряя его холодным взглядом. — Любопытная встреча. Но начнем с самого важного. Где Цири?

— Здесь! — крикнула девочка, скрытая в листве. — Уже можно слезать?

— Можно, — сказал ведьмак.

— Но я не знаю как!

— Так же, как залезала, только наоборот.

— Я боюсь! Я на самой макушке!

— Слезай, говорю! Нам надо поговорить, девочка моя!

— Это о чем же?

— Зачем, черт побери, ты залезла туда вместо того, чтобы убежать в лес? Я убежал бы за тобой, и не пришлось бы... А, черт! Слезай!

— Я сделала, как кот в сказке! Что бы я ни... получается плохо! Почему, хотела бы я знать?

— Я тоже, — сказал друид, слезая с коня, — хотел бы это знать. И твоя бабушка, королева Калантэ, тоже хотела бы знать. Давай слезай, княжна.

С дерева посыпались листья и сухие веточки. Потом послышался резкий треск разрываемой ткани, и наконец появилась Цири, съезжающая верхом по стволу. Вместо капюшона на курточке болтались художественные лоскуты.

— Дядя Мышовур!

— Собственной персоной. — Друид обнял девочку, прижал к себе.

— Тебя прислала бабушка? Она очень страдает?

— Не очень, — улыбнулся Мышовур. — Она слишком увлечена вымачиванием розог. Дорога в Цинтру, Цири, займет у нас некоторое время. Посвяти его тому, чтобы придумать объяснения своим поступкам. Это должно быть, если ты согласишься воспользоваться моим советом, очень краткое и дельное объяснение. Такое, которое можно проговорить очень-очень быстро. И все равно, я думаю, последние слова тебе придется уже выкрикивать, княжна. Очень, очень громко.

Цири болезненно поморщилась, тихонечко фыркнула, а руки против желания поползли у нее к угрожаемому месту.

— Пошли отсюда, — сказал Геральт, осматриваясь. — Пошли отсюда, Мышовур.

— Нет, — сказал друид, — Калантэ изменила планы, она уже не желает замужества Цири с Кистрином. У нее есть на то свои причины. Ко всему прочему, думаю, тебе не надо объяснять, что после той мерзопакостной аферы с подстроенным нападением на купцов король Эрвилл серьезно пал в моих глазах, а с моими глазами в королевстве считаются. Нет, мы в Настрог даже не заглянем. Я забираю малышку прямо в Цинтру. Поехали с нами, Геральт.

— Зачем? — Ведьмак взглянул на накрытую кожушкой Мышовура Цири, дремавшую под деревом.

— Ты отлично знаешь зачем. Этот ребенок, Геральт, твое Предназначение. Третий раз, да, третий, пересекаются ваши пути. В переносном, конечно, смысле, особенно если говорить о двух предыдущих. Пожалуй, ты не назовешь это случайностью?

— Какая разница, как назову, — криво улыбнулся ведьмак. — Не в названии дело, Мышовур. Зачем мне в Цинтру? Я уже бывал там, скрещивал уже, как ты это назвал, пути. И что?

— Тогда ты потребовал, чтобы Калантэ, Паветта и ее муж поклялись. Они клятву сдержали. Цири — Неожданность. Предназначение требует, чтобы...

— Чтобы я забрал ребенка и переделал в ведьмака? Девочку? Посмотри на меня, Мышовур. Ты представляешь себе меня пригожей девочкой?

— К черту твое ведьмачество, — занервничал друид. — О чем ты вообще говоришь? Что тут общего? Нет, Геральт, вижу, ничего ты не понимаешь, придется объяснить проще. Слушай, любой дурак, в том числе и ты, может потребовать клятвы, может добиться обещания и из-за этого не станет необычным. Необычен ребенок. И необычна связь, которая возникает, когда рождается такой ребенок. Надо еще ясней? Пожалуйста. С момента рождения Цири уже не имеет значения, чего ты хочешь и от чего отказываешься. Ты, черт побери, не идешь в расчет. Не понимаешь?

— Не кричи. Разбудишь ее. Наша Неожданность, наш Сюрприз спит. А когда проснется... Мышовур, даже от самого необычного можно... порой надо уметь отречься.

— Ты же знаешь, — холодно посмотрел на него друид, — собственного ребенка у тебя не будет никогда.

— Знаю.

— И отказываешься.

— Отказываюсь. Вероятно, имею право?

— Имеешь, — сказал Мышовур. — А как же. Но это довольно

рискованно. Есть такое древнее пророчество: у Меча Предназначения...

— ...два острия, — закончил Геральт. — Слышал.

— А! Делай как хочешь. — Друид отвернулся, сплюнул. — Подумать только, я готов был подставить за тебя шею...

— Ты?

— Да. В противоположность тебе я верю в Предназначение. И знаю, как опасно играть с обоюдоострым мечом. Не играй, Геральт. Воспользуйся представившейся возможностью. Преврати то, что связывает тебя с Цири, в нормальные, здоровые узы ребенка и опекуна. Ибо если нет... Тогда эта связь проявится иначе. Страшней. Негативным и разрушительным образом. Я хочу уберечь от этого и тебя, и ее. Если ты захочешь ее забрать, я возражать не стану. Я взял бы на себя риск объяснить Калантэ, почему...

— Откуда ты знаешь, что Цири захочет пойти со мной? Из древних пророчеств?

— Нет, — серьезно сказал Мышовур. — Оттуда, что уснула она только тогда, когда ты ее приласкал. Что она мурлычет сквозь сон твое имя и ручкой ищет твою руку.

— Достаточно, — Геральт встал, — а то я уж готов и вовсе взволноваться. Бывай, бородач. Мои поклоны Калантэ. А относительно Цири... Придумай что-нибудь.

— Тебе не уехать, Геральт.

— От Предназначения? — Ведьмак подтянул подпругу трофейного коня.

— Нет, — сказал друид, глядя на спящую девочку. — От нее.

Ведьмак покачал головой, вскочил в седло. Мышовур сидел неподвижно, копаясь прутиком в погасшем костре.

Геральт отъехал тихо, через вереск, доходящий до стремян, по кособокому, ведущему в долину, к черному лесу.

— Гера-а-альт!

Он обернулся. Цири стояла на вершине холма, маленькая, серая фигурка с развевающимися пепельными волосами.

— Не уходи!

Он помахал ей рукой.

— Не уходи, — тихо всхлипнула она. — Не ухо-о-оди!

«Я должен, — подумал ведьмак. — Должен, Цири. Потому что... Я всегда ухожу».

— Ничего у тебя не получится все равно. Вот увидишь! — крикнула она. — И не думай! Не убежишь! Я твое Предназначение, слышишь?!

«Предназначения не существует, — подумал он. — Не существует.

Единственное, что предназначено всем, это смерть. Именно смерть — второе острие обоюдоострого меча. Одно — это я. А второе — смерть, идущая за мной по пятам. Я не могу, мне нельзя подвергать опасности Цири».

— Я — твоё Предназначение! — донеслось до него с вершины холма, тихо, отчаянно.

Он тронул коня пяткой и поехал вперед, словно в бездну углубляясь в чёрный, холодный и подмокший лес, в дружелюбную тень, во мрак, которому, казалось, нет конца.

Нечто большее

1

Когда по доскам моста вдруг зацокали копыта, Йурга даже не поднял головы, только тихо взвыл, отпустил колесо, с которым мучился, и со всей доступной резвостью вполз под телегу. Распластавшись, сдирая спиной шершавую корку засохшего навоза и грязи, покрывающую снизу дно повозки, он дрожал и прерывисто повизгивал от страха.

Конь медленно приблизился к телеге. Йурга видел, как он осторожно и мягко ступает по прогнившим, омшелым доскам.

— Вылезай, — сказал невидимый наездник.

Йурга щелкнул зубами и втянул голову в плечи.

Конь фыркнул, топнул.

— Спокойно, Плотва, — проговорил наездник. Йурга услышал, как он похлопывает лошадь по шее. — Вылезай оттуда, человек. Я тебе ничего плохого не сделаю.

Купец ни на грош не поверил в заверения незнакомца. Однако в голосе было что-то такое, что успокаивало и в то же время интриговало, хотя вряд ли можно было назвать этот голос приятным. Йурга, вознося шепотом молитвы нескольким богам сразу, осторожно высунул голову из-под телеги.

У наездника были белые, как молоко, волосы, стянутые на лбу кожаным ремешком, и черный шерстяной плащ, ниспадающий на круп каштановой лошади. На Йургу верховой не смотрел. Наклонившись в седле, он разглядывал колесо телеги, по самую ступицу застрявшее между растрескавшимися досками. Неожиданно поднял голову, скользнул по купцу взглядом и принялся рассматривать заросли вдоль ущелья. Лицо его ничего не выражало.

Йурга выкарабкался из-под телеги, заморгал, вытер нос, размазывая по физиономии деготь, прихваченный со ступицы. Наездник уставился на него темными прищуренными, пронизательными, острыми, как рыбы косточки, глазами. Йурга молчал.

— Вдвоем не вытащить, — сказал наконец незнакомец, указав на застрявшее колесо. — Один ехал?

— Сам-третей, — промямлил Йурга. — Со слугами. Сбежали, гады...

— Неудивительно, — сказал наездник, глядя под мост, на дно

ущелья. — Ничего странного. Думаю, тебе следует поступить так же. Самое время.

Йурга не проследил за взглядом незнакомца. Не хотел смотреть на груды черепов, ребер и берцовых костей, разбросанных меж камней и выглядывающих из-под лопухов и крапивы, покрывавших русло высохшей речки. Боялся, что достаточно еще раз увидеть черные провалы глазниц, выщеренные зубы и потрескавшиеся мослы, чтобы все его самообладание развеялось и жалкие остатки храбрости улетучились, как воздух из рыбьего пузыря, заставив мчаться по тракту в гору, обратно, давясь собственным криком, как это было с возницей и слугой меньше часа назад.

— Чего ждешь? — тихо спросил наездник, поворачивая коня. — Темноты? Тогда будет поздно. Они явятся за тобой, как только стемнеет. А может, и раньше. Давай прыгай на коня за мной, сзади. Убираемся отсюда, и как можно скорее.

— А телега? — в голос завыл Йурга, не очень понятно, со страха ли, отчаяния или бешенства. — А товары? Целый год трудов. Уж лучше подохнуть! Не оставляю-ю-ю!

— Сдается мне, ты еще не знаешь, куда тебя лихо занесло, дружище, — спокойно проговорил незнакомец, указывая рукой на чудовищное кладбище под мостом. — Говоришь, не бросишь телеги? Да пойми ты, когда наступит темнота, тебя не спасет даже сокровищница короля Дезмода, не то что твой паршивый воз. Какого черта тебе взбрело в голову ехать через это урочище? Решил дорогу срезать. Не знаешь, что тут творится со времен войны?

Йурга покрутил головой: не знаю, мол.

— Не знаешь, ну-ну, — бросил незнакомец. — Но то, что лежит на дне, видел? Трудно не заметить. Это те, которые тоже срезали дорогу. А ты говоришь, не бросишь телеги. А кстати, интересно узнать, что там у тебя?

Йурга не ответил, глядя на наездника исподлобья и пытаясь решить, что лучше — «пакля» или «старые тряпки».

Наездника, казалось, не очень интересовал ответ. Он успокоил каштанку, грызущую удила и потряхивающую гривой.

— Господин, — пробормотал наконец купец. — Помогите. Спасите. До конца жизни помнить буду... Не оставляйте... Что захотите дам, чего только захотите... Спасите, господин!

Незнакомец резко повернул голову, обеими руками опершись о лук.

— Как ты сказал?

Йурга молчал, раскрыв рот.

— Дашь, чего захочу? А ну повтори.

Йурга хлопнул носом, закрыл рот и пожалел, что у него нет бороды, в которую можно бы наплевать. В голове кипело от фантастических предположений касательно награды, которую мог потребовать странный пришелец. Однако все, включая и право ежедневных любовных игр с его молодой женой Златулиной, казалось не столь страшным, как перспектива потерять воз, и, уж конечно, не таким ужасным, как возможность оказаться на дне поймы в качестве еще одного побелевшего скелета. Купеческая привычка заставила его мгновенно произвести расчеты. Верховой, хоть и не походил на привычного оборванца, бродягу или мародера, каких после войны расплодилось на дорогах тьма-тьмушая, не мог все же ни в коем разе быть и вельможей, комесом или одним из зазнавшихся рыцарьков, слишком много мнящих о себе и находивших удовольствие в том, чтобы сдирать три шкуры с ближних. Йурга решил, что больше чем на двадцать штук золота он не потянет. Однако натура торговца удержала его от того, чтобы назвать цену самому, и он ограничился лишь бормотанием о благодарности до конца дней своих.

— Я спросил, — спокойно напомнил незнакомец, переждав, пока купец замолкнет, — дашь ли ты мне то, что я пожелаю?

Выхода не было. Йурга сглотнул, наклонил голову и несколько раз утвердительно кивнул. Незнакомец, вопреки его ожиданиям, не рассмеялся зловеще, а совсем даже наоборот, казалось, его вовсе не обрадовала победа в переговорах. Наклонившись в седле, он плюнул вниз и угрюмо проворчал:

— Что я делаю? Зачем все это? Ну ладно, хорошо. Попробую тебя вытащить, хотя, как знать, не кончится ли все это скверно для нас обоих. А если удастся, то взамен...

Йурга съежился, готовый зареветь.

— Дашь мне то, — неожиданно быстро проговорил наездник в черном плаще, — что, вернувшись, застанешь дома, но чего застать не ожидал. Обещаешь?

Йурга застонал и быстро кивнул.

— Хорошо, — проговорил незнакомец. — А теперь отойди. А еще лучше — лезь снова под телегу. Солнце вот-вот сядет.

Он соскочил с седла, скинул плащ, и Йурга увидел, что незнакомец носит за спиной на ремне, наискось пересекающем грудь, меч. У него было туманное ощущение, что когда-то он уже слышал о людях, именно так носящих оружие. Черная кожаная, доходящая до бедер куртка с длинными манжетами, искрящимися от серебристых набивок, могла указывать на жителя Новиграда или его окрестностей, впрочем, мода на такую одежду в

последнее время вообще широко распространилась, особенно среди молодежи. Однако молодым незнакомец не был наверняка.

Наездник стащил с лошади вьюки, повернулся. На груди у него покачивался на серебряной цепочке медальон. Под мышкой он держал небольшой окованный сундучок и продолговатый сверток, окутанный кожей и перехваченный ремнем.

— Ты все еще не подлез? — спросил он, подходя. Йурга увидел, что медальон изображает оскаленную клыкастую волчью морду.

— Вы... ведьмак? — вспомнил он тут же.

— Угадал, — пожал плечами незнакомец. — Ведьмак. А теперь отойди. На другую сторону телеги. Не высовывайся оттуда и сиди смирно. Мне надо недолго побыть одному.

Йурга послушался. Присел у колеса, накрывшись епанчой. Он не хотел смотреть, что делает незнакомец по другую сторону телеги, а тем более глядеть на кости, валяющиеся на дне высохшего русла. Поэтому рассматривал собственные башмаки и зеленые звездочки мха, покрывающего прогнившие доски моста.

Ведьмак.

Солнце заходило.

Он услышал шаги.

Незнакомец медленно, очень медленно вышел из-за телеги на середину моста. Он стоял к Йурге спиной, и на спине у него был уже не тот меч, который Йурга видел недавно. Теперь это было красивое оружие — головка и эфес меча и оковка ножен горели, как звезды, блестели даже в наступающих сумерках, хотя света уже почти не было — погасло даже пурпурно-золотистое мерцание, еще совсем недавно висевшее над лесом.

— Господин...

Незнакомец обернулся. Йурга с трудом сдержал крик.

Лицо чужака было белым — белым и пористым, как отжатый, только что вынутый из тряпки творог. А глаза... О боги, взвыло что-то в Йурге. Глаза...

— За телегу, быстро, — прохрипел незнакомец. Это был не тот голос, который Йурга слышал раньше. Купец вдруг почувствовал, как сильно докучает ему переполненный мочевой пузырь. Незнакомец повернулся и прошел дальше на мост.

Ведьмак.

Конь, привязанный к обрешетке телеги, фыркнул, заржал, глухо забил копытами по доскам.

Над ухом Йурги зазвенел комар. Купец даже не пошевелил рукой,

чтобы его отогнать. Зазвенел второй. Целые тучи комаров звенели в зарослях на противоположной стороне яра. Бренчали.

И вышли.

Йурга, до боли стиснув зубы, сообразил, что это вовсе не комары.

Из мрака, густеющего на покрытом кустами склоне, появились маленькие уродливые фигурки — не больше четырех локтей, худые, словно скелеты. Они вышли на мост странной походкой, словно цапли, резкими быстрыми движениями высоко поднимая шишковатые колени. Глаза под плоскими складчатыми лбами светились желтым, в широких лягушачьих пастях блестели белые конские зубы. Уродцы, шипя, приближались.

Незнакомец, словно статуя, неподвижно стоявший посреди моста, вдруг поднял правую руку, странно сложив пальцы. Отвратительные карлики попятились, зашипели громче, но тут же снова двинулись вперед, все быстрее, поднимая длинные, тонкие, как прутики, когтистые лапы.

По доскам слева заскребли когти, из-под моста выскочил вдруг очередной уродец, остальные, странно подпрыгивая, ринулись вперед. Незнакомец закружился на месте, сверкнул меч, выхваченный неведомо когда. Голова забирающегося на мост существа отлетела на сажень вверх, волоча за собой косу крови. Белоголовый прыжком налетел на группу других, завертелся, быстро рубя налево и направо. Уродцы, размахивая лапами и воя, кинулись на него со всех сторон, не обращая внимания на сверкающий, режущий, как бритва, клинок. Йурга скорчился, прижавшись к телеге.

Что-то упало ему под ноги, обрызгало кровью. Это была длинная, костлявая, чешуйчатая, как куриная нога, лапа с четырьмя когтями.

Купец вскрикнул. И тут же почувствовал, как что-то пробегает рядом. Он скрючился еще больше, хотел нырнуть под телегу, в этот самый момент что-то свалилось ему на шею, а когтистые лапы впились в висок и щеку. Он заслонил глаза, рыча и дергая головой, вскочил и нетвердыми шагами выбежал на середину моста, спотыкаясь о валяющиеся на досках трупы. На мосту кипел бой — Йурга не видел ничего, кроме яростной борьбы, кучи, из которой то и дело высверкивал луч серебристого острия.

— Спа-а-асите! — завопил он, чувствуя, как острые клыки, пробив войлочную шапку, впиваются в затылок.

— Голову вниз!

Он втиснул подбородок в грудь, ловя глазом блеск меча. Клинок засвистел в воздухе, скользнул по шапке. Послышался отвратительный мокрый хруст, и Йурге на спину, словно из ведра, хлынула горячая жидкость. Он упал на колени, пригнетаемый мертвым уже грузом, висящим

на шее.

На его глазах еще три чудища выскочили из-под моста. Подпрыгивая наподобие странных кузнечиков, они вцепились в бедра незнакомца. Один, получив короткий удар по жабьей морде, дернулся и упал на доски. Второй, пораженный самым концом меча, повалился, дергаясь в судорогах. Остальные облепили белоголового, словно муравьи, оттеснили к краю моста. Один из них вылетел из клубка, выгнувшись назад, брызжа кровью, дергаясь и воя. И тут весь спутавшийся клубок перевалил через край моста и рухнул вниз. Йурга упал, закрывая голову руками.

Из-под моста взвились торжествующие визги уродцев, которые тут же перешли в крики боли, вопли, прерываемые свистом клинка. Из темноты донесся грохот камней и хруст скелетов, потом снова свист меча и мгновенно оборвавшийся, отчаянный, замораживающий кровь в жилах скрежет.

Потом была уже только тишина, прерываемая резкими криками испуганной птицы в глубине леса, в гуще огромных деревьев. Вскоре замолчала и она.

Йурга сглотнул, поднял голову, с трудом встал. По-прежнему было тихо, не шелестели даже листья, весь лес, казалось, онемел от ужаса. Рваные тучи затянули небо.

— Эй...

Он обернулся, машинально заслоняясь поднятыми руками. Ведьмак стоял перед ним, неподвижный, черный, с блестящим мечом в низко опущенной руке. Йурга обратил внимание на то, что стоит он как-то криво, клонится набок.

— Что с вами, господин?

Ведьмак не ответил. Шагнул неловко и тяжело, с трудом двигая левую ногу. Протянул руку, ухватился за телегу. Йурга увидел кровь, блестящую и черную, текущую по доскам.

— Вы ранены, господин!

Ведьмак не ответил. Глядя прямо в глаза купцу, он вдруг повис на краю телеги и медленно сполз на доски моста.

— Осторожнее, помаленьку... Под голову... Эй, поддержите ему голову!

— Сюда, сюда, на телегу!

— О боги, он истечет кровью... Господин Йурга, кровь просачивается сквозь повязку...

— Не болтать! Вперед, гони, Поквит, живей! Накрой его кожушкой, Велль, не видишь — дрожит?

— Может, дать немного самогонки?

— Он же в обмороке! Ну ты и впрямь сдурел, Велль. А самогон давай сюда, надо глотнуть... Вы, псы, стервецы, подлые трусы! Сбежать, оставить меня одного!

— Господин Йурга! Он что-то бормочет!

— Что? Что бормочет-то?

— Э, чтой-то непонятное... Вроде имя чье-то...

— Какое?

— Йеннифэр...

3

— Где... я?

— Лежите, господин, не двигайтесь, а то снова все разорвется и полопается. До кости бедро рассадили, паскуды, жуть, сколь крови вытекло... Не узнаете? Йурга я! Это меня вы на мосту спасли, помните?

— Угу...

— Пить, небось, хотите?

— Чертовски...

— Пейте, господин, пейте. Горячка вас пекёт.

— Йурга... Где мы?

— На телеге едем. Молчите, господин, не шевелитесь. Надо из лесов выбраться к людским хатам. Найти кого, кто в лечении смыслит. Того, что мы вам намотали, мало. Кровь все едино течет...

— Йурга...

— Да?

— В моем сундучке... Флакон... С зеленой жидкостью. Сорви печать и дай мне... В какой-нибудь чарке. Чарку вымой как следует и чтоб никто не прикасался к флакону... Если жизнь дорога... Быстрее, Йурга. Черт, ну и трясет твою колымагу. Флакон, Йурга, флакон...

— Уже готово... Пейте...

— Спасибо... Теперь слушай. Сейчас я усну. Буду метаться и бредить, потом лежать словно мертвый. Это ничего, не бойся...

— Лежите, господин, не то рана отворится и кровь из вас уйдет.

Он упал на шкуры, запрокинул голову, чувствовал, как купец укрывает его кожухом и попоной, от которой сильно несло конским потом. Телега тряслась, каждый толчок отзывался дикой болью в бедре. Геральт стиснул зубы.

Над собой он видел миллиарды звезд. Они были так близко, что, казалось, достаточно протянуть руку. Над самой головой, над самыми верхушками деревьев.

Он выбирал дорогу так, чтобы держаться в стороне от света, от огней костров, чтобы все время находиться в укрытии из колеблющихся теней. Это было нелегко — кругом пылали костры из пихтовых стволов, языки пламени взвивались к небу красными сполохами, усеянными блестками искр, метили тьму более светлыми полотнищами дымов, стволы трещали, стреляли вспышками, высвечивая пляшущих повсюду людей.

Геральт задержался, чтобы пропустить мчащийся на него, бушующий, перекрывающий дорогу, орущий и дикий хоровод.

Кто-то дернул его за рукав, пытаясь сунуть в руку деревянный, исходящий пеной жбанчик. Он легко, но решительно отстранил качающегося мужчину, разбрызгивающего вокруг пиво из бочонка, который держал под мышкой. Он не хотел пить.

Не в такую ночь, как эта.

Неподалеку, на подмостках из березовых стволов, вздымающихся рядом с огромным костром, светловолосый Майский Король в венке и в брюках из голубой ткани целовал рыжую Майскую Королеву, тиская ее груди, выпирающие сквозь тонкую, пропотевшую полотняную рубаху. Монарх был более чем слегка пьян, покачивался, старался удержать равновесие, обнимая плечи Королевы, прижимал к ней пятерню, стиснутую на кружке пива. Королева, тоже не вполне трезвая, в венке, сползшем на глаза, обнимала Короля за шею и перебирала ногами. Толпа плясала под помостом, пела, верещала, потрясала палками, обмотанными гирляндами зелени и цветов.

— Беллетэйн! — крикнула прямо в ухо Геральту юная невысокая девушка. Потянув его за рукав, заставила вертеться посреди окружившего их хоровода. Сама заплясала рядом, хлопая юбкой. Ее волосы развевались, полные цветов. Он позволил ей увлечь себя в танце, они закружились, ловко уворачиваясь от других пар.

— Беллетэйн! Майская Ночь!

Вокруг возня, писк, нервный смех, изображающий борьбу и сопротивление очередной девушки, уносимой парнем в темноту, за пределы круга света. Хоровод, покрикивая, извивался змеей меж кострами.

Кто-то споткнулся, упал, разорвав цепь рук, разделив людей на небольшие группки.

Девушка, глядя на Геральта из-под украшавших ее лоб листьев, приблизилась, прижалась к нему, охватив руками, порывисто дыша. Он грубо схватил ее, грубее, чем намеревался. Руки, прижатые к ее спине, почувствовали горячую влажность тела, проникающую сквозь тонкий лен. Она подняла голову. Глаза были закрыты, зубы блестели из-под приподнятой верхней губы. От нее несло потом и аиром, дымом и желанием.

«А почему бы и нет», — подумал он, продолжая мять ее платице и спину, тешась влажным, парящим теплом на пальцах. Девушка была не в его вкусе — слишком маленькая, слишком пухленькая, — он чувствовал под рукой место, где чересчур тесный лифчик врезался в тело, делил спину на две четко различимые округлости там, где их быть не должно. «Почему бы и нет, — подумал он, — ведь в такую ночь... Это не имеет значения».

Беллетэйн... Огни по самый горизонт. Беллетэйн, Майская Ночь.

Ближайший костер с треском сожрал брошенные ему сухие растопыренные можжевельины, брызнул ярким золотом, залившим все вокруг. Девушка подняла голову, раскрыла глаза, взглянула ему в лицо. Он услышал, как она громко втягивает воздух, почувствовал, как напрягается, как резко упирается руками ему в грудь. Он тут же отпустил ее. Она качнулась, отбросив тело на длину не полностью выпрямленных рук, но не оторвала своих бедер от его. Потом опустила голову, отвела руки, отстранилась, глядя в сторону.

Они несколько мгновений не двигались, но вот возвращающийся хоровод снова налетел на них, захватил, развел. Девушка быстро отвернулась и убежала, неловко пытаясь присоединиться к танцующим. Оглянулась. Только один раз.

Беллетэйн...

«Что я здесь делаю?»

Во мраке заискрилась звезда, замигала, приковала взгляд. Медальон на шее ведьмака дрогнул. Геральт непроизвольно расширил зрачки, без труда пробил взглядом тьму.

Женщина не была кметкой. Кметки не носят черных бархатных плащей. Кметки, которых мужчины несли либо тянули в заросли, кричали, хохотали, трепыхались и сопротивлялись, как форели, которых вытаскивают из воды. И ни одна из них не вела во мрак высоких, светловолосых парней в развевающихся рубахах. Эта — вела.

Деревенские девушки никогда не носят на шее бархоток и усеянных

бриллиантами обсидиановых звезд.

— Йеннифэр...

Неожиданно расширившиеся фиолетовые глаза, горящие на бледном треугольном лице.

— Геральт...

Она отпустила руку светловолосого херувима с грудью, блестевшей от пота, словно надраенная медная пластина. Парень покачнулся, упал на колени, водил головой, оглядывался, моргал. Медленно встал, глянул на них ничего не понимающим, растерянным взглядом, потом нетвердыми шагами пошел к кострам. Чародейка даже не посмотрела ему вслед. Она пристально глядела на ведьмака, а ее рука сильно стискивала край плаща.

— Приятно снова встретиться, — сказал он свободно. И тут же почувствовал, как улетучивается возникшее было между ними напряжение.

— И верно, — улыбнулась она. Ему казалось, что в этой улыбке было что-то вымученное, но уверен он не был. — Весьма приятная неожиданность, не отрицаю. Что ты тут делаешь, Геральт? Ах... Прости, извини за бестактность. Ну конечно, то же, что и я. Ведь это Беллетэйн. Просто ты поймал меня, так сказать, на месте преступления.

— Я тебе помешал.

— Переживу, — засмеялась она. — Ночь не кончилась. Захочу, увлеку другого.

— Жаль, я так не умею, — сказал он, с большим трудом изображая равнодушие. — Только что одна увидела при свете мои глаза и сбежала.

— Под утро, — сказала Йеннифэр, улыбаясь все искусственнее, — когда они совсем уже ошалеют, им это станет безразлично. Еще найдешь какую-нибудь, не волнуйся...

— Йен... — слова застряли у него в горле. Они смотрели друг на друга долго, очень долго, а красный отсвет огня играл на их лицах. Йеннифэр вдруг вздохнула, прикрыв глаза ресницами.

— Нет, Геральт. Не надо начинать...

— Это Беллетэйн, — прервал он. — Ты забыла?

Она, не торопясь, подошла, положила ему руки на плечи, медленно и осторожно прижалась к нему, коснулась лбом груди. Он гладил ее волосы цвета воронова крыла, рассыпавшиеся локонами, крутыми, как змеи.

— Поверь, — шепнула она, поднимая голову. — Я не задумалась бы ни на миг, если б дело было только... Но это бессмысленно. Все начнется заново и кончится тем же, что и раньше. Это бессмысленно...

— Разве все должно иметь смысл? Это Беллетэйн.

— Беллетэйн, — она отвернулась. — Ну и что? Что-то ведь привело

нас к их кострам, к этим веселящимся людям. Мы собирались плясать, безумствовать, слегка задурманиться и воспользоваться ежегодно царящей здесь свободой, неразрывно связанной с праздником повторяющегося цикла природы. И пожалуйста, мы встречаемся после... Сколько же прошло... Год?

— Год, два месяца и восемнадцать дней.

— Как трогательно. Ты специально?

— Специально, Йен...

— Геральт, — прервала она, резко отстраняясь и поднимая голову. — Скажем ясно: я не хочу.

Он кивнул в знак того, что сказано достаточно ясно.

Йеннифэр откинула плащ на спину. Под плащом была очень тонкая белая блузка и черная юбка, стянутая пояском из серебряных звеньев.

— Не хочу, — повторила она, — начинать сначала. А сделать с тобой то, что я собиралась сделать с тем блондинчиком... По тем же правилам... Это, Геральт, кажется мне каким-то неладным. Оскорбительным и для тебя, и для меня. Понимаешь?

Он снова кивнул. Она поглядела на него из-под опущенных ресниц.

— Не уйдешь?

— Нет.

Она немного помолчала, беспокойно пошевелила пальцами.

— Ты обиделся?

— Нет.

— Тогда пойдем присядем где-нибудь подальше от гомона, поболтаем немного. Потому что, видишь ли, я ведь рада нашей встрече. Seriously. Посидим... Хорошо?

— Хорошо, Йен.

Они отошли во мрак, в заросли вереска, к черной стене леса, обходя свившиеся в объятиях пары. Чтобы найти место только для себя, им пришлось уйти далеко. Сухой холмик, помеченный стройным, словно кипарис, кустом можжевельника.

Чародейка расстегнула брошь плаща, тряхнула им, расстелила на земле. Он сел рядом с ней. Ему очень хотелось ее обнять, но из упрямства он не сделал этого. Йеннифэр поправила глубоко вырезанную блузку, проницательно взглянула на него, вздохнула и обняла. Можно было этого ожидать. Чтобы читать мысли, ей приходилось напрягаться, но намерения она улавливала непроизвольно.

Они молчали.

— Эх, — сказала она вдруг, отодвигаясь. Подняла руку, выкрикнула

заклинание. Над их головами взлетели красные и зеленые шары, разрываясь высоко в небе. Они распускались разноцветными пушистыми цветами. Со стороны костров долетел смех и радостные восклицания.

— Беллетэйн, — грустно сказала она, — Майская Ночь... Цикл повторяется. Пусть радуются... если могут.

В округе были и другие чародеи. Вдалеке врезались в небо три оранжевые молнии, а с другой стороны, из-за леса, взвился настоящий гейзер радужных, кружащихся метеоров. Люди у костров громко и изумленно ахали, кричали. Геральт сдержанно гладил локоны Йеннифэр, вдыхал аромат сирени и крыжовника. «Если я слишком сильно буду ее желать, — подумал он, — она почувствует и обидится. Нахохлится, оцетинится и оттолкнет меня. Я спрошу спокойно, что у нее слышно...»

— Ничего у меня не слышно, — сказала она, а в ее голосе что-то дрогнуло. — Ничего такого, о чем стоило бы говорить.

— Не надо, Йеннифэр. Не читай меня. Это смущает.

— Прости. Я непроизвольно. А у тебя, Геральт, что нового?

— Ничего. Ничего такого, о чем стоило бы говорить.

Помолчали.

— Беллетэйн! — проворчала она вдруг, и он почувствовал, как она напрягается и как напружинивается рука, прижатая к его груди. — Веселятся. Празднуют извечный цикл обновления природы. А мы? Что делаем здесь мы? Мы, реликты, обреченные на вымирание, на гибель и забвение? Природа возрождается, повторяется цикл. Но не мы, Геральт. Мы не можем повторяться. Нас лишили такой возможности. Нам дана способность творить с природой невероятное, порой просто противоречащее ей. И одновременно отобрали самое простое и самое естественное, присущее природе. Какая корысть с того, что мы живем дольше их? После нашей зимы не придет весна, мы не возродимся, то, что кончается, кончается вместе с нами. Но и тебя, и меня влечет к этим огням, хотя наше присутствие здесь — злая и кощунственная насмешка над их праздником.

Он молчал. Он не любил, когда она впадала в такое настроение, источник которого ему был слишком хорошо известен. «Опять, — подумал он, — опять это начинает ее мучить». Было время, когда казалось, что она забыла, примирилась, как и другие. Он обнял ее, прижал, легонько покачивал, как ребенка. Она не сопротивлялась. Он не удивился. Он знал, что ей это необходимо.

— Знаешь, Геральт, — вдруг сказала она уже спокойно. — Больше всего мне не доставало твоего молчания.

Он коснулся губами ее волос, уха. «Я хочу тебя, Йен, — подумал он. — Я хочу тебя, ты же знаешь. Ведь ты знаешь, Йен».

— Знаю, — шепнула она.

— Йен...

Она снова вздохнула.

— Только сегодня, — взглянула она на него широко раскрытыми глазами. — Только эта ночь, которая сейчас кончится. Пусть это будет наш Беллетэйн. Завтра мы расстанемся. Пожалуйста, не рассчитывай на большее, я не могу, я не могла бы... Прости. Если я тебя обидела, поцелуй меня и уйди.

— Если поцелую — не уйду.

— Я надеялась на это.

Она наклонила голову. Он коснулся губами ее раскрытых губ. Осторожно. Сперва верхней, потом нижней. Вплетая пальцы в крутые локоны, коснулся ее уха, бриллиантовой сережки, шеи. Йеннифэр, возвращая поцелуй, прижалась к нему, а ее ловкие пальцы быстро и уверенно расправлялись с застежками его куртки.

Она опустила навзничь на плащ, раскинутый на мягком мхе. Он прижался губами к ее груди, почувствовал, как твердеют и обозначаются соски под тоненькой тканью блузки. Она порывисто дышала.

— Йен...

— Молчи... Прошу тебя...

Прикосновение ее гладкой, холодной кожи, электризующие пальцы и ладонь. Дрожь вдоль спины, в которую впились ее ногти. Со стороны костров крики, пение, свист, далекий туман искр в пурпурном дыме. Ласка и прикосновение. Ее. Его. Дрожь. И нетерпение. Плавное прикосновение ее бедер, охватывающих его, стискивающих замком.

Беллетэйн!

Дыхание, разрываемое на вздохи. Вспышки под веками, аромат сирени и крыжовника. Майская Королева и Майский Король? Кошунственная насмешка? Беспамятство?

Беллетэйн! Майская Ночь!

Стон. Ее? Его? Черные локоны на глазах, на губах. Сплетенные пальцы дрожащих рук. Крик. Ее? Черные ресницы. Мокрые. Стон. Его?

Тишина. Вечность в тишине.

Беллетэйн... Огни по самый горизонт...

— Йен?

— Ах, Геральт...

— Йен... Ты плачешь?

- Нет!
- Йен...
- Ведь я обещала себе... Обещала...
- Молчи. Не надо. Тебе не холодно?
- Холодно.
- А теперь?
- Теплее.

Небо светлело в пугающем темпе, черная стена леса выостирила контуры, выглянула из бесформенного мрака четкая, зубчатая линия верхушек деревьев. Выползающий из-за них голубоватый предвестник зари разлился вдоль горизонта, гася лампадки звезд. Стало холодней. Он крепче прижал ее, накрыл плащом.

- Геральт?
- У?
- Сейчас рассветет.
- Знаю.
- Я тебя обидела?
- Чутьочку.
- Все начнется сначала?
- Это никогда не кончалось.
- Пожалуйста... Я начинаю чувствовать себя...
- Молчи. Все прекрасно.

Запах дыма, плывущего по вереску. Запах сирени и крыжовника.

- Геральт?
- Да?

— Помнишь нашу встречу в Пустульских Горах? И того золотого дракона... Как его звали?

- Три Галки. Помню.
- Он сказал нам...
- Я помню, Йен.

Она целовала его в то место, где шея переходит в ключицу, потом положила туда голову, щекоча волосами.

— Мы созданы друг для друга, — шепнула она. — Может быть, предназначены? Но ведь из этого ничего не получится. Жаль, но когда рассветет, мы расстанемся. Иначе быть не может. Мы должны расстаться, чтобы не обидеть друг друга. Мы, предназначенные друг другу. Созданные друг для друга. Жаль. Тот или те, кто создавал нас, должны были позаботиться о чем-то большем. Одного Предназначения недостаточно, его слишком мало. Необходимо нечто большее. Прости меня. Я должна была

тебе это сказать.

— Я знаю.

— Я знала, что не было смысла любить друг друга.

— Ошибаешься. Был. Несмотря ни на что.

— Поезжай в Цинтру, Геральт.

— Что?

— Поезжай в Цинтру. Поезжай туда и на этот раз не отказывайся. Не делай того, что сделал тогда... Когда ты там был...

— Откуда ты знаешь?

— Я знаю о тебе все. Запомнил? Поезжай в Цинтру, поезжай туда как можно скорее. Грядут тяжелые времена, Геральт. Очень тяжелые. Ты обязан успеть...

— Йен...

— Молчи, прошу тебя.

Холодает. Все холодней. И светлее.

— Не уходи. Дождемся утра...

— Дождемся.

4

— Не шевелитесь, господин. Надо сменить повязку, потому как рана кровоточит, а нога страшно опухла. О боги, как это паршиво выглядит... Надо как можно скорее добыть лекаря...

— Чихал я на лекаря, — простонал ведьмак. — Давай сюда мой сундучок, Йурга. Вон тот флакон. Лей прямо на рану. О дьявольщина!!! Ничего, ничего, лей еще... О-о-ох! Лады. Заверни покрепче и накрой меня...

— Распухло, господин, все бедро. И горячка бьет.

— Чихал я на горячку. Йурга?

— Да?

— Я забыл тебя поблагодарить...

— Не вы, господин, должны благодарить, а я. Это вы мне жизнь спасли, меня защищая, урон понесли. А я? Что я такого сделал? Человека раненого, без чувств, перевязал, на воз положил, не дал помереть? Обычная штука, господин ведьмак.

— Не такая уж обычная, Йурга. Меня уже бросали... в подобных ситуациях... Как пса...

Купец, опустив голову, помолчал.

— Оно, конечно, так, отвратный нас свет окружает, — пробормотал он наконец. — Токмо это не повод, чтобы все мы паршивели. Добро нам требуется. Этому меня учил мой отец, тому же я своих сынов учу.

Ведьмак молчал, рассматривая ветви деревьев, висящие над дорогой и перемещающиеся по мере движения телеги. Бедро рвало, но боли он не чувствовал.

— Где мы?

— Перешли вброд речку Траву, едем по Мехунским Лесам. Это уже не Темерия, а Содден. Вы проспали границу, когда таможенники в телеге шуrowали. Ну, скажу вам, охали они, видя вас, сильно. Но старший над ними знал вас, без задержки велел пропустить.

— Знал меня?

— Ага. Геральтом величал. Сказал так: Геральт из Ривии. Это ваше имя?

— Мое...

— Этот таможник обещал послать кого-нить с вестью, что, дескать, лекарь надобен. Ну я еще сунул ему то-се в лапу, чтоб не запомнил.

— Благодарю, Йурга.

— Нет, господин ведьмак. Я же сказал, что я вас благодарю. И не только. Я вам еще кой-чего должен. Мы уговорились... Что с вами? Вам скверно?

— Йурга... Флакон с зеленой печаткой...

— Господин... Вы же снова... Уж как вы тогда страшно кричали сквозь сон...

— Надо, Йурга.

— Воля ваша. Погодите, щас в чарку вылью. Ну, боги, лекарь надобен, как шибчей, не то...

Ведьмак отвернул голову. Он слышал крики детей, играющих в высохшем внутреннем рве, окружающем дворцовые стены. Ребят было около десятка, и шумели они жутко, перекрикивая друг друга тонкими, возбужденными, ломкими, переходящими в фальцет голосами. Носились по рву туда и обратно, напоминая косяк быстрых рыбок, молниеносно и неожиданно меняющих направление, но всегда держащихся вместе. Как обычно, вслед за шумливыми, тощими, как пугала, старшими мальчиками бежал не поспевающий за ними, задыхающийся малец.

— Много их, — заметил ведьмак.

Мышовур, теребя бороду, кисло ухмыльнулся, пожал плечами.

— Верно. Много.

— А который из них... Который из паренков — та знаменитая

Неожиданность?

Друид отвел глаза.

— Я не имею права, Геральт...

— Калантэ?

— Конечно. Вряд ли ты думал, что она так просто отдаст ребенка. Ты же ее знаешь. Железная женщина. Я скажу тебе нечто такое, чего говорить не должен, надеюсь, ты поймешь. Полагаю, ты меня не выдашь.

— Говори.

— Когда ребенок родился, это было шесть лет назад, она вызвала меня, приказала отыскать тебя и убить.

— Ты отказался.

— Калантэ не отказывают, — серьезно сказал Мышовур, глядя ему в глаза. — Я был готов отправиться, но тут она снова вызвала меня. И отменила приказ, не объяснив почему. Будь осторожен, когда станешь с ней разговаривать.

— Буду. Скажи, Мышовур, что случилось с Дани и Паветтой?

— Они плыли из Скеллиге в Цинтру. Попали в шторм. Не нашли даже обломков корабля. Геральт... То, что ребенка не было тогда с ними, чертовски странное дело. Необъяснимое. Они хотели взять его с собой на корабль, но в последний момент отказались. Никто не знает причины, Паветта никогда не расставалась с...

— Как это Калантэ перенесла?

— А как ты думаешь?

— Понимаю.

Топоча, словно банда гоблинов, ребятишки забрались наверх и пронесли мимо них. Геральт заметил, что недалеко от головы мчащегося стада бежит развевающая светлой косой девочка, такая же худая и вопящая, как мальчишки. С диким воем ватага снова ринулась вниз по крутому склону рва, по крайней мере половина из них, включая девочку, съехали на ягодицах. Самый маленький, все еще не догнавший остальных, упал, захныкал и уже внизу громко расплакался, схватившись за разбитую коленку. Другие мальчишки окружили его, дразня и посмеиваясь, потом помчались дальше. Девочка опустилась перед мальчуганом, обняла, вытерла ему слезы, размазав по мордашке кровь и грязь.

— Идем, Геральт, королева ждет.

— Идем, Мышовур.

Калантэ сидела на большой, подвешенной цепями к ветке огромной липы скамье со спинкой. Казалось, она дремлет, но этому противоречило слабое движение ног, время от времени принуждающих качели двигаться.

С королевой были три молодые женщины. Одна сидела на траве, рядом с качелями, ее раскинутое платье белело на зелени, как пятно снега. Две другие, неподалеку, щебетали, осторожно раздвигая побеги малины.

— Госпожа, — склонился Мышовур.

Королева подняла голову. Геральт опустил на одно колено.

— Ведьмак, — сухо проговорила она.

Как и раньше, ее украшали изумруды, гармонировавшие с зеленым платьем. И цветом глаз. Как и раньше, она носила узкий золотой ободок на пепельно-серых волосах. Но руки, которые он помнил белыми и тонкими, были уже не так тонки. Королева пополнела.

— Приветствую тебя, Калантэ из Цинтры.

— Приветствую тебя, Геральт из Ривии. Встань. Я ожидала тебя. Мышовур, друг, проводи девушек в замок.

— Слушаюсь, королева.

Они остались одни.

— Шесть лет, — проговорила Калантэ, не улыбаясь. — Ты поразительно пунктуален, ведьмак.

Он не ответил.

— Бывали минуты, что я говорю, бывали годы, когда я тешила себя надеждой, что ты забудешь. Или иные причины помешают тебе приехать. Нет, несчастья в принципе я тебе не желала, но все же должна была учитывать не очень-то безопасный характер твоей профессии. Говорят, смерть идет за тобою следом, Геральт из Ривии, но ты никогда не оглядываешься. А потом... Когда Паветта... Ты уже знаешь?

— Знаю, — Геральт склонил голову, — и сочувствую от всей души.

— Нет, — прервала она. — Это было давно. Я, как видишь, уже не ношу траура. Носила достаточно долго. Паветта и Дани... Предназначенные друг другу... До конца. Ну и как тут не верить в силу Предназначения?

Оба замолчали. Калантэ пошевелила ногой, снова заставив скамейку качаться.

— И вот спустя шесть условленных лет ведьмак вернулся, — медленно проговорила она, а на ее губах заиграла странная улыбка. — Вернулся и потребовал исполнения клятвы. Как думаешь, Геральт, вероятно, так о нашей встрече станут распевать сказители через сто лет? Я думаю, именно так. Да, это они умеют. Могу себе представить. Послушай. И сказал жестокосердный ведьмак: «Исполни клятву, королева, либо падет на тебя мое проклятие». А королева, заливаясь слезами, пала пред ведьмаком на колени, умолая: «Смилуйся! Не забирай у меня мое дитя! У

меня осталось только оно!»

— Калантэ...

— Не прерывай, — резко остановила она. — Я рассказываю сказку, разве не видишь? Слушай дальше. Злой, жестокосердный ведьмак затопал ногами, замахал руками и крикнул: «Берегись, клятвопреступница, берегись возмездия судьбы. Если не сдержишь клятвы, кара не минует тебя». И ответила королева: «Ну хорошо, ведьмак. Да будет так, как пожелает судьба. Вон там, гляди, играют десять детишек. Если угадаешь, который предназначен тебе, забереешь его и оставишь меня с разбитым сердцем».

Ведьмак молчал.

— В сказке, — улыбка Калантэ становилась все менее приятной, — королева, как я себе представляю, позволила бы ведьмаку угадывать трижды. Но мы ж не в сказке, Геральт. Мы здесь в реальности, ты, я и наша проблема. И наше Предназначение. Это не сказка, это жизнь. Паршивая, скверная, тяжелая, не прощающая ошибок, обид, не знающая жалости, разочарований и несчастий, не щадящая никого, ни ведьмаков, ни королев. И потому, Геральт из Ривии, ты будешь отгадывать только один раз.

Ведьмак продолжал молчать.

— Только один-единственный раз, — повторила Калантэ. — Но, как я сказала, это не сказка, а жизнь, которую мы сами должны заполнять моментами счастья, ибо на улыбки судьбы рассчитывать, как ты знаешь, не приходится. Поэтому, чем бы ни кончилось угадывание, ты не уйдешь отсюда с пустыми руками. Возьмешь одного ребенка. Того, на которого падет твой выбор. Ребенка, из которого ты сделаешь ведьмака. Если этот ребенок, ясное дело, выдержит Испытание Травами.

Геральт резко поднял голову. Королева усмехнулась. Он знал эту усмешку, противную, злую, презрительную.

— Ты удивлен, — отметила она. — Ну что ж, я немного подучилась. Поскольку у дитяти Паветты есть шансы стать ведьмаком, я взяла на себя этот труд. Однако мои источники, Геральт, молчат относительно того, сколько детей из десятка выдерживают Испытание Травами. Ты не мог бы удовлетворить мое любопытство?

— Королева, — откашлялся Геральт, — вероятно, ты немало потрудилась, изучая проблему, и должна знать, что кодекс и клятва запрещают мне даже произносить это название, не то что рассуждать о нем.

Калантэ резко остановила качели, упершись каблуком в землю.

— Трое, самое большее — четверо из десяти, — сказала она, покачивая головой в притворной задумчивости. — Крутая селекция, я бы

сказала, очень крутая и притом на каждом этапе. Вначале отбор, потом испытания. А затем изменения. Сколько юношей в результате получают медальоны и серебряные мечи? Один из десяти? Один из двадцати?

Ведьмак молчал.

— Я долго размышляла, — продолжала Калантэ уже без улыбки. — И пришла к выводу, что селекция детей на этапе выбора имеет ничтожное значение. Какая, в общем-то, разница, Геральт, какой ребенок умрет или спятит, напичканный наркотиками? Какая разница, чей мозг разорвется от бредовых видений, чьи глаза лопнут и вытекут вместо того, чтобы стать глазами кошки? Какая разница, в собственной ли крови и блевотине умрет действительно указанный Предназначением или же совершенно случайный ребенок? Ответь.

Ведьмак скрестил руки на груди, чтобы сдержать их дрожь.

— Зачем? — спросил он. — Ты ждешь ответа?

— Верно, не жду, — королева снова усмехнулась. — Как всегда, ты безошибочен в выводах. Как знать, однако, может, не ожидая ответа, я согласилась бы уделить немного внимания твоим добровольным и искренним словам? Словам, которые, быть может, ты пожелал бы произнести, а вместе с этим освободиться от того, что гнетет тебя? Ну давай примемся за дело, надо же подбросить сказителям материал. Идем выбирать ребенка.

— Калантэ, — сказал он, глядя ей в глаза. — Оставь сказителей в покое. Если им не хватит материала, они сами что-нибудь придумают. А имея в руках истинный материал, они его исказят. Как ты верно заметила, это не сказка, а жизнь. Паршивая и скверная. А посему, черт побери, давай проживем ее по возможности порядочно и хорошо. Ограничим количество творимых другими несправедливостей неизбежным минимумом. В сказке, конечно, королева может умолять ведьмака, а ведьмак требовать своего и топтать ногами. В жизни королева может просто сказать: «Не забирай ребенка, прошу тебя». А ведьмак ответит: «Коли ты просишь, не заберу». И уйдет вслед за заходящим солнцем. Но за такое окончание сказки сказитель не получит от слушателей ни гроша, самое большее — пинок в зад. Потому что скучная получится сказка.

Калантэ перестала улыбаться, в ее глазах мелькнуло что-то знакомое.

— В чем дело? — прошипела она.

— Давай не будем ходить вокруг да около, Калантэ. Ты знаешь, о чем я. Как приехал, так и уеду. Выбрать ребенка? А зачем? Ты думаешь, он мне так уж нужен? Думаешь, я ехал сюда, в Цинтру, гонимый жаждой отнять у тебя внука? Нет, Калантэ. Я хотел, быть может, взглянуть на этого ребенка,

посмотреть в глаза Предназначению... Потому что я и сам не знаю... Но не бойся. Я не отберу у тебя его, достаточно, если ты попросишь...

Калантэ вскочила со скамеечки, в ее глазах разгорелся зеленый огонь.

— Просить? — яростно прошипела она. — Тебя? Бояться? Мне тебя бояться, треклятый шаман? Ты осмеливаешься бросать мне в лицо твою презренную милость? Оскорблять своим сочувствием? Обвинять в трусости, сомневаться в моей воле? Ты обнаглел от моего доверительного к тебе отношения! Берегись!

Ведьмак решил, что, пожалуй, безопасней всего будет не пожимать плечами, а опуститься на колено и склонить голову. И не ошибся.

— Ну, — прошипела Калантэ, стоя перед ним. Руки у нее были опущены, пальцы, униженные перстнями, сжаты в кулаки. — Ну наконец-то. Это соответствующая поза. Именно так отвечают королеве, если королева задает вопрос. А если не вопрос, а приказ, то надобно еще ниже опустить голову и отправиться его исполнять. Без проволоочки. Ты понял?

— Да, королева.

— Прекрасно. Встань.

Он встал. Она посмотрела на него, закусила губу.

— Тебя очень обидела моя вспышка? Я говорю о форме, а не о содержании.

— Не очень.

— Ну и славно. Постараюсь больше не вспыхивать. Итак, я сказала: там, во рву, играют десять ребятишек. Выберешь одного, который покажется тебе самым подходящим, заберешь, и, о боги, сотворишь из него ведьмака, ибо таково Предназначение. А если не Предназначение, то моя воля.

Он посмотрел ей в глаза, низко поклонился.

— Королева. Шесть лет назад я доказал тебе, что есть нечто более могущественное, нежели королевская воля. Ради богов, ежели таковые существуют, докажу тебе это еще раз. Ты не принудишь меня сделать выбор, делать который я не хочу. Прости за форму, не за содержание.

— Под моим дворцом есть глубокие ямы. Предупреждаю: еще немного, еще слово — и ты закончишь в них свою жизнь.

— Ни один мальчик из тех, что играют во рву, не годится на роль ведьмака, — медленно проговорил он. — И среди них нет сына Павеиты.

Калантэ прищурилась. Он даже не дрогнул.

— Пошли, — сказала она наконец, развернувшись на каблуках.

Он последовал за ней между рядами цветущих кустов, между клумбами и живыми изгородями. Королева прошла в ажурную беседку.

Там, вокруг стола из малахита, стояли четыре больших плетеных ивовых кресла. На покрытой жилками плите, поддерживаемой четырьмя грифонами, стоял кувшин и два серебряных кубка.

— Садись и налей.

Она выпила, подняв в его сторону кубок, резко, солидно, по-мужски. Он, не садясь, ответил тем же.

— Садись, — повторила она. — Я хочу поговорить.

— Слушаю.

— Откуда ты знаешь, что среди детей во рву нет сына Паве́тты?

— Я не знал. — Геральт решил на откровенность. — Я бросил наобум.

— Так. Можно было догадаться. А то, что ни один из них не годится на роль ведьмака? Это правда? И как ты определил? С помощью магии?

— Калантэ, — тихо сказал он. — Мне не надо было ни определять, ни проверять. В том, что ты сказала раньше, была чистая правда. Годится любой ребенок. Все дело в селекции. Последующей.

— О боги моря, как говаривал мой вечно отсутствующий муж, — рассмеялась она. — Так все это неправда? Все пресловутое Право Неожиданности? Легенды о детях-нежданчиках, о тех, кто встречается первым? Так я и думала! Все — игра! Игра со случаем, забавы с судьбой! Но это чертовски опасная игра, Геральт.

— Знаю.

— Игра с чьим-то несчастьем, несправедливостью. Зачем, скажи мне, заставлять родителей или опекунов давать такие трудные и тяжелые клятвы? Зачем отбирают детей? Ведь кругом полно таких, отбирать которых нет нужды. По дорогам шастают ватаги бездомных и сирот. В любой деревне можно чуть не даром купить ребенка, в голодную пору любой кмет охотно продаст, что ему, он тут же заделает другого. Тогда зачем же? Зачем ты заставил поклясться Дани, Паве́тту и меня? Зачем явился точно через шесть лет после рождения ребенка? И почему, черт побери, не хочешь его взять, почему говоришь, что он тебе ни к чему?

Геральт молчал.

— Молчишь, — отметила Калантэ, покачав головой и откидываясь на спинку кресла. — Подумаем над причиной твоего молчания. Логика — мать знания. И что же она нам подсказывает? Что мы, так сказать, имеем? Ведьмака, ищущего Предназначение, укрытое в странном и сомнительном праве Неожиданности. Ведьмак находит это Предназначение. И вдруг отказывается от него. Ему, видите ли, не нужен Ребенок-Неожиданность. Лицо у него каменеет, в голосе — лед и металл. Он считает, что королева —

как ни говори, женщина — даст себя обмануть, сбить с толку кажущейся мужской твердостью. Нет, Геральт, не жди от меня пощады. Я знаю, почему ты отказываешься выбрать ребенка. Потому что ты не веришь в Предназначение. А когда ты в чем-то не уверен... тебя охватывает страх. Да, Геральт. Тобой руководит страх. Ты боишься. Скажи — нет?

Он медленно поставил кубок на стол. Медленно, чтобы звоном серебра о малахит не выдать дрожь рук, которую унять не мог.

— Нет?

— Ты права.

Она быстро наклонилась, схватила его руку. Сильно сжала.

— Ты вырос в моих глазах, — сказала она и улыбнулась. Улыбка была хорошей. Невольно, наверняка невольно, он ответил улыбкой.

— Как ты догадалась, Калантэ?

— Я не догадалась, — она не отпустила его руку. — Бросила наобум.

Они одновременно рассмеялись. Потом долго и молча сидели среди зелени и запаха черемухи, тепла и брэнчания пчел.

— Геральт?

— Да, Калантэ.

— Ты не веришь в Предназначение?

— Не знаю, верю ли я вообще во что-нибудь. А что до Предназначения... Боюсь, одного его недостаточно. Нужно нечто большее...

— Хочу тебя спросить. Что с тобой? Ведь вроде бы ты и сам был Неожданностью? Мышовур утверждает...

— Нет, Калантэ. Мышовур имел в виду совершенно другое. Мышовур... Он-то, пожалуй, знает. Но пользуется удобным мифом, когда ему выгодно... Неправда, будто я был тем, кого застали дома, хоть и не ожидали. Неправда, будто именно поэтому я стал ведьмаком. Я самый обыкновенный подкидыш, Калантэ. Нежеланный, незаконнорожденный сын некоей женщины, которой я не помню. Но знаю, кто она...

Королева проницательно взглянула на него, но ведьмак не продолжал.

— Неужто все рассказы о Праве Неожданности — легенды?

— Все. Случай трудно назвать Предназначением.

— Но вы, ведьмаки, не перестаете искать?

— Не перестаем. Но это бессмысленно. Вообще бессмысленно все...

— Вы верите, что Дитя Предназначения пройдет через Испытания без риска?

— Мы верим, что такому ребенку не понадобятся Испытания.

— Один вопрос, Геральт. Совершенно личный. Разреши?

Он кивнул.

— Как известно, нет лучшего способа передать наследственные свойства, чем естественным путем. Ты прошел Испытания и выжил. Если тебе так нужен ребенок с особыми свойствами и сопротивляемостью... Почему бы тебе не найти женщину, которая... Я бестактна, да? Но, похоже, я отгадала?

— Как всегда, — грустно улыбнулся Геральт, — ты безошибочно делаешь выводы, Калантэ. Угадала, конечно. То, о чем ты говоришь, для меня недостижимо.

— Прости, — сказала она, и улыбка сошла с ее лица. — Что ж, это по-людски.

— Это не по-людски.

— Да?.. Значит, ни один ведьмак...

— Ни один. Испытание Травами, Калантэ, ужасно. А то, что с мальчиками происходит во время Трансмутации, еще страшнее. И необратимо.

— Только ты уж не раскисай, — буркнула она. — Это тебе не к лицу. Неважно, что с тобой вытворяли. Результат я вижу. На мой вкус, вполне удовлетворительный. Если б я могла предположить, что ребенок Паветты когда-нибудь станет таким, как ты, я не колебалась бы ни минуты.

— Слишком велик риск, — быстро сказал он. — Как ты и думаешь. Выживают самое большее четверо из десяти.

— Черт возьми, разве только Испытание Травами рискованно? Разве только будущие ведьмаки рискуют? Жизнь полна риска: в жизни тоже идет отбор, Геральт. Селекция. Зачастую все решает скверный случай, болезнь, война. Сопротивляться судьбе, может быть, не менее рискованно, чем отдать себя в ее руки. Геральт... Я отдала бы тебе этого ребенка... Но... Я тоже боюсь.

— Я не взял бы. Не мог бы взять на себя ответственность. Не согласился бы отягощать ею тебя. Не хотел бы, чтобы ребенок когда-нибудь вспоминал тебя так... как я...

— Ты ненавидишь ту женщину, Геральт?

— Мою мать? Нет, Калантэ. Догадываюсь, что она оказалась перед выбором... А может, и не было выбора? Нет, был, ведь ты знаешь, достаточно нужного заклинания или эликсира... Выбор. Выбор, который надо уважать, потому что это священное и неоспоримое право каждой женщины. Эмоции тут ни при чем. У нее было неоспоримое право решать, и она решила. Но, думаю, встреча с ней, выражение ее лица... Это дало бы мне что-то вроде извращенного удовлетворения, если ты понимаешь, о чем

я.

— Я прекрасно понимаю, о чем ты... — улыбнулась она. — Но у тебя мало шансов испытать такое удовлетворение. Я не могу определить твой возраст, ведьмак, но полагаю, ты гораздо старше, чем об этом говорит твоя внешность. А значит, та женщина...

— Та женщина, — прервал он, — наверняка сейчас выглядит много моложе меня.

— Чародейка?

— Да.

— Интересно. Я думала, чародейки не могут...

— Она, вероятно, тоже так думала.

— Вероятно. Но ты прав, не будем обсуждать право женщины принимать решения, это обсуждению не подлежит. Вернемся к нашей проблеме. Так ты не возьмешь ребенка? Бесповоротно?

— Бесповоротно.

— А если... если Предназначение не только миф? Если оно все же существует, то не может ли оно отомстить?

— Если будет мстить, то мне, — спокойно ответил он. — Ведь против него выступаю я. Ты-то выполнила свою часть обязательства. Ведь если Предназначение не легенда, то из указанных тобою детей я должен был выбрать соответствующего. Но ведь ребенка Паветты нет среди них?

— Есть. — Калантэ медленно подняла голову. — Хочешь увидеть? Хочешь взглянуть в глаза Предназначению?

— Нет. Не хочу. Отказываюсь, отрекаюсь. Отрекаюсь от этого мальчика. Не хочу смотреть в глаза Предназначению, потому что не верю в него. Ибо знаю: чтобы соединить двух человек, одного Предназначения недостаточно. Нужно нечто большее, чем Предназначение. Я смеюсь над таким Предназначением, я не последую за ним, как мальчишка, которого ведут за руку, ничего не понимающий и наивный. Это мое бесповоротное решение, Калантэ из Цинтры.

Королева встала. Улыбнулась. Он не мог угадать, что кроется за ее улыбкой.

— Да будет так, Геральт из Ривии. Быть может, тебе как раз и было предначертано отречься. Может быть, это было твоим Предназначением. Думаю, так оно и есть. Так знай же, если б ты выбрал и выбрал правильно, то увидел бы, что Предназначение, над которым смеешься ты, жестоко посмеялось бы над тобой.

Он посмотрел в ее ядовито-зеленые глаза. Она улыбнулась. Разгадывать ее улыбки он не умел.

Рядом с беседкой росли розы. Целый куст. Он наклонил ветку, сорвал цветок, опустил на колено и двумя руками подал ей, опустив при этом голову.

— Как жаль, что я не узнала тебя раньше, белоголовый, — проговорила она, принимая розу из его рук. — Встань.

Он встал.

— Если изменишь решение, — она поднесла розу к лицу, — если решишь... Возвращайся в Цинтру. Я буду ждать. И твое Предназначение тоже будет ждать тебя. Возможно, не до бесконечности, но наверняка еще какое-то время.

— Прощай, Калантэ.

— Прощай, ведьмак. Будь осторожен. У меня... У меня минуту назад было предчувствие... Странное предчувствие... будто я вижу тебя в последний раз.

— Прощай, королева.

5

Он проснулся и с удивлением отметил, что мучительная боль исчезла, казалось также, что перестала досаждать пульсирующая, натягивающая кожу припухлость. Он хотел вытянуть руку, потрогать, но не мог пошевелиться. Пока понял, что сдерживает его лишь тяжесть кож, которыми он накрыт, холодный, отвратительный ужас опустился ему на живот, впился во внутренности, словно ястребиные когти. Он сжимал и разжимал пальцы, мысленно повторяя: нет, я не...

Парализован...

— Ты проснулся.

Не вопрос, констатация. Тихий, но внятный мягкий голос. Женщина. Молодая, вероятно. Он повернул голову, застонал, пытаясь подняться.

— Не шевелись. Во всяком случае, не так резко.

— Нннн, — налет, склеивавший губы, разорвался, — нннет... Не рана... Спина...

— Прележни, — спокойная, холодная констатация, не соответствующая мягкому альту. — Я помогу. Вот, выпей. Медленно, малыми глотками.

У жидкости был в основном запах и вкус можжевельника. «Старый способ, — подумал он. — Можжевельник либо мята просто добавки, значения не имеют, введены лишь для того, чтобы замаскировать

настоящий состав». И, однако, он распознал паперник, может, корнежом. Да, наверняка корнежом, корнежом нейтрализует токсины, очищает кровь, испорченную гангреной либо заражением.

— Пей. До конца. Медленней, а то подавишься.

Медальон на шее начал легонько вибрировать. Стало быть, в напитке была и магия. Он с трудом расширил зрачки. Теперь, когда она подняла ему голову, он мог рассмотреть ее получше. Небольшая. В мужской одежде. Маленькое и бледное в темноте лицо.

— Где мы?

— На поляне смолокуров.

Действительно, в воздухе плавал запах смолы. Он слышал голоса, долетающие от костра. В этот момент кто-то подкинул хвороста, пламя с треском взвилось вверх. Он снова взглянул, воспользовавшись светом. Волосы у нее были стянуты опояской из змеиной кожи. Волосы...

Волосы были рыжие, огненно-рыжие, подсвеченные пламенем костра, они казались красными, как киноварь.

— Больно? — прочитала она его ощущения, но неточно. — Сейчас... Минуточку...

Он почувствовал резкий удар тепла, исходящего от ее рук, разливающегося по спине, сплывающего вниз, к ягодицам.

— Мы тебя перевернем, — сказала она. — Не пытайся сам. Ты очень слаб. Эй, кто-нибудь поможет?

Шаги со стороны огня, тени, силуэты. Кто-то наклонился. Йурга.

— Как вы себя чувствуете, господин? Вам лучше?

— Помогите перевернуть его на живот, — сказала женщина. — Осторожнее, медленнее. Вот так... Хорошо. Благодарю.

Ему больше не надо было на нее смотреть. Теперь, лежа на животе, уже не надо было рисковать взглянуть ей в глаза. Он успокоился, сдержал дрожь рук. Она могла почувствовать. Он слышал, как позвякивают застежки сумки, как она ищет флаконы и фарфоровые баночки. Слышал ее дыхание, чувствовал тепло ее бедра. Она стояла рядом на коленях.

— Рана, — проговорил он, не в состоянии переносить тишину, — доставила тебе хлопот?

— Да, немного. — В голосе холод. — Как обычно при кусаных ранах. Самый паршивый вид ран. Но тебе это, кажется, не внове, ведьмак?

«Знает. Копаются в мыслях. Читает? Вряд ли. И знаю почему. Она боится».

— Да, пожалуй, не внове, — повторила она, снова звякая стеклом. — Я насчитала на твоём теле несколько рубцов... Я, понимаешь ли, чародейка.

И лекарка одновременно. Специализация.

«Совпадает», — подумал он, но не произнес ни слова.

— А что касается раны, — спокойно продолжала она, — то тебе следует знать, что спас тебя ритм сердцебиения, четырехкратно замедленный по сравнению с ритмом обычного человека. Иначе бы ты не выбрался, могу сказать со всей ответственностью. Я видела, чем тебе заштопали ногу. Это должно было изображать перевязку, но изображало неудачно.

Он молчал.

— Потом, — продолжала она, задрав ему рубаху по самую шею, — добавилось заражение, обычное при кусаных ранах. Ты его приостановил. Конечно, ведьмачий эликсир? Хорошо помогло. Только вот, не понимаю, зачем одновременно было принимать галлюциногены? Наслушалась я твоего бреда, Геральт из Ривии.

«Читает, — подумал он, — все-таки читает. А может, Йурга сказал, как меня зовут? Или я сам проболтался во сне под влиянием „Черной Чайки“? Кто его знает... Только ей ничего не даст знание моего имени. Ничего. Она не знает, кто я. Понятия не имеет, кто я».

Он почувствовал, как она осторожно втирает ему в спину холодную успокаивающую мазь с резким запахом камфоры. Руки были маленькие и очень мягкие.

— Прости, что делаю это обычным способом, классическим, — сказала она. — Можно было бы удалить пролежни с помощью магии, но я немного притомилась, когда занималась раной на ноге, и чувствую себя не лучшим образом. На ноге я связала и стянула все, что было можно, теперь тебе ничто не угрожает. Однако ближайшие два дня не вставай. Магически сращенные сосудики имеют тенденцию лопаться, у тебя остались бы скверные кровоподтеки. Шрам, конечно, сохранится. Еще один для полноты коллекции.

— Благодарю... — Он прижал щеку к козам, чтобы изменить голос, замаскировать его неестественное звучание. — Можно узнать... Кого благодарю?

«Не скажет, — подумал он. — Либо солжет».

— Меня зовут Висенна.

«Вот как», — подумал он и медленно, все еще не отрывая щеки от кож, сказал:

— Я рад. Рад, что пересеклись наши пути, Висенна.

— Случайность, не больше, — холодно сказала она, натягивая ему рубаху на спину и накрывая кожухами. — Сообщение о том, что я нужна,

мне передали таможенники с границы. Послушай, мазь я оставлю купцу, попроси натирать тебя утром и вечером. Он утверждает, что ты спас ему жизнь, так пусть отблагодарит.

— А я? Могу ли я отблагодарить тебя, Висенна?

— Не будем об этом. Я не принимаю платы от ведьмаков. Назови это солидарностью, если хочешь. Профессиональной солидарностью. И симпатией. В силу этой симпатии — дружеский тебе совет, или, если предпочитаешь, указание лекаря. Перестань принимать галлюциногены, Геральт. Галлюцинации не излечивают. Ничего.

— Спасибо, Висенна. За помощь и совет. Благодарю тебя за... за все.

Он вытащил руку из-под кож, нащупал ее колени. Она вздрогнула, потом положила свою руку на его, слегка пожала. Он осторожно высвободил пальцы, провел ими по ее руке, по предплечью.

Ну конечно, гладкая девическая кожа. Она вздрогнула еще сильнее, но он не отнял руки. Он вернулся пальцами к ее ладони, сжал.

Медальон на шее завибрировал, дернулся.

— Благодарю тебя, Висенна, — повторил он, сдерживая дрожь голоса. — Рад, что пересеклись наши пути.

— Случайность, — повторила она, но на этот раз в ее голосе не было холода.

— А может, Предназначение? — спросил он и удивился, потому что возбуждение и нервозность улетучились вдруг без следа. — Ты веришь в Предназначение, Висенна?

— Да, — не сразу ответила она. — Верю.

— В то, — продолжал он, — что люди, связанные Предназначением, всегда встречаются?

— И в это тоже... Что ты делаешь? Не поворачивайся...

— Хочу увидеть твоё лицо... Висенна. Хочу взглянуть в твои глаза. А ты... Ты должна взглянуть в мои.

Она сделала такое движение, словно хотела подняться с колен. Но осталась около него. Он медленно отвернулся, скривив губы от боли. Стало светлей, кто-то снова подбросил хвороста в костер.

Она не пошевелилась. Только отвернула голову, но он ясно видел, что у нее дрожат губы. Она стиснула пальцы на его руке. Сильно.

Он смотрел.

Не было ничего общего. Совершенно другой профиль. Маленький нос. Узкий подбородок. Она молчала. Потом вдруг наклонилась и взглянула ему прямо в глаза. Вблизи. Молча.

— Как тебе нравятся, — спокойно спросил он, — мои подправленные

глаза? Такие... необычные. А знаешь, Висенна, что делают с глазами ведьмаков, чтобы их подправить? Знаешь ли, что это удастся не всегда?

— Перестань, — мягко сказала она. — Перестань, Геральт.

— Геральт... — Он вдруг почувствовал, как что-то разрывается внутри. — Это имя мне дал Весемир. Геральт из Ривии! Я даже научился подражать ривскому акценту. Вероятно, из внутренней потребности иметь родную сторону. Пусть даже выдуманную. Весемир... дал мне имя. Весемир выдал мне также и твое. Правда, очень неохотно.

— Тише, Геральт, тише.

— Теперь ты говоришь, что веришь в Предназначение. А тогда... тогда — верила? Ну конечно же, должна была верить. Должна была верить, что Предназначение обязательно сведет нас. Только этому следует приписать тот факт, что сама ты отнюдь не стремилась к нашей встрече.

Она молчала.

— Я всегда хотел... Размышлял над тем, что скажу, когда мы наконец встретимся. Думал о вопросе, который тебе задам. Считал, что это даст мне извращенное удовлетворение...

То, что сверкнуло у нее на щеке, было слезой. Несомненно. Он почувствовал, как ему до боли перехватывает горло. Почувствовал утомление. Сонливость. Слабость.

— Днем... — Он застонал. — Завтра при солнечном свете я загляну в твои глаза, Висенна... И задам тебе свой вопрос. А может, и не задам, слишком уж поздно. Предназначение? О да, Йен была права. Недостаточно быть друг другу предназначенными. Надобно нечто большее... Но я посмотрю завтра в твои глаза... При солнечном свете...

— Нет, — проговорила она мягко, тихо, бархатным, дрожащим, разрывающим слои памяти голосом, памяти, которой уже не было. Которой никогда не было, а ведь она же была... Была...

— Да! — возразил он. — Да. Я этого хочу...

— Нет. А теперь ты уснешь. И проснувшись, перестанешь хотеть. Зачем нам смотреть друг другу в глаза при солнечном свете? Что это изменит? Ведь ничего не вернешь, не изменишь. Какой смысл задавать вопросы, Геральт? Неужели то, что я действительно не сумею на них ответить, доставит тебе, как ты говоришь, извращенное удовлетворение? Что даст нам взаимная обида? Нет, не станем мы смотреть друг на друга при свете дня. Усни, Геральт. А так, между нами, вовсе не Весемир дал тебе твое имя. Хоть это тоже ровным счетом ничего не изменит и ничего не вернет, я все же хотела б, чтобы ты об этом знал. Будь здоров и береги себя. И не пытайся меня искать...

— Висенна...

— Нет, Геральт. А теперь ты уснешь... Я... я была твоим сном. Выздоровливай.

— Нет! Висенна!

— Усни, — в бархатном голосе тихий приказ, ломающий волю, разрывающий ее, словно ткань. Тепло, неожиданно истекающее из ее руки...

— Усни.

Он уснул.

6

— Мы в Заречье, Йурга?

— Со вчерашнего дня, господин Геральт. Скоро река Яруга, а там уже мои края. Гляньте, даже кони шибче пошли, ушами прядут. Чуют — дом близко.

— Дом... Ты живешь в городе?

— В пригороде.

— Интересно, — ведьмак осмотрелся. — Почти не видно следов войны. Говорили, ваши края жутко разрушены.

— Точно, — сказал Йурга, — уж чего-чего, а руин туточки было вдосталь. Посмотрите внимательней, почти на каждой халупе, за каждым забором все бело от новой тесины. А за рекой, вот увидите, там еще хуже было, там под корень все погорело... Ну что ж, война войной, а жить надоть. Самую-то заваруху мы пережили, когда Черные катились через нашу землю. Точно, тогда казалось, все они тута спалят и вытопчут. Многие из тех, что тогда сбегли, так и не возвратились. А на их местах поселились новые. Жить-то надоть.

— Факт, — буркнул Геральт. — Жить надо. Неважно, что было. Жить надо.

— Это точно, господин. Ну, получайте. Зашил вам портки, залатал. Будут что новые. Это как с нашей землей, господин Геральт. Разодрали ее войной, перепахали, словно плугом прошли, бороной, исковеркали. Но теперича будет как новая. И еще лучше уродит. Даже те, что в той земле погнили, добру послужат, удобряют почву. Щас-то пахать трудно — кости, железяки всюду на полях, но земля и с железом управится.

— Не бойтесь, что нильфгаардцы... что Черные вернутся? Если уж однажды нашли путь через горы...

— А как же. Страшно. Однако что ж? Сесть и сопли распускать? Трястись? Жить надуть. А что будет, то будет. Того, что предназначено, не избежать.

— Веришь в Предназначение?

— А как же не верить-то? Опосля того как мы на мосту встренулись, на урочище, как вы меня от смерти спасли? Ох, господин ведьмак, бухнется вам моя Златулина в ноги...

— Прекрати. Честно говоря, я тебе больше обязан. Там, на мосту... Ведь это моя работа, Йурга, моя профессия. Я защищаю людей за деньги. Не по доброте душевной. Признайся, Йурга, ты слышал, что люди болтают о ведьмаках? Мол, неведомо, кто еще хуже — они или чудовища, которых они убивают...

— Неправда ваша, господин, не знаю, почему вы так говорите. Что ж, али у меня глаз нету? Вы тоже из той же самой глины вылеплены, что и та лекарша...

— Висенна...

— Она нам себя не назвала. Но ведь она мчалась за нами галопом, потому как знала, что потребна, догнала вечером, сразу занялась вами, едва с седла соскочила. Да, господин, намучилась она с вашей ногой, от этой магии аж воздух звенел, а мы со страху в лес драпанули. У нее потом из носа кровь пошла. Непростая, видать, штука — колдовать. И так заботливо вас перевязывала, ну прям-таки как...

— Как мать? — Геральт стиснул зубы.

— Во-во. Точно сказали. А когда уснули...

— Ну, Йурга?

— Она едва на ногах держалась, бледная была как полотно. Но пришла, спрашивала, не нужно ли кому из нас помощи. Вылечила смолокуру руку, которую ему стволom пришибло. Гроша не взяла да еще и лекарства оставила. Нет, господин Геральт, на свете, знаю, мало ли что о ведьмаках болтают, да и о чародеях тоже. Но не у нас. Мы, из Верхнего Соддена, и люди из Заречья лучше знаем. Слишком многим мы чародеям обязаны, чтобы не знать, какие они. Память о них у нас не в сплетнях и трепотне, а в камне высечена. Увидите, как только роща кончится. Да вы и сами, надо думать, лучше знаете. Битва-то была — на весь мир слышать, а едва год минул. Должны были слышать.

— Не было меня здесь, — буркнул ведьмак. — Год не было. На Севере я был. Но слышал... Вторая битва за Содден...

— В сам раз. Сейчас увидите холм и камень. Раньше-то мы этот холм называли просто: Коршунья гора, а ныне все говорят: Холм Чародеев, или

Холм Четырнадцати. Потому как двадцать два их было на том холме, двадцать и два чародея там бились, а четырнадцать пало. Страшный был бой, господин Геральт. Земля дыбом вставала, огонь валил с неба, что твой дождь, молнии били... Мертвые валялись, аж жуть. Но превозмогли чародеи Черных, одержали Силу, коя их вела. А четырнадцать все же пали в той битве. Четырнадцать сложили живот свой. Что, господин? Что с вами?

— Ничего. Продолжай, Йурга.

— Страшный был бой, ох, если б не те чародеи с Холма, кто знает, может, не болтали бы мы с вами сегодня тут, домой поврачаючись, потому как и дома-то не было бы, и меня, и, может, вас... Да, все чародеи. Четырнадцать их сгинуло, нас защищая, людей из Соддена и Заречья. Ну, конечно, другие тоже там бились, воины и рыцари, да и крестьяне, кто мог, схватили вилы да мотыги, а то и просто колья... Все стояли насмерть, и множество полегло. Но чародеи... Не фокус воину погибать, потому как это ж его специальность, а жизнь короткая. Но ведь чародеи могут жить, сколь им хочется. А не задумались...

— Не поколебались, — сказал ведьмак, потирая рукой лоб. — Не поколебались. Я был на Севере...

— Вы что, господин?

— Так, ничего.

— Да... Так мы туда, все с округи, цветы все время носим, на тот Холм, а майской порой, на Беллетэйн, завсегда там огонь горит. И во веки веков гореть будет. И вечно жить они будут в памяти людской, те четырнадцать. А такая жизнь в памяти — это ж... это... Нечто побольше! Больше, господин Геральт!

— Ты прав, Йурга.

— Каждый ребенок у нас знает имена тех четырнадцати, выбитые на камне, что на вершине Холма стоит. Не верите? Послушайте: Алекс по кличке Рябой, Трисс Меригольд, Атлан Курк, Ваньелле из Бругге, Дагоберт из Воле...

— Прекрати, Йурга.

— Что с вами, господин? Бледный как смерть!

— Нет, ничего.

Он поднимался на Холм медленно, осторожно, вслушиваясь в работу

сухожилий и мускулов в магически вылеченной ноге. Хотя рана вроде бы полностью затянулась, он по-прежнему берег ногу и старался не опираться на нее всем телом. Было жарко, аромат трав бил в голову, дурманил, но дурманил приятно.

Обелиск стоял не в центре плоско срезанной вершины, а был слегка сдвинут вглубь, за пределы круга из угловатых, словно позвонки, камней. Если б он поднялся сюда перед самым заходом солнца, то тень менгира, падая на круг, точно прошла бы по его диаметру, указав направление, куда были обращены лица чародеев во время битвы. Геральт глянул туда, на бескрайние холмистые поля. Если там еще оставались кости полеглих, а они там были наверняка, то их скрывала буйная трава. Там парил ястреб, спокойно наворачивавший круги на широко раскинутых крыльях. Единственная подвижная точка среди замершего в жаре ландшафта.

Обелиск был широкий у основания, чтобы его охватить, пришлось бы соединить руки по меньшей мере пяти-шести человек. Было ясно, что без помощи магии его втащить наверх не удалось бы. Обращенная к каменному позвоночнику плоскость менгира была гладко отесана, на ней виднелись выбитые рунические письмена.

Имена тех четырнадцати, что погибли.

Он медленно подошел. Йурга был прав. У основания обелиска лежали цветы — обычные полевые цветы: маки, люпины, просвирняки, незабудки. Он медленно читал сверху, а перед его глазами возникали лица тех, кого он знал.

Веселая Трисс Меригольд с каштановыми волосами, хохочущая по любому поводу, выглядевшая как девчонка. Он любил ее. И она его тоже.

Лоудбор из Мурривеля, с которым когда-то он чуть было не подрался в Вызиме, когда поймал волшебника на махинациях с костями во время игры при помощи тонкого телекинеза.

Литта Нейд по прозвищу Коралл. Прозвище ей дали из-за цвета губной помады, которой она пользовалась. Литта когда-то накапала на него королю Белогуну, да так, что ему пришлось неделю отсидеть в яме. Когда его выпустили, он отправился к ней, чтобы узнать о причинах. Не заметил, как оказался у нее в постели, и провел там вторую неделю.

Старый Горазд, который хотел уплатить ему сто марок за право исследовать его глаза и предложил тысячу за возможность провести вскрытие, «не обязательно сейчас», как он тогда выразился.

Оставались три имени, и в этот момент он услышал за спиной легкий шорох и обернулся.

Она была босая, в простом льняном платице. На длинных светлых

волосах, свободно спадающих на плечи и спину, лежал венок, сплетенный из маргариток.

— Привет, — сказал он.

Она подняла на него холодные глаза, но не ответила.

Он отметил, что она почти совсем не загорела. Это было странно сейчас, в конце лета, когда деревенские девушки обычно загорали дочерна, ее лицо и открытые руки лишь слегка золотились.

— Принесла цветы?

Она улыбнулась, опустив ресницы. Он почувствовал холод. Она прошла мимо, не произнеся ни слова, опустилась на колени у основания менгира, коснулась ладонью камня.

— Я не приношу цветов, — слегка подняла она голову. — А те, что лежат, для меня.

Он глядел на нее. Она стояла на коленях так, что заслоняла от глаз последнее имя, высеченное на камне. Она была светлой, неестественно светлой, какой-то даже светящейся на темном фоне менгира.

— Кто ты? — медленно спросил он.

Она улыбнулась, и снова повеяло холодом.

— Не знаешь?

«Знаю, — подумал он, глядя в холодную голубизну ее глаз. — Да, кажется, знаю».

Он был спокоен. Иначе он не умел. Уже не умел.

— Меня всегда интересовало, как ты выглядишь, госпожа.

— Не надо меня так величать, — тихо ответила она. — Ведь мы знакомы много лет.

— Верно, — подтвердил он. — Говорят, ты все время идешь следом. Не отступая ни на шаг.

— Иду. Но ты никогда не оглядывался. До сих пор. Сегодня оглянулся впервые.

Он молчал. Ему нечего было сказать. Он устал.

— Как... как это произойдет? — спросил он наконец, холодно и без эмоций.

— Я возьму тебя за руку, — сказала она, глядя ему в глаза. — Возьму за руку и поведу через луг. В туман, холодный и мокрый.

— А дальше? Что там дальше, за туманом?

— Ничего, — усмехнулась она. — Дальше ничего. Ничего...

— Ты шла следом за мной, — сказал он. — А догнала других, тех, с которыми я встречался на пути. Почему? Важно было, чтобы я остался один, верно? Чтобы наконец испытал страх. Признаюсь тебе. Я всегда тебя

боялся, всегда. Не оглядывался из-за страха. Из-за боязни увидеть тебя идущей следом. Боялся всегда, всю жизнь, вся моя жизнь прошла в страхе. Я боялся до... сего дня.

— До этого дня?

— Да. До этого. Вот мы стоим лицом к лицу, а я не чувствую страха. Ты отняла у меня все. Даже страх.

— Почему же тогда твои глаза полны ужаса, Геральт из Ривии? Твои руки дрожат, ты бледен. Почему? Неужто так сильно боишься увидеть последнее, четырнадцатое имя, выбитое на обелиске? Хочешь, я скажу тебе, как оно звучит?

— Не надо. Я знаю его. Круг замыкается, змея погружает зубы в собственный хвост. Так должно быть. Ты и это имя. И цветы. Для нее и для тебя. Четырнадцатое имя, выбитое в камне, имя, которое я произносил среди ночи и при свете солнца, в холод, жару и дождь. Нет, я не боюсь произнести его сейчас.

— Ну так произнеси.

— Йеннифэр... Йеннифэр из Венгерберга.

— А цветы для меня.

— Давай кончать, — с трудом проговорил он. — Возьми меня за руку.

Она встала, подошла, он почувствовал исходящий от нее холод, резкий, пронизывающий холод.

— Не сегодня, — проговорила она. — Когда-нибудь — да. Но не сегодня.

— Ты взяла у меня все...

— Нет, — прервала она. — Я ничего не забираю. Я только беру за руку. Чтобы никто не был в такую минуту одинок. Один в тумане... До свидания, Геральт из Ривии. До встречи. Когда-нибудь.

Он не ответил. Она медленно повернулась и ушла. Во мглу, которая неожиданно затянула вершину Холма, во мглу, в которой исчезло все, в белую, мокрую мглу, в которой растворились обелиск, лежащие у его основания цветы и четырнадцать высеченных на нем имен. Не было ничего — только мгла и мокрая, блестящая от росы трава под ногами, трава, которая пахла дурманяще, тяжело, сладко, до боли в висках, до забытья, усталости...

— Господин Геральт! Что с вами? Вы уснули? Я же говорил, вы еще слабы. Зачем было лезть на откос?

— Я уснул, — протер лицо рукой ведьмак. — Уснул, надо же... Ну ничего, Йурга, жара...

— Да уж печет — не продохнешь... Надоть ехать, господин. Пошли, я

помогу вам спуститься с кручи.

— Да нет, ничего...

— Ничего, ничего. А что ж тогда качаетесь? На кой хрен лезли в гору в такую жару? Приспичило имена прочитать? Так я мог вам их и без того перечислить. Ну что с вами?

— Ничего, Йурга... Ты действительно помнишь все имена?

— Само собой.

— Давай-ка проверим, как у тебя с памятью... Последнее. Четырнадцатое. Какое?

— Ну и невера. Ни во что не верите. Проверить хотите, не вру ль? Я же сказал, эти имена у нас каждый ребенок знает. Последнее, говорите? Ну что ж, последнее — Йойоль Гретхен из Каррераса. Может, знали?

Геральт отер запястьем веки. И глянул на менгир. На все имена.

— Нет. Не знал.

8

— Господин Геральт?

— Да, Йурга?

Купец наклонил голову, некоторое время помолчал, накручивая на палец кончик тонкого ремешка, которым приводил в порядок седло ведьмака. Потом легонько ткнул кулаком в спину державшего вожжи парня.

— Садись на запасную, Поквит. Я повезу. Садитесь ко мне на козлы, господин Геральт. А ты чего возле телеги околачиваешься, Поквит? А ну давай скажи вперед! Нам тут поговорить надоть, твои уши нам ни к чему!

Плотва, следовавшая за телегой, заржала, дернула постромки, видимо позавидовав кобыле Поквита, галопом пошедшей по тракту.

Йурга чмокнул, слегка тронул коней вожжами.

— Да, — сказал он, немного помешкав, — дело такое, господин... Я обещал вам... Тогда на мосту... Поклялся... Дал обет...

— Не надо, — быстро прервал ведьмак. — Не надо, Йурга.

— Надо, — резко сказал купец. — Мое слово не дым. То, что я дома застану, а чего не ожидал, будет ваше.

— Прекрати. Ничего мне от тебя не надо. Мы квиты.

— Нет уж, господин. Ежели я чего такое в дому застану, сталбыть, это Предназначение. А если над Предназначением посмеяться, ежели соврать — оно строго покарает.

«Знаю, — подумал ведьмак. — Знаю».

— Но... господин Геральт...

— Что, Йурга?

— Ничего в доме я не застаю такого, чего б не ожидал. Ничего и уж наверняка не то, на что вы рассчитывали. Господин ведьмак, слышь-ка, Златулина, моя жена, боле детей после остатнего иметь уже не может, и уж чего-чего, а ребеночка-то дома не будет. Похоже, здорово вы маху дали.

Геральт не ответил.

Йурга тоже замолчал. Плотва снова фыркнула, дернула мордой.

— Но у меня двое сынов, — вдруг быстро проговорил Йурга, глядя вперед, на тракт. — Двое здоровых, сильных и неглупых. Ведь должен же я их куда-нить со временем определить. Один, думал, со мной по купецкому делу пойдет, а другой...

Геральт молчал.

— Что скажете? — Йурга повернул голову, взглянул на него. — Вы потребовали на мосту поклясться. Вам нужен был пацан для вашего ведьмачьего дела, ведь ничто другое. Так почему ж этот ребенок обязательно должен быть нежданный? А жданный быть не может? Двое у меня, один, сталбыть, пусть на ведьмака учится. Дело как дело. Не лучше, не хуже...

— Ты уверен, — тихо отозвался Геральт, — что не хуже?

— Защищать людей, — прищурился Йурга, — жизнь им спасти — какое это, по-вашему, дело, плохое или доброе? Те четырнадцать на Холме? Вы на том мосту? Что делали — добро или зло?

— Не знаю, — с трудом проговорил Геральт. — Не знаю, Йурга. Порой мне кажется, что знаю. А в другой раз — сомневаюсь. Ты хотел бы, чтобы твоего сына мучили такие сомнения?

— Пусть мучают, — серьезно сказал купец. — Пусть бы мучили. А Предназначения своего никто не минует.

Ведьмак не ответил.

Тракт сворачивал к высокому откосу, к кривым березам, неведомо как державшимся на почти отвесном склоне. У берез были желтые листья. «Осень, — подумал Геральт, — снова осень». Внизу посверкивала река, белел новенький частокол сторожевой вышки, крыши домишек, ошкуренные бревна пристани. Скрипел ворот. Подходил к берегу паром, гоня перед собою волну, расталкивая воду тупым носом, разгоняя плавающие на поверхности соломинки и листья, неподвижные в грязной корке пыли. Скрипели канаты, которые тянули перевозчики. Собравшаяся на берегу толпа шумела, все было в этом шуме: крик женщин, брань мужчин, плач детей, рев скота, ржание лошадей, бляение овец.

Однообразная басовая музыка страха.

— Прочь! Прочь, сдай назад, чертовы дети! — кричал конный, голова которого была обмотана окровавленной тряпкой. Его конь, погрузившись по брюхо, пробивался, высоко поднимая передние ноги, разбрызгивая воду. На пристани галдеж, крик — щитоносцы грубо расталкивали толпящихся, били куда попало наконечниками копий.

— Прочь от парома! — рычал конный, размахивая мечом. — Только армия! Прочь, не то буду головы рубить!

Геральт натянул поводья, остановил Плотву, танцующую у самого края ущелья.

По ущелью, бряцая оружием и латами, шли тяжеловооруженные воины, вздымая облака пыли, закрывающей бегущих в арьергарде магов.

— Гера-альт!

Он глянул вниз. На сброшенном с тракта возу, заполненном деревянными клетками, подскакивал и размахивал руками худощавый мужчина в вишневой курточке и шапочке с пером цапли. В клетках трепыхались, кудахтали и гоготали гуси и куры.

— Гера-альт! Это я!

— Лютик? Давай сюда!

— Прочь! Прочь от парома! — ревел на пристани конный с перевязанной головой. — Паром только для солдат! Хотите на тот берег, сукины дети, так за топоры и в лес, плоты вязать! Паром только для солдат!

— О боги, Геральт, — сопел поэт, взбираясь по склону ущелья. Его вишневая курточка была, словно снегом, усыпана птичьими перьями. — Видишь, что творится? Эти, из Соддена, наверняка проиграли бой, началось отступление. Да что я говорю, какое там отступление? Бегство, просто-напросто паническое бегство! И нам надо отсюда драпать, Геральт! На тот берег Яруги...

— Ты что тут делаешь, Лютик? Откуда взялся?

— Что делаю? — буркнул бард. — И ты еще спрашиваешь! Бегу, как все, весь день на заднице шишки набиваю на этой колымаге! Коня ночью у меня спер какой-то стервец! Геральт, умоляю, вытащи меня из этого ада! Говорю тебе, нильфгаардцы могут тут появиться в любой момент! Кто не отгородится от них Яругой, пойдет под нож. Под нож, понимаешь?

— Не паникуй, Лютик.

Внизу, на пристани, ржание коней, силой затаскиваемых на паром, бьющих копытами по доскам. Вопли. Суматоха. Плеск воды, в которую плюхнулась телега, рев волов, выставивших морды на поверхность. Геральт смотрел, как мешки и ящики с воза перевернулись в потоке, ударились о

борт парома, поплыли. Крик, проклятия, ругань. В ущелье туча пыли, топот.

— По очереди! — орал перевязанный, напирая лошадью на толпу. — Порядок, мать вашу! По очереди!

— Геральт, — простонал Лютик, хватаясь за стремяна. — Видишь, что творится? Нам ни в жизнь не попасть на паром. Солдаты переправятся, сколько успеют, а потом сожгут, чтобы им не воспользовались нильфгаардцы. Так ведь делают всегда, нет?

— Точно, — кивнул ведьмак. — Так обычно делают. Однако я не понимаю, почему такая паника? Что это, первая война, других не бывало? Как обычно, дружины королей поперебивают половину друг друга, а потом короли договарятся, подпишут мир, и оба надерутся по сему случаю. Для тех, кто сейчас ломает ребра на пристани, в принципе ничего не изменится. Так чего же ради такой шум-гам?

Лютик внимательно посмотрел на него, не отпуская стремени.

— Похоже, у тебя паршивые сведения, Геральт, — сказал он. — Или ты не в состоянии понять их значения. Это не обычная война за наследование трона или огрызок земли. Это не стычка двух феодалов, за которой кметы наблюдают, не прерывая сенокоса.

— Тогда что же это такое? Объясни ты мне, потому как я в самом деле не знаю, что творится. Между нами говоря, меня не очень-то все это интересует, но все же объясни, будь добр.

— Подобной войны никогда еще не было, — серьезно сказал бард. — Армии Нильфгаарда оставляют за собой выжженную землю и трупы. Поля трупов. Это война на уничтожение, на полное уничтожение, Нильфгаард против всех. Жестокость...

— Нет и не было войн без жестокостей, — прервал ведьмак. — Ты преувеличиваешь, Лютик. Тут все равно как с тем паромом: так обычно делается. Этакая, я бы сказал, войсковая традиция. С тех пор, как существует мир, идущие по стране армии убивают, грабят, жгут и насилуют. Не обязательно в такой последовательности. С тех пор, как существует мир, крестьяне во время войн прячутся по лесам с бабами и скарбом, а когда приходит конец, возвращаются...

— Не в этой войне, Геральт. После этой войны некому и некуда будет возвращаться. Нильфгаард оставляет за собой пожарища, армия идет лавиной и вырубает на своем пути все и вся. Виселицы и колья растянулись на версты вдоль трактов, дым застилают небо по всему горизонту. Ты говоришь: с тех пор, как существует мир, не было ничего такого? Это верно. Да, с тех пор как существует мир. Наш мир. Потому как, похоже,

нильфгаардцы прибыли из-за гор, чтобы наш мир уничтожить.

— Бессмысленно! Кому нужно уничтожить мир? Войны не для того ведутся, чтобы уничтожать. Войны ведут по двум причинам. Одна из них — власть, другая — деньги.

— Не философствуй, Геральт! Того, что творится, философией не изменишь! Почему ты не слушаешь? Почему не видишь? Почему не хочешь понять? Поверь, Яруга не остановит нильфгаардцев. Зимой, когда река встанет, они пойдут дальше. Говорю тебе, надо бежать, бежать аж на Север, может, туда они не дойдут. Но даже если и не дойдут, наш мир уже никогда не будет таким, как прежде. Геральт, не бросай меня здесь. Я не справлюсь сам! Не бросай меня!

— Да ты никак спятил, Лютик. — Ведьмак наклонился в седле. — Ты, похоже, совсем сбрендил, если мог подумать, что я тебя брошу. Давай руку, прыгай на коня. Тут тебе искать нечего, на паром все равно не протолкнешься. Отвезу тебя вверх по реке, поищем лодку или плот.

— Нильфгаардцы захватят нас. Они уже близко. Видел конников? Похоже, они идут прямо из боя. Поехали вниз по реке, к устью Ины.

— Перестань каркать. Мы проскользнем, вот увидишь. Вниз по реке тоже тянутся толпы людей, у каждого парома будет то же, что и здесь, все лодки, вероятно, уже захاپали. Поехали вверх, против течения, не бойся, я переправлю тебя хоть на колоде.

— Тот берег едва виден!

— Прекрати ныть. Я сказал — переправлю.

— А ты?

— Забирайся на лошадь. Поговорим в пути. Эй, ты что! Только не с мешком! Хочешь, чтобы у Плотвы спина переломилась?

— Это Плотва? Но Плотва же была гнедой, а эта каштановая.

— Все мои лошади зовутся Плотвами. Ты прекрасно знаешь и перестань болтать. Я сказал — выкинь мешок. Что у тебя там, золото?

— Рукописи! Стихи! И немного жратвы...

— Выкинь в реку. Напишешь новые. А едой я поделюсь.

Лютик сделал жалостливую мину, но раздумывать не стал, а с размаху кинул мешок в воду. Запрыгнул на лошадь, устраиваясь на вьюке, схватился за Геральтов пояс.

— Вперед, вперед, — торопил он. — Нечего терять время, Геральт, давай — в лес, прежде чем...

— Перестань, Лютик, твоя паника начинает передаваться Плотве.

— Не смейся. Если б ты видел то, что я...

— Заткнись, дьявольщина. Едем, я хочу до темноты обеспечить тебе

переправу.

— Мне? А ты?

— У меня есть дела по эту сторону.

— Да спятил-то, кажись, ты, Геральт. Тебе что, жизнь не мила? Какие еще дела?

— Не твоего ума... Я еду в Цинтру.

— В Цинтру? Нет уже Цинтры.

— Ты что это?

— Нет, говорю, Цинтры. Есть пепелище и куча камней. Нильфгаардцы...

— Слезай, Лютик.

— Что?

— Слезай! — Ведьмак резко обернулся. Трубадур взглянул ему в лицо и мигом слетел на землю, отступил на шаг, споткнулся.

Геральт слез медленно. Перекинул поводья через голову кобылы, минуту стоял в нерешительности, потом вытер лицо, не снимая перчатки. Присел на край ямы, оставшейся от вывороченного куста свидины с кроваво-красными плодами.

— Иди сюда, Лютик, — сказал он. — Садись и рассказывай, что с Цинтрой. Все.

Поэт сел.

— Нильфгаардцы вошли туда через перевал, — начал он после недолгого молчания. — Тысячи. Окружили армию Цинтры в долине Марнададь. Разгорелся бой, длившийся целый день от зари до ночи. Люди из Цинтры яростно сопротивлялись, но их наполовину перебили. Король погиб, и тогда их королева...

— Калантэ.

— Да. Не допустила паники, не позволила оставшимся разбежаться, собрала вокруг себя и знамени, кого только смогла, они прорвались сквозь кольцо, выбрались за реку к городу. Кто сумел.

— А Калантэ?

— С горсткой рыцарей защищала переправу, прикрывала отступление. Говорили, билась, как мужчина, кидалась, словно сумасшедшая, в самый водоворот. Ее искололи пиками, когда она мчалась на нильфгаардскую пехоту. Тяжелораненую, вывезли в город. Что в манерке, Геральт?

— Водка. Хочешь?

— Пожалуй.

— Продолжай, Лютик. Говори все.

— Город в принципе не защищался, осады не было, уж некому было

стоять на стенах. Остатки рыцарей с семьями, вельможи и королева... забаррикадировались во дворце. Нильфгаардцы взяли дворец с ходу, их маги в пыль раскрошили ворота и часть стены. Не поддавался только донжон, видимо, был сильными чародеями заговорен, потому что сопротивлялся нильфгаардской магии. И все же через четыре дня нильфгаардцы ворвались в покои. Но не застали никого живого. Никого. Женщины убили детей, мужчины убили женщин и кинулись на мечи либо... Что с тобой, Геральт?

— Продолжай, Лютик.

— Либо... как Калантэ... Головой вниз с балкона, с самого верха. Говорят, просила, чтобы ее... Никто не хотел. Тогда она поползла до балкона и... головой вниз. Рассказывают, с ее телом делали ужасные вещи. Не хочу об этом... Что с тобой, Геральт?

— Ничего, Лютик... В Цинтре была... девочка. Внучка Калантэ, лет десяти-одиннадцати. Ее звали Цири. О ней слышал что-нибудь?

— Нет. Но в городе и дворце была жуткая резня, и почти никто не уцелел. А из тех, кто защищал башню, не выжил никто, я же сказал. Большинство женщин и детей из самых знатных родов были именно там.

Ведьмак молчал.

— Калантэ, — спросил Лютик. — Ты знал ее?

— Знал.

— А девочку, о которой спрашиваешь? Цири?

— И ее знал.

От реки понесло ветром, по воде пошла рябь, ветер рванул ветки. С них мигающей пылью полетели листья. «Осень, — подумал ведьмак. — Снова осень».

Он встал.

— Ты веришь в Предназначение, Лютик?

Трубадур поднял голову, глянул на него широко раскрытыми глазами.

— Почему ты спрашиваешь?

— Ответь.

— Ну... верю.

— А знаешь ли ты, что одного Предназначения мало? Что надобно нечто большее?

— Не понимаю.

— Не ты один. Но так оно и есть. Надо нечто большее. Проблема в том, что я... Я уже никогда не узнаю, что именно.

— Что с тобой, Геральт?

— Ничего, Лютик. Давай садись. Едем, день пропадает. Как знать,

сколько времени нам потребуется, чтобы найти лодку, а лодка нужна будет большая. Не оставлять же Плотву.

— Переправимся вместе? — обрадовался поэт.

— Да. На этом берегу мне уже искать нечего.

9

— Йурга!

— Златулина!

Она бежала от ворот, развевая выпроставшимися из-под платка волосами, спотыкаясь, крича. Йурга бросил вожжи слуге, спрыгнул с телеги, помчался навстречу, ухватил ее за талию, крепко поднял, завертел.

— Я приехал, Златулинка! Вернулся!

— Йурга!

— Вернулся! Эй, раскрывайте ворота! Хозяин вернулся! Эх, Златулинка!

Она была мокрая, пахла мылом. Видимо, стирала. Он поставил ее на землю, но и тогда она, вцепившись, не отпускала его, дрожащая, теплая.

— Веди в дом, Златулина.

— Боги, ты вернулся... Ночей не спала... Йурга... Я не спала по ночам.

— Я вернулся. Ох, вернулся. И богато вернулся. Видишь телегу? Эй, погоняй, заезжай в ворота! Видишь воз, Златулинка? Много добра везу, потому как...

— Йурга, что мне добро, что мне воз... Ты вернулся... Здоровый... Целый...

— Богато вернулся, говорю. Сейчас увидишь...

— Йурга? А это кто? Вон тот, в черном? Боги, он с мечом...

Купец обернулся. Ведьмак слез с коня, отвернувшись, делая вид, будто поправляет подпругу и вьюки. Не глядел на них, не подходил.

— Потом расскажу. Ох, Златулинка, если б не он... А где дети? Здоровы?

— Здоровы, Йурга, здоровы. В поле пошли, ворон стрелять, но соседи им дадут знать, что ты дома. Тотчас примчатся, все трое...

— Трое? Откуда? Златуля? Да ты уж не...

— Нет... Но надобно тебе кое-что сказать... Не станешь злиться?

— Я? На тебя?

— Я приютила девочку. От друидов взяла, знаешь, от тех, что после войны детей спасали... Собирали по лесам бездомных и потерявшихся... Едва живых... Йурга. Ты злишься?

Йурга приложил ладонь ко лбу, оглянулся. Ведьмак медленно шел следом за телегой, ведя лошадь под уздцы. На них не глядел, все время отводил взгляд.

— Йурга?

— О боги, — простонал купец. — О боги! Златулина... Такое, чего я не ожидал! Дома!

— Не злись, Йурга... Вот увидишь, как ты ее полюбишь. Девочка умненькая, милая, работающая... Немного странная. Не хочет говорить откуда, сразу плачет. Ну я и не спрашиваю. Йурга, знаешь, я ведь всегда хотела, чтобы была дочка... Что с тобой?

— Ничего, — проговорил он тихо. — Ничего. Предназначение. Всю дорогу он во сне говорил, бредил, ничего, только Предназначение да Предназначение... О боги... Не нашего ума это... Златулина. Не понять нам, что думают такие, как он. Что видят во сне. Не нашего это разума...

— Папа!

— Надбор! Сулик! Ну и выросли, ну бычки, истые бычки! А ну живо ко мне! Живо...

Он осекся, увидев маленькую, худенькую, пепельноволосую девочку, медленно бредущую за мальчиками. Девочка взглянула на него, он увидел огромные глаза, зеленые, как весенняя травка, блестящие, как две звездочки. Увидел, как девочка вдруг срывается, как бежит, как... Услышал, как она кричит, тоненько, пронзительно...

— Геральт!

Ведьмак отвернулся от коня мгновенным ловким движением. И побежал навстречу. Йурга изумленно смотрел на него. Никогда он не думал, что человек может двигаться так быстро.

Они встретились на середине двора. Пепельноволосая девочка в сером платье и белоголовый ведьмак с мечом на спине, весь в горячей серебре черной коже. Ведьмак мягкими прыжками, девочка трусцой, ведьмак на коленях, тонкие ручки девочки вокруг его шеи, пепельные, мышино-серые волосы на его плечах. Златулина глухо вскрикнула. Йурга обнял ее, молча прижал к себе, другой рукой обхватил и прижал мальчиков.

— Геральт! — повторяла девочка, прильнув к груди ведьмака. — Ты нашел меня! Я знала! Я всегда знала! Я знала, что ты меня отыщешь!

— Цири!

Йурга не видел его лица, спрятавшегося в пепельных волосах. Он

видел только руки в черных перчатках, сжимающие плечи и руки девочки.

— Ты нашел меня! Ах, Геральт! Я все время ждала тебя! Я так ужасненько долго... Мы будем вместе, правда? Теперь будем вместе, да? Скажи, ну скажи, Геральт! Навсегда! Скажи!

— Навсегда, Цири!

— Так как говорили, Геральт! Как говорили... Я — твоё Предназначение? Ну скажи? Я — твоё Предназначение?

Йурга увидел глаза ведьмака. И очень удивился. Он слышал тихий плач Златулины, чувствовал, как дрожат ее руки. Глядел на ведьмака и ждал, весь напряженный, его ответа. Он знал, что не поймет этого ответа, но ждал его. Ждал. И дождался.

— Ты — нечто большее, Цири. Нечто большее.